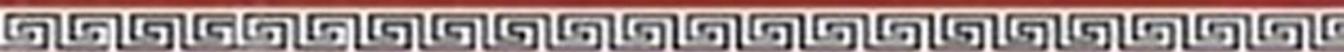

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
ДРЕВНЕЙ
И
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
АРХЕОЛОГИИ
ПОВОЛЖЬЯ

*90-летию
Василия Филипповича Каховского
посвящается*

Чувашский государственный институт
гуманитарных наук

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ
АРХЕОЛОГИИ ПОВОЛЖЬЯ**

Чебоксары – 2006

УДК
ББК

*Печатается по постановлению Ученого Совета
Чувашского государственного института гуманитарных наук
2006 г.*

Редактор-составитель Е.П.Михайлов

**Исследования по древней и средневековой археологии
Поволжья. — Чебоксары, 2006. — 368 с.**

В сборнике, посвященном 90-летию со дня рождения известного археолога и историка Поволжья В.Ф.Каховского, публикуются полученные в результате работ последних лет в Чувашии, Республике Марий Эл, Поволжье новые археологические материалы. Рассматривается широкий круг научных проблем археологии Поволжья: вопросы хронологии, этнокультурные связи первобытных племен региона и т.д.

Сборник адресован археологам, историкам, этнографам, языковедам, искусствоведам, преподавателям и студентам вузов, краеведам и всем, кто интересуется историей и культурой народов Поволжья.

ISBN 5–87677–058–2

© Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2006 г.

От редактора-составителя

Предлагаемый сборник посвящается 90-летию со дня рождения известного археолога и историка Поволжья Василия Филипповича Каховского (1916–1993). В нем публикуются статьи археологов, историков, лингвистов, краеведов Чебоксар, Йошкар-Олы, Москвы, пос. Юрино Республики Марий Эл, ученых Финляндии и США. Научный редактор-составитель, коллеги сочли своим долгом отдать дань памяти и уважения ученому.

Включенные в сборник статьи, различные по объему и глубине затронутых проблем, охватывают широкий круг вопросов, выходя иногда за рамки сугубо археологической тематики. Выход в свет этой книги позволит ознакомить общественность с некоторыми важными итогами научных исследований последних лет в Чувашии, Республике Марий Эл и в других регионах.

Сборник выходит в свет накануне еще одного крупного юбилея — 50-летия Чувашской археологической экспедиции, которая организована в 1956 г. и все годы существования функционировала при Чувашском государственном институте гуманитарных наук (до 1994 г. — Чувашский НИИ языка, литературы, истории и экономики). Значение экспедиции трудно переоценить. В результате широкомасштабных археологических исследований накоплен большой материал по разным эпохам древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Раскопки дали уникальные по научной значимости (не только регионального порядка) и богатству вещевого инвентаря материалы. Более 25 лет работы Чувашской археологической экспедиции возглавлял В.Ф.Каховский. Чувашский государственный институт гуманитарных наук совместно с другими научными учреждениями и вузами Чувашии и других регионов намеревается посвятить этому событию ряд мероприятий и публикаций.

Чувашское Поволжье является неповторимым в историческом, культурном и природном отношении регионом. Его богатейшая история таит в себе еще много неизвестного. Относительно небольшая территория республики богата объектами древности, здесь находится несколько сотен уже выявленных и частично изученных археологических памятников разных эпох. Цель археологов – оперативная публикация материалов разведок и раскопок, равно как и результатов их научной обработки. Осуществлению поставленной цели служит и эта книга, где представлены работы и маститых ученых, и только начинающих свою творческую научную деятельность.

Сборник открывается статьей Е.П.Михайлова, посвященной основным вехам жизненного и творческого пути В.Ф.Каховского, личностной оценке своего Учителя.

В большой публикации Н.С.Березиной приводятся результаты охранных раскопок на Мукшумской XVIII стоянке в левобережье Волги, напротив Чебоксар. В ходе раскопок выявлена полуземлянка с мощным культурным слоем и несколькими очагами. Автором сделана удачная попытка реконструкции каркаса жилища. Подробно охарактеризован вещевой материал, в основном кремневый. Комплекс, по заключению Н.С.Березиной, носит позднемезолитический облик и датируется концом VII – началом VI тыс. до н.э.

Цикл статей посвящен бронзовому веку. Он открывается совместной работой Б.С.Соловьева и Е.П.Михайлова, посвященной истории изучения балановских памятников и культуры в Чувашско-Марийском Поволжье. По содержанию она не повторяет публикации О.Н.Бадера, А.Х.Халикова и других исследователей этой культуры, обобщает работы последних 30 лет. Своеобразным продолжением предыдущей статьи является публикация Б.С.Соловьева, в которой по разработанной классификации дается описание каменных орудий балановской культуры Горномарийского района Республики Марий Эл.

Совместная статья финских ученых К.Карпелана и А.Парполы (на английском языке, затем в переводе на русский язык) рассматривает контакты между уральскими и индоевропейскими языками. В работе речь идет и о локализации индоиранской прародины. Авторы показывают свое

видение балановской, абашевской и других культур эпохи бронзы. Они склоняются к мнению, что абашевская культура происходит от смешения ямной историко-культурной общности с местными энеолитическими общностями в районе Верхнего Дона, откуда абашевцы начали распространяться к северу и к востоку в поисках металла. Время появления абашевской культуры они относят к последней четверти III тыс. до н.э.

С.В.Большов посвятил большую публикацию построению модели культурогенеза лесной полосы Среднего Поволжья конца среднего — начала позднего бронзового веков. Здесь в это время происходили сложные процессы. Наряду с местной средневожской волосовской культурой в культурогенезе участвовали пришлые племена балановской, атликасинской, абашевской культур, а на заключительном этапе и сейминско-турбинское население.

В работе (на английском языке) американки К.Блэй сделана попытка анализа керамики и орнаментальных мотивов на ней в эпоху бронзы на обширной территории, включая и Волго-Камье, раскрыты интерпретации этих мотивов. Последние, по мнению автора, имеют определенный смысл и выстраиваются в четыре группы с огромным количеством вариаций. Размещение орнаментации на дне сосудов привело К.Блэй к предположению, что это ритуальные сосуды, использовавшиеся для какой-то жертвенной церемонии. Орнаментация на керамике представлена по всему индоевропейскому миру, и ее присутствие на дне сосудов удивительно однообразно. Автор предпочитает быть осторожной, считая, что многие проблемы интерпретации мотивов еще не разрешены.

Среди специалистов (археологов и лингвистов) до сих пор нет единого взгляда на вопрос этноязыковой принадлежности создателей абашевской культуры. Языковед Н.И.Егоров, подробно анализируя этимологию названия р. Сура, а также целого ряда предположительно однокоренных гидронимов в бассейнах Волги, Оки, Днепра, обосновывает предположение, что «создатели абашевской культуры скорее всего говорили на одном из диалектов индоарийского языка».

В ряде статей изложены предварительные результаты полевых исследований памятников Чувашско-Марийского Поволжья.

Б.С.Соловьев и Е.Г.Шалахов изложили итоги исследования 2004 г. уникального могильника сейминско-турбинского типа у пос. Юрино Республики Марий Эл (работы на памятнике ведутся с 2001 г.). Они ознаменовались изучением одного захоронения с богатым инвентарем, интерпретированного авторами как воинское. Даются радиоуглеродные даты могильника.

В сборнике продолжена начатая ранее (2003 г.) публикация результатов раскопок уникального памятника конца I тыс. до н.э. — Чурачикского могильника в Цивильском районе Чувашии. Б.В.Каховский представил итоги работ 2002–2003 гг. Исследования показали, что памятник сложен для интерпретации в этнокультурном плане. Отнесение его в начале 1960-х гг. к ананьинской культуре (с датировкой IV–III вв. до н.э.) требует уточнения и более тщательной проработки материала.

В совместной публикации Б.С.Соловьева, Е.П.Михайлова, С.А.Краснова и М.И.Федулова освещены результаты раскопок 2001 г. на Новосюрбееском II могильнике в Цивильском районе Чувашии (работы на памятнике начались в 2000 г.). Изученные 14 погребений были совершены по языческому обряду и относятся к концу XVII — началу XVIII вв.

В статье С.А.Краснова отражены результаты разведочных работ автора в 2002 г. в остающемся слабоисследованным Ибресинском районе республики. Зафиксированы находки в музеях, курганы и средневековый могильник.

М.И.Федулов и Е.П.Михайлов вводят в научный оборот сведения, полученные в ходе разведочных работ в Шумерлинском районе Чувашии в 2003 г.

Интересна с источниковедческой точки зрения публикация Е.В.Ильиной, которая знакомит с итогами археологических работ экспедиций Чувашского государственного пединститута в 1998–2000 гг.

В небольшой, но содержательной статье Ю.А.Зеленева «Улус Джучи и его наследники» рассмотрены разные взгляды на государство Золотая Орда. По мнению автора, в отличие от сложившейся точки зрения, иго Золотой Орды не было столь уж тяжелым. Все негативные факторы не могли остановить поступательность исторического развития. Другая

отмеченная Ю.А.Зеленеевым крайность — мифологизация Золотой Орды в татарской публицистике и стремление связать летописных татар Улуса Джучи с современными казанскими татарами. В публикации отражено и влияние Золотой Орды на Русское государство.

Д.Ф.Мадуров рассматривает сюльгамы народов Поволжья, пути их происхождения. Вопреки сложившемуся мнению о генезисе треугольной формы «сестенкё» и «ама», автор аргументированно пытается проследить самостоятельность пути развития данного украшения у чувашей.

В публикации А.И.Михеевой рассматривается типология марийских средневековых селищ по топографии, дается характеристика системы расселения марийцев с точки зрения пространственного анализа.

Важным событием в археологии Поволжья и России явилось проведение в мае 2003 г. в Чувашии, где находится эпонимный памятник — Абашевский курганный могильник, международной научной конференции по абашевской культуре. Сборник завершает краткая хроника (автор Е.П.Михайлов) работы конференции.

Таково содержание сборника. Весь авторский коллектив надеется, что он вызовет интерес среди специалистов-археологов, историков, искусствоведов, лингвистов, краеведов, а также всех тех, кому дорого имя В.Ф.Каховского.

Ввод в научный оборот новых данных и материалов содействует развитию науки. Объем археологической информации из года в год возрастает, и, наверное, через определенное время ряд изложенных в этой книге положений будет уточняться. Хочется надеяться, что излагаемые в ней точки зрения и гипотезы дадут толчок к новым исследованиям, способным приблизить нас к решению ряда спорных проблем древней и средневековой истории.

Редактор-составитель благодарит всех откликнувшихся на предложение принять участие в сборнике в честь Василия Филипповича Каховского.

Е.П.Михайлов

ВАСИЛИЙ ФИЛИППОВИЧ КАХОВСКИЙ
(1916—1993).
ПАМЯТИ УЧЕНОГО И УЧИТЕЛЯ

Василий Филиппович Каховский является гордостью чувашской гуманитарной науки. Он продолжает оставаться в ряду авторитетных исследователей истории древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Его научное наследие сохраняется как глубокий источник идей для последующих поколений историков, археологов, этнологов.

Фронтвик, после демобилизации вернувшись в родную Чувашию, он принял на свои плечи огромную и результативную работу по организации и руководству народным образованием, подготовкой квалифицированных педагогов для школ республики, учителей чувашских школ диаспоры. Затем он включился в научно-исследовательскую и преподавательскую деятельность в Чувашском государственном университете. Несмотря на перегруженность, он активно занимался общественной деятельностью.

В рамках объема статьи неasilyно раскрытие многогранного научного творчества выдающегося ученого. Жизнь, государственная, научная, педагогическая деятельность Василия Филипповича еще не получили достойного и объективного освещения в литературе. Отчасти они отражены другими авторами, а также в нашей публикации [1], в выступлениях других авторов; опубликованы список его трудов, литература о нем [2].

В.Ф.Каховский родился 20 декабря 1915 г. (2 января 1916 г.) в дер. Атнашево Цивильского уезда Казанской губернии (ныне Канашского района Чувашской Республики) в крестьянской семье. До начала 1930-х гг. носил фамилию Филиппов. По рассказам самого ученого, новую фамилию он взял в честь декабриста Петра Григорьевича Каховского.

После учебы в Канашском педтехникуме с 1935 г. учительствовал. В 1941 г. он одновременно успешно закончил исторический факультет Московского института истории, философии и литературы им. Н.Г.Чернышевского (заочно) и факультет естествознания Чувашского государственного пединститута (ЧГПИ).

Участник Великой Отечественной войны, награжден боевыми орденами и медалями. В 1946—1967 гг. В.Ф.Каховский работал в Чувашском государственном пединституте, пройдя путь от ассистента до заведующего кафедрой, декана и заместителя директора (проректора) по учебной и научной работе. В 1955—1957 гг. он — министр просвещения Чувашской АССР.

В 1967 г. В.Ф.Каховский вместе с историко-филологическим факультетом переходит в Чувашский государственный университет (ЧГУ), где до 1988 г. был заведующим кафедрой всеобщей истории, с 1969 г. — профессор. В 1969—1972 гг. — декан историко-филологического факультета. В 1989 г. он возглавил отдел археологии и антропологии Чувашского НИИ языка, литературы, истории и экономики (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук), затем до самой смерти — ведущий научный сотрудник.

Жизнь В.Ф.Каховского трагически оборвалась 24 августа 1993 г. Похоронен на Карачуринском кладбище г. Чебоксар. Кандидатскую диссертацию по теме «Борьба за землю в период кризиса Римской республики» Василий Филиппович защитил в 1951 г., а докторскую — «Происхождение чувашского народа» — в 1968 г. В 1976 г. ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки Чувашской АССР. Являлся почетным академиком Академии наук Чувашии, академиком Чувашской национальной академии (с 1992 г.).

В.Ф.Каховский совмещал педагогическую и общественную деятельности с активной научно-исследовательской работой в области археологии, этнической истории. Он автор более 140 научных работ, в том числе 8 монографий и 4 учебных пособий.

Первая научная (историко-археологическая) экспедиция проведена ученым (совместно с историком П.Г.Григорьевым) в 1954 г. Были выявлены и осмотрены десятки

**Рис. 1. На раскопках Пикшикских курганов.
В первом ряду справа налево: В.Ф.Каховский, А.П.Смирнов,
Н.Я.Мерперт. 1957 г.**

археологических, историко-культурных памятников. В 1956—1957 гг. он работал в отрядах Н.В.Трубниковой и Н.Я.Мерперта в составе Чувашской археологической экспедиции, руководимой А.П.Смирновым. Археолог с мировым именем Алексей Петрович стал его научным руководителем и наставником. С 1958 г. В.Ф.Каховский сам руководил отрядами Чувашской, Поволжской и Чебоксарской археологических экспедиций.

В.Ф.Каховский внес значительный вклад в археологическое изучение Чувашии, исследовал древние памятники края разных эпох, начиная с каменного века до позднего средневековья. Из изученных им памятников эпохи камня следует выделить Яндашевскую (устье Цивилия, близ г. Новочебоксарска) и Стемасские (Алатырский район) стоянки. С 1956 г. до начала 1990-х гг. под его руководством раскопаны десятки курганов и поселений эпохи бронзы. Он присоединился к точке зрения О.Н.Бадера о самостоятельности балановской культуры и посвятил статью (совместную с Б.В.Каховским) памятникам этой культуры в Чувашии, указал открытые им и краеведом П.Т.Трифоновым десятки

**Рис. 2. Участники раскопок городища Хулаш (Татарстан).
Сидят в центре В.Ф.Каховский, А.П.Смирнов. 1962 г.**

новых поселений и местонахождений [3]. Под руководством В.Ф.Каховского исследован ряд памятников этой культуры (курганы у селений Раскильдино (Таутово) Аликовского, Кумаккасы, Атликасы, Верхние Ачаки Ядринского, Сирмапоси Красноармейского, Саруй Урмарского районов; Шоркинские, Тохмеевское поселения в Чебоксарском районе). В 1977 г. возглавляемая им экспедиция открыла и исследовала погребение на известном Балановском могильнике в Козловском районе [4]. В.Ф.Каховского интересовали проблемы абашевской культуры. Он, как и А.П.Смирнов, считал, что эта культура была одним из основных компонентов при сложении ананьинской культуры I тыс. до н.э., что ее наследие проявилось в погребальном обряде, керамике и украшениях последующих финно-угорских культур. Раскопки курганов у деревень Пикшик, Тохмеево, М.Сундырь (Станъялы) Чебоксарского, Верхние Олгаши Моргаушского, Таушкасы Цивильского, Новое Буяново Янтиковского районов существенно обогатили материалы по абашевской культуре. В 1985 г. В.Ф. и Б.В. Каховские исследовали курганы срубной культуры эпохи бронзы у д. Тигашево

Батыревского, с. Новые Шимкусы и с. Новое Байбатырево Яльчикского районов.

Уникален изученный В.Ф.Каховским в 1960—1961 гг. Чурачикский разновременный комплекс в Цивильском районе, где выявлены погребения балановской культуры эпохи бронзы, в которых особо значимыми явились две литейные формы и отлитый в них медный топор, а также 35 впускных погребений, отнесенные им к ананьинской культуре раннежелезного века [5]. К ананьинской культуре I тысячелетия до н.э. отнесены и раскопанные им Ельниковское городище (ныне в черте г. Новочебоксарска) и Убеевский могильник в Красноармейском районе.

С начала 1960-х гг., углубленно изучая проблему этногенеза и этнической истории чувашского народа, он повышенное внимание уделил памятникам Волжской Болгарии. Им открыты и исследованы десятки раннеболгарских и золотоордынских памятников на территории Чувашии — селища Большеянгильдинское в Чебоксарском, Челкасинское (Синьял-Яушское) в Вурнарском, Стемасские в Алатырском, Убеевское в Красноармейском районах, комплекс «Пăлаху» (селище и могильник) у дер. Кирегаси в Красноармейском районе, Большетаябинский комплекс (городище и могильник) в Яльчикском районе, Тигашевское городище в Батыревском районе. В 1962—1965 гг. В.Ф.Каховский и А.П.Смирнов вели раскопки на раннеболгарском городище Хулаш на территории Татарии [6]. В 1970-х гг. разведочные экспедиции В.Ф.Каховского и Б.В.Каховского обнаружили новые болгарские памятники в Присурье (Алатырский, Порецкий, Ядринский районы). Открытия позволили В.Ф.Каховскому доказательно заявить, что еще в домонгольское время западная граница Волжской Болгарии проходила по р. Сура и что территория Чувашии полностью входила в его состав [7]. Он подверг исследованию и обнаружил поселения на месте находок Нимичкасинского (1957 г.) и Досаевского (1975 г.) кладов золотоордынских монет в Красноармейском районе.

Значителен вклад ученого в археологическое изучение Чебоксар (1966, 1968—1972, 1979, 1980, 1993 гг.). Получен неоценимый материал, характеризующий многовековую жизнь города, его обитателей. Результаты исследований

Рис. 3. В.Ф.Каховский со студентами-историками на раскопках в Порецком районе. 1978 г.

позволили поставить вопрос о существовании города еще задолго до первого летописного упоминания (1469 г.) — на рубеже XIII—XIV вв. Итоги исследований в Чебоксарах изложены в монографии «Средневековые Чебоксары» (совместно с Ю.А.Красновым), вышедшей в издательстве «Наука» [8].

Другая проблема, занимавшая В.Ф.Каховского всю жизнь, — погребальный обряд чувашского населения. Проведенные им самостоятельно и совместно с Б.В.Каховским раскопки языческих могильников XVI—XVIII вв. в разных районах республики (Толиковский и Икковский в Чебоксарском, Мартыновский в Козловском, Тегешевский в Урмарском, Таушкасинский в Цивильском, Бахтигильдинский в Батыревском, Верхнеачакский в Ядринском районах) позволили решить ряд вопросов материальной и духовной культуры, этнической истории чувашей.

Полученные в ходе многолетних исследований данные стали базой для справочника «Археологическая карта Чувашии», над подготовкой к изданию которой Василий Филиппович работал в последние годы жизни.

Благодаря широким многолетним полевым исследованиям В.Ф.Каховскому удалось не только восстановить этапы культурно-исторического развития территории края с древнейших времен до позднего средневековья, но и осмыслить в культурно-хронологическом отношении группы археологических памятников, определить их место в системе древностей. Неоценим его вклад в изучение этнической истории народов Среднего Поволжья. Капитальное исследование «Происхождение чувашского народа» [9] явилось заметным событием в исторической науке не только в Чувашии и Поволжье. Комплексный подход к решению проблемы, анализ данных многих наук, сведений письменных источников позволили дать в монографии и в других публикациях четкую картину этногенеза чувашей. До сих пор нет другой работы, в которой эта тема была бы изучена столь основательно. Хотя по данной теме имеется немало публикаций, его книга не утратила своего значения и остается настольной для всех занимающихся древней историей чувашского народа. Заметим, что концепция этногенеза на протяжении прошедших 40 с лишним лет конкретизировалась и по отдельным аспектам пересматривалась, в том числе и самим Василием Филипповичем.

Я благодарен судьбе за то, что она даровала мне такого наставника, как В.Ф.Каховский. Позволю считать себя его учеником и горжусь тем, что имел возможность 18 лет знать его, учиться у него науке и жизни, работать под его руководством, быть рядом и общаться с ним. Он во многом помог мне, как принято сейчас говорить, — состояться.

Василия Филипповича Каховского я знал с 1975 года, когда поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Чувашского государственного университета. Василия Филипповича выделяли эрудиция, любовь к своим слушателям, вызывавшая ответную симпатию. Он был красивым, обаятельным человеком с мужественным лицом. Скромный и авторитетный, искренний и принципиальный, спокойный и рассудительный, иногда темпераментный, но неизменно доброжелательный к младшим, обязательный и трудолюбивый — таким запомнился многим знавшим его В.Ф.Каховский как личность.

На занятиях он преподавал студентам навыки тщательности и скрупулезности, стремился сформировать у

Рис. 4. В.Ф.Каховский с членами археологического кружка.
Начало 1970-х гг.

молодежи широту взгляда, любовь к археологическим реалиям. Его роль в подготовке кадров историков высокой квалификации по-настоящему велика. Сколько студентов-историков ЧГПИ и ЧГУ прослушали его курсы по истории древнего мира, специализациям и т.д.! Через его лекции и рассказы, летние практики студенты вращались в археологию. Блестящий лектор, внимательный и заботливый педагог, разносторонний ученый, В.Ф.Каховский оказал формирующее воздействие на студенческую молодежь. Василий Филиппович — учитель сотен и сотен людей, многие из них и ныне работают в школах, преподают в вузах, являются государственными деятелями. Немало его учеников нашли себя в различных сферах науки, от археологии, истории, этнографии, музееведения и культурологии до педагогики, психологии и юриспруденции.

Жизнь Василия Филипповича Каховского и его деятельность — это, безусловно, большой гражданский подвиг и яркий пример преданности и самоотверженного служения родному народу, науке. На его долю выпали в жизни нелегкие испытания: тяжелое детство, война. Я помню его довольно продолжительные воспоминания о тех тяжелых днях, когда

Рис. 5. В.Ф.Каховский, студентки В.Шоркова (Харитоновна) и В.Кольцова (слева) обрабатывают находки. Раскопки в Чебоксарах. 1979 г.

он принимал участие в боевых действиях, на его глазах гибли товарищи...

Самой важной чертой характера Василия Филипповича, несомненно, было трудолюбие, воля и жажда к труду. Огромный природный талант и постоянный активный труд обеспечили его успехи, заслуженный авторитет в обществе. Преподавательской и научной деятельности Василий Филиппович отдавался с необыкновенной одержимостью. Его жизнь была наполнена кипучей энергией и многогранной деятельностью, крупными открытиями и научными достижениями. Велико его научное наследие. Насколько разнообразна и плодотворна была жизнь этого большого ученого и так велик его вклад в развитие гуманитарных наук. Удивительно, как все это смог сделать один человек. Можно представить, какого напряжения сил, какого огромного труда стоило В.Ф.Каховскому осуществление всего этого. Это был

гражданский подвиг ученого. При этом надо помнить, что почти всю жизнь ему пришлось совмещать педагогическую, научную и полевую археологическую работу с большой научно-организационной и общественной. Благодаря исключительному трудолюбию и поразительной организованности, собранности и волевому характеру Василий Филиппович всегда успешно во всем справлялся.

С середины 1950-х годов основным делом жизни ученого стала археология. Научный путь В.Ф.Каховского неотделим от его многолетней напряженной работы в Чувашской, Поволжской, Чебоксарской экспедициях. Ученик крупнейшего советского археолога А.П.Смирнова, он в начале 1960-х гг. практически получил от него руководство Чувашской археологической экспедицией (ЧАЭ) Чувашского НИИ ЯЛИЭ и более 30 лет был у ее руля (с 1974 г. постоянно работал с сыном Б.В.Каховским). Как руководитель ЧАЭ он определял программу изысканий, им же осмыслены их главные результаты. Значительный вклад внесен Василием Филипповичем в организацию экспедиций. Мне посчастливилось в их составе приобрести немалый опыт. С В.Ф.Каховским было легко и уютно в экспедициях, он помогал словами и делом, но не давал спуска лентяям и бездельникам. Долгое время в ЧГПИ и ЧГУ ученый возглавлял археологический кружок. Студенты работали в нем охотно, с увлечением, учились работать с вещами, описывать, рисовать их. По его инициативе и при его непосредственном участии в ЧГУ была создана археологическая лаборатория, кабинет археологии музейного типа.

Как общественный деятель и ученый В.Ф.Каховский отдавал много сил и энергии делу сохранения историко-культурного наследия Чувашии, Чебоксар. В течение многих лет он являлся членом Президиума Чувашского республиканского отделения ВООПИК, возглавлял археологическую секцию.

Василий Филиппович Каховский был и остается примером преданности знанию и достойного служения науке. По глубине анализа, фундаментальности, всесторонности подхода к изучаемым явлениям монографии и статьи ученого остаются примером, достойным подражания. В научно-популярных и популярных изданиях, в периодике он сумел

в доступной и интересной для многих форме изложить сложнейшие проблемы нашего прошлого.

Активная жизненная позиция, твердость и стойкость проявились в последние годы. Потеря супруги Ольги Ивановны, болезнь, перемены в стране, отсутствие финансирования экспедиций не могли не сказаться и на В.Ф.Каховском. И все же он продолжал активно работать и служить науке вплоть до трагической гибели, активно трудился в экспедициях (вспоминаю совместные разведочные маршруты в районах республики в 1991—1992 гг.). Остались нереализованными планы, проекты...

Заслуги Василия Филипповича Каховского были оценены обществом и государством, последним не в полной мере. Однако память коллег, учеников отводит ему в науке и общественной жизни место гораздо более высокое, чем обозначенное официальными документами и наградами.

Талант, доброжелательность В.Ф.Каховского остаются в памяти тех, кому посчастливилось с ним общаться. После смерти Василия Филипповича его ученики выступили с инициативой в память о нем — ученом, педагоге, гражданине — проводить систематически «Чтения памяти В.Ф.Каховского». Такие конференции состоялись в 1996, 2001 гг., будут проводиться и в дальнейшем. Лучшей данью памяти ученого станет издание его неопубликованных работ, а также переиздание тех трудов, что вызывают наибольший читательский интерес. Необходимо и монографическое исследование его жизненного и творческого пути.

Наши современные труды вдохновлены обязательством перед памятью своего Учителя, многолетней совместной работой с ним и под его руководством в регионах Чувашии. Невольно приходишь к мысли, что нам необходимо еще много и лучше работать, чтобы оправдать характеристику «ученик Каховского». Спасибо Вам, Василий Филиппович!

Л и т е р а т у р а

1. *Дмитриев В.Д.* Видный исследователь археологии Чувашии // Новые материалы по археологии и этнографии чувашского народа. Чебоксары, 1985. С. 84—100; *Василий Филиппович Каховский // Каховский Б.В.* Средневожжский археологический словарь. Чебоксары, 1998. С. 74; *Каховский Василий Филиппович // Чувашия* госпедуниверситет им. И.Я.Яковлева: история, структура,

ученые. Чебоксары, 2000. С. 183—184; *Матвеев Г.Б.* Научно-педагогическая деятельность В.Ф.Каховского и значение его исследований по проблемам этногенеза чувашей // Вопросы археологии и этнографии Чувашии. Материалы чтений, посвященных памяти В.Ф.Каховского. Чебоксары, 2000. С. 5—21; *Каховский Б.В.* Вклад В.Ф.Каховского в развитие археологической науки в Чувашии // Там же. С. 22—47; *Сергеев Т.С., Каховский Б.В.* Василий Филиппович Каховский // Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2001. С. 206; *Михайлов Е.П.* Василий Филиппович Каховский — исследователь археологических памятников Чувашии // Вестник Чувашского государственного педагогического университета. Чебоксары, 2002. № 5(29). Личность в истории. С. 227—230; Каховский Василий Филиппович // Исследователи этнографии и археологии Чувашии. Библиографический словарь. Составители: Фокин П.П., Матвеев Г.Б., Михайлов Е.П. и др. Чебоксары, 2004. С. 116—117; и т.д.

2. *Димитриев В.Д.* Список опубликованных работ В.Ф.Каховского // Новые материалы по археологии и этнографии чувашского народа. Чебоксары, 1985. С. 94—100. Археология и этнография Чувашской АССР. Библиографический указатель. Составители: Каховский Б.В., Михайлов Е.П., Фокин П.П. Чебоксары, 1986. С. 240, 270; Матвеев Г.Б. Список научных трудов В.Ф.Каховского... Литература о В.Ф.Каховском // Вопросы археологии и этнографии Чувашии. Чебоксары, 2000. С. 16—21.

3. *Каховский Б.В., Каховский В.Ф.* Новые памятники балановской культуры // История, археология и этнография Чувашской АССР / Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1975. Вып. 60. С. 137—165.

4. *Каховский В.Ф.* Обследование Балановского могильника // Исследования по археологии Чувашии / Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1978. Вып. 80. С. 19—24.

5. *Каховский В.Ф.* Чурачикский курган в Чувашии // СА, 1963, №3. С. 169—177; он же. Чурачикский могильник // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958—1961 годах / Ученые записки Чувашского НИИ. Чебоксары, 1964. Вып. 25. С. 73—98.

6. *Каховский В.Ф., Смирнов А.П.* Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972. С. 3—73.

7. *Каховский В.Ф.* О западных пределах Волжской Болгарии // Вопросы древней и средневековой истории Чувашии / Труды Чувашского НИИ. Чебоксары, 1980. Вып. 105. С. 35—50.

8. *Краснов Ю.А., Каховский В.Ф.* Средневековые Чебоксары. Материалы Чебоксарской экспедиции 1969—1973 гг. М., 1978.

9. *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. Чебоксары, 1965 (перездана в 2003 г.).

**ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ
МУКШУМСКОЙ XVIII СТОЯНКИ
В ЧУВАШСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ**

В июле 2003 г. совместной экспедицией Чувашского государственного института гуманитарных наук и Чувашского естественно-исторического общества «Тегга incognita» были произведены охранные раскопки на Мукшумской XVIII стоянке в Чебоксарском районе Чувашской Республики.

Памятник был открыт и описан автором в 1999 г. (Березина, 2000; Березина, Березин, 2003. С. 123, 159). Он располагается на дюнном всхолмлении — останце первой надпойменной террасы. В основании дюнное всхолмление имеет слоистую структуру — чередование песчаных и глинистых аллювиальных отложений, а в верхней части сложено переветными песками и относительно мощным почвенным слоем (до 30 см). Дюна располагается в центральной части полуострова Мукшум, который образовался после затопления широкой левобережной поймы реки Волги, и получил свое название по ныне затопленной деревне Мукшум. Площадка дюны покрыта молодым густым осиновым лесом и высокой травой. С южной стороны дюна разрушена водами Чебоксарского водохранилища, а с северной стороны дюну окружает заболоченное озеро (до затопления водохранилища это было торфяное болото) (рис. 1).

На поверхности визуально просматривались 9 округлых западин, расположенных тремя рядами с юго-запада на северо-восток. Жилищная западина № 9 расположена в стороне у подножия дюны, западины № 6 и 8 разрушены береговыми обрушениями, западина № 6 практически полностью обрушена. Западина № 8, на которой был заложен раскоп, обрушена примерно на 1/4 части.

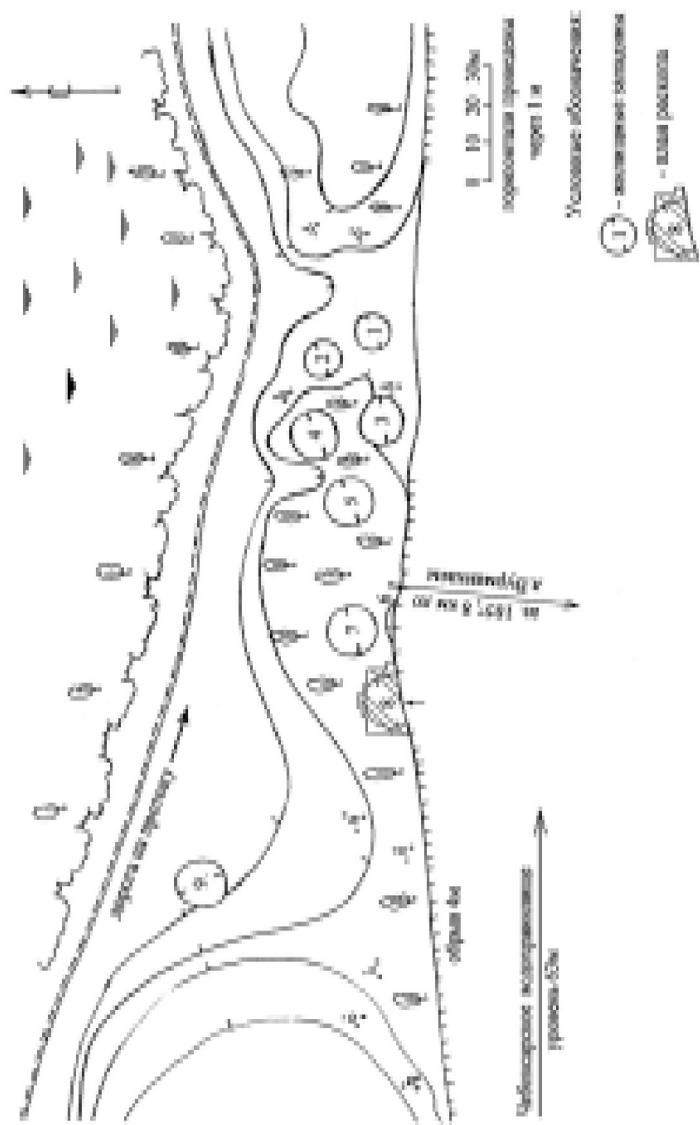

Рис. 1 . План Мухомовской XVIII стоянки.

Во время проведения обследования памятника в 1999 и 2000 гг. в обнажении берега нами наблюдался культурный слой — остатки жилых сооружений, зернистый песчаный слой. В обнажении культурного слоя и под ним была собрана коллекция подъемного материала — 24 предмета (2 фрагмента керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом, 7 отщепов, 2 нуклеидных куски, 2 пластины, 2 скребка и 1 лавролистный наконечник). На основании наличия неолитической керамики и лавролистного наконечника памятник был датирован эпохой неолита (Березина, Березин, 2003. С. 117).

В 2003 г. на западине № 8 был заложен раскоп, ориентированный по сторонам света. Западина округлой формы отчетливо просматривалась на поверхности, диаметр ее — 14 м, глубина по центру — 1,3 м. Раскоп состоял из 200 полных и 15 неполных квадратных метров. По центру были оставлены 2 перпендикулярные бровки. Поскольку часть культурного слоя уходила за пределы раскопа, были сделаны прирезки. На исследованной площади вскрыто 1 жилище с 1 входом-лазом. Раскопом зафиксированы восточный, северный и западный контуры жилища, южный был разрушен берегом. Нам удалось зафиксировать интересные особенности, позволяющие восстановить конструкцию жилища, его пространственное использование. Ниже уровня дна жилища, в материке зафиксирована 261 яма.

Общая стратиграфия (сверху вниз):

1. дерн и поддерновый слой — до 30 см;
2. бурый рыхлый песок — до 80 см;
3. все оттенки от серого до черного песка: светлый серовато-бурый песок, светлый серовато-желтый песок, светло-серый песок, темный серовато-бурый песок, темный буро-коричневый песок, темно-серый песок, углистый черный песок — до 120 см;
4. желтый рыхлый песок с прослойками ожелезненного плотного песка (материк).

Находки в небольшом количестве начали встречаться сразу под дерном, в буром рыхлом слое песка. Дерн был везде плотный, с гумусным поддерновым слоем. Бурый слой рыхлого песка был не везде одинаковой мощности. Большая часть находок располагалась в пределах жилищного заполнения и была сконцентрирована в 5, 6, 7, 8, 9 условных горизонтах (рис. 11).

Рис. 2. Мукшумская XVIII стоянка. Вид на разрушающуюся жилищную западину с Чебоксарского водохранилища.

Более подробно остановимся на характеристике планиграфических особенностей культурного слоя. На уровне 30 см от современной дневной поверхности намечился общий замкнутый контур жилища – серовато-бурый песок с пятнами от серого до черного цветов на фоне светло-бурого рыхлого песка. В северной части жилища проступило черное углистое (с буро-коричневым оттенком) большое пятно – горизонтальный срез выхода-лаза. На уровне 40 см от современной дневной поверхности хорошо обозначились северный и северо-восточный края жилища (рис. 4) с контурами небольших (столбовых) ям по краю светло-серого цвета. Пятно темного песка серовато-бурого с черным, фиксирующее выход-лаз, увеличилось в размерах.

На уровне 50 см от современной дневной поверхности общие контуры жилища приобрели округлые очертания и оставались примерно такими же до уровня дна (рис. 4). Обозначилось множество новых, а также сохранились прежние небольшие в диаметре пятна светло-серого и темно-серого заполнения (столбовые), расположившиеся по краю жилища и в центре. Большое углистое интенсивно-черного цвета пятно на юго-западной окраине жилища увеличилось в размерах, в нем встречены крупные (до 5 см) куски угля. В пятне, фиксирующем выход-лаз, темные серовато-бурые очертания сократились в размерах, они более рыхлые и пронизаны корнями деревьев с мелкими (менее 1 см) угольками. Черное углистое более плотное по структуре пятно напротив увеличилось, в нем также встречены кусочки угольков.

На уровне 60 см от современной дневной поверхности более отчетливо обозначились округлые контуры жилища северо-западного, северного и восточного краев. Песок в заполнении жилища более плотный (утрамбованный), в отличие от рыхлого бурого песка и светло-желтого материкового песка. На этом фоне выделились дополнительные светло-серые и темно-серые небольшие (столбовые) пятна.

На уровне 70 см от современной дневной поверхности сохранились округлые контуры жилища северо-западного, северного и восточного краев, обозначился западный край жилища, тем самым проявив все контуры округлого в плане жилища, за исключением разрушенного береговым обрывом

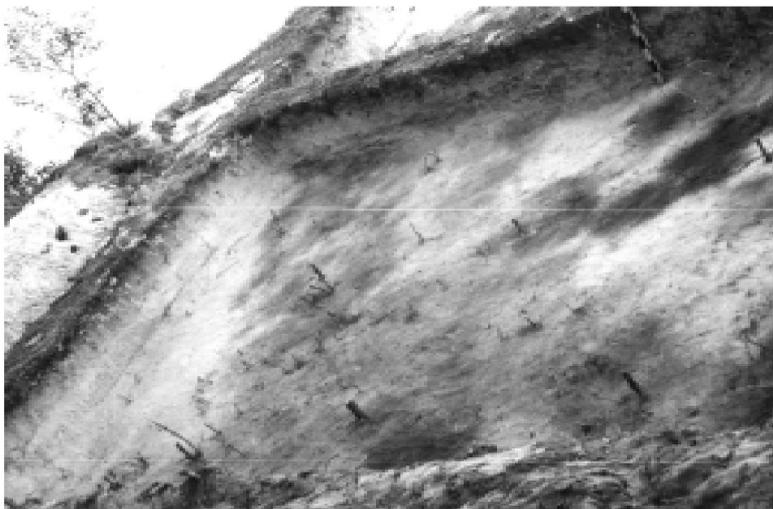

Рис. 3. Мукушумская XVIII стоянка. Фото горизонтальной зачистки на уровне 70 см от современной дневной поверхности.

южного края (рис. 4). Внутреннее заполнение жилища приобрело более темную окраску: светло-серую по краям, темно-серую, а также серовато-бурую и серовато-желтую в центре. Заполнение жилища плотное, за исключением бурого и желтого песка. В центре жилища проступили черные углистые пятна. В заполнении темно-серого пятна в квадрате Б7 отмечены небольшие кусочки угольков. В квадратах Б2,3 проступили наметившиеся ранее большие пятна с черным углистым заполнением. В квадратах Б6, В7, Б4, Г5, В2 выявились желтые пятна рыхлого песка (рис. 3). Характерно проникновение корней деревьев и кустарников в культурный слой по темному серо-бурому рыхлому заполнению.

На уровне 80 см от современной дневной поверхности общая цветовая насыщенность культурного слоя в пределах заполнения жилища стала более интенсивно углистой. Сохранился общий характер распространения различных пятен в слое, больше стало пятен с черным углистым заполнением. В квадратах А/2,3, Б/2,3,4, В/3,6,5 черные углистые пятна стали крупнее и интенсивно-черными, насыщенными угольками и мелкими пережженными костями. В заполне-

нии черного углистого пятна в квадратах А/1,2, Б2 отмечены мелкие угольки. В светло-сером заполнении пятна квадратов Г7, Д/6,7 отмечено множество мелких угольков. В квадратах Г/5,6 в заполнении темно-серого пятна округлой формы также отмечено множество мелких угольков. В квадратах А, Б, Е/1,2,3,4 отчетливо прорисовались черные и темно-серые округлые пятна на фоне светлого серовато-желтого песка. В центре жилища в квадрате В4 зафиксировано большое подквадратное пятно с заполнением черным углистым песком, содержащим множество мелких угольков. В большом черном округлой формы пятне в квадратах Б,В/1 были отмечены отдельные крупные до 2 см угольки, а также находка кремневого орудия (скребок) и множество кремневых отщепов и сколов. На общем фоне пятна просматривались отдельные небольшие более темные пятна. В квадратах В5,Г5 и Д5 проступили светло-желтые небольшие пятна материкового песка. По контуру жилища зафиксированы небольшие округлые столбовые пятна, в основном темно-серого цвета. В них, как правило, находки кремня встречаются в небольшом количестве, заполнение их не столь плотное, как пространство между ними. Контур жилища сохранил округлую в плане форму (рис. 4).

На уровне 90 см от современной дневной поверхности черные и серые пятна в большинстве квадратов отчетливо локализовались на фоне желтого и светлого серовато-желтого (материкового) рыхлого песка, в центре выделилось черное неправильной формы пятно (в квадратах Б4, В/4,5, Г5). По северо-восточному и юго-западному краям жилища проступили две полосы темно-серого цвета, внутри которых просматривались небольшие округлые пятна и большие черные углистые пятна.

Большинство ям имело продолжение в материке. Нам удалось зафиксировать 261 яму (рис. 7). Форма и заполнение ям (состав, окраска и плотность заполнения) оказались различными. Мы смогли провести классификацию ям и выделить несколько групп. Каких-либо каменных или глиняных укреплений ям и очагов прослежено не было. Заполнение всех ям было песчаным, различной интенсивности окрашенности углистым компонентом. В отдельных случаях отмечен буроватый оттенок песка, вероятно, органического происхождения.

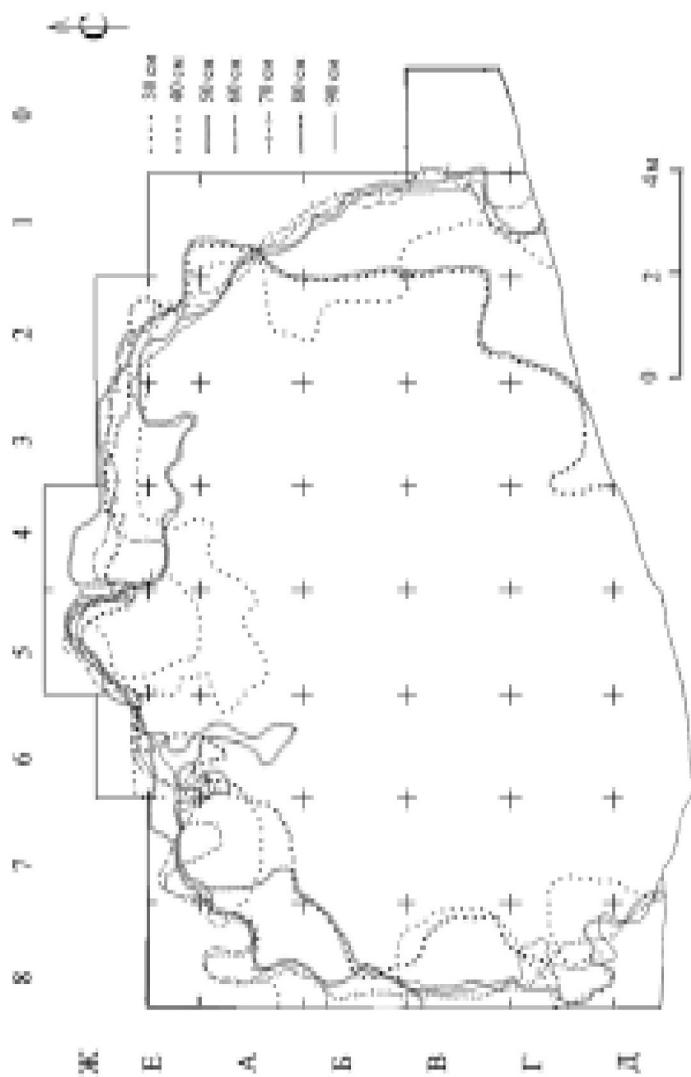

Рис. 4. Мухомовская XVIII стоянка. План раскопа и контур жилища на разных глубинах.

Самая большая группа ям — *столбовые* (рис. 5). Их мы насчитали 164 шт. Они выделяются формой и малым диаметром. Заполнение этих ям отличается от отопительных и хозяйственных. Оно имеет рыхлую структуру песка, серый и светло-серый цвет, встречены единичные находки кремня. Большинство столбовых ям имеет вертикальную ориентировку, часть — наклонную. Часто встречаются спаренные столбовые ямы, что свидетельствует о починке или же укреплении опоры.

Следующая группа ям — *отопительно-очаговые*, их 67 шт. (рис. 6.). Это достаточно углубленные в материк ямы с отвесными или даже нависающими стенками с плоским или овальным дном. В заполнении такие ямы черные, сильно золистые и содержат множество древесных угольков, мелкие обломки жженных костей белого и темно-серого цвета, кремневые предметы. Каких-либо укреплений стенок и дна таких ям нами не отмечено. Отопительно-очаговых ям достаточно много. Они расположены в центре и по внутреннему кругу, очерчивая собственно пол жилища. Их нет вдоль внешних стен. Так как стенки этих ям не укреплялись, то, вероятнее всего, эти ямы использовались для ссыпания туда углей из открытых очагов для приготовления пищи (как это встречается у множества современных народов) и для обогрева жилища. Некоторые такие ямы использовались неоднократно, налагаясь друг на друга они образуют большие ямы размером до 1,5 метров. Это нам удалось зафиксировать в ямах квадратов А, Б/6 и В/4,5. Следует отметить несколько больших, но неглубоких ям с пологими стенками с углистым заполнением, расположенных вдоль восточной стены жилища в кв. А2, Б, В1, назначение которых несколько отличается. Вероятно, это были отопительные ямы под спальными лежанками.

Подобная интерпретация части золистых углубленных в материке ям на мезолитических жилищах Марийского Поволжья предложена В.В. Никитиным, который пишет: “Кроме общих для коллектива очагов, отмечаются остатки кострищ, входящих в систему обогрева. Такие кострища представлены ямами, заполнявшимися по мере необходимости горящими углями и присыпаемыми песком” (Никитин, Соловьев, 2002. С. 33). Это было отмечено и

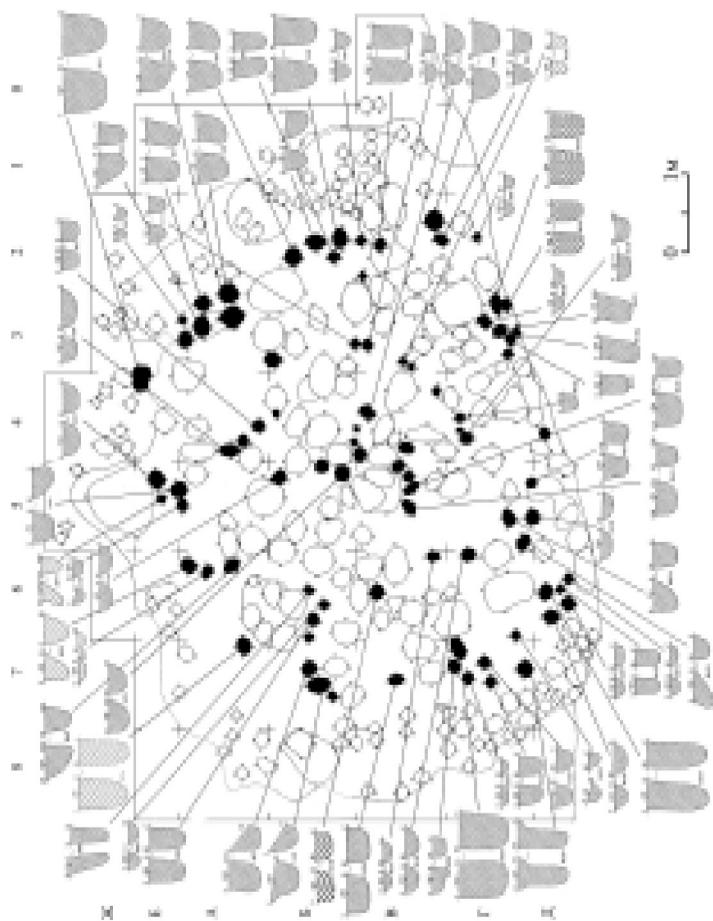

Рис. 5. Мухоморская XVIII столетия. План жилища с расположением центральных и концентрических рядов столбовых ям и их профили в материке.

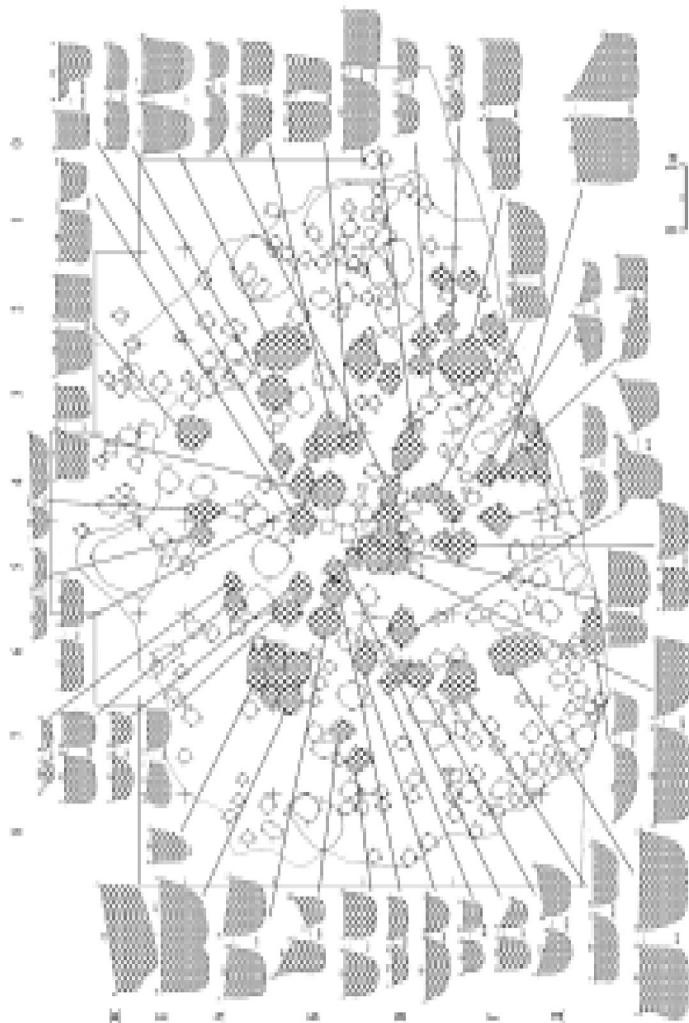

Рис. 6. Мукшумская XVIII стоянка. План жилища с расположением отопительно-очаговых ям и их профили в материке.

исследователями энеолитических жилищ поселения Стрелка I, расположенного в Верхнем Поволжье: “Жилище обогрели не только открытые очаги, но и очаги в ямах, имеющих форму перевернутого горшка, углубленного в пол на 20—40 см. Ямы заполнены только углями и золой, края и дно их обожжены, некоторые перекрыты берестой. Они отличаются от хозяйственных” (Гадзяцкая, Крайнов, 2002. С. 115—116).

Нами выделено 10 *костровых* ям. Как уже отмечалось, в жилище не было отмечено очагов, укрепленных каменными обкладками или глиной. Костровые ямы выделялись небольшой глубиной, пологими стенками и округлым дном. В заполнении такие ямы имели серый золистый песок, иногда с находками кремневых предметов. Следов прокала нами не обнаружено. Вероятно, костры внутри жилища были небольшие, открытого типа. Слегка углубленные в материке ямы образовывались от периодически вынимавшегося горящего угля, который ссыпался в более глубокие отопительно-очаговые ямы.

Хозяйственных ям выявлено две. Эти ямы имеют отвесные стенки, рыхлый буровато-серый и темно-серый песок в заполнении и достаточно углублены в материке. В них также отмечены находки кремневых предметов.

Также зафиксированы ямы, форма и заполнение которых не позволили нам определить их функциональное назначение.

К северному краю жилища примыкал *выход-лаз*. Горизонтальные и вертикальная зачистки выхода-лаза зафиксировали сооружение с небольшими уступами, расположенными симметрично по западной и восточной стенкам, и ровную пологую северную стенку лаза (рис. 7). Относительно уровня пола жилища лаз был заглублен примерно на 1 метр. На профиле зачистки северной стенки раскопа (квадраты Е/1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8) заметно чередование слоев различной окраски и плотности. В слоях темно-серого и буро-серого песка были отмечены многочисленные угольки. Стратиграфия заполнения лаза такова (снизу вверх):

- слой темно-серого песка мощностью до 15 см;
- темный серовато-бурый песок мощностью до 25 см;
- темный буро-коричневый песок мощностью до 80 см;

- углистый черный песок мощностью до 43 см;
- темно-серый углистый рыхлый песок с кусками углей мощностью до 40 см;
- бурый рыхлый песок мощностью до 70 см;
- дерн и поддерновый слой мощностью до 38 см.

Слой темно-серого песка перекрыт темным, серовато-бурым и буро-коричневым песком и вновь перекрыт темно-серым песком. Этот последний слой более рыхлый по структуре с большим содержанием крупных (до 3-4 см) и мелких угольков, сквозь который обильно проросли корни небольших деревьев. Вероятнее всего, лаз был перекрыт крышей, впоследствии сторевшей и обвалившейся. Какое-то время на месте провалившегося перекрытия торчали обгоревшие остовы, а в центре находилась впадина, заполнившаяся песком.

С ЮЮВ жилищная западина была нарушена береговым обрывом. На профиле зачистки здесь хорошо видны общий котлован жилища с заполнением углистым и серым песком и профили столбовых конструкций и других ям.

На профиле зачистки западной стенки центральной бровки внизу хорошо заметен светлый желтый материковый песок с тонкими горизонтальными прослойками ожелезненного песка, выше – серые, темно-серые и углистые пятна в заполнении котлована жилища, углубления в материке от столбовых и иных конструкций. В северной части профиля заметно темно-серое подквадратное пятно, фиксирующее северную стенку котлована жилища. Это было какое-то сооружение, укрепленное небольшими горизонтальными столбовыми конструкциями, заметными как чуть выделяющиеся темно-серые пятна по краям. Слой серого и углистого песка сверху перекрыты слоем бурого рыхлого песка. В центре этого слоя в кв. В4, Б4 заметно пятно темного буро-коричневого песка. В его заполнении отмечены множество мелких обломков (1-2 мм) белых косточек, примесь органики. Следует отметить, что все немногочисленные фрагменты керамики были найдены в заполнении этого пятна. На профиле хорошо заметно более позднее его происхождение по отношению к нижележащим слоям. Вероятно, после обрушения жилища на его месте образовалась западина, и неолитическим населением здесь была сделана мусорная яма, что мы и зафиксировали.

На профиле зачистки восточной стенки центральной бровки, также сразу под дерном в кв. Б5, В5 заметно большое пятно темного буро-коричневого песка, которое было описано выше. На профиле заметны пятна серого и темно-серого песка, углистые пятна и углубления в материке от столбовых и иных конструкций. В центре котлована в кв. Б5, В5 заметно большое черное углистое пятно, насыщенное мелкими (1-2 мм) угольками. По краям котлована заметны такие же небольшие углистые пятна. Снизу в подстилающем материке светло-желтого песка заметны тонкие ожелезненные прожилки.

Профиль зачистки северной стенки центральной бровки (квадраты В/1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8) выявил ту же стратиграфическую позицию: под дерном бурый рыхлый песок, в центре пятно темного буро-коричневого песка с примесью органики и включениями мелких обломков белых косточек, ниже — слой серого и черного углистого песка. В центре этого слоя — большое углубление в материке с практически вертикальными стенками, заполненное черным углистым песком, которое распространяется также в северном и южном направлениях. Западнее и восточнее отмечены более мелкие локальные пятна углистого песка. В восточной части профиля в кв. В2/В1 заметно большое темно-серое пятно (яма, углубленная в материк) с небольшими углистыми включениями, имеющее вертикальные стенки и плоское дно. Горизонтальные зачистки показали, что оно имеет продолжение в северном и южном направлениях с пологими стенками и образует большую овальной формы яму. В западной части профиля выделяются вертикальные столбовые пятна с заполнением из светло- и темно-серого песка. В квадрате В7 сразу под дерном заметно небольшое пятно овальной формы темного буро-коричневого рыхлого песка. Это пятно имеет продолжение в северном направлении. Материковый песок хорошо выделяется рыхлым желтым песком с небольшими ожелезненными прослойками (рис. 7).

Профиль зачистки южной стенки центральной бровки (квадраты Б/1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8) фиксирует западную и восточную границы распространения жилища. Сразу под дерном, как и на всех профилях бровок, в центре фиксируется яма с заполнением из темного буро-коричневого

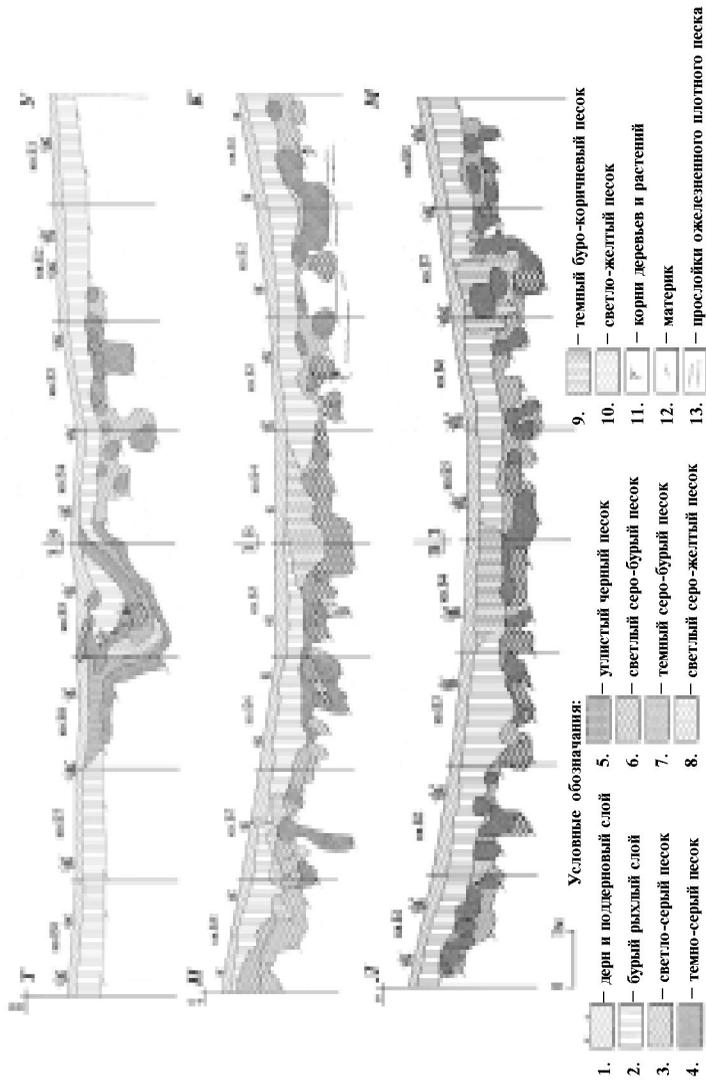

Рис. 76. Мухоморская XVIII стоянка. Разрез стенки и бровки раскопа по линиям Т-У, И-К, Л-М.

песка с множеством мелких косточек и примесью органики. Западнее в кв. Б/6, 7 под дерном зафиксирована еще одна яма с таким же заполнением, позднего происхождения. В центре этой ямы наблюдались пятна темно-серой окраски с отдельными мелкими угольками. Характерно проникновение корней небольших деревьев по более рыхлому темному буро-коричневому заполнению. Вероятно, этот слой содержал по сравнению с окружающей бедной органикой песчаной почвой больше питательных элементов. В кв. Б1 наблюдались пятна серого и темно-серого оттенков. В кв. Б2 темно-серое пятно с вертикальными стенками имело сильно-углистое заполнение с очень мелкими угольками в примеси. В кв. Б3 черное углистое пятно с вертикальной восточной стенкой и плоским дном с примесью угольков было перекрыто светло-серым плотным песком. В восточном секторе кв. Б4 наблюдалось черное углистое пятно с множеством мелких угольков с вертикальными стенками, в западном — большое углистое пятно овальной формы, вытянутое в горизонтальном направлении. Материк — светло-желтый рыхлый песок (рис. 7).

Характер стратиграфических горизонтов отражает, по нашему мнению, процесс почвообразования в данной местности, исходя из условий стоянки. Культурный слой включает в себя несколько стратиграфических горизонтов. Ожелезненные прослойки характерны для пойменных отложений Поволжья. Все стратиграфические данные и наши полевые наблюдения позволяют сделать вывод о закрытом характере данного жилого археологического комплекса.

Сразу обращает на себя внимание большое количество столбовых ям, часть из которых перекрывается отопительными или хозяйственными ямами (рис. 7). Это свидетельствует о неоднократных перестройках или починках жилища. Отопительно-очаговые ямы также накладываются друг на друга, т.к. использовались неоднократно. Большое количество отопительных ям, заполнявшихся древесным углем с множеством мелких жженных косточек и отдельными находками кремневых предметов, свидетельствует о длительном зимнем использовании жилища. Судя по количеству находок, мощности культурного слоя, количеству отопительно-очаговых, хозяйственных и иных ям можно предположить, что жилище

использовалось относительно длительное время, зимой или круглый год, возможно, несколько сезонов.

Как уже было отмечено, жилище в плане имело округлую форму. Размеры его по внешнему контуру в диаметре составили около 16 метров. Диаметр котлована (пола жилища) — около 10 метров. Таким образом, площадь всего жилища составляет примерно 200 кв.м, а собственно пола жилища — 80 кв.м. Площадь пола хорошо очерчивают костровые и отопительно-очаговые ямы, за пределами котлована они не отмечены (рис. 6, 7). Котлован жилища с укрепленными вертикальными стенками был углублен примерно на 0,6-0,7 м. Стенки хорошо прослеживаются на профилях стенок раскопа и бровках: в западной части на профиле зачистки берегового обрыва, в северной и южной частях котлована на западной стенке центральной бровки. Пол был относительно ровным, с небольшим уклоном на юг и, как уже отмечалось, плотным и утрамбованным, в отличие от рыхлого, желтого материкового песка. Между краями котлована и скатом крыши практически по всей окружности (за исключением северной стороны) присутствует площадка шириной около 2 м. Песок здесь имел темно-серую окраску, а в некоторых местах наблюдались углистые пятна. Вероятнее всего, эти площадки (ниши) использовались для сооружения спальных мест — земляных или деревянных конструкций, и иногда под ними (спальными местами) устраивались отопительные ямы, как, например, в кв. А2, Б, В2.

На плане ям, зафиксированных в материке, хорошо заметен внешний, более хаотичный ряд столбовых ям, фиксирующий нижние концы наклонных балок перекрытия, заглубленные в песок. Внутри котлована столбовые ямы располагаются, как правило, небольшими группами по 2-3 ямы, образующих два круга, из которых один фиксирует край котлована (рис.8). В основе каркаса жилища было 2 концентрических ряда вертикальных опорных столбов и центральные столбы, вкопанные в землю, соединенные горизонтальными балками, на которые укладывались наклонные тонкие бревна и жерди. Таким образом, мы получили многоугольный каркас, поддерживающий конусообразную или куполообразную крышу. Возможно, что перекрытие имело вид усеченного конуса.

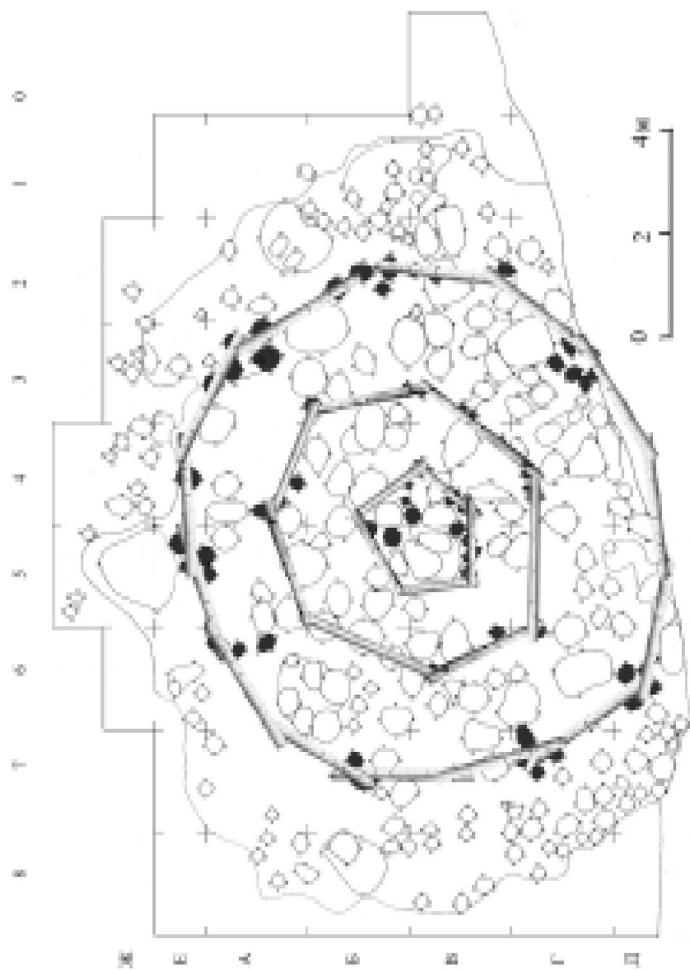

Рис. 8. План жилища со схемой концентрических рядов горизонтальных оторных балок каркаса.

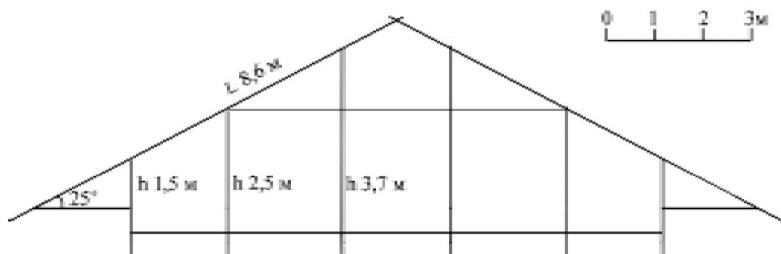

Рис. 9. Схема вертикального сечения жилища.

Рассчитать размеры опорных конструкций возможно из расчета, что высота столбов по краю котлована должна быть около 150–160 см – высоты человеческого роста. Зная размеры жилища, мы можем рассчитать и другие размеры столбов и перекрытий (рис. 9). Таким образом, высота (полная, с углублением в материк) центральных опорных столбов – около 4 м (в случае с формой перекрытия в виде усеченного конуса – 3 м), следующего опорного ряда столбов – около 3 м, последнего ряда – около 2 м. Длина наклонных балок, поддерживающих перекрытие – около 9 м. Крыша получается достаточно пологая, угол наклона перекрывающих балок – около 25 градусов. В центре жилища, вероятно, был вертикальный лаз, на что указывает скопление столбов, образующих небольшое подквадратное или многоугольное каркасное сооружение. На рисунке 10 показана реконструкция каркаса жилища.

Мы пришли к выводу, что в конструкции жилища присутствует определенная стандартизация размеров: ряды вертикальных опорных столбов располагались через 2 метра, в этих рядах столбы были расположены также через 2 метра (рис. 8,9). В основе каркаса этого большого жилища было около 12 наклонных балок перекрытия. Уверены, что люди, строившие это жилище, имели достаточный опыт и четкое представление о форме жилища. И прежде чем приступить к строительству, они заготавливали стандартизированные балки различного диаметра и длины.

Подобные постройки, углубленные в землю усеченно-пирамидообразные жилища, хорошо известны в этногра-

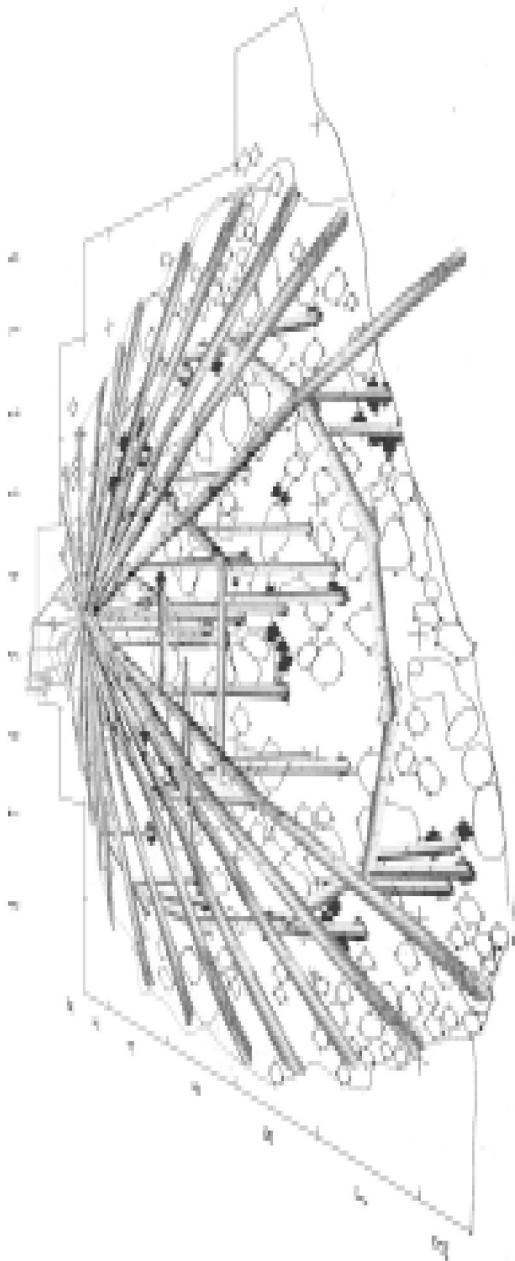

Рис. 10. Реконструкция каркаса жилища.

фической и архелогической литературе по истории народов Сибири и Дальнего Востока. Среди них много разных типов и вариантов, различающихся количеством и способами соединения опорных столбов (конструкции). Такие строения были известны у хантов, кетов, селькупов и манси (Соколова, 1998; Деревянко, 1991).

Рассматривая мезолитические памятники Марийского Поволжья, В.В. Никитин отмечает, что среди известных памятников выделяются: долговременные поселения с системой жилищ, кратковременные стоянки, мастерские и местонахождения. Большинство изученных построек имело подквадратную форму, но небольшая часть построек имела округлые очертания. Распределение жилищ по площади пола таково: до 30 кв.м — 55% жилищ, 20% составляют жилища с площадью пола до 90 кв.м и 25% — более 100 кв.м (Никитин, Соловьев, 2002. С. 24—34). Крупные жилища с площадью более 100 кв.м были отмечены на Удельно-Шумецком X, Нижней Стрелке VI и Дубовском XIII поселениях. На последнем среди 10 изученных жилищ одно (№5) имело округлые очертания и площадь более 100 кв.м. Исследователь отмечает, что “на полу котлованов практически всегда фиксируются остатки деревянной конструкции интерьера и перекрытия. В некоторых жилищах сохранилось свыше 100 ям от столбов. Их размещение по периметру котлована, у стенок и по центру дает возможность установить конструкцию перекрытия. В большинстве случаев она восстанавливается как двухскатная, где жерди перекрытия верхними концами упираются на балки, покоящиеся на опорных столбах. Нижние концы жердей или бревен наклонного перекрытия находятся за пределами котлована на земле” (Никитин, 1996. С. 16). Здесь же с северо-западной стороны к жилищу примыкал выход-лаз. На поселении Нижняя Стрелка VI также отмечено крупное жилище неправильных очертаний с площадью более 100 кв.м, в котором зафиксировано 135 столбовых ям. С юго-восточной стороны к этому жилищу примыкал вертикальный выход-лаз.

В общих чертах данный тип жилища характерен для долговременных (зимних) поселений эпох мезолита и неолита лесной зоны Восточной Европы — углубленная полуземлянка каркасной конструкции с относительно мощным

культурным слоем и несколькими очагами. Особенности жилища, раскопанного на Мукшумской XVIII стоянке, — это его крупные размеры (площадь всего жилища около 200 кв.м, котлована — 80 кв.м), округлые очертания, отсутствие явных кострищ с прокалом, многочисленные крупные ямы в материке с углистым заполнением и вертикальный выход-лаз. Тенденция к увеличению размеров жилища и появление нескольких очагов отмечена исследователями мезолита Марийского Поволжья, ими также зафиксированы единичные случаи овальных очертаний жилища и вертикальные выходы-лазы (Никитин, Соловьев, 2002. С. 24—25). Округлые и овальные очертания жилищ характерны для Волго-Окского и Верхневолжского регионов. На Верхней Волге это поселение Торг, расположенное на озере Вселуг. Жилище имело круглую форму с шалашевидным перекрытием, углубленное в материк более чем на 0,8 м (Турина, 1989. С. 65). В Волго-Окском регионе — стоянка Соблево V (Кольцов, 1989. С. 73—74). В Среднем Поволжье такой тип жилища, вероятно, является следствием контакта местных позднемезолитических племен с западными племенами бутовской культуры.

Археологическая коллекция стоянки насчитывает 9075 предметов, из них: 1521 орудие (орудия на отщепах и пластины с ретушью), 825 ножевидных пластин без вторичной обработки, 729 нуклеусов, их заготовок и нуклеидных кремней, 1261 чешуйка, 4363 фрагмента отщепов, осколков и кусков кремня, 87 крупных галек из кристаллических пород камня (кварцит, гранит, габбро-диабаз и др.) и 232 их обломков и мелких галек, а также 57 мелких фрагментов лепной и гончарной керамики.

Каменное сырье, использовавшееся на стоянке, — местное. Это — красноватых и коричневых оттенков желвачный кремнь, встречающийся в четвертичных отложениях правобережья Волги, а также розовых и голубых оттенков пластовой кремнь, встречающийся в отложениях казанского яруса пермской геологической системы, выходы которых также отмечены в обнажениях правобережья Волги. В единичных экземплярах встречены дымчатый кремнь и кварцит.

Часть нуклеусов была изготовлена на стоянке, т.к. здесь найдены сколы и отщепы с желвачной коркой, но в ос-

новном на стоянке изготавливались орудия, о чем свидетельствует большое количество отщепов, сколов и чешуек. Нуклеусы в основном мелкие, сильно сработанные, многоплощадочные. Большая часть найденных нуклеусов служила для скалывания отщепов.

Выделяется серия (32 шт.) небольших нуклеусов с негативами от микропластин (рис. 12: 1—16). Это одноплощадочные нуклеусы с зауженным основанием, конические или призматические, с зоной скалывания не более $2/3$ окружности, или торцевые. Выделяется один нуклеус с перпендикулярными зонами скалывания (рис. 12:5). Все нуклеусы небольшие и сильно сработанные.

Пластин, в том числе обломков и сечений — 1406 шт. (15,5% от общего числа кремневых предметов), среди них: микропластин (шириной до 6 мм) — 594 (42%), средних (до 12 мм) — 703 (50%), крупных (более 12 мм) — 109 (8%). Значительная часть пластин без вторичной обработки — 825 шт. Мелкая регулярная ретушь и следы сработанности встречены на 578 пластинах и сечениях (рис. 13, 14, 15). Но, как показал трассологический анализ, проведенный М.Ш. Галимовой, большинство пластин и сечений без ретушированных граней имеют следы использования в работе. Часто пластины и их сечения несут на себе следы вторичной утилизации, т.е. использовались для обработки разных материалов. Большинство средних и микропластин было получено отжимным способом, но среди средних и крупных пластин имеются пластины, полученные посредством мягкого отбойника (Галимова, 2004. С. 78—85).

Острия представлены 56 экземплярами, 35 из которых выполнены на пластинах и 21 — на отщепах и сколах (рис. 18: 1—9, 11). На пластинах выполнены сверла и проколки, жало которых оформлено противоположащей ретушью; наконечники с односторонней крутой мелкой микроретушью по жалу (рис. 17: 1—16).

Многочисленные скребки (230 экз.) выполнены почти все на отщепах, сколах и кусках случайной формы, за исключением 11 концевых скребков-скобелей на пластинах (рис. 16: 1—9; 19: 22, 24). Преобладают скребки на отщепах и осколках кремня без вторичной обработки рабочего края. Среди морфологически выдержанных скребков можно

выделить следующие формы: скребки на отщепе округлые, небольшие (диаметром от 16 до 20 мм), ретушь более 2/3 периметра или по всей окружности, ретушь кругая или полукругая (19 экз.) (рис. 19: 1-3, 5-8); концевые на удлиненных отщепах и сколах (13 экз.) (рис. 19: 18, 21, 24); концевые-боковые (11 экз.) (рис. 19: 4, 10, 23, 25); боковые (18 экз.) (рис. 19: 15-17); скребки «перевертыши» по форме боковые, с противоположной ретушью по краям (9 экз.); угловатый скребок с пологой ретушью (1 экз.); крупные скребки на массивных отщепах с желвачной коркой, рабочий край неровный зубчатый, сильно сработан, иногда заполирован (3 экз.). Выделяется группа мелких типологических скребков, выполненных на мелких сколах, отщепах и чешуйках, размером 1-2 см, вставлявшихся в рукоять (61 экз.). По трассологическому определению М.Ш. Галимовой, среди них выделяются скребки по шкуре (20 экз.) (рис. 20: 1-16) и резчики-скобели по дереву (27 экз.) (рис. 20: 17-26).

Многочисленная группа комбинированных орудий, выполненная на отщепах, коротких и удлиненных сколах, кусках случайной формы с нерегулярной ретушью или без нее представлена: скобелями с ретушированными вогнутыми краями и выемками (32 экз.), сверлами, резцами, резчиками, ножами в различной комбинации (рис. 15: 4-6; 17: 21-27, 29). А также большая часть орудий (508 экз.), выполненная на отщепах, сколах и кусках кремня случайной формы без вторичной обработки, но со следами износа. Типологически их интерпретировать сложно, необходим трассологический анализ для определения их функционального использования.

Резцов всего 46 экз., они представлены типами: со сколами, нанесенными от излома или угла, на углу сломанной пластины или сечений (7 экз.), на углу сломанного отщепа (рис. 17: 20-24, 26, 30). Часть резцов совмещена со строгальными ножами (3 экз.), скребками (2 экз.), скобелями (2 экз.).

Деревообрабатывающих орудий и их обломков — 35 экз., это стамески, тесла. 5 целых форм (рис. 21: 1-5), 4 тесла переоформлены из более крупных, 5 заготовок и 21 обломок со следами шлифованных поверхностей, 6 из которых обломки лезвий, 2 — обушков. За исключением

заготовок, все орудия подработаны шлифовкой, некоторые полностью.

Отбойники и ретушеры изготовлялись из кварцитовых и гранитовых галек с характерными следами забитости по краям.

Следует отметить, что трассологический анализ орудийного комплекса стоянки, проведенный М.Ш. Галимовой, показал, что их типология не всегда соответствует функциональному содержанию орудий. Два крупных по форме сверла, выполненные на длинных массивных сколах из кремня хорошего качества, сходящиеся края которых оформлены крутой ретушью, с брюшка — пологой ретушью, служили ретушерами. Заполированная поверхность свидетельствует о длительном использовании, возможно, от ношения в кожаном мешочке (рис. 18: 3, 4).

В археологической коллекции стоянки имеются 57 фрагментов керамики. Все фрагменты приурочены к верхним (1-6) слоям раскопа. Многие фрагменты очень мелкие (1-2 см). Имеются 1 фрагмент венчика гончарного сосуда темно-красного цвета, 2 фрагмента с накольчатым орнаментом, 3 — с гребенчатым. Фрагмент гончарной керамики, безусловно, здесь случаен, вероятно, и остальные фрагменты лепной посуды также более позднего по отношению к жилищу происхождения.

Подводя итоги, следует отметить, что комплекс стоянки носит хорошо выраженный микролитический облик. Основной заготовкой для орудий являлись пластины шириной до 12 мм, а также отщепы и сколы. Пластинчато-отщеповая техника расщепления кремня, относительно высокий процент орудий (морфологически выраженных) на пластинах (38%), наличие серии шлифованных рубящих орудий — тесел, стамесок, наличие микроострий на пластинках с подретушевкой острия сближают этот памятник с мезолитом Марийского Поволжья. Комплекс несет позднемезолитические черты (преобладание округлых скребков на отщепах и сколах, наличие шлифованных рубящих орудий, угасание техники резцового скола, наряду с преобладанием крутой и полукрутой ретуши), и его датировка возможна в пределах конца VII — начала VI тыс. до н.э.

Источники и литература

1. *Березина Н.С.*, 2000. Отчет об археологических разведках в 1999 г. // Архив ИА РАН (Номер хранения не присвоен).
2. *Березина Н.С.*, 2001. О результатах археологической разведки на территории Алатырского, Чебоксарского и Цивильского районов Чувашской Республики в 2001 г. // Архив ИА РАН (Номер хранения не присвоен).
3. *Березина Н.С., Березин А.Ю.* Археологические памятники эпохи камня и раннего металла Чувашского Заволжья (по материалам археологических разведок 1999–2001 гг.) // Новые археологические исследования в Поволжье. Чебоксары, 2003. С. 89–171.
4. *Гадзяцкая О.С., Крайнов Д.А.* Энеолитическое поселение Стрелка I в бассейне р. Клязьма // Российская археология. № 2. М., 2002.
5. *Галимова М.Ш.* Проблемы интерпретации результатов функционального анализа позднемезолитических-раннеолитических каменных индустрий Среднего Поволжья // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 2. Казань., 2004.
6. *Лурина Н.Н.* Мезолит верховьев р. Волги // Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989.
7. *Деревянко Е.И.* Древние жилища Приамурья. Новосибирск, 1991.
8. *Кольцов Л.В.* Мезолит Волго-Окского междуречья // Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989.
9. *Никитин В.В.* Каменный век Марийского края / Труды МарАЭ. Йошкар-Ола, 1996. Т. IV.
10. *Никитин В.В., Соловьев Б.С.* Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы) / Труды МарАЭ. Йошкар-Ола, 2002. Т. VII.
11. *Соколова З.П.* Жилища народов Сибири (опыт типологии). М., 1998.
12. *Соловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья / Труды МарАЭ. Йошкар-Ола, 2000. Т. VI.
13. *Старостин П.Н.* Результаты археологических разведок лево-бережья Волги от пос. Дубовский до с. Кокшамары // Вопросы истории, археологии и этнографии мари / Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1961. Вып. 16.

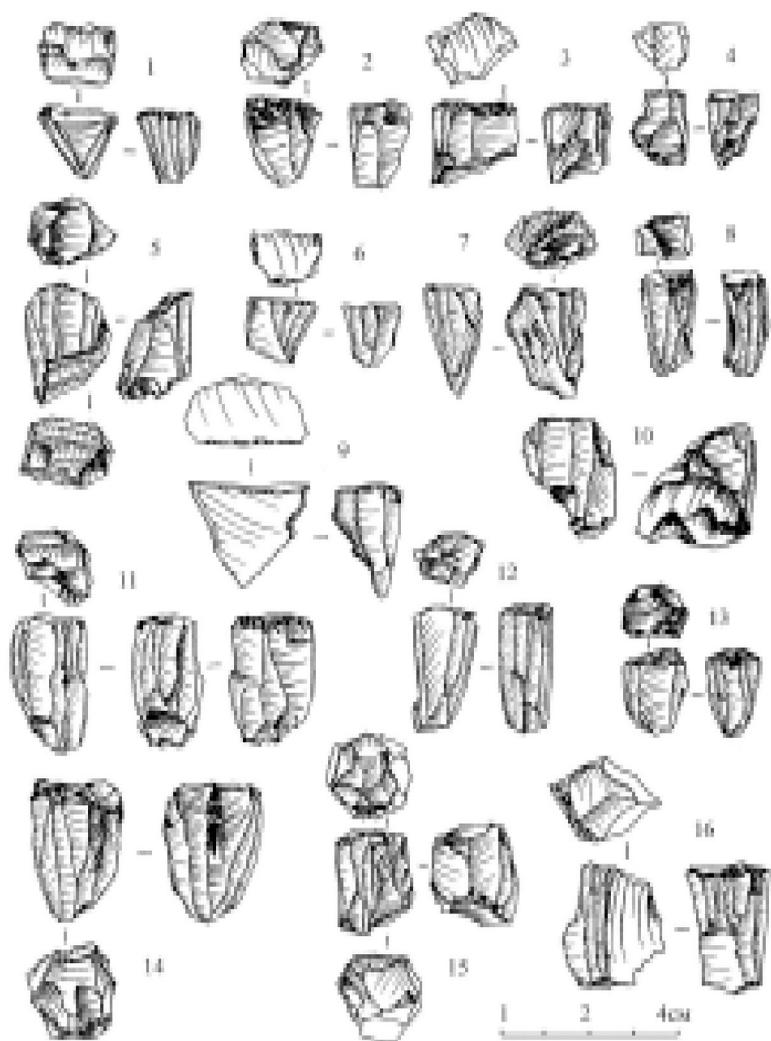

Рис. 12. Мукшумская XVIII стоянка. Нуклеусы из кремня.

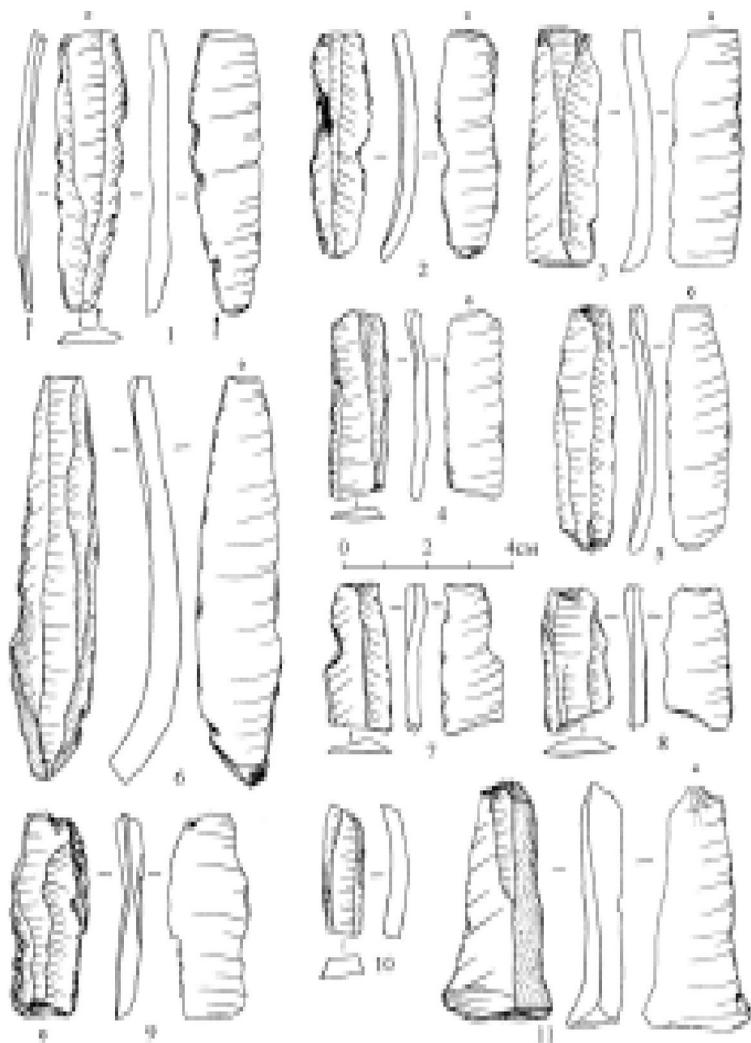

Рис. 13. Мукушумская XVIII стоянка.
Кремневые орудия на пластинах.

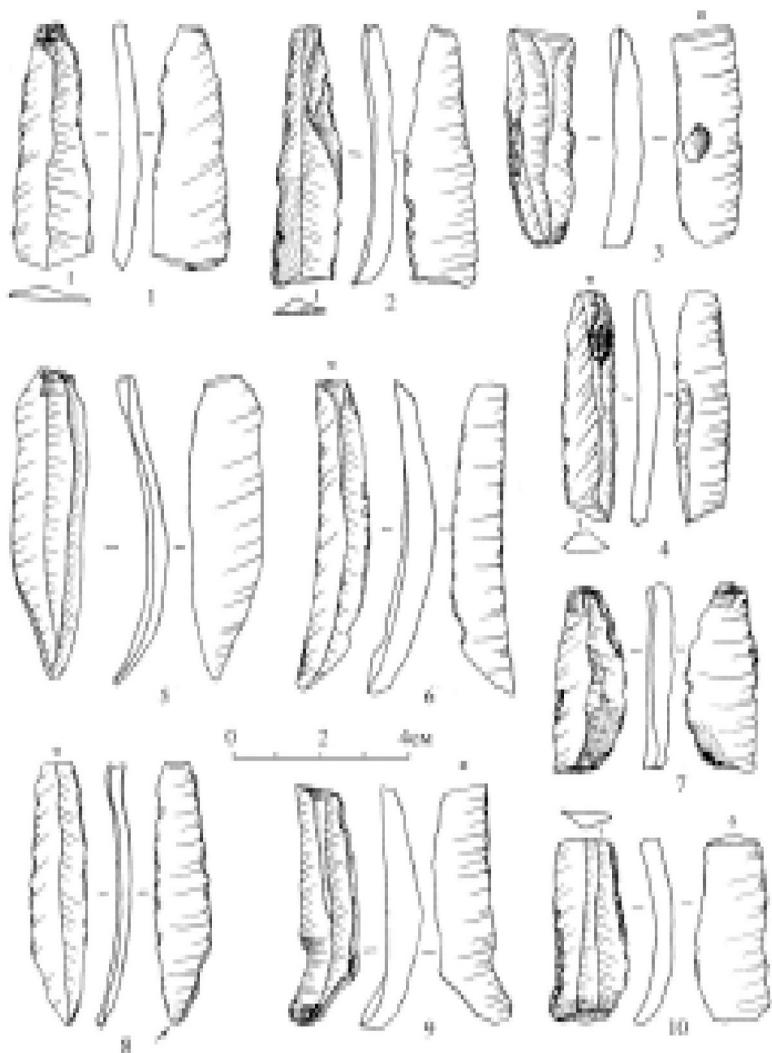

Рис. 14. Мукомская XVIII стоянка.
Кремневые орудия на пластинах.

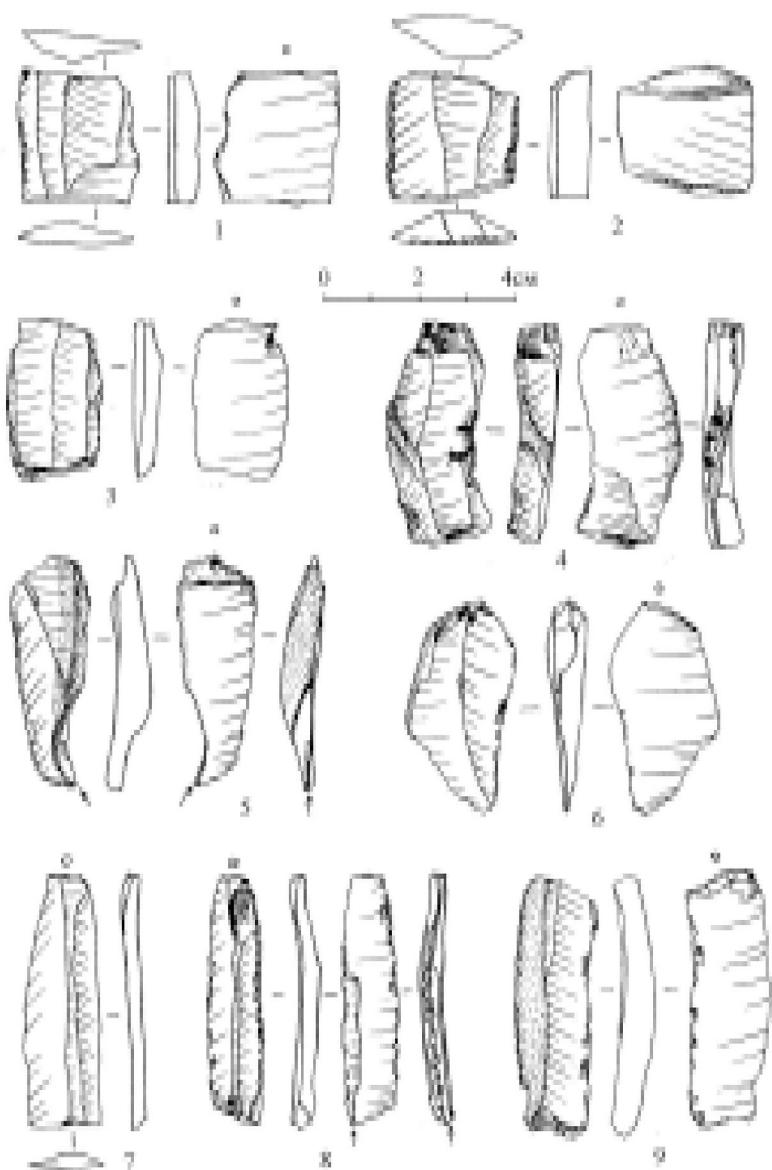

Рис. 15. Мукшумская XVIII стоянка.
Кремневые орудия на пластинах и сколах.

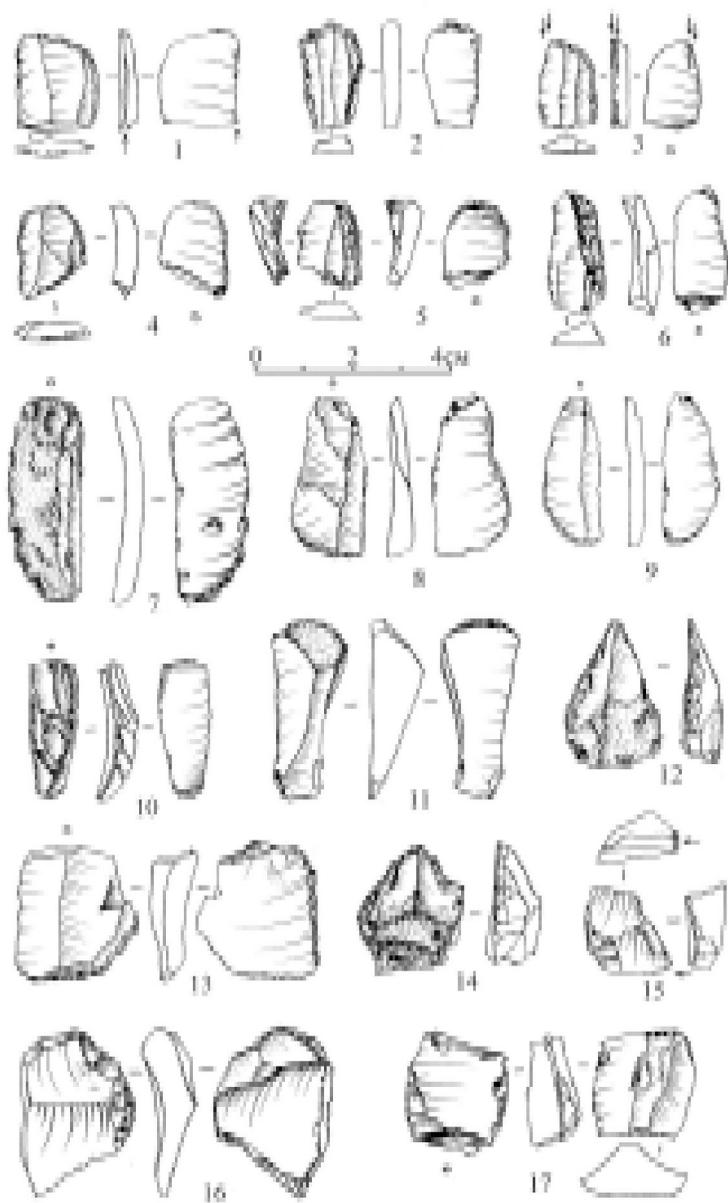

Рис. 16. Мухомовская XVIII стоянка.
Кремневые орудия.

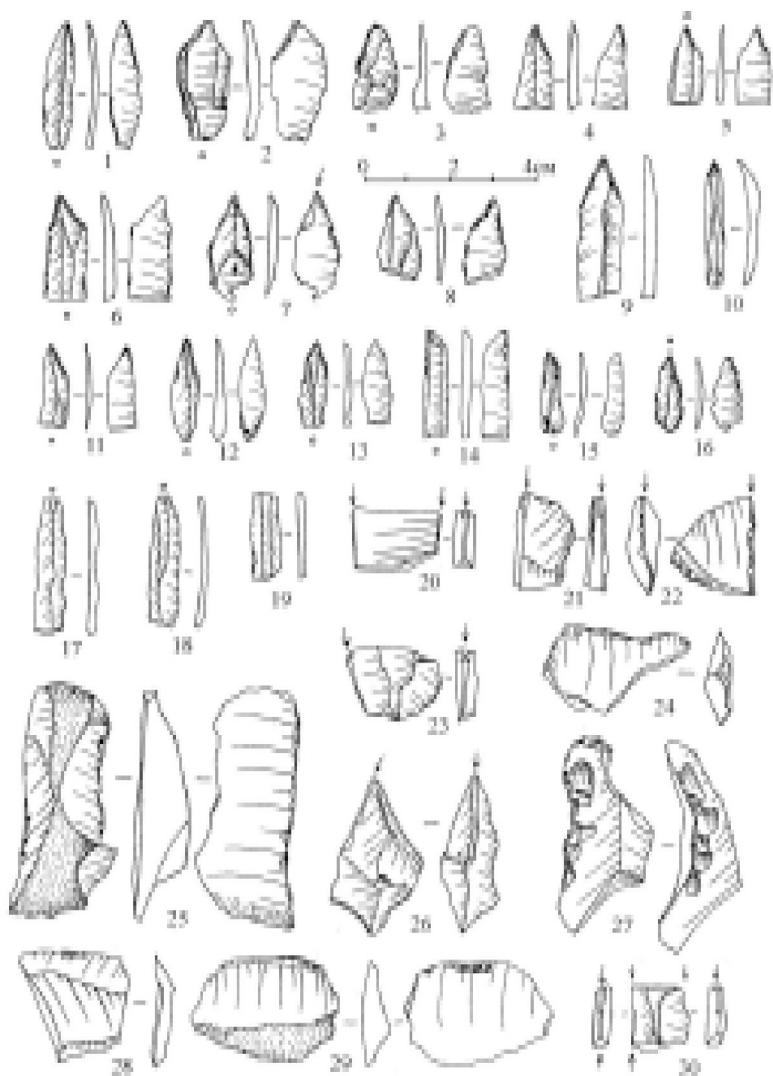

Рис. 17. Мукшумская XVIII стоянка.
Кремневые орудия.

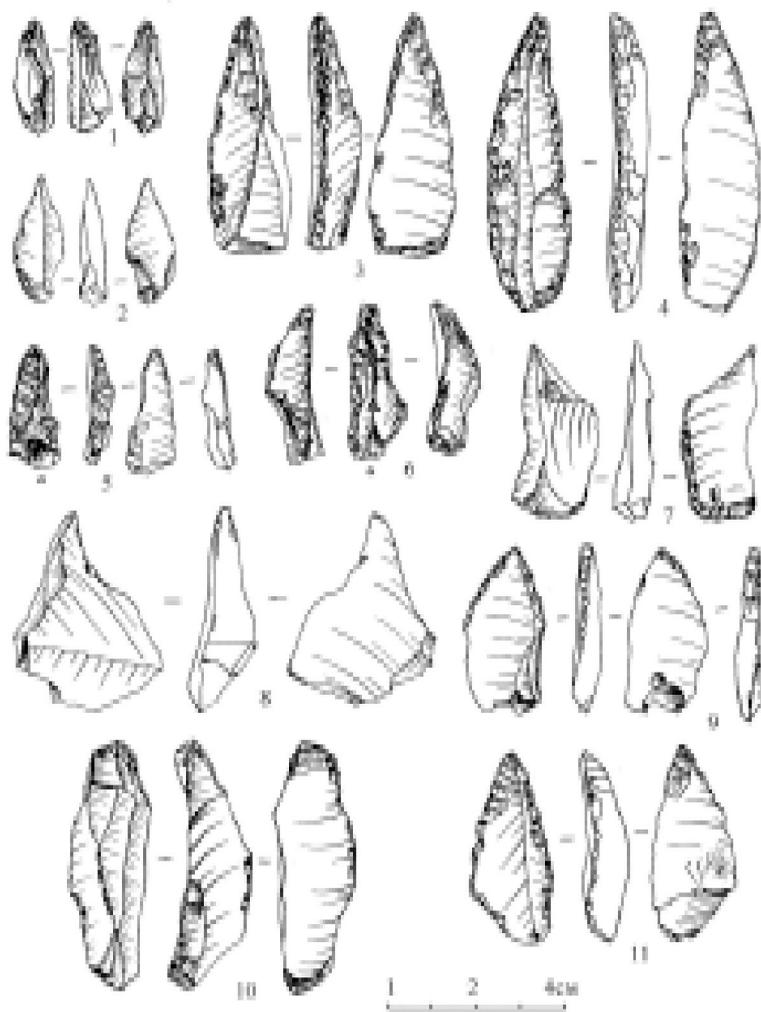

Рис. 18. Мукушумская XVIII стоянка.
Кремневые орудия.

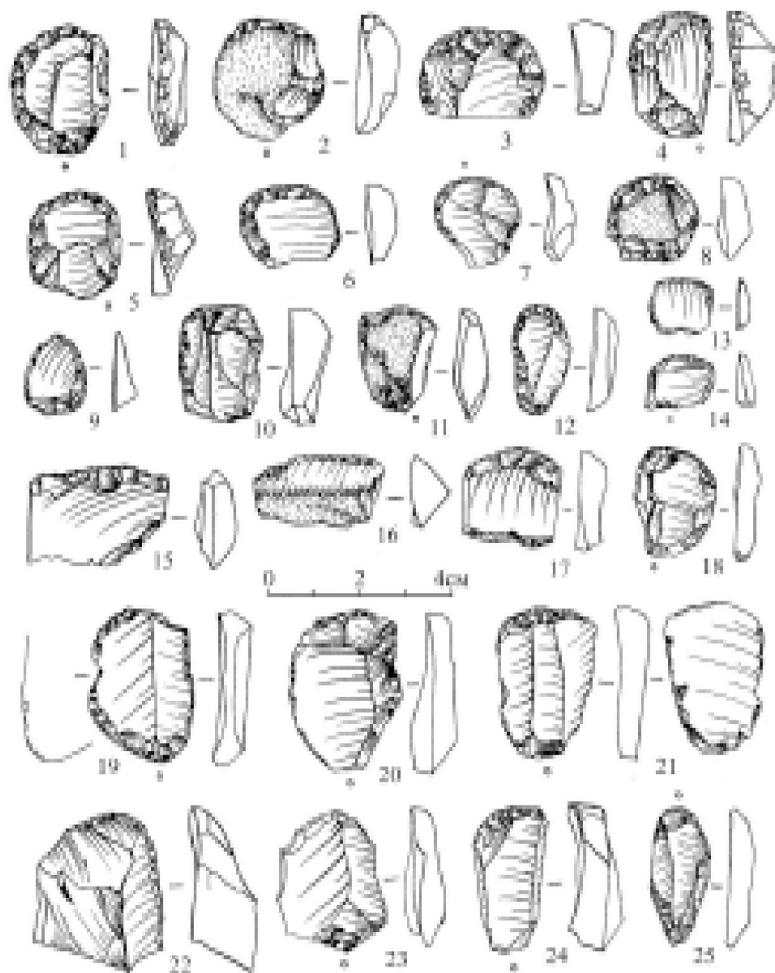

Рис. 19. Мукушумская XVIII стоянка.
Кремневые орудия: скребки.

Рис. 20. Мухомовская XVIII стоянка.
Кремневые орудия: скребки.

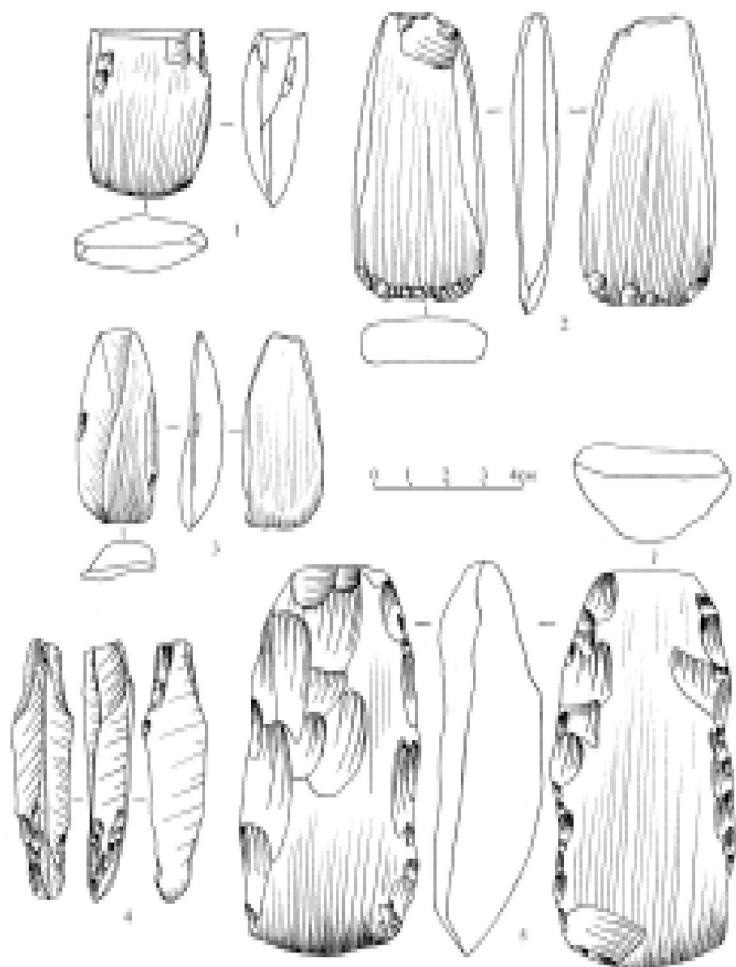

Рис. 21. Мукушумская XVIII стоянка.
Каменные деревообрабатывающие орудия.

Б.С. Соловьев, Е.П. Михайлов

ИЗУЧЕНИЕ БАЛАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЧУВАШСКО-МАРИЙСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Интересующие нас древности стали известны во второй половине XIX в. (Городцов, 1915. С. 126). В Волго-Камье у истоков их изучения стояли ученые и краеведы, в основном члены созданного в 1878 г. Общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете (Н.Ф.Высоцкий, И.А.Износков, П.И.Кротов, А.Ф.Лихачев, В.К.Магницкий, В.Н.Поливанов, А.А.Штукенберг и др.), собравшие на территории Казанской, северных территорий Симбирской и южных уездов Вятской губерний богатые коллекции каменных орудий (сверленных, клиновидных, медных вислообушных топоров). Особенно впечатляет огромное собрание предпринимателя и археолога-любителя В.И.Заусайлова. Лишь небольшая часть этих предметов была введена в научный оборот в сборниках ОАИЭ, других научных изданиях, периодической печати (Износков, 1878, 1884; Каталог, 1882; Кротов, 1895; Заусайлов, 1884; Штукенберг, 1901; Äyräpää, 1933. S. 9–53; Tallgren, 1916)¹.

¹ Большинство из них дошло до наших дней. Полностью сохранилось собрание В.И. Заусайлова, приобретенное в 1909 г. Гельсингфорским музеем (ныне НМФ). Основные фонды ОАИЭ, Общества естествоиспытателей при Казанском университете и некоторые частные коллекции в 1928 г. поступили в Государственный музей ТАССР (ныне НМРТ), где и находятся в настоящее время (Каталог выставки «Каменный век», 1926–1927 гг. Казань; Ефимова А.М., 1959, 1975). Значительное количество предметов из Казанской и южных уездов Вятской губерний сконцентрировано в Археологическом музее КГУ (АКУ–25, 102 и др.). Менее всего повезло находкам (в основном с современной левобережной территории Республики Марий Эл), переданным в 1950 г. ГМТР Марийскому краеведческому музею (ныне НМРМЭ). Из-за варварского отношения к коллекциям судьба большинства из них неизвестна. Лишь часть изделий удалось найти и идентифицировать.

В.К.Магницким, Н.А.Архангельским и другими краеведами были зафиксированы и описаны курганы (Атликасинские и др.) и поселения (Изванкинское “хула сюч”, Тури-Вильское “хула сюч”, Ягаткинское “Пичке Сърчэ” и др.), давшие позже материалы балановской культуры (Магницкий, 1874, 1896, 1897, 1898; Архангельский, 1896, 1900; Поливанов, 1900; Шпилевский, 1877; и др.).

В начале прошлого столетия лесное Волго-Камье было включено в ареал недавно выделенной фатьяновской культуры, а картографирование накопленных материалов позволило высказать предположение о грядущих открытиях на востоке Европейской России фатьяновских могильников (Спицын, 1903, 1905; Tallgren, 1911,1916).

В Чувашском Поволжье оживление археологической деятельности началось в 1920-х гг. после создания Чувашского центрального музея и Общества изучения местного края. Они организовывали небольшие экспедиции, активно пополняли музейные фонды (Смолин, 1921, 1927; Отчет о деятельности ОИМК, 1924). В 1926 г. В.Ф.Смолин обобщил дореволюционные и новые источники в монографии «В глубь веков Чувашского края», содержащей наиболее полную по тем временам сводку фатьяновских орудий с территории Чувашии (Смолин, 1926). Сведения о находках каменных топоров были собраны в написанном Н.А.Архангельским и К.В.Элле в конце 1920-х гг. труде «Древности Чувашской АССР». К сожалению, обе работы остались неопубликованными.

Во второй половине 20-х – начале 30-х годов прошлого столетия в Чувашской Республике развернула деятельность Средневолжская экспедиция ГАИМК под руководством П.П.Ефименко (1926–1927 гг.) и П.Н.Третьякова (1930 г.). Среди обследованных памятников бронзового века доминировали курганы (Алгаши, Досаево, Таушкасы, Тюрлема, Катергино-Бишево, Тебикасы и др.) новой археологической культуры, получившей известность после раскопок В.Ф.Смолиным (1928) в 1925 г. Абашевского могильника.

Спустя десятилетия выяснилось, что некоторые памятники: Досаево, Новинское, Калугино содержали фатьяновские материалы. Так, слой с позднебалановской посудой – позднее она будет названа «хуласючской» – имелся на Калугинском городище, раскопанном в 1930 г.

П.Н.Третьяковым (Отчет 1930 г.). Первоначально исследователь (1932. С. 64) рассматривал ее в качестве «реликта бомбовидных сосудов костеносных городищ ананьинской культуры», затем (1948, С. 66–69, рис. 33) отнес к болгарской эпохе. Правильная интерпретация этой керамики могла ускорить решение злободневной в то время проблемы фатьяновских поселений.

Вскоре сбылось давнее предсказание А.А.Спицына и А.М.Тальгрена — в 1930 г. П.Н.Третьяков у д. Атликасы на северо-западе Чувашской Республики обнаружил подкурганное захоронение с сосудами со своеобразной геометрической орнаментацией (Третьяков, 1931). Впоследствии Атликасинский курган дал имя серии аналогичных памятников и этапу балановской культуры. Через три года чебоксарские музейные работники и краеведы К.В.Элле, И.Т.Тихонов, П.Г.Григорьев, Г.Д.Данилов, М.П.Петров-Тинехпи открыли и частично раскопали второй, уже грунтовый, могильник у д. Баланово Козловского района ЧАССР (Элле. Дневники...; Тихонов, 1934. С. 123, 124). Результаты многолетних раскопок Балановского могильника: О.Н.Бадер — 1934, 1936, 1937 гг. (1940); М.С.Акимова — 1940 г. (1947); М.А.Бадер — 1957 г., обобщенные в капитальной монографии (Бадер, 1963), дали толчок для идеи обособления балановских древностей (Бадер, 1950, 1961, 1963).

Яркие страницы в летописи балановской культуры первой половины 1950-х гг. написаны П.Д.Степановым (1951), зафиксировавшим на городище Ош Пандо в Мордовии следы первого фатьяновского поселка (1967). Впоследствии в западных и северо-западных районах Чувашии возглавляемая П.Д.Степановым (1954, 1958, 1958а) экспедиция Саратовского педагогического института выявила еще около двух десятков подобных поселений: Мурзакасы, Калугино, Изванкино «Хула-Сюч», Чебаково, Янымово, Верхние Ачаки, Новое Шокино, Тоганаши, Чербай, Малый Сундырь, Балдаево, Чеморданы и др. Почти все они, наряду с уже известными могильниками, находками каменных и бронзовых орудий на территории Чувашской АССР, вошли в свод «Материалы к археологической карте западной части Среднего Поволжья» (Степанов, 1962).

Сенсационное появление фатьяновских поселений вызвало скептицизм некоторых, в основном московских,

археологов, считавших их остатками разрушенных могильников (Арциховский, 1954. С. 83; Фосс, 1952. С. 182; Монгайт, 1955. С. 132, 133). Пытаясь доказать свою правоту, исследователь обратился в дирекцию ИИМК с просьбой о командировании сотрудника для определения характера выявленных им памятников. В качестве эксперта выступил О.Н.Бадер (1960. С. 126–142), подтвердивший после раскопок Чебаковского I селища в 1957 г. правильность точки зрения П.Д.Степанова. Открытие фатьяновских поселений стало одним из наиболее важных достижений российской археологической науки прошлого столетия.

Резкий количественный и качественный скачок в накоплении источниковой базы произошел во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. благодаря деятельности созданной в 1956 г. Чувашской археологической экспедиции под общим руководством А.П.Смирнова (1958, 1964). Основную роль в практическом изучении балановских древностей сыграли Н.В.Трубникова и В.Ф.Каховский.

Уже первый год работы ЧАЭ ознаменовался открытиями двух некрополей у д. Таутово: грунтового, близкого Балановскому, и курганного¹. Тогда же был раскопан Рас-

¹ Н.В.Трубниковой (1958, С. 259) кратко упоминаются раскопки в 1956 г. В.Ф.Каховским кургана у д. Таутово. Очевидно, в данной работе речь шла о раскопанном в этом же году Раскильдинском (Таутовском) «атликасинском» кургане, располагавшемся между д. Таутово и с. Раскильдино. Скорее всего, недоразумение произошло по невнимательности О.Н.Бадера (1963, С. 222, №20), произвольно интерпретировавшего текст статьи Н.В.Трубниковой. Для убедительности приведем цитаты. Н.В.Трубникова пишет: «Один из курганов был обследован вторым отрядом у д. Таутово. Работы проводил участник экспедиции В.Ф.Каховский. У д. Таутово имеются три кургана в лесу. По свидетельству местных жителей, курганные насыпи были и на поле у леса, в местности «Тохташские могилы», которые в настоящее время бесследно распашаны. По-видимому, разбросанная в большом количестве по полю керамика осталась от этих курганных насыпей. Эта керамика ... абсолютно аналогична найденным в кургане и на городище, расположенном у д. Тури-Выла (Хула суче) и особенно на городище (Хула суче) у д. Изванкино». О.Н.Бадер: «В лесу д. Таутово имеются три кургана. Один из них был исследован в 1956 г. сотрудником Чувашской экспедиции В.Ф.Каховским. В кургане были обнаружены глиняные сосуды, по своему типу сходные с поселения Хула-Суч у д. Изванкино». Напомним, что «в почвенном слое насыпи» Раскильдинского кургана была собрана керамика, близкая хуласюческой (Трубникова, Каховский, 1958. Рис. 4).

кильдинский курган атликасинского облика (Трубникова, Каховский, 1958. С. 263—268). В следующий полевой сезон В.Ф.Каховский (1960. С. 143—149) вскрыл еще одну «атликасинскую» насыпь у д. Кумаккасы, Н.В.Трубникова (1960. С. 39—43) исследовала хуласюцкий погребальный комплекс в Медякасинской (Янымовской) курганной группе.

В 1957 г. А.Х.Халиковым (1964. С. 50—53) на границе с Чувашией в Буинском районе Татарской АССР выявлен небольшой (два погребения) Козловский могильник.

В 1960, 1961 гг. В.Ф.Каховский (1963. С. 169—177; 1964. С. 73—97) в Цивильском районе Чувашской АССР произвел раскопки Чурачикского археологического комплекса, включившего три подкурганых балановских захоронения с богатым погребальным инвентарем. В 1962 г. Н.В.Трубникова и Т.А.Кравченко раскопали хуласюцкий Мамалаевский курган (Кравченко, 1964. С. 282—287). Одновременно исследовались известные и новые поселения, в основном поздние ошпандинско-хуласюцкие: Янымово, Тури-Выла, Ягаткино, Тиханкино I, II, Малые Яуши I, Юваново, Сареево «Ножа Вар», Тоганаши, Новинское, Шоркино, Тохмеево, Ягаткино II «Карман-Сирма», Большое Янгильдино. Фиксировались случайные находки каменных сверленных и клиновидных топоров (Бадер Н.О. Отчет 1957 г.; Трубникова, 1956. С. 259; Каховский. Отчет 1961 г.).

Поселенческие материалы, оперативно введенные в научный оборот, несмотря на недостаточную информативность некоторых публикаций, значительно расширили представление о культуре и быте балановских племен (Трубникова, 1958. С. 200—202; 1960. С. 44—49; 1964. С. 200, 209—211, 221; 1964а. С. 117—126, 167, 168, 194; 1966. С. 288; 1970. С. 213—215; Трубникова, Каховский, 1958а. С. 269—274; Смирнов, 1961. С. 60—66; Каховский, 1962. С. 152—155, 1964а. С. 33—36, 142—148; Матвеева, 1962. С. 214—219).

Последующее изучение балановских памятников Чувашии было менее интенсивным и целенаправленным, что во многом объясняется постепенным падением интереса к балановско-фатьяновской проблематике в советской археологической науке после выхода серии обобщающих монографий (Крайнов, 1972; 1987. С. 58—76; Бадер, Халиков, 1976; 1987. С. 76—84; Гадзяцкая, 1976; Крайнов, Гадзяцкая, 1987).

В 1950 — 1970-х гг. значительное количество местонахождений керамики (большинство из них являлось следами разрушенных поселений) обнаружено краеведом П.Т.Трифоновым (1972. С. 416—422; 1973) в северо-западных районах республики, в 1974—1977 гг. В.Ф. и Б.В. Каховскими на Нижней Суре (Каховский В.Ф., 1978. С. 3—18). Редкие стационарные работы тех лет ограничивались небольшими раскопками Балановского могильника и хуласючского(?) Абашевского I поселения (Каховский В.Ф., 1978. С. 19—24; Каховский Б.В., Каховский В.Ф., 1975. С. 49). Фрагменты хуласючских сосудов найдены в 1969, 1970 гг. Ю.А.Красновым и Н.В. Трубниковой у д. Никитино на доне «Саушкино» в Ядринском районе Чувашской Республики при раскопках поздняяковского — «текстильного» поселения. (Краснов, Трубникова, Зубарева, 1973. С. 81—90; Краснов, 1978. С. 177).

Реестр балановских памятников Чувашии середины 1970-х гг. (учтено 127 пунктов) опубликован в обширной статье (Каховский Б.В., Каховский В.Ф., 1975. С. 137—165). Отметим сомнительную принадлежность многих указанных в ней невыразительных местонахождений к балановской культуре.

В.Ф. и Б.В. Каховские (Отчеты 1987—1989 гг.; 1991. С. 21—28) в 1987 г. исследовали Тенеевское поселение, в 1988, 1989 гг. — курганные могильники: Атликасы, Саруй, Верхние Ачаки, Сирмапоси-Караево. В 1986—1992 гг. Е.П.Михайлов (Отчеты 1986—1988 гг.; 1991. С. 29—63; 1991а; 1992) собрал многочисленные сведения о находках каменных и медных топоров в Моргаушском, Козловском, Чебоксарском, Комсомольском, Шемуршинском, Красночетайском районах республики, обнаружил (вместе с Р.С.Габяшевым) хуласючское поселение у д. Новая Екатериновка в Нижнем Посурье.

В 2000, 2001 гг. Б.С.Соловьевым и Е.П.Михайловым (2003. С. 73—88) произведены раскопки недавно открытого Новосюрбеевского I могильника, Б.В.Каховским — атликасинского кургана Красный Октябрь. Е.П.Михайловым (2003. С. 260—264), Н.С.Березиной и А.Ю.Березиным (2003. С. 125), Б.В.Каховским, С.А.Красновым (2003. С. 286, 287) обследованы известные: Ягаткино «Пичке Сърчэ», Баланово, Таугово, Калутино, выявлены новые памятники: Линево

и др.; учтено множество ранее неизвестных случайных находок, хранящихся у населения, в районных, народных, школьных музеях. Среди последних выделим переданную Б.В.Каховскому коллекцию, собранную учителем В.И.Федоровым у пос. Красный Октябрь на месте разрушенных (атликасинских?) курганов (Каховский Б.В., 1998. С. 81).

В Марийском Заволжье наличие каменных сверленых и клиновидных топоров стало очевидным в последней трети XIX в. (Износков, 1878, 1884; Кротов, 1895. С. 379; Спицын, 1893. С. 21). Приходится сожалеть, что начавшееся в Волго-Камье после состоявшегося в Казани в 1877 г. IV археологического съезда оживление археологических изысканий почти не коснулось современной территории Республики Марий Эл (РМЭ). Тем не менее, на фатьяновские древности Вятской губернии своевременно обратил внимание А.А.Спицын. В частности, он (1905. С. 80) связывал серию каменных орудий из д. Мосино на р. Малая Кокшага с разрушенным фатьяновским могильником. В целом накопление источников шло медленно, бессистемно, в основном с целью пополнения музейных и частных коллекций. Значительную роль в этом плане сыграла активная деятельность В.И.Заусайлова, в собрании которого осело большинство случайных находок.

Работавшие в 1920—1930-е гг. в Поволжье и Поветлужье Комплексная антропологическая экспедиция МГУ и Средневолжская экспедиция ГАИМК основное внимание уделяли городищам и могильникам раннего железного века и средневековья. Единственным исключением были безуспешные раскопки Е.И.Горюновой (1937. С. 285—288) двух, как оказалось позднее, абашевских (Халиков А.Х., 1961. С. 193—201) курганных групп в Марийской автономной области. Сохранились сведения о посещении в 1928 г. членами Козьмодемьянского общества краеведения «донной стоянки послеледникового периода» у пос. Юрино в устье Ветлуги (Эпин, 1929. Л. 4). Судя по описанию, это была Юринская стоянка, где в 1952 г. Р.В.Чубарова (1953. С. 285—286) собрала керамику с «явственными балановскими чертами».

Поэтому не стоит удивляться, что вышедшая в середине 1930-х гг. книга М.Г.Худякова «Очерк истории первобытного общества на территории Марийской области» (1935. С. 70) содержит лишь краткий перечень дореволюци-

онных находок каменных сверленных топоров, в основном из коллекции ОАИЭ. Еще скромнее фатьяновско-балановские материалы представлены в монографии А.П.Смирнова «Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья» (1949. С. 19—20) и рукописи Н.В.Никольского «История народа мари с древнейших времен до наших дней» (1951. Л. 67).

Достоверные балановские памятники в Марийском Заволжье стали известны только в середине прошлого столетия благодаря активным работам Марийской археологической экспедиции (1956—1959 гг.) под руководством А.Х.Халикова. Тогда на северо-востоке Марийской АССР и в пограничных районах Кировской области были открыты и исследованы грунтовые могильники Марийская Лиса, Соза-Курбатово, Павлушаты, Синцовский курган, Новоселовское поселение; в Марийско-Горьковском Предволжье — Писеральское, Сомовское поселения; зафиксированы многочисленные местонахождения балановско-атликасинской керамики и находки каменных сверленных топоров.

В 1955, 1956 гг. В.П.Денисов (1958. С. 111) в левобережье Вятки обнаружил фатьяновско-балановские предметы в постройках поселений Буй I, II. Возможно, к атликасинскому типу принадлежал Яснурский курган, вскрытый в 1967 г. И.В.Стефановой в Советском районе Кировской области (Бадер, Халиков, 1976. С. 85).

Неординарным событием стало появление в регионе многочисленных «фатьяноидных» комплексов, первый из которых был обнаружен в 1957 г. в верхнем течении р. Малая Кокшага у с. Новые Чирки Марийской АССР. Подводя предварительные итоги раскопок Чирковской стоянки, А.Х.Халиков высказал предположение о возможности выделения на Средней Волге «своеобразной культуры эпохи бронзы, по своему происхождению связанной с культурами фатьяновских и местных неолитических племен» (Халиков, Архипов, 1959. С. 115—116).

Список памятников чирковского типа непрерывно пополнялся. Наибольший интерес среди них представляло Васильсурское II городище в устье Суры, где в 1958, 1959 гг. А.Х.Халиков и Е.А.Халикова собрали огромный вещевого

материал и вычленили два балановско-чирковских горизонта с наземными жилищами, укреплениями в виде мелкого рва и низкого вала со следами частокола. Как считали авторы раскопок, нижний культурный слой содержал в основном атликасинскую, верхний — ошпандинскую посуду. Васильсурскому поселению посвящена обширная статья, в которой обосновывалось выделение ошпандинского этапа балановской культуры (Халиков, Халикова, 1963. С. 238—268). Хуласючско-чирковские слои прослежены в Марийско-Горьковском Правобережье на Хмелевском городище и Носельском селище. В лесном Заволжье свидетельства тесного балановско-волосовского взаимодействия получены на Кубашевском городище, Юринской стоянке и Галанкиной Горе.

Результаты интенсивных полевых изысканий МарАЭ оперативно введены в научный оборот и обобщены в монографии А.Х.Халикова (1960. С. 76—108, 138—140), в основном в разделе, посвященном характеристике новой чирковско-сейминской культуры. Предварительно были очерчены северная (р. Пижма) и восточная (правый берег р. Вятки) границы раннего балановского ареала в Ветлужско-Вятском междуречье, хуласючские памятники Предволжья по срубным и поздняяковским параллелям датированы концом II — началом I тыс. до н. э. Деятельность МарАЭ в этот период по интересующей нас тематике отображена также в справочных изданиях (Архипов, Халиков, 1960; Халиков, 1958; Халиков, Архипов, 1959; 1967).

К сожалению, успешно начатое планомерное исследование балановских и чирковских памятников вскоре вновь приобрело случайный характер, поскольку в 1960—1970-е гг. археологи региона направили основные усилия на изучение неолита, раннего железного века и средневековья. Редким исключением выглядят раскопки Е.А.Халиковой в 1966 г. Галанкиной Горы (Архипов, Патрушев, Халиков, 1971. С. 239—241), проводившиеся в русле подготовки книги А.Х.Халикова «Древняя история Среднего Поволжья» (1969). Материалы раскопок Галанкиной Горы 1959, 1966 гг. кратко освещены в одной из глав этой монографии (С. 182—208). Отсутствующая в работе полноценная характеристика балановских древностей Волго-Камья ранее дана в докторской диссертации А.Х.Халикова (1966). С источниковедческой

точки зрения наибольшее внимание в ней привлекает типологический анализ каменных орудий, опирающийся на обширную фактическую базу (только сверленных топоров учтено свыше 600 экземпляров).

В 1977 г. В.С.Патрушев (1978. С. 95—101) вскрыл два жилища на Юринской стоянке. Долговременные хуласючские поселения попутно исследовались на многослойных городищах, расположенных недалеко от устья Суры у д. Сомовка Воротынского района Горьковской области: в 1978, 1979 гг. В.С. Патрушевым (1989. С. 103—108) — Сомовском I, в 1978 г. Г.А.Архиповым — Сомовском II (Архипов, Соловьев, 1989. С. 95—102).

Появились новые данные о присутствии в лесном Заволжье балановско-атликасинских и ошпандинско-хуласючских коллективов (Архипов, Никитин, 1977. С. 25; 1981. С. 179; Никитин, Старостин, 1978. С. 60, №182; Никитин, 1977. С 76; Никитин, Патрушев, 1982. С. 26; Соловьев, 1987а. Рис. 1, 1, 2, 3; Никитин, Соловьев, 1990. С. 142).

В Марийско-Нижегородском Поволжье целенаправленное практическое изучение балановских древностей возобновилось в начале 1980-х гг. в связи с разработкой темы «Чирковская культура Среднего Поволжья» (Соловьев, 1994). Раскопки синкретических поселений в устье Ветлуги: в 1982, 1983, 1989 гг. — Галанкиной Горы, в 1986 г. — Удельного Шумца VII, в 1989, 1993 гг. — Нижней Стрелки IV расширили представления о взаимоотношениях балановских племен с различными группами населения Волго-Камья (Соловьев, 1987. С. 79—101; 1989. С. 79—94; 1990. С. 39—43).

Хуласючско-чирковские слои прослежены в 1985 г. Б.С.Соловьевым на Хмелевском, в 1990 г. Т.Б.Никитиной и Б.С.Соловьевым (1991. С. 134—136; 2001. С. 7—41) на Сомовском II городищах. Близкий культурный комплекс с пятью наземными изолированными постройками исследован в 1992—1994 гг. Т.Б.Никитиной (1994. С. 105) в устье Суры на Васильсурском V городище в Воротынском районе Нижегородской области. Хуласючский горизонт выявлен в 1992 г. В.В.Никитиным и А.И.Шадриным на расположенном неподалеку Анинском городище (Соловьев, 2000. С. 127).

В 1999—2000 гг. В.В.Никитин и Б.С.Соловьев (2003. С. 98—108) продолжили раскопки Юринской стоянки.

Материалы поселения, в последнее время неоднократно комментированные в археологической литературе (Соловьев, 2004; Ставицкий, 2003; 2004; Большов, 2002; 2003), служат уникальным индикатором контактов культур юга лесной полосы первой половины II тыс. до н. э., позволяя по-новому взглянуть на относительную хронологию бронзового века Волго-Камья. Разведками последних лет зафиксированы многочисленные местонахождения и случайные находки балановского типа.

Сжатую информацию о балановских памятниках РМЭ можно найти в справочниках (Никитин, Старостин, 1978; Никитин, Патрушев, 1982; Никитин, Соловьев, 1990) и в обобщающих статьях (Соловьев, 1987а; 1991; 2004; 2004а).

Фатьяновско-балановская керамика обнаружена в 1980-х гг. в прилегающих к МАССР южных районах Кировской области на средневятских юртиковских (позднегаринских) поселениях Буй I, Чернушка II, Усть-Курья. К сожалению, эти интересные материалы, за исключением буйских (Трефц, 1985), очень слабо отражены в археологической литературе (Наговицин, 1991. С. 99–100; Голдина, 1999. С. 130. Рис. 54).

Кратко остановимся на некоторых не упомянутых выше работах, содержащих источники для изучения балановских древностей Ветлужско-Вятского междуречья и Марийско-Чувашского Поволжья. Фонды ГМТР эпохи бронзы конца 1940 — середины 1970-х гг. отображены в составленных А.М.Ефимовой каталогах археологических коллекций (1959; 1975) и статье (1951. С. 170–176), которые, несмотря на описательный характер, включают ценную информацию о локализации в Волжско-Камском крае дореволюционных находок каменных молотов. Судя по сведениям А.М.Ефимовой, в начале 1950-х гг. в ГМТР хранилось 85 сверленных топоров с современной территории Республики Марий Эл и Чувашской Республики, в основном из Сурско-Свияжского междуречья.

Позднее более обширная сводка подобных изделий Волго-Камья издана А.Я.Брюсовым и М.П.Зиминой (1966). Данный свод неоднократно критиковался за упрощенную классификацию и неполный объем источников, в основном базирующихся на музейных коллекциях (Крайнов, 1972.

С. 39; Гадзяцкая, 1976. С. 50; Бадер, Халиков, 1987. С. 59—60). Недавно проанализированы сверленные топоры Археологического музея Казанского университета: 49 экз., происходящих из бассейна Свияги и южных уездов бывшей Вятской губернии (Осипенко, 2002. С. 60—64) и последние находки орудий балановского типа на Вятском увале (Соловьев, 2004. С. 36—41). Новые балановские материалы Марийского По-волжья подробно опубликованы в серии «Труды Марийской археологической экспедиции» (Соловьев, 2000. С. 101—134. Рис. 3—60; Никитин, Соловьев, 2002. С. 39—44, 71—78).

Начатое П.М.Кожиным (1963; 1964) типологическое и структурно-технологическое изучение фатьяновской керамики продолжено Е.В.Волковой (1994; 1996; 1998), проанализировавшей посуду Балановского и Апликасинского могильников. Важные сведения о балановской металлургии и металлообработке содержатся в исследованиях Е.Н.Черных (1963; 1966; 1970). Хозяйственной деятельности средневожских племен посвящены работы А.Г.Петренко (1984; 1987; 2000; 2003; 2003а).

Наконец, нельзя пройти мимо широко известного коллективного труда О.Н.Бадера и А.Х.Халикова (1976). По-прежнему оставаясь наиболее полной и востребованной сводкой памятников Волго-Камья, он содержит обширную источниковую базу, формирующую современное представление о балановской культуре.

Литература и источники

Акимова М. С. Балановский могильник (Предварительное сообщение о раскопках в 1940 г.) // КСИИМК. М., 1947. Вып. XVI.

Архангельский Н. А. Курганы в Туруновском и Мало-Шатьминском приходах Ядринского уезда Казанской губернии // ИОАИЭ. Казань, 1896. Т. 13. Вып. 4.

Архангельский Н. А. Археологические достопримечательности Ядринского уезда Казанской губернии // ИОАИЭ. Казань, 1900. Т. 16. Вып. 2.

Архипов Г. А., Никитин В. В. Уржумкинское поселение // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. АЭМК. Йошкар-Ола, 1977. Вып. 2.

Архипов Г. А., Никитин В. В. Мазарское I поселение // Материальная и духовная культура марийцев. АЭМК. Йошкар-Ола, 1981. Вып. 5.

Архипов Г. А., Патрушев В. С., Халиков А. Х. Марийская археологическая экспедиция 1966—1968 годов // Новые страницы в истории Марийского края. Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1971. Вып. XXIII.

Архипов Г.А., Соловьев Б.С. Сомовское поселение эпохи бронзы // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища. АЭМК. Йошкар-Ола, 1989. Вып. 15.

Архипов Г.А., Халиков А.Х. Материалы к археологической карте Марийской АССР (По данным Марийской археологической экспедиции 1956–1959 гг.). Йошкар-Ола, 1960.

Арциховский А.В. Основы археологии. М., 1954.

Бадер О.Н. Могильник в урочище Карабай близ дер. Баланово в Чувашии // СА. 1940. VI.

Бадер О.Н. К вопросу о балановской культуре // СЭ. 1950. №1.

Бадер О.Н. Чебаковское поселение эпохи бронзы на р. Суре // Вопросы археологии и истории Чувашии/ УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1960. Вып. XIX.

Бадер О.Н. Балановская культура // СА. 1961. №4.

Бадер О.Н. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М., 1963.

Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятники балановской культуры. САИ. М., 1976. Вып. VI–25.

Бадер Н.О. Отчет 1957 г. Отчет о работах палеолитического отряда Куйбышевской экспедиции, проведенных в июле 1957 г. Н. Бадером и В. Пушкарским // Архив ИА РАН. Р–1. №1659.

Березина Н.С., Березин А.Ю. Археологические памятники эпохи камня и раннего металла Чувашского Заволжья (по материалам разведок 1999–2001 гг.) // Новые археологические исследования в Поволжье. Чебоксары, 2003.

Большов С.В. Культурогенетическая ситуация на севере Среднего Поволжья в абашевское время // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск, 2002.

Большов С.В. Средневожская абашевская культура. Труды МарАЭ. Йошкар-Ола, 2003. Т. VIII.

Волкова Е.В. Технология и морфология керамики фатьяновских племен. АДКИН. М., 1994.

Волкова Е.В. Гончарство фатьяновских племен. М., 1996.

Волкова Е.В. Керамика Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник. М., 1998.

Гадзяцкая О.С. Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-Горьковская группа. САИ. М., 1976. Вып. VI–21.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.

Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Императорского Российского исторического музея в Москве за 1914 г. М., 1915.

Горюнова Е.И. Сретенская и Кутунурская курганные группы // СА. 1937. IV.

Денисов В.П. Новые археологические памятники на р. Вятке // СА. 1958. № 3.

Ефимова А.М. Сверленные молоты (Из коллекции Государственного музея Татарской АССР) // КСИИМК. М.–Л., 1951. Вып. XXXVI.

Ефимова А.М. Каталог археологических коллекций. Эпоха бронзы (Поступления 1890–1920-х годов). Казань, 1959.

Ефимова А.М. Каталог археологических коллекций. Вып. 1. Палеолит, мезолит, неолит, эпоха бронзы. Казань, 1975.

Заусайлов В.И. Древние каменные орудия, собранные в пределах Казанской губернии. Казань, 1884. Вып. 1. Казанский уезд.

Износков И.А. Заметки о городках, курганах и древних жилищах, на-ходящихся в Казанской губернии, и о встречающихся в них находках // ИОАИЭ. Казань, 1878. Т. I. Вып. 4; 1884. Т. III.

Каталог выставки 1882 года Общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете. Казань, 1882.

Каховский Б.В. Отчет 1987 г. Отчет об итогах работ Чувашской археологической экспедиции. 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №12201.

Каховский Б.В. Отчет 1988 г. Исследования курганов эпохи бронзы Чувашской археологической экспедицией в 1988 г. // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2405. № 8963.

Каховский Б.В. Отчет 1988 г. Исследование кургана у д. Сирмапоси-Караево в Красноармейском районе ЧАССР. 1989 г. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2405. № 8961–8965.

Каховский Б.В. Новые материалы исследования памятников бронзового века // Вопросы археологии и антропологии Чувашии. Чебоксары, 1991.

Каховский Б.В. Исследования памятников бронзового века в Чувашии // История исследования археологических памятников в Чувашском Поволжье и материалы по антропологии чувашей. Чебоксары, 1995.

Каховский Б.В. Средневожжский археологический словарь. Учебное пособие. Чебоксары, 1998.

Каховский Б.В., Каховский В.Ф. Новые памятники балановской культуры // История, археология и этнография Чувашской АССР / Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1975. Вып. 60.

Каховский В.Ф. Памятники материальной культуры Чувашской АССР. Чебоксары, 1957.

Каховский В.Ф. Раскопка кургана у д. Кумаккасы Ядринского района Чувашской АССР // Вопросы археологии и истории Чувашии / УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1960. Вып. XIX.

Каховский В.Ф. Отчет 1961 г. Материалы второго отряда Чувашской археологической экспедиции 1961 г. Фотоальбом // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 599.

Каховский В.Ф. Поселения эпохи бронзы в Чувашии // СА. 1962. №1.

Каховский В.Ф. Чурачикский курган в Чувашии // СА. 1963. № 3.

Каховский В.Ф. Чурачикский могильник // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958–1961 годах / УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1964. Вып. XXV.

Каховский В.Ф., 1964 а. Новые археологические памятники // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958–1961 годах / УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1964. Вып. XXV.

Каховский В.Ф. Новые археологические памятники Чувашского Приурья // Исследования по археологии Чувашии / Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1978. Вып. 80.

Каховский В.Ф. 1978 а. Обследование Балановского могильника // Исследования по археологии Чувашии / Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1978а. Вып. 80.

Кожин П.М. Хронология шаровидных амфор фатьяновских могильников // СА. 1963. №3.

Кожин П.М. О технике выделки фатьяновской керамики // КСИА. М., 1964. Вып. 101.

Кравченко Т.А. К вопросу о погребальных памятниках типа «Хула суч» // СА. 1964. № 3.

Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго–Окского междуречья. М., 1972.

- Крайнов Д.А.* Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
- Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С.* Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье. САИ. М., 1987. Вып. В1–22.
- Краснов С.А.* Археологическая разведка 2001 г. в Козловском районе Чувашской Республики // Новые археологические исследования в Поволжье. Чебоксары, 2003.
- Краснов Ю.А.* Краткий очерк работ Чебоксарской экспедиции (1969–1973 гг.) // *Краснов Ю.А., Каховский В.Ф.* Средневековые Чебоксары. Материалы Чебоксарской экспедиции 1969–1973 гг. М., 1978.
- Краснов Ю.А., Трубликова Н.В., Зубарева В.М.* Поселение эпохи бронзы в низовьях р. Суры // КСИА. М., 1973. Вып. 134.
- Кротов П.И.* Древние поселения Яранского уезда. ИОАИЭ. Казань, 1895. Т. X.
- Магницкий В.К.* Курганы в Ядринском уезде // Казанские губернские ведомости, 1874. № 84.
- Магницкий В.К.* Городище “Пиндерь сырч” и курганы в Ядринском и Курмышском уездах // ИОАИЭ. Казань, 1896. Т. 13. Вып. 4.
- Магницкий В.К.* Два “хола сече” (городища) в Ядринском уезде // ИОАИЭ. Казань, 1897. Т. 14. Вып. 1.
- Магницкий В.К.* Поездка в Курмышский и Ядринский уезды с археологической целью // ИОАИЭ. Казань, 1898. Т. 14. Вып. 4.
- Матвеева Л.П.* Поселение эпохи поздней бронзы в Чувашии // СА. 1962. № 4.
- Михайлов Е.П.* Отчет 1986 г. Отчет о результатах археологической разведки, проведенной летом 1986 г. в Ядринском, Чебоксарском, Моргаушском районах Чувашской АССР // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2528. № 8854.
- Михайлов Е.П.* Отчет 1987 г. Отчет о результатах археологической разведки, проведенной осенью 1987 г. в Красноармейском, Аликовском и Моргаушском районах Чувашской АССР // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2394. № 8936, 8937.
- Михайлов Е.П.* Отчет 1988 г. О работах в ходе археологической разведки осенью 1988 г. в Маринско-Посадеком, Красночетайском, Козловском и Шемуршинском районах Чувашской АССР // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2526. № 9118.
- Михайлов Е.П.* Разведочные работы 1986–1988 гг. в районах Чувашии (Материалы к археологической карте ЧССР) // Вопросы археологии и антропологии Чувашии. Чебоксары, 1991.
- Михайлов Е.П.* Разведочные археологические работы в Моргаушском районе Чувашской Республики в 1999 году // Новые археологические исследования в Поволжье. Чебоксары, 2003.
- Монгайт А.Л.* Археология в СССР. М., 1955.
- Наговицын Л.А.* Новый памятник с балановской керамикой в бассейне р. Вятки // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. АЭМК. Йошкар-Ола, 1991. Вып. 19.
- Никитин В.В.* Ахмыловское II поселение // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. АЭМК. Йошкар-Ола, 1977. Вып. 2.
- Никитин В.В., Патрушев В.С.* Материалы к археологической карте Марийской АССР. Вып. III (Каталог памятников). Йошкар-Ола, 1982.

Никитин В.В., Соловьев Б.С. Атлас археологических памятников Марийской ССР. Йошкар-Ола, 1990. Вып. 1. Эпоха камня и раннего металла.

Никитин В.В., Соловьев Б.С. Поселения и постройки Марийского Поволжья (Эпоха камня и бронзы) / Труды МарАЭ. Йошкар-Ола, 2002. Т. VII.

Никитин В.В., Соловьев Б.С. Юринская стоянка (По раскопкам 1999, 2000 гг.) // Проблемы древней и средневековой археологии окского бассейна. Рязань, 2003.

Никитин В.В., Старостин П.Н. Материалы к археологической карте Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1978. Вып. II (Каталог памятников).

Никитина Т.Б. Раскопки городища «Репище» (Васильсурского V) в Ворытынском районе Нижегородской области // Археологические открытия Поволжья и Приуралья. Йошкар-Ола, 1994.

Никитина Т.Б., Соловьев Б.С. Раскопки Сомовского II городища // Археологические открытия Поволжья и Приуралья. Ижевск, 1991.

Никольский Н.В. История марийского народа с древних времен до 16 века. Том 1 // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 145. 1951 г.

Осипенко О.С. Каменные боевые топоры балановской культуры из собрания Археологического музея Казанского университета // Древние этнокультурные связи финно-угров. Йошкар-Ола, 2002.

Отчет о деятельности Общества изучения местного края Чувашской автономной области за 1921–1923 годы. Сост. М.П.Петров. Чебоксары, 1924.

Патрушев В.С. Памятники волосовской культуры у пос. Юрино и с. Кокшайск // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. АЭМК. Йошкар-Ола, 1978. Вып. 3.

Патрушев В.С. Сомовское I городище // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища. АЭМК. Йошкар-Ола, 1989. Вып. 15.

Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984.

Петренко А.Г. Первые следы появления домашних сельскохозяйственных животных в лесных районах Среднего Поволжья // Древности Среднего Поволжья. АЭМК. Йошкар-Ола, 1987. Вып. 13.

Петренко А.Г. Результаты видового анализа костей с поселений эпохи бронзы Марийского Поволжья // *Соловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 2000.

Петренко А.Г. Исследования остеологических материалов из древнейших археологических памятников Среднего Поволжья и Предуралья методами естественных наук, анализ проблем становления животноводческих основ в крае // Археология и естественные науки Татарстана. Казань, 2003.

Петренко А.Г. 2003а. К истории появления животноводческих основ в Среднем Поволжье и Предуралье // Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. М., 2003.

Поливанов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900.

Смирнов А.П. Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козьмо-демьянск, 1949.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / МИА. М., 1952. №28.

Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья / МИА. М., 1961. №95.

- Смолин В.Ф.* Археологические разведки в Чувашск. республике в 1926 г. // ИОАИЭ. Казань, 1927. Т. XXXIII. Вып. 4.
- Смолин В.Ф.* Абашевский могильник в Чувашской республике (Очерк археологических раскопок в 1925 году). Чебоксары, 1928.
- Смолин В.Ф.* Археологические разведки в Чувобласти в 1921 г. // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 81. № 186. 1921 г.
- Смолин В.Ф.* В глубь веков Чувашского края (Обзор материала по истории первобытной материальной культуры в пределах Чувашского края) // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 130/1926. Л. 7–93. 1926 г.
- Спицын А.А.* Археологические розыскания в Вятской губернии // МАВГР. М., 1893. Вып. 1.
- Спицын А.А.* Медный век в Верхнем Поволжье // ЗОРСА РАО. СПб., 1903. Т. V. Вып. 1.
- Спицын А.А.* Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России // ЗОРСА РАО. СПб., 1905. Т. VII. Вып. 1.
- Соловьев Б.С.* Новые раскопки поселения Галанкина Гора // Древности Среднего Поволжья. АЭМК. Йошкар-Ола, 1987. Вып. 13.
- Соловьев Б.С.* 1987а. Изучение памятников эпохи бронзы в Марийской АССР // Древности Волго-Вятского междуречья. АЭМК. Йошкар-Ола, 1987. Вып. 12.
- Соловьев Б.С.* Удельно-Шумепкое VII поселение эпохи бронзы // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища. АЭМК. Йошкар-Ола, 1989. Вып. 15.
- Соловьев Б.С.* Поселение Нижняя Стрелка IV и некоторые вопросы балановско-волосовских контактов в Среднем Поволжье // Древности Поволжья. АЭМК. Йошкар-Ола, 1990. Вып. 17.
- Соловьев Б.С.* Финал волосовских древностей и формирование чирковской культуры в Среднем Поволжье // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. АЭМК. Йошкар-Ола, 1991. Вып. 19.
- Соловьев Б.С.* Чирковская культура Среднего Поволжья (Вопросы формирования). АДКИН. Ижевск, 1994.
- Соловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья / Труды МарАЭ. Йошкар-Ола, 2000. Т. VI.
- Соловьев Б.С.* К вопросу о взаимодействии культур эпохи ранней бронзы юга лесной полосы Среднего Поволжья // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. АЭМК. Йошкар-Ола, 2004. Вып. 27.
- Соловьев Б.С., Михайлов Е.П.* Новосюрбеевский I могильник – новый памятник балановской культуры в Чувашии // Новые исследования по археологии Поволжья. Чебоксары, 2003.
- Ставицкий В.В.* Сейминско-турбинский феномен и проблема происхождения чирковской культуры // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2003.
- Ставицкий В.В.* Проблема взаимодействия культур раннего бронзового века на территории Сурско-Окского междуречья // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. АЭМК. Йошкар-Ола, 2004. Вып. 27.
- Степанов П.Д.* Итоги раскопок фатьяновского поселения на Средней Суре // КСИИМК. М., 1951. Вып. XXXVII.

- Степанов П.Д.* Фатьяновские поселения в западном Поволжье // КСИИМК. М., 1954. Вып. 53.
- Степанов П.Д.* О фатьяновских поселениях // СА. 1958. № 2.
- Степанов П.Д.* 1958а. Новые фатьяновские памятники на территории Чувашской АССР // СА. 1958. № 4.
- Степанов П.Д.* Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья // МИА. М., 1962. № 111.
- Степанов П.Д.* Ош Пандо. Саранск, 1967.
- Тихонов И.Т.* Археологические раскопки в Чувашии в 1933 г. // ПИДО. М.-Л., 1934. № 2.
- Третьяков П.Н.* Отчет 1930 г. Предварительный отчет о работах Средне-Волжской экспедиции ГАИМК в Чувашской А. С. С. Республике в 1930 году // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 81. №196.
- Третьяков П.Н.* Из материалов Средневожской экспедиции ГАИМК // СГАИМК. 1931. №3.
- Третьяков П.Н.* Средневековые феодальные городища ЧАССР // СГАИМК. 1932. №5-6.
- Третьяков П.Н.* Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948.
- Трефиц М.И.* Поселение Буй 1 на Вятке // СА. 1985. № 4.
- Трифонов П.Т.* Археологические памятники в Чебоксарском районе // История и культура Чувашской АССР. Чебоксары, 1972. Вып. 2.
- Трифонов П.Т.* Описание вновь выявленных археологических памятников в северо-западной части Чувашской АССР // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1036. № 4190. 1973 г.
- Трубникова Н.В.* О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 года // УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1958. Вып. XVI.
- Трубникова Н.В.* Отчет о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 год // Вопросы археологии и истории Чувашии / УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1960. Вып XIX.
- Трубникова Н.В.* Раскопки городища Пичке Сърчэ в Чувашии // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958-1961 годах / УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1964. Вып. XXV.
- Трубникова Н.В.* Раскопки на городище Ножа-Вар близ деревни Сареево в 1958-1959 годах // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958-1961 годах / УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1964. Вып. XXV.
- Трубникова Н.В.* Городище у д. Тоганаши Шумерлинского района // Вопросы истории Чувашии / УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1965. Вып. XXIX.
- Трубникова Н.В.* Городища в окрестностях с. Новинское // Исторический сборник / УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1966. Вып. XXXI.
- Трубникова Н.В.* Городище «Укся Сют» у деревни Малые Яуши в Чувашии // СА. 1970. №4.
- Трубникова Н.В., Каховский В.Ф.* Курганный могильник близ д. Раскильдино Ашкковского района Чувашской АССР // УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1958. Вып. XVI.
- Трубникова Н.В., Каховский В.Ф.* 1958а. Городище Хула сучэ около д. Изванкино Ашкковского района Чувашской АССР // УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1958. Вып. XVI.
- Фосс М.Е.* Древнейшая история севера Европейской части СССР // МИА. М., 1952. № 29.

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Труды МарАЭ. Йошкар-Ола, 1960. Т. I.

Халиков А.Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // МИА. М., 1961. № 97.

Халиков А.Х. Балановские памятники в Татарии // КСИА. М., 1964. Вып. 97.

Халиков А.Х. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы. Дис. ... уч. степени доктора ист. наук Казань // Архив ИА РАН.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

Халиков А.Х., Архитов Г.А. Марийская археологическая экспедиция 1957 года // Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1959. Вып. XIV.

Халиков А.Х., Архитов Г.А. Марийская археологическая экспедиция в 1960–1966 годах // Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1967. Вып. XXII.

Халиков А.Х., Халикова Е.А., 1963. Васильсурское поселение эпохи бронзы // МИА. М.–Л., 1963. № 110.

Худяков М.Г. Очерк истории первобытного общества на территории Марийской автономной области. М.–Л., 1935.

Черных Е.Н. Спектральные исследования медных изделий из могильников фатьяновского и балановского типов // *Бадер О.Н.* Балановский могильник. М., 1963.

Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.

Чубарова Р.В. Археологические памятники на территории Горно-Марийского района Марийской АССР // УЗ МарНИИ. Йошкар-Ола, 1953. Вып. V.

Чубарова Р.В. 1953а. Археологическая экспедиция МарНИИ 1953 года // УЗ МарНИИ. Йошкар-Ола, 1953. Вып. V.

Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.

Штукенберг А.А. Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России // ИОАИЭ. Казань, 1901. Т. XVII. Вып. 4.

Элле К.В. Дневники раскопок Балановского могильника. Сентябрь–октябрь 1933 г. // НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 583. № 7043.

Элле К.В. Археологическая карта Чувашской АССР // НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 584, № 7044, 7045.

Элле К.В., Архангельский Н.А. Топонимика Чувашии. Часть 4-я. Древности Чувашской АССР (Учет и регистрация археологических памятников) // НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 579–581, № 7033–7035.

Эпин С.Г. Пункты, где имеются исторические и доисторические памятники Козьмодемьянского и Юринского кантонов // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. I. № 54. 1929 г.

Äyräpää A. Über die Streitaxtkulturen in Russland // ESA. Helsinki, 1933. VIII.

Tallgren A.M. Die Kupferund Bronzezeit in Nordund Ostrussland. I. Die Kupferund Bronzezeit in Nordwestrussland. Die altere Metallzeit in Ostrussland // SMYA. Helsinki. 1911. Т. XXV: 1.

Tallgren A.M. Collection Zaoussailov au musee historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonne de la collection de l'age du bronze. Helsingfors, 1916.

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ
БАЛАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МАРИЙСКОГО ПРЕДВОЛЖЬЯ

Первые сведения об интересующих нас находках в Марийском Предволжье (в настоящее время — Горномарийский район Республики Марий Эл) восходят ко второй половине XIX века. В 1872 г. казанскому ученому-краеведу И.А. Износкову были переданы обнаруженные в 1869 г. в деревне Пайгусово Козьмодемьянского уезда Казанской губернии «каменный молоток и 2 кремневых клина» (Износков, 1879. С. 110). Скорее всего, они происходили из разрушенного погребения, поскольку были найдены «при рытье погреба на подстилке из гальки вместе с 5 шарообразными сосудами из серой глины, наполненными каким-то маслянистым веществом» (Бадер, Халиков, 1976. С. 96. №339). Вещи поступили в Общество истории, археологии и этнографии при Казанском университете. Позднее его коллекцию пополнили еще два топора: каменный сверленный из села Кузнецово (Худяков, 1935. С. 70; Ефимова, 1951. Рис. 51) и кремневый клиновидный из деревни Пернянташи (Бадер, Халиков, 1976. С. 96, 150. Табл. 45, 5).

В настоящее время в Марийском Правобережье р. Волги известно 29 балановских памятников: 1 условный могильник, 5 поселений, в основном хуласюческого типа, 1 местонахождение атликасинской керамики, 22 случайные находки каменных предметов. Исчерпывающую информацию о большинстве из них можно почерпнуть в ряде работ (Бадер, Халиков, 1976; Соловьев, 2000. С. 101–108; Халиков, 1961. С. 138–139; Никитин, Соловьев, 1990. С. 140–150; 2002. С. 39–40). Предлагаемая статья продолжает публикацию каменных орудий балановской культуры Республики Марий

Эл (Соловьев, 2000. С. 104–108; Соловьев Б.С. 2004. С. 36–41). При описании предметов использована наиболее разработанная на данный момент классификация О.С.Гадзяцкой (Гадзяцкая, 1976. С. 50–64). Для сравнения в скобках приводится «балановская» типология А.Х. Халикова (Бадер, Халиков, 1976. С. 59–67). Заметим, что, несмотря на кажущуюся близость обеих схем, базирующихся на разработках Д.А. Крайнова (Крайнов, 1972. С. 38–82), их терминология порой существенно различается. Артефакты, с которыми автору не удалось ознакомиться лично, характеризуются по первоисточнику.

Амануры, деревня, левый берег р. Большая Юнга. *Каменный сверленный топор двулезвийный типа 4 б (у А.Х.Халикова наиболее близкие аналоги – обушковые усеченно-конические топоры типа 5)*. Уплотненный, бока плоские, спинка с ребром, одно лезвие прямое узкое, второе – расширенное, закругленное, частично сбитое; длина 10,5 см, наибольшая ширина 6 см, высота 3,5 см, длина лезвий 2,5 и 4 см, диаметр сверлины 2–1,7 см (рис. 1, 1; 3, 7). Найден недалеко от деревни. Музей с. Еласы, поступление 1973 г.

Березово, деревня, левый берег р. Сумка. *Лезвийная часть каменного сверленного топора* (рис. 1, 2). Найдена в 1970-х годах П.И.Вильюковым к востоку от деревни, в овраге, около старой кузницы. МарНИИЯЛИ.

Крайние Шешмары, деревня, верховье р. Сумка. *Каменные сверленные топоры, по А.Х. Халикову – 2 клиновидных типа 1 с округлым обухом, 1 молотковидный типа 2* (Бадер, Халиков, 1976. С. 96, №341). В 1960-х гг. хранились в Микряковской школе.

Кузнецово, село, левый берег р. Большой Сундырь. *Каменный сверленный топор, по А.М. Ефимовой – «ромбический»* (Ефимова, 1951. Рис. 51). НМРТ.

Малиновка, деревня, правый берег р. Волги. *Каменный сверленный топор простой формы с выделенным обушком типа 3 б (короткообушковый типа 3)*. Округлый, уплощенный, обух овальный, плоский, лезвие закругленное; длина 11,5 см, наибольшая ширина 5 см, высота 4,5 см, размеры обуха 3х2,5 см, длина лезвия 4 см, диаметр расположенной в центре сверлины 2,6 см (рис. 1, 5; 3, 4). Найден в 1978 г. П.И.Вильюковым между деревнями Первая и Вторая Малиновка. МарНИИЯЛИ.

Малый Сундырь, бывшая деревня, устье р. Малый Сундырь. *Каменный сверленный топор, по Р.В. Чубаровой и А.Х. Халикову – короткообушковый* (Чубарова, 1952. Л. 57; Бадер, Халиков, 1976. С. 96, №331). Найден в 1950 г. на распаханной коренной террасе правого берега р. Волги в 300 м от вала Малосундырского (Важнангерского) городища по направлению к деревне Шартней (рис. 1, б). НМРМЭ?

Микряково, деревня, левый берег р. Сумка. *Обломок каменного сверленного топора клиновидной формы типа 1г (клиновидного типа 1)*. Овальный, обух круглый, плоский, лезвие отбито, излом – со следами вторичного использования в качестве молота; длина 6,7 см, наибольшая ширина 5,2 см, высота 4,8 см, диаметр обуха 3 см, диаметр расположенной у обуха сверлины 2,1 см (рис. 1, 7; 3, б). Найден недалеко от деревни.

Пернянгаши, деревня, правый берег р. Сумка. *Кремневый клиновидный топор среднеобушковый трапецевидный типа 2б (тонкообушковый клиновидный с линзовидным сечением и частичной подретушировкой типа 11)*. Лезвие прямое, обух прямой плоский; длина 9,2 см, толщина 2 см; ширина лезвия 3,6 см, ширина обуха 2,7 см (рис. 1, 8; 2, 7). Археологический музей КГУ, АКУ-52/1.

Шактенважи, деревня, правый берег р. Большой Сундырь (рис. 1, 9). *Каменный сверленный топор (короткообушковый?)*. Найден Н.Г.Айплатовым в конце 1950-х гг. к югу от деревни на пашне. Информация Г.Н.Айплатова.

Шындырьялы, деревня, левый берег р. Сундырка. *Каменный сверленный топор с коротким выделенным обушком типа 4в (короткообушковый типа 3)*. Овальный, уплощенный, спинка выпуклая, брюшко плоское, лезвие тупое, прямое, обух круглый, плоский, частично сбитый; длина 10 см, наибольшая ширина 6,5 см, высота 4,8 см, длина лезвия 4 см, диаметр обуха 4,4 см, диаметр расположенной в центре сверлины 2,3 см (рис. 1, 10; 2, 3). Найден в 1960-х гг. в окрестности деревни. Археологический музей школы №3 поселка Медведево.

Шындырьялы 2. *Каменный сверленный топор* (рис. 1, 11). Найден недалеко от деревни в 1960-х гг. До конца 1990-х гг. хранился в Шындырьяльской, затем Виловатовской школах, утерян.

Кроме отмеченных выше орудий, в Козьмодемьянском культурно-историческом музейном комплексе (ККИМК) хранится «анонимная» коллекция каменных предметов балановской культуры, по всей видимости, происходящих с территории Горномарийского района.

Каменный сверленный топор с усеченно-коническим обухом типа 2а (молотковидный типа 2). Округлый, спинка и бока выпуклые, брюшко плоское, лезвие прямое, скошенное, обух круглый, скошенный к брюшку; длина 8,2 см, наибольшая ширина 5,5 см, высота 5 см, длина лезвия 4 см, диаметр обуха 4 см, диаметр расположенной в центре сверлины 2,5 см (рис. 3, 5). ККИМК, 10915/1.

Каменный сверленный топор с коротким выделенным обухом типа 4в (короткообушковый типа 5). Овальный, уплощенный, спинка выпуклая, брюшко плоское, лезвие закругленное, тупое, обух круглый, плоский; длина 11 см, наибольшая ширина 6,5 см, высота 5,3 см, длина лезвия 4,5 см, диаметр обуха 2,4 см, диаметр расположенной в центре сверлины 2 см (рис. 2, 2). ККИМК, 10914/5.

Лезвийная часть каменного сверленного топора с повторной сверлиной. Овальная, лезвие закругленное; наибольшая ширина 6 см, высота 3,8 см, длина лезвия 3,5 см, диаметр сверлин 2,5 и 1,8 см (рис. 3, 9). ККИМК, 10914/16.

Лезвийная часть каменного сверленного топора. Круглая, лезвие прямое; наибольшая ширина 5,5 см, высота 5 см, длина лезвия 4,5 см, диаметр сверлины 2,4 см (рис. 3, 8). ККИМК, 351.

Каменный сверленный топор пестиковидный типа 14 (обушково-пестиковый типа 7). Круглый, изогнутый, лезвие прямое; длина 11 см, наибольшая ширина 4,3 см, высота 4 см, длина лезвия 3 см, диаметр обуха 4 см, диаметр смещенной к лезвию сверлины 1,6 см (рис. 3, 2). ККИМК, 10814/3.

Каменный сверленный топор с короткой лопастью типа 11в (коротколопастной типа 13б). Овально-уплощенный, изогнутый, спинка ребристая, брюшко плоское, обух круглый, сбитый, лезвие прямое, лопасть слабовыраженная; длина 17,5 см, наибольшая ширина 6,3 см, высота 4 см, длина лезвия с лопастью 4,5 см, диаметр обуха около 3 см, диаметр расположенной у обуха сверлины 2,4 см (рис. 2, 10). ККИМК, 10916/5.

Каменный сверленный топор клиновидной формы типа 1а (клиновидный типа 1). Овальный, спинка и бока выпуклые, брюшко плоское, лезвие закругленное, обух овальный, плоский; длина 12,5 см, наибольшая ширина 5,4 см, высота 4 см, длина лезвия 4 см, размеры обуха 3,5х2,5 см, диаметр смещенной к обуху сверлины 2,5-2 см (рис. 2, 4). ККИМК, 10916/16.

Каменный сверленный топор обушковый ромбической формы типа 6б (ромбический усеченный типа 10). Овальный, уплощенный, изогнутый, спинка ребристая, лезвие прямое, обух овальный, плоский; длина 9,5 см, наибольшая ширина 5 см, высота 3 см, длина лезвия 2,4 см, размеры обуха 2,5х2 см, диаметр смещенной к обуху сверлины 2 см (рис. 2, 5). ККИМК, 10814/7.

Каменный сверленный топор с усеченно-коническим обухом типа 2в (молотковидный типа 2). Овальный, уплощенный, лезвие прямое, обух круглый, слабовыпуклый, длина 9,5 см, наибольшая ширина 5,7 см, высота 3,6 см, длина лезвия 3 см, диаметр обуха 2,5 см, диаметр смещенной к обуху сверлины 2 см (рис. 2, 1). ККИМК, 10915/17.

Каменный сверленный топор простой формы с выделенным обушком типа 3б (короткообушковый типа 3). Овальный, уплощенный, спинка ребристая, лезвие закругленное, обух овальный плоский; длина 12 см, наибольшая ширина 5,7 см, высота 4,5 см, длина лезвия 3,8 см, размеры обуха 3х1,8 см, диаметр смещенной к лезвию сверлины 2,5 см (рис. 2, 8). ККИМК, 10915/4.

Каменный сверленный топор клиновидной формы типа 1в (клиновидный типа 1). Овальный, спинка выпуклая, брюшко уплощенное, лезвие закругленное, обух округлый, плоский; длина 12 см, наибольшая ширина 6 см, высота 6 см, длина лезвия 5,5 см, диаметр обуха 4,5 см, диаметр расположенной в центре сверлины 2,4 см (рис. 3, 3). ККИМК, 10916/19.

Каменный сверленный топор простой формы с выделенным обушком типа 3а (короткообушковый типа 3). Овальный, спинка и брюшко выпуклые, лезвие закругленное, обух круглый, плоский; длина 14,5 см, наибольшая ширина 7 см, высота 5,5 см, длина лезвия 4 см, диаметр обуха 3 см, диаметр смещенной к обуху сверлины 2,3 см (рис. 2, 9). ККИМК, 10916/18.

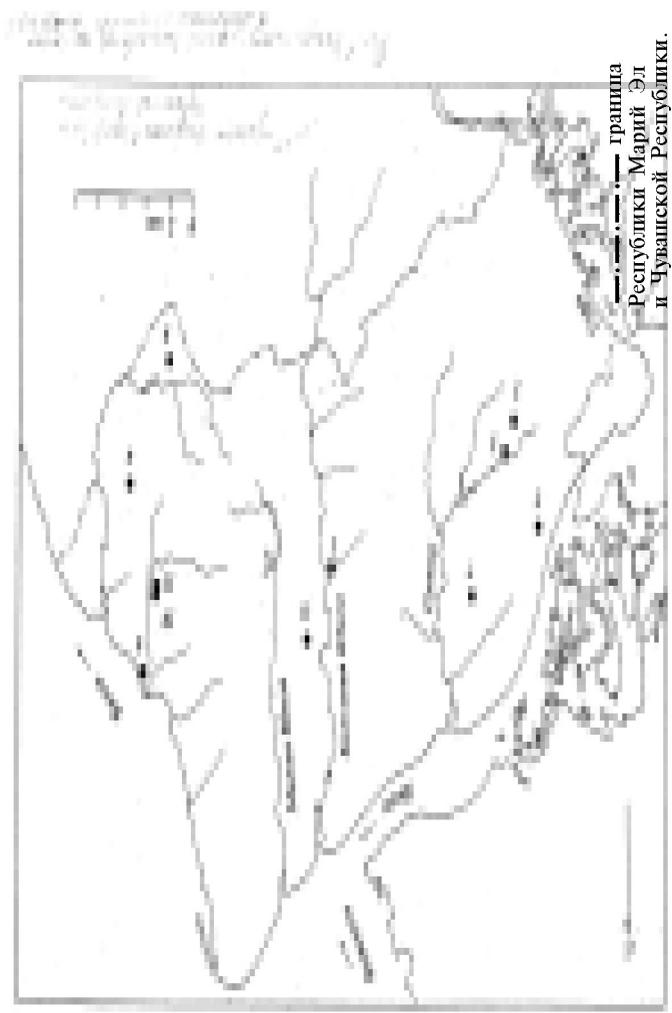

Рис. 1. Находки каменных орудий балановской культуры в Марийском Предволжье. 1 — Амануры, 2 — Березово, 3 — Крайние Шешмары, 4 — Кузнецово, 5 — Малиновка, 6 — Малый Сулдырь, 7 — Микряково, 8 — Перянгаша, 9 — Шактевважи, 10, 11 — Шындьрыялы.

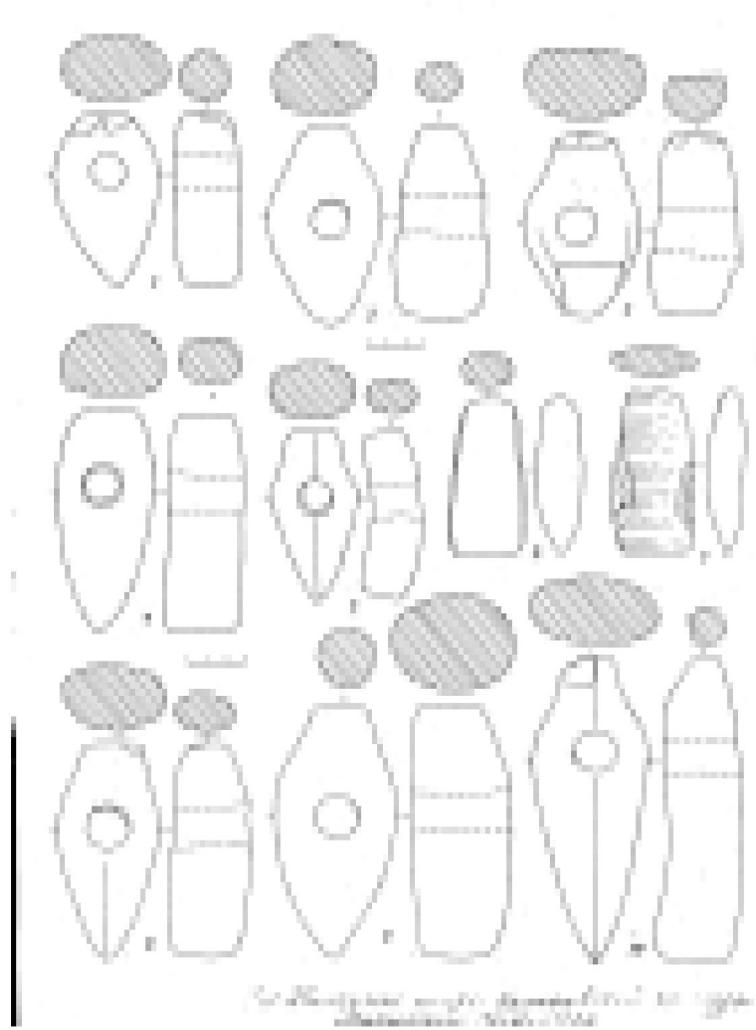

Рис. 2. Каменные топоры балановской культуры
Марийского Предволжья.

**Рис. 3. Каменные топоры балановской культуры
Марийского Предволжья.**

Каменный черешковый топор. Лезвие прямое, обух расширенный, закругленный; длина 12 см, ширина лезвия 4,5 см, толщина 4–3 см (рис. 3, 1). ККИМК, 10814/4.

Каменный клиновидный топор. Лезвие прямое, обух закругленный; длина 9,5 см, толщина 2,5 см, ширина лезвия 3,5 см, ширина обуха 2,5 см (рис. 2, 6). ККИМК, 10814/1.

Количественно типы топоров, сохранивших первоначальный абрис, распределяются следующим образом. Сверленные топоры клиновидные представлены пятью экземплярами; усеченно-конические (молотковидные) и с выделенным обушком – тремя; ромбические и короткообушковые – двумя; коротколопастные, двулезвийные и пестиковидные – единичны. Клиновидные, усеченно-конические (молотковидные), пестиковидные изделия и черешковый топорик, традиционно считающиеся одними из наиболее архаичных, могут свидетельствовать о раннем проникновении балановского населения на территорию Марийского Предволжья, а орудия с коротким обушком – о существовании здесь носителей атликасинских культурных традиций (Бадер, Халиков, 1976. С. 60–62). Наличие поздних ромбовидных форм (Бадер, Халиков, 1976. С. 63), хорошо согласуется с присутствием на рассматриваемой территории хуласюческих поселений.

Л и т е р а т у р а и и с т о ч н и к и

Износков И.А. Заметки о городках, курганах и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии, и о встречающихся в них находках // ИОАИЭ. Казань, 1878. Т. 1. Вып. 4.

Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятники балановской культуры / САИ. М., 1976. Вып. В1–25.

Гадзяцкая О.С. Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-Горьковская группа / САИ. М., 1976. Вып. В1–21.

Ефимова А.М. Сверленные молоты (Из коллекции Государственного музея Татарской АССР) // КСИИМК. М.–Л., 1951. Вып. XXXVI.

Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. II тысячелетие до н. э. М., 1972.

Никитин В.В., Соловьев Б.С. Атлас археологических памятников Марийской ССР. Йошкар-Ола, 1990. Вып. 1. Эпоха камня и раннего металла.

Никитин В.В., Соловьев Б.С. Поселения и постройки Марийского Поволжья (Эпоха камня и бронзы) / Труды МарАЭ. Йошкар-Ола. 2002. Т. VII.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья / Труды МарАЭ. Йошкар-Ола, 2000. Т. VI.

Соловьев Б.С. Новые находки топоров балановской культуры на Вятском увале (Материалы к археологической карте Республики Марий Эл) // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье / АЭМК. Йошкар-Ола, 2004. Вып. 27. С. 36–41.

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / Труды МарАЭ. Йошкар-Ола, 1960. Т. I.

Худяков М.Г. Очерки истории первобытного общества на территории Марийской автономной области. М.–Л., 1935.

Чубарова Р.В. Могильники, курганы, кладбища, находки на территории МАССР. Материалы археологической экспедиции 1952 г. // НРФ МарНИИ ЯЛИ. Оп. 1. Д. 140.

Christian Carpelan, Asko Parpola

THE ABASHEVO ARCHEOLOGICAL COMPLEX
AND THE EARLIEST CONTACTS
BETWEEN URALIC AND INDO-EUROPEAN*

1. We present here some main points of our nearly 100 pages long article (with more detailed argumentation) published in 2001 (See: *Christian Carpelan and Asko Parpola* “Emergence, contacts and dispersal of Proto-Indo-European, Proto-Uralic and Proto-Aryan in archaeological perspective”; pp. 55–150 in *Christian Carpelan, Asko Parpola and Petteri Koskikallio*(ed.), *Early contacts between Uralic and Proto-Indo-European: Linguistic and archaeological considerations* (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 242). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2001).

2. In the present day the Aryan or Indo-Iranian languages are divided into Indo-Aryan languages spoken in India, and Iranian languages spoken in Iran and Central Asia.

3. Where did the Aryan languages come from and when did they separate into the two main groups? This is one big question that we have been pursuing. We think that the final separation of the two groups happened when the Andronovo and Srubnaya complexes were formed.

4. The Andronovo complex would represent the Proto-Indo-Aryans. They came first to Central Asia and there took over the

*Текст статьи финских ученых был представлен авторами в дни работы Международной научной конференции по абашевской культуре (Чебоксары, май 2003 г.) и значительно дополняет опубликованную в Материалах конференции статью (см.: *Christian Carpelan, Asko Parpola. The Abashevo culture and the earliest history of the Indo-Iranian and Uralic (Finno-Ugric) languages // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы Международной научной конференции. Чебоксары, 2003. С. 78—79*). Название статьи дано редактором.

rule in the local Bactria and Margiana Archaeological complex. This complex spread to wards the west, to Iran and Syria, where the Mitanni kings had Indo-Aryan names, and to the east, to India.

5. The southward spread of the Andronovo started at the very beginning, at the Sintashta-Arkaim phase which seems to have ended the Proto-Aryan period. Psalia exactly similar to Sintashta-Arkaim were recently found in a grave in Tajikistan. The pottery was typical of the Bactria-Margiana complex. The horse-herded pin represents both traditions. Later variants of Andronovo pottery (Fedorovo, Tazabrgyarb) have been found in and around the Bactria-Margiana settlements.

6. The Proto-Iranian speakers connected with the Srubnaya complex seem to have come to Central Asia after the Bactria-Margiana complex, with the Valikovaya pottery.

7. The earliest reconstructable layers of the Finno-Ugric or Uralic languages have loan words from Proto-Indo-European and its early descendants including Proto-Aryan. This clearly indicates that the origin of the Indo-Iranian languages have come to India and Iran from the neighborhood of the Uralic languages. But numerous early Aryan loanwords are preserved only in Finnic and Saami. How can these very northern languages have gotten these words? This is another question that we have tried to solve.

8. In our opinion, the early phase of Proto-Uralic was spoken in the Lyalovo culture of Central Russia. A later phase was spoken in its successor cultures, the Volosovo complex of Central Russia, and the Combed Ware 2 complex of Finland, Karelia and Estonia.

9. The Proto-Uralic speakers lived in contacts with speakers of Proto-Indo-European and Proto-Aryan. Just as in our search for the Uralic homeland, to locate Proto-Indo-European we must find a cultural complex whose spread would have taken the different branches of Indo-European to their historical speaking areas.

10. A most important clue is given by the fact that before its dispersal the Proto-Indo-European language had six words connected with wheeled vehicles and wheeled transport.

11. The earliest finds of ox-waggons and carts and disk-wheels post-date 3500 BC. The earliest evidence comes from Bronocice in Poland. The invention of wheeled vehicles was an

important innovation which spread quickly. The innovators also became very mobile.

12. We think that an ancestor of Proto-Indo-European was spoken in the Khvalynsk culture, early Proto-Indo-European in the Srednij Stog and related cultures descended from Khvalynsk, and Late (already dispersed) Proto-Indo-European in the Corded Ware (Sehnur Keramik) and Yamnaya complexes.

13. The northwestern variant of Late Proto-Indo-European world have come from the early Yamnaya group which spread north west and mixed with the local cultures producing the Corded Ware horizon. This is the only cultural horizon common to all the areas from which the cultures later connected with the Celtic, Germanic, Baltic and Slavic languages ave derived. The spread of Corded Ware to Estonia and coastal Finland explains both the early Northwest European loanwords in Finnic and the cultural differentiation of Proto-Finnic and Proto-Saami.

14. The eastward spread of the later Fatyanovo variant of the Corded Ware from Prussia and Baltic countries coincides with the distribution of the Baltic languages and the area of Baltic river names. The Fatyanovo culture came to occupy much of the Volosovo area, and there is evidence of collaboration between the two peoples. By the end of Fatyanovo culture, its Proto-Baltic speakers in Russia seem the have become linguistically assimilated to the local Uralic speakers of Volosovo origin, just as seems to have happened to the Corded Ware population in Finland.

15. The main spread of the Yamnaya culture was eastward.

16. The language of the Yamnaya culture seems to have been Late Proto-Indo-European in which the linguistic innovations common to Greek, Armenian and Aryan languages developed.

17. The linguistic differentiation of this variant of Late Proto-Indo-European into Proto-Greek-Armenian and Proto-Aryan seems to have followed with the cultural differentiation of the Yamnaya into the Catacomb Grave complex in the west and into Poltavka-Abashevo in the east. The roots of the later Indo-Iranian differentiation with the split into Andronovo and Srubnaya complexes may go back to dialectal differences of Proto-Aryan in the steppe and forest steppe. The Poltavka of the steppe would be the root of the Srubnaya complex and Iranian languages, and the Abashevo of the forest steppe the main root of the Sintashta-Arkaim and Andronovo and the Indo-Aryan languages.

18-19. The area occupied by the Abashevo culture in the forest steppe of eastern Europe and western Siberia was later mainly Uralic until medieval times, when the Turkic languages coming from the east and Russian coming from the west started assimilating them. This implies that if the Abashevo culture was originally Aryan-speaking, this language of the ruling elite became eventually assimilated by the local Uralic-speaking population of Volosovo origin, with whom the Abashevo people collaborated. The Aryan speakers, however, left numerous Aryan loanwords in the local Uralic languages, including the ethnic names of the Mordvin, Mari, Udmurt and the Ugric peoples. Some Aryan loanwords of the Abashevo area, like **sišta* "bees wax" shared by Mordvin, Mari, Udmurt and Komi agree only with Indo-Aryan and have no counterpart, in any Iranian language, so they can't have come from the language of the Scythians. Some other words represent Proto-Indo-European level of sound development and can be identified as belonging to the Aryan group only by their absence in other branches of Indo-European.

The Abashevo culture can also explain how many such words have come even to Finnic and Saami.

20. The closing period of the Fatyanovo culture around 2000 cal BC saw the appearance of the Abashevo culture and the beginning conflict with Balanovo. This was also the time when the Chirkovo culture emerged on a Volosovo substratum around the Oka outlet and the Pri-Kazan culture emerged around the Kama outlet.

21. Simultaneously the Textile Ceramic entity emerged in the Volga-Oka interfluvium. In the steppe immediately south of the forest steppe, the cultural expression of Petrovka, Sintashta, Potapovka emerged. This means that the time around 2000 cal BC and immediately after was a time intensive change which ended with the appearance of the Sejma-Turbino cross-cultural phenomenon.

The impact of the Textile ceramic entity on Finland was very strong and in the wake of its expansion also Sejma-Turbino elements spread as far as Finland. This wave of influence was certainly the one which transmitted important linguistic material to the Proto-Finnic and Proto-Saami communities in the north.

In this complex situation, the Abashevo culture seems to have played a very important role and therefore it would be

necessary to try to find the origin of this culture and also to single out the chronology of the period.

The territory of the Abashevo culture includes the forest steppe beginning from the upper Don region in the west over the Volga and as far as the southern Urals in the east. The origin is to be found within this zone, we believe. But concerning the origin of the Abashevo culture we have no strong arguments, unfortunately. However, we find it clear that it can't be derived from the Corded Ware/ Battle Axe complex. The Corded Ware ceramics and the Abashevo ceramics have nothing in common.

22. The most plausible hypothesis, we believe, derives the Abashevo from a fusion of expanding Yamnaya communities with local Eneolithic communities in the Upper Don area. We may be wrong, but we have got the impression that the local Eneolithic has largely escaped the archeologists until now. From the Upper Don newly emerged Abashevo communities began to expand northwards and eastwards in the want of metal.

As to chronology, it follows from this hypothesis that the Abashevo culture would have emerged sometimes in the latter half of the third millennium, probably in the last quarter.

23. One possibility is given by the comparison of metal technology and products.

24. A comparison of Balanovo and Abashevo copper and bronze artefacts shows that both applied a similar simple technology where the sockets of the spearheads were made by hammering and rolling into tubular form. Clearly the Balanovo and the earlier phase of the Abashevo may be paralleled.

The development of the socketed spearhead seems to provide us with a clear cut three-step periodisation.

25. The first step is represented by the simple rolled sockets just mentioned. It first appears in the Middle East from where it is adopted to Caucasia and in due course to the middle Volga.

The following step is represented by the specimens with the blade and the lower part of the socket cast as one piece, while the upper part of the socket was made of a sheet rolled in position around the handle. There are a number of variants of this type which also was adopted first in the Caucasus and soon on the middle Volga. It is an important marker of the late Abashevo and the Sintashta horizon.

26. Finally comes the socketed spearhead cast in one piece, namely the Sejma-Turbino spearhead representing a developed

core casting technique. Possibly also this technique first appeared in the Caucasus, but it was soon adopted by the craftsmen of the southern Urals. This technique soon replaced the former type with split socket, and it also made it possible to produce genuine socketed axes. The Sejma-Turbino industry probably emerged by 1800 cal BC.

Typological comparisons, however, can't produce precise chronologies. For this, radiocarbon dates are needed. But, as far as we know, there are very few dates if at all for the Fatyanovo/Balanovo, Abashevo, Sejma-Turbino, etc. To our mind it is not possible today to properly discuss the chronology of these cultures and innovations related to them without considerable body of radiocarbon dates made of properly chosen samples.

Returning to ethnohistory and linguistic parallels, we close this presentation with a reference to our suggestion that it was the Sejma-Turbino network that brought the Samoyed branch of the Uralic languages to the Siberian side.

Кристиан Карпелан, Аско Парпола

АБАШЕВСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
ОБЩНОСТЬ И РАННИЕ КОНТАКТЫ
МЕЖДУ УРАЛЬСКИМИ
И ИНДОЕВРОПЕЙСКИМИ ЯЗЫКАМИ*

1. Мы представляем здесь несколько основных положений нашей почти стостраничной большой статьи (с более подробной аргументацией), опубликованной в 2001 году (см.: Christian Carpelan and Asko Parpola «Emergence, contacts and dispersal of Proto-Indo-European, Proto-Uralic and Proto-Aryan in archaeological perspective»; стр. 55—150 / / Christian Carpelan, Asko Parpola and Petter Koskikallio (редактор), Early contacts between Uralic and Proto-Indo-European: Linguistic and archaeological considerations (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 242), Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2001).

2. В настоящее время арийские или индоиранские языки подразделяются на индоарийские языки, на которых разговаривают в Индии, и иранские языки, на которых разговаривают в Иране и Центральной Азии.

3. Откуда появились арийские языки и когда они разделились на две основные группы? Это одна большая проблема, к разрешению которой мы стремились. Мы думаем, что окончательное разделение двух групп произошло тогда, когда андроновская и срубная общности уже сложились.

4. Андроновская общность — предполагаемый предводитель протоиндоарийцев. Они пришли сперва в Центральную Азию и затем захватили власть в местной Бактрийской и Маргианской археологической общностях. Эта общность

* Перевод Е.П. Михайлова и А.П. Хузангая.

распространялась на запад, в Иран и Сирию, где правители Митанни носили индоарийские имена, и на восток, в Индию.

5. Распространение Андроново к югу началось очень рано, в фазу Синташта-Аркаим, по-видимому, завершившей протоарийский период. Псалия, точно похожая на синташта-аркаимскую, была недавно обнаружена в могиле в Таджикистане. Глиняная посуда была типичной для Бактрийско-Маргианской общности. Булавка (шпилька?) табунной лошади представляет обе традиции. Поздние варианты андроновской керамики (Федорово, Тазабргирб) были найдены на Бактрийско-Маргианских поселениях и вокруг них.

6. Носители протоиранских языков были связаны с срубной общностью, по-видимому, пришедшей в центральную Азию с «валиковой керамикой» после Бактрийско-Маргианской общности.

7. Самые ранние восстанавливаемые пласты финно-угорских и уральских языков имеют заимствованные слова из протоиндоевропейского и его ранних потомков, включая протоарийский. Это ясно указывает, что происхождение индо-иранских языков, восходящее к Индии и Ирану, связано также с регионом соседства с уральскими языками. Но многочисленные ранние арийские заимствованные слова сохранились только в финском языке и языке саами. Как могли эти самые северные языки получить эти слова? Это другая проблема, которую мы попытались разрешить.

8. По нашему мнению, на ранней фазе протоуральский мог быть языком льяловской культуры Центральной России. На более поздней фазе разговаривали на языках наследников этой культуры (волосовская общность Центральной России, общность «Combed Ware2» в Финляндии, Карелии и Эстонии).

9. Разговаривавшие на протоуральском языке жили в контакте с носителями протоиндоевропейских и протоарийских языков. Именно так, как в наших поисках прародины уральских языков, для определения прародины протоиндоевропейских языков мы должны найти культурную общность, чье распространение привело разные ветви индоевропейских языков до исторических регионов проживания их носителей.

10. Самый важный ключ к разгадке несет тот факт, что до его разделения протоиндоевропейский язык имел шесть слов, связанных с колесными повозками и колесным транспортом.

11. Самые ранние находки повозок, запряженных волами, телег и дисковых колес датируется 3500 годом до н.э. Самое раннее свидетельство относится к Bronocice в Польше. Изобретение колесных повозок было важнейшим нововведением, которое быстро распространилось. Изобретатели также стали очень подвижными. Новаторы также стали очень подвижными.

12. Мы думаем, что на языке, предшествующем протоиндоевропейскому, разговаривали носители хвалынской культуры, ранние протоиндоевропейцы в среднестоговской и родственных культурах, происходивших из хвалынской и (уже расселившиеся) протоиндоевропейцы общности «шнуровой керамики» и ямной общности.

13. Северо-западный вариант позднего протоиндоевропейского мира происходит из ранней ямной группы, которая распространялась к северо-западу и смешивалась с местными культурами, образующими пласт «шнуровой керамики». Это единственный культурный пласт, общий для всех регионов, из которых произошли культуры, позже связанные с кельтскими, германскими, балтийскими и славянскими языками. Распространение общности «шнуровой керамики» в Эстонии и на морском побережье Финляндии объясняет как ранние заимствованные слова из северо-западной Европы в финском, так и культурную дифференциацию протофинского и протосаамского языков.

14. Распространение к востоку более позднего фатьяновского варианта общности «шнуровой керамики» из Пруссии и Балтийских земель совпало с расположением балтийских языков и ареалом балтийских гидронимов (наименований рек). Фатьяновская культура заняла большую часть волосовского ареала, и есть свидетельства сотрудничества между двумя народами. К концу фатьяновской культуры ее протобалтийские носители в России, кажется, стали в языковом отношении ассимилироваться с местными носителями уральского языка волосовского происхождения, именно так, как это, вероятно, случилось с населением общности «шнуровой керамики» в Финляндии.

15. Основное распространение ямной культуры было на восток.

16. Язык ямной культуры, вероятно, был поздний протоиндоевропейский, в котором языковые нововведения были общими для греческого, армянского и арийского языков.

17. Языковая дифференциация этого варианта позднего протоиндоевропейского на протогреческо-армянский и протоарийский языки, кажется, последовала за культурной дифференциацией ямной культуры на катакомбную общность на западе и общность Полтавка—Абашево на востоке. Корни более поздней индоиранской дифференциации с разделением на андроновскую и срубную общности могут восходить к диалектным различиям протоарийского языка в степи и лесостепи. Полтавка в степи может быть источником срубной общности и иранских языков, а Абашево в лесостепи — главный источник Синташты—Аркаима и Андроново и индо-арийских языков.

18-19. Ареал, занятый абашевской культурой в лесостепи Восточной Европы и Западной Сибири, был позже в основном уральским вплоть до средневековья, когда тюркские языки пришли с востока и русский язык пришел с запада, и начался процесс ассимиляции. Это предполагает, что если абашевская культура первоначально была ариязычной, этот язык правящей верхушки стал, возможно, ассимилироваться местным населением, разговаривающим на уральском языке волосовского происхождения, с кем абашевцы сотрудничали. Разговаривавшие на арийском языке, однако, оставили множество арийских заимствованных слов в местных уральских языках, включая этнические наименования мордовского, марийского, удмуртского и угорских народов. Несколько арийских заимствованных слов абашевского региона, таких, как **śišta* «воск», имеющийся в мордовском, марийском, удмуртском и коми языках, согласуются только с индоарийским и не имеют соответствий ни в одном иранском языке, поэтому они не могли прийти из языка скифов. Некоторые другие слова представляют протоиндоевропейский уровень звукового развития и могут отождествляться как принадлежащие к арийской группе только по их отсутствию в других ветвях индоевропейских языков.

Абашевская культура может также объяснить, сколько много таких слов проникло даже в финский и саамский языки.

20. Завершающий период фатьяновской культуры около 2000 г. до н.э. (калиброванная дата) показывает появление абашевской культуры и начало конфликта с Баланово. Это было также время, когда чирковская культура появилась на субстрате Волосово около устья Оки и приказанская культура появилась в устье Камы.

21. Одновременно в Волго-Окском междуречье появилась общность «текстильной керамики». В степи, непосредственно к югу от лесостепи, появились признаки культур Петровка, Синташта, Потаповка. Это означает, что время около 2000 г. до н.э. (калиброванная дата) и сразу после этого было временем интенсивных падений, которые завершились появлением Сейма-Турбинского кросс-культурного феномена.

Влияние общности «текстильной керамики» на Финляндию было очень сильным, и по пятам этой экспансии также элементы Сейма-Турбино распространились в отдаленной Финляндии. Эта волна влияния была именно тем процессом, в ходе которого был передан важный языковой материал для протофинской и протосаамской общностей на севере.

В этой сложной ситуации абашевская культура, кажется, играла очень важную роль, и поэтому необходимо попытаться определить происхождение этой культуры, а также установить хронологию этого периода.

Территория абашевской культуры включает лесостепь начиная от района верховьев Дона на западе, вдоль Волги, до Южного Урала на востоке. Мы верили, что происхождение ее будет найдено внутри этой зоны. Но относительно происхождения абашевской культуры, к сожалению, у нас нет сильных аргументов. Однако ясно, что она не может происходить от общности «шнуровой керамики» / «боевого топора». Керамические изделия общности «шнуровой керамики» и Абашево не имеют ничего общего.

22. Согласно самой вероятной гипотезе, как полагаем, Абашево происходит от смешения распространяющихся ямных общностей с местными энеолитическими общнос-

тями в районе Верхнего Дона. Может быть, мы ошибаемся, но сложилось впечатление, что местный энеолит в значительной мере не исследован археологами вплоть до сегодняшнего дня. С Верхнего Дона только что появившиеся абашевские общности начали распространяться к северу и к востоку в поисках металла.

Что касается хронологии, то по этой гипотезе абашевская культура могла появиться когда-то в последнюю (вторую) половину третьего тысячелетия до нашей эры, вероятно, в последней четверти.

23. Одну возможность дает сравнение технологии металла и изделий.

24. Сравнение медных и бронзовых артефактов Баланово и Абашево показывает, что обе культуры употребляли сходную простую технологию, где втулка наконечника копья была сделана путемковки и раскатывания в трубчатую форму. Ясно, что Баланово и ранние фазы Абашево могут быть параллельными.

Развитие втульчатого наконечника копья дает нам возможность четкой трехступенчатой периодизации.

25. Первая ступень представлена только что упомянутыми простыми раскатанными втулками. Они впервые появились на Среднем Востоке, затем осваиваются на Кавказе и в свое время на Средней Волге.

Следующая ступень представлена образующими с лопастью и нижней частью втулки как одно целое, в то время как верхняя часть втулки сделана из раскатанного листа в положении вокруг рукоятки. Есть множество вариантов этого типа, который также был освоен впервые на Кавказе и вскоре на Средней Волге. Это важный маркер позднего Абашево и пласта Синташта.

26. Наконец, появляется втульчатый наконечник копья, отлитый в одном куске, то есть именно сейминско-турбинский наконечник копья, представляющий развитый уровень техники литья. Вероятно также, что эта техника впервые появилась на Кавказе, но скоро она была освоена мастерами Южного Урала. Эта техника скоро заменила предшествующий тип с разорванной втулкой, и это также сделало возможным изготавливать настоящие втульчатые топоры. Сейминско-турбинское производство, возможно, возникло около 1800 г. до н.э. (калиброванная дата).

Типологические сравнения, однако, не могут дать точные хронологии. Для этого нужны радиоуглеродные датировки. Но, насколько мы знаем, есть очень мало дат, если есть вообще, для Фатьяново/Баланово, Абашево, Сейма-Турбино и т.д. По нашему мнению, сегодня нет возможности как следует обсуждать хронологию этих культур и связанные с ними нововведения без значительного корпуса радиоуглеродных датировок, полученных на должным образом отобранных образцах.

Возвращаясь к этноисторическим и языковым параллелям, мы заканчиваем свое изложение ссылкой на предположение, что это было сейминско-турбинское сообщество, через которое самоедская ветвь уральских языков проникла в Сибирский край.

МОДЕЛИРОВАНИЕ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА
ЛЕСНОЙ ЗОНЫ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
(Абашевско-сейминское время)

Построение модели культурогенеза лесной полосы Среднего Поволжья конца среднего – начала позднего бронзового века требует соответствующей методологии. В качестве одного из основных методов является системный подход, на базе которого строятся системы различных эпистемологических уровней. Системный подход ориентирует исследование на раскрытие целостности изучаемого объекта и обеспечивающих эту целостность механизмов; в данном случае речь идет о культурогенезе. Системный анализ культурогенеза лесной полосы Среднего Поволжья абашевско-сейминского времени включает анализ систем – культурно-исторических общностей (КИО), региональные культуры которых известны на территории лесной полосы Среднего Поволжья. КИО – это сложные системы, а их развитие – процесс. Процесс развития КИО характеризуется рядом признаков. Во-первых, он включает «единицу», логический предмет или то, что вовлечено и изменяется в ходе развития процесса. Во-вторых, необходимо уточнение соотношений во времени и пространственных соотношений всех участников процесса. И, в-третьих, требуется определить направленность процесса¹.

Средневожские волосовская, абашевская, балановская и атликасинская культуры рассматриваются как части сложных систем, соответственно: волосовской, абашевской и фатьяновско-балановской культурно-исторических общностей (ВКИО, АКИО, ФБКИО). Средневожские сейминско-турбинские памятники анализируются в системе модели сейминско-турбинского феномена (СТФ). Вхождение наз-

ванных культур в различные КИО, которые в свою очередь относятся к разным культурно-историческим регионам (КИР), связывают лесную зону Среднего Поволжья с различными очагами культурогенеза. Все это приводит к тому, что при решении проблем культурогенеза в средневожском регионе необходимо учитывать его связь с крупными КИР: доно-донецким, заволжско-уральским и западносибирско-алтайским. Для этого важным и необходимым является выделение единых хронологических пластов памятников с аналогичными структурообразующими признаками или близких по показателям «реперной» информации. Так, предполагается, что захоронения литейщиков в различных культурах эпохи бронзы имели стадиальный характер².

При постановке отдельных вопросов культурогенеза в доскифских обществах Восточной Европы В.М. Массон рассматривает и проникновение племен шнуровой керамики на территорию, занятую поздневожскими племенами. Он считает, что в результате этого проникновения происходило не только вытеснение вожского населения, но и его частичная ассимиляция. В целом он полагает, что культурная и хозяйственная трансформации явились результатом не столько внешних импульсов, сколько определялись прямым переселением групп населения с новыми стандартами и эталонами³. Такой же точки зрения придерживался и В.Ф.Генинг, который считал, что проникновение отдельных групп скотоводов на южную окраину леса не привело к хозяйственному сдвигу у культур Восточной Европы. А произошло это только с проникновением скотоводства и переселением самих скотоводов⁴. Подобные процессы наблюдаются и в лесной зоне Среднего Поволжья.

Конец III — начало II тыс. до н. э. в лесной полосе Среднего Поволжья связаны с большими культурно-экономическими изменениями. Эти изменения главным образом определяются проникновением в лесную зону Поволжья племен с различными культурогенетическими традициями, но с общим экономико-социальным укладом. Культурогенетические различия абашевской, атликасинской и балановской культур достаточно убедительно фиксируются как в погребальном обряде, так и по всей совокупности материальных артефактов памятников этих культур. Оди-

наковый в значительной степени уровень экономического развития названных культур, позволяющий отнести их к эпохе развитой бронзы, документируется захоронениями литейщиков. Структуру культурогенетических различий определяют, прежде всего, погребальный обряд и керамика. То немногое общее, что можно привести, сводится к наличию курганного погребального обряда в Абашево и Атликасы и к ряду общих орнаментальных композиций в керамике. Культурогенетические же различия носят принципиальный структурообразующий характер.

Конец III – начало II тыс. до н. э. – наступление новой эпохи: эпохи раннего металла (ЭРМ) в развитии местных племен лесной полосы Восточной Европы. Предшествующий период в истории населения этой территории связан с глубоким освоением пространств Русской равнины. В этот период вырабатываются устойчивые формы хозяйства присваивающего типа. Основы комплексного охотничье-рыболовческого хозяйства, заложенные еще в неолите, получили развитие и достигли расцвета в начале ЭРМ, в энеолитическое время. Большое число энеолитических памятников на этой территории свидетельствует о том, что между человеком и природой были выработаны устойчивые взаимоотношения. На ранних стадиях развития человеческого общества роль географического фактора очень значительна. Естественногеографическая среда не только влияла, но и определяла своеобразие хозяйственно-производственного, а вместе с ним и социально-культурного развития общества. Зависимость общества от природы тем значительнее, чем ниже хозяйственно-социальная организация конкретного исторического общества⁵.

Эпоха энеолита центра Русской равнины определяется развитием на этой территории ВКИО. Данный регион по своим физико-географическим характеристикам представлял идеальные условия для сложения высокоэффективного хозяйства присваивающего типа. Схожие природные условия определили единый, во всех основных чертах, тип хозяйства на обширной территории Волго-Окского междуречья, Верхнего и Среднего Поволжья, Нижнего Прикамья. Уходящие в глубокую древность традиции охотничье-рыболовческого хозяйства явились той консолидирующей основой, которая

определила и единый хозяйственно-культурный тип, фиксируемый на этой территории к концу III – началу II тыс. до н. э. Различия, те или иные вариации и специфические черты у отдельных региональных культур ВКИО не нарушали единства общности и носили региональный характер. Исследователи ВКИО (В.А.Городцов, А.Я.Брюсов, Н.Н.Гуркина, И.К.Цветкова, Д.А.Крайнов, О.Н. Бадер, А.Х. Халиков, В.В.Никитин и др.) выделяют различные периоды и этапы развития ВКИО. Но в целом развитие ВКИО сводится к трем классическим периодам или этапам: ранний, развитой и поздний.

В данной работе мы остановимся только на тех памятниках средневожжской волосовской культуры (СВК), на которых фиксируются артефакты с культурной значимостью (высокой влиятельностью в культурной системе, по Л.С.Клейну), определяющей начало ЭРМ на севере Средней Волги. Выделяются две категории артефактов: керамика культур, фиксирующая приход племен эпохи бронзы на Среднюю Волгу, и изделия из металла, и/или следы металлообработки (тигли, ошлаковки, капли меди).

Первую категорию артефактов определяет балановско-атликасинский культурный комплекс, который в свою очередь детерминирует отдельную культурную группу волосовских поселений. При этом следует учитывать, что данная культурная группа поселений определяется как волосовская, т.к. в ней не фиксируется преобладающее проявление балановско-атликасинского культурного комплекса. Основным культурным комплексом на поселениях этой группы является все же волосовский комплекс, определяемый важнейшими категориями археологического материала: типами сооружений и объектов, типами керамики и кремневых орудий. Как отмечает В.В.Никитин, балановцы проникают в Левобережье Средней Волги в начале II тыс. до н. э. и их контакты с волосовскими племенами, вероятно, носили эпизодический характер. Здесь не известно ни одного поселения с чисто балановскими материалами⁶.

Но главный признак новой эпохи – появление следов начала освоения металла (тигли и слитки металла) на волосовских поселениях Среднего Поволжья: Руткинском, III Баркужерском, Луговой Борок. На Руткинском поселении

обнаружено десять обломков чашевидной формы тиглей с каплями меди на стенках⁷. Тигли обнаружены и на волосовских стоянках Оки (Панфилово и Подборица-Щербининская). На ряде стоянок волосовской культуры найдены изделия из металла. Это маловыразительные орудия и фрагменты украшений, свидетельствующие о начальном этапе металлообработки. На Федоровском и V Удельно-Шумецком поселениях найдены ножи. Шилья обнаружены на поселениях Холомниха, Панфилово, Подборица-Щербининская, Сутырское V, Уржумкинское. Уржумкинское поселение является уникальным по числу свидетельств меднолитейного производства и металлообработки меди. В жилищах Уржумкинского поселения капли металла и обломки тиглей (свыше 200 фрагментов) находились по всем глубинам заполнения жилищ. Наибольшая концентрация этих находок наблюдалась в жилище № 3. Реконструкция тигля выглядит следующим образом: крупная (длина — до 25 см, ширина — до 20 см) чаша ладьевидной формы с уплощенным или плоским дном, сужающимися к сливу стенками и округлой задней стенкой. Как отмечают Г.А.Архипов и В.В.Никитин, уржумкинским тиглям близок тигель из погребений литейщика фатьяновского Волосово-Даниловского могильника⁸. Самой многочисленной категорией изделий из меди, найденной на Уржумкинском поселении, являются шилья. Их найдено около десяти. Это четырехгранные или трехгранные острия длиной от 2 см до 6,5 см. Из орудий найдено также тесло длиной 6,4 см, с шириной рабочей части 3,8 см. В одном из очагов жилища № 2 обнаружен наконечник стрелы из медной пластины, свернутой в трубочку. Его длина 4,5 см, ширина пера 2 см, втулка — сечением 0,6 см. Кроме этого, на поселении найдены медные скобки для стягивания поврежденных сосудов (одна скобка обнаружена во фрагменте керамики). Из украшений обнаружена дисковидная подвеска-луница, линзовидная в сечении с подтреугольным отверстием. Аналогичные подвески известны на гаринско-борских памятниках⁹.

На Подборица-Щербининской стоянке найдена бронзовая литая бляшка-розетка с семью лепестками и двумя отверстиями в верхней части¹⁰. Полностью аналогичные бляшки-розетки известны в составе многокомпонентных

бронзовых украшений на кожаных лентах в Верхнеолгашином (Алгашинском) абашевском могильнике Среднего Поволжья¹¹. В пользу определенной синхронности поздневолосовских и абашевских памятников существуют и другие свидетельства. Так, на поселении Большая Гора, которое относится к концу развитого — началу позднего этапа волосовской культуры, у одного из очагов жилища обнаружена абашоидная керамика. По технологии изготовления она не отличается от волосовской: это толстостенная, пористая, слабого обжига керамика. Техника нанесения орнамента также волосовская: крупный зубчатый штамп. Но форма и орнаментальная композиция — абашевские: колоколовидный сосуд орнаментирован линией горизонтально штрихованных треугольников вершинами вниз¹². Фрагменты абашевских сосудов, в том числе и маленький остроресберный сосудик, найдены и на Юринской стоянке, и, как считают исследователи стоянки, абашевская керамика синхронна поздневолосовской керамике из жилищ¹³.

Существуют и отдельные свидетельства контактов абашевских и гаринско-борских племен в Прикамье. Очковидная подвеска известна с поселения Камский Бор II. На поселении Красное Плотбище найдены две абашевские бляшки-розетки и очковидная подвеска. О.Н.Бадер считал, что медные предметы из гаринско-борских памятников Прикамья позднего этапа имеют большое сходство с абашевскими вещами¹⁴. Появление следов металлообработки на памятниках Среднего Прикамья (Камский Бор II, Красное Плотбище, Нижне-Раздорное, Басенький Борок) связывается с разработкой местного металлургического сырья — камских медистых песчаников. Как считают О.Н.Бадер и Б.Х.Кадиков, население Средней Камы навыки металлургии получило от абашевцев Южного Урала¹⁵.

Волосовские памятники известны и на юге Среднего Поволжья, в бассейне р. Сок. На юг Средней Волги волосовские племена проникают из лесных районов Среднего Поволжья по Волге и ее притокам. Наиболее изученным волосовским поселением Самарского Поволжья является поселение Гундоровка. Керамика Гундоровского поселения имеет наибольшее сходство с посудой волосовских поселений Марийского Поволжья¹⁶. Интересным фактом,

зафиксированном на поселении Гундоровка, является котлован сооружения, прорезающий слой позднего энеолита. В заполнении этого котлована обнаружена керамика (около 60 сосудов), которая в Самарском Поволжье называется керамикой вольско-лбищенского типа¹⁷. На севере Среднего Поволжья аналогичная керамика, именуемая керамикой с валиком и «змейкой», также встречается на энеолитических поселениях и залегает совместно с балановско-атликасинской в одних жилищах (Галанкина Гора, Юринская стоянка). Волосовские группы населения на юге Средней Волги сосуществуют с ямной культурой. Но, как отмечают И.Б.Васильев и А.Т.Синюк, ни в ямных погребениях, ни на стоянках волосовского типа нет свидетельств контактов этих племен¹⁸. Эпоха ранней бронзы юга Среднего Поволжья характеризуется существованием здесь ямной культуры. Особенностью ранней бронзы этого региона является полный переход к экономике производящего типа: к подвижному скотоводству и металлургическому производству¹⁹.

С.В. Кузьминых считает, что волосовская культура — это культура эпохи раннего металла²⁰. Этому трудно возражать, когда речь идет о позднем этапе развития волосовской культуры. В дальнейшем С.В.Кузьминых отмечает, что для волосовской культуры не подходят ни термин «энеолит», ни «ранняя бронза», и предлагает называть ее квазиэнеолитической или палеометаллической²¹. Металло-обработка волосовского очага наиболее близка гаринско-борской металлообработке. Отмечается также определенное влияние на металлообработку волосовских племен абашевской, полтавкинской и балановской культур²².

У энеолитических племен лесной зоны Восточной Европы, в отличие от южного энеолита, продолжает господствовать охотничье-рыболовческий тип хозяйства. Существование СВК в абсолютной хронологии совпадает с существованием в степной и лесостепной зоне Восточной Европы скотоводческих и земледельческих культур энеолита и раннего бронзового века (РБВ). Но уровень развития экономических и социальных процессов у племен СВК не позволяет отнести ее к культурам РБВ. По всем основным параметрам, по структурообразующим признакам эта культура входит в обширную КИО энеолитических племен

с пережиточными неолитическими традициями, занимавших территорию Верхнего, Среднего Поволжья, Нижнего Прикамья и бассейн Оки (Д.А. Крайнов).

По существу, нет возражений по поводу отнесения поздневолосовских поселений к началу эпохи раннего металла, но никак не к раннему бронзовому веку. Нельзя считать СВК культурой ранней бронзы в классическом понимании этого термина. Волосовское население использовало чистую медь. В то же время предполагается, что в абашевской культуре мышьяковистая медь не естественного происхождения, а является мышьяковистой бронзой, и легирование производилось на стадии плавки руды. С.А. Григорьев, так же, как и Е.Н. Черных, отмечает, что в фатьяновской и балановской металлургии отсутствует использование мышьяковистой меди или бронзы²³. На поздних волосовских поселениях происходили процессы, связанные с металлургическим производством, и, скорее всего, они определялись балановским влиянием, но это не означает, что волосовские племена перешли к производящему типу хозяйства. Их хозяйство не являлось комплексным, включающим не только металлообработку, но и производство продуктов питания. При характеристике поздних этапов СВК отмечается тождество таких понятий, как «энеолит» и «эпоха раннего металла». С одной стороны, нельзя отрицать, что СВК является энеолитической культурой, со всеми признаками, присущими культурам этого периода. А с другой стороны, она знаменует собой начало ЭРМ в лесной зоне Среднего Поволжья. Эпоха раннего металла на севере Средней Волги начинается в результате проникновения сюда развитых культур эпохи бронзы: балановской, атлика-синской (по П.М. Кожину) и абашевской. А эти культуры не могут быть отнесены к раннему бронзовому веку. К моменту их появления в лесной зоне Среднего Поволжья они обладали уже достаточно развитой металлообработкой. И именно эти развитые принципы организации металлургического производства они передают волосовским племенам. Не случайно С.В. Кузьминых отмечает, что такой насыщенности остатками плавильного дела, как на Уржумкинском поселении СВК, не знают даже поселения эпохи развитой бронзы²⁴. Следует отметить, что и средневожская абашевская

культура, и балановская, и атликасинская являются региональными культурами КИО со сложившимися признаками погребального обряда и категориями инвентаря, позволяющими относить их к развитому периоду эпохи бронзы. Поэтому не удивительно то, что на позднем этапе развития волосовской культуры у нее фиксируется развитая металлообработка. У волосовской культуры происходит своеобразный скачок от неолитических охотничье-рыболовецких форм хозяйства к одному из основных признаков производящего хозяйства — развитой металлообработке. И хотя в волосовской культуре нет того набора металлических орудий, оружия и украшений из металла, как в средневожжской балановской и абашевской, все же можно говорить, что волосовцы переняли навыки металлообработки у племен с развитым металлургическим производством.

Большое значение для синхронизации волосовских и абашевских древностей имеют открытия и исследования в последние годы на северной периферии донской лесостепи: в верховьях Дона и Суры, в Окско-Донском междуречье, — группы абашевских памятников²⁵. Выделение в этих регионах протоабашевских поселенческих комплексов, их синхронизация с волосовской культурно-исторической общностью имеют принципиальное значение. Так, протоабашевский комплекс Мельгуново-3 синхронизируется с волосовской культурой. Доминирующей керамической группой поселения Мельгуново-3 является абашевская керамика. Но неотъемлемой частью этого комплекса является и керамика с Г-образным венчиком, с наплывом с внутренней стороны, находящая аналогии в волосовской культуре²⁶.

Балановско-атликасинский культурный комплекс керамики фиксируется на следующих волосовских поселениях: Федоровское (Верхняя Волга), Панфиловское, Подборица-Щербининская (Ока), Нижняя Стрелка IV, Удельный Шумец VII, Галанкина Гора, Кубашево, Юринская стоянка, Чирки (Средняя Волга). На этих поселениях обнаружена керамика как балановского, так и атликасинского типов. На одном из основных памятников завершающего этапа волосовской культуры — Галанкина Гора — соотношение балановско-атликасинской и волосовской керамики — 1:4 или 1:2,5²⁷.

Таким образом, в лесной зоне Среднего Поволжья выделяется типолого-хронологический горизонт волосовских поселений ЭРМ, который выходит на горизонт погребений с сосудами с геометрическим орнаментом абашевских и атликасинских памятников. А его верхняя граница маркируется керамикой вольско-лбищенского типа или керамикой с валиком и «змейкой» «чирковских» поселений Марийского Поволжья.

Наряду с местными племенами СВК, в культурогенезе лесной зоны Среднего Поволжья участвуют и пришлые племена абашевской, балановской и атликасинской культур, а на заключительном этапе культурогенеза конца средней – начала поздней бронзы в этот процесс включается и сейминско-турбинское население.

Наиболее достоверны контакты СВК с балановскими и атликасинскими племенами. Ранние контакты этих племен фиксируются в основном в приустьевой части р. Ветлуги, в Левобережье Волги. На таких поселениях, как Нижняя Стрелка IV и Удельный Шумец VII, в волосовских жилищах-полужемлянках вместе с поздней волосовской керамикой (керамика выжумского типа, получившая название от поселения позднего этапа волосовской культуры Выжум II) найдена балановско-атликасинская керамика, как с простым линейным, так и с геометрическим орнаментом и «атликасинским» зигзагом (Б.С.Соловьев). Балановская керамика, а также следы металлургии в виде тиглей и капель меди найдены в жилище № 4 поздневолосовского Ахмыловского II поселения. Керамика с валиком и «змейкой», которая связывается с СТФ, на этих памятниках отсутствует. Таким образом, можно с определенной уверенностью утверждать, что уже на развитом этапе СВК имеет контакты с балановскими и атликасинскими племенами. Как уже отмечалось, фиксируется и определенное балановско-атликасинское влияние на формообразование и орнаментацию поздне-волосовских сосудов (В.В.Никитин). Вероятно, в этот период, к концу первой четверти II тыс. до н.э., в левобережье Волги (приустьевая часть р. Ветлуги) начинаются процессы проникновения новых культурных традиций в местную неолитическую среду охотников и рыболовов. С этим проникновением, собственно, и связано наступление ЭРМ

в лесной полосе Среднего Поволжья. Это время определяется балановско-атликасинскими памятниками. Наряду с гипотезой О.Н.Бадера и А.Х.Халикова о выделении атликасинского этапа в балановской культуре, который следует за балановским этапом и является одним из ранних в развитии культуры, существует и другая гипотеза, предложенная П.М.Кожиным. Он считает, что балановские и атликасинские памятники относятся не к различным этапам одной культуры, а являются памятниками разных культурных типов и даже разных культур²⁸. Поэтому не является чем-то удивительным одновременное нахождение в поздневоловосовских жилищах и балановской, и атликасинской керамики — они сосуществуют во времени.

И все же не до конца ясно хронологическое и культурогенетическое соотношение балановских и атликасинских памятников. С одной стороны, фиксируются значительные различия в погребальном обряде и орнаментации керамики. Курганный атликасинский погребальный обряд с кремацией и значительной ролью огня в погребальном ритуале отличается от балановского погребального обряда. В атликасинских курганах захоронения осуществлялись в неглубоких могильных ямах или на площадках на уровне погребенной почвы. Балановский погребальный обряд характеризуется грунтовыми могильниками с глубокими погребениями до двух метров. Вместе с этим в Балановском могильнике отмечена и группа атликасинских погребений, которые хорошо маркируются керамикой с геометрическим орнаментом или типичным «атликасинским» зигзагом. Одновременно уже на раннем этапе контактов воловосовского и балановского населения в этих процессах принимали участие атликасинцы, свидетельство чему находим на поздневоловосовских поселениях, в том числе и на поселении Галанкина Гора, где вместе с поздневоловосовской керамикой встречена и балановская, и атликасинская. Вероятно, нет какого-то значительного хронологического разрыва между балановскими и атликасинскими памятниками. Более того, то своеобразие балановской культуры, которое позволяет выделять ее в ФБКИО, обеспечивают, прежде всего, именно памятники атликасинского типа. Атикасинская керамика встречена также и в фатьяновских памятниках Ивановско-

Горьковской группы (Скомороховский могильник, поселение Оленья Гора и др.)²⁹. Таким образом, видим, что в ФБКИО происходят процессы, которые захватывают все регионы общности и являются едиными для региональных культур ФБКИО.

Атликасинскую группу населения, судя по погребальному обряду, вероятно, необходимо связывать с лесостепным миром. Определенные параллели находим в среднеднепровской культуре, где также фиксируется большое разнообразие в погребальном обряде. В том числе известен и курганный погребальный обряд со значительной ролью огня в обряде.

В период появления в лесной зоне Среднего Поволжья позднефатьяновского – балановского и атликасинского – населения территория Правобережья Волги от р. Суры до р. Свиаги, вероятно, была занята абашевским населением. И фатьяновско-балановские, и атликасинские племена, дойдя до р. Суры, были вынуждены переправиться на левый берег Волги (устье р. Суры находится не более чем в 20–25 км от устья р. Ветлуги). Поселения Нижняя Стрелка IV и Удельный Шумец VII находятся на левом берегу Волги, напротив устья р. Суры. В результате контактов местных волосовских племен и пришлых балановско-атликасинских в приустьевой части р. Ветлуги начинает складываться новое симбиозное образование. Основой этого образования являются местные волосовские племена, перенимающие более передовые хозяйственно-социальные формы пришельцев – балановцев и атликасинцев. Свидетельством этого является продолжение традиций волосовского домостроительства и организации пространства поселений. Но при этом следует отметить, что здесь фиксируется лишь самое начало перехода местных племен к новым формам хозяйства и новой социальной организации. Все эти процессы начинаются в период развитого этапа СВК и достигают своего максимума на завершающем этапе развития культуры, который совпадает с началом формирования чирковской культуры. В этот период в сложении чирковской культуры принимают участие племена только трех культур: волосовской, балановской и атликасинской. На поселениях этого времени (Удельный Шумец VII) встречается только волосовская, балановская и

атликасинская керамика, но нет «валиковой» керамики и керамики со «змежкой». Подобные процессы протекают и на Верхней Волге, где в результате фатьяновско-волосовских контактов образуется так называемая «фатья-ноидная» керамика. Средневолжская волосовская культура (СВК) является региональной культурой обширной воло-совской культурно-исторической общности. И неудивительно, что те же контакты, которые отмечаются между волосовскими и фатьяновскими племенами на Верхней Волге, фиксируются и в Среднем Поволжье.

Средневолжская балановская культура является региональной культурой ФБКИО. Своеобразие и отличие от фатьяновской культуры балановская культура имеет, прежде всего, благодаря наличию в ней памятников атликасинского типа. Вероятно, балановско-атликасинская группа — это одна из наиболее поздних групп населения в ФБКИО. Во всяком случае, Синцовский курган, имеющий явные атликасинские черты, расположен в Волго-Вятском междуречье и относится к бассейну р. Вятки, который осваивался, возможно, на позднем этапе развития ФБКИО. Балановско-атликасинские памятники в Волго-Вятском междуречье как бы окаймляют с севера и востока территорию, занятую абашевскими могильниками.

Абашевские племена проникают в лесную зону Среднего Поволжья на раннем этапе развития АКЦИО. Вероятно, их исходным регионом являлось лесостепное Подонье. Верховья р. Суры подходят вплотную к притокам Дона: рекам Воронеж, Хопер и др. Цепочка абашевских памятников тянется от Подонья по р. Суре к Среднему Поволжью. Раннеабашевские погребальные комплексы Подонья (I и II обрядовые группы погребений Подклетненского могильника) наиболее близки ранним погребальным комплексам Вилатовского II могильника. Первоначально абашевцы осваивают наиболее удобное для их хозяйственной модели Волго-Сурское междуречье. Абашевские могильники располагаются в непосредственной близости от Волги (не более 5–10 км). В это время абашевцы, очевидно, контролируют главную водную артерию региона — Волгу — и правобережье Среднего Поволжья от р. Суры до р. Свияги. Средневолжская абашевская культура (САК) является региональной культу-

рой АКЮ. В развитии средневожской абашевской культуры выделяется три этапа, или периода. Первый (ранний) этап связан с проникновением абашевцев в лесную зону Среднего Поволжья. Исходной территорией движения абашевцев на Среднюю Волгу, вероятно, является территория донской лесостепи. Ранние комплексы средневожской абашевской культуры (Виловатовский II могильник) наиболее близки раннеобрядовой группе погребений Подклетненского могильника на Дону. Первоначально абашевцы осваивают только Правобережье Волги, но постепенно проникают и в глубинные районы Волго-Вятского междуречья.

На развитом этапе абашевцы контролируют главную водную артерию края – Волгу. Для этого периода развития абашевской культуры характерно выделение типологического горизонта погребений с сосудами с геометрическим орнаментом. Горизонт этих погребений совпадает с существованием в Среднем Поволжье атликасинских памятников, в которых также достаточно четко выделяется группа погребений с сосудами с геометрическим орнаментом.

Поздний этап САК характеризуется появлением погребений с коллективными захоронениями и сейминскими наконечниками стрел. Кроме этого, в Пепкинском кургане найдено захоронение литейщика. Это позволяет наметить типологический горизонт погребений металлургов в фатьяновской, атликасинской и абашевской культурах. В фатьяновской культуре это погребение металлурга в Волосово-Даниловском могильнике, где найдены две глиняные литейные формы и тигель³⁰. В атликасинской культуре это Чурачикский курган, в котором найдены литейная форма и два вислообушных топора. Следует отметить, что костяк в погребении Чурачикского кургана находился в абашевской позе: в скорченном положении на спине. В погребении найдены также три сосуда, которые определяются и как раннебалановские, и как атликасинские³¹. В САК захоронение литейщика известно в Пепкинском кургане, где, кроме литейной формы и двух тиглей, найден набор меднолитейщика³². В Балановском могильнике не известны захоронения литейщиков, но здесь найдены два медных топора³³.

Итак, на первом (раннем) этапе абашевские племена осваивают в основном правобережье Волги от р. Суры до

р. Свияги. В это время, возможно, р. Сура является границей между ФБКИО и АКИО. На втором этапе, в могильниках развитого периода САК выделяется типологический горизонт погребений с керамикой с геометрическим орнаментом. Курганы с погребениями развитого этапа и начала позднего этапа САК образуют единый типологический горизонт с погребениями балановского и атликасинского типов с сосудами с геометрическим орнаментом. Этот горизонт в относительной хронологии занимает самый конец предсейминского времени, верхняя граница которого определяется появлением сейминско-турбинских памятников в лесной зоне Среднего Поволжья. Появление на позднем этапе развития ФБКИО курганных могильников (могильники типа Атликасы) также свидетельствует об абашевском влиянии и о синхронности абашевских и атликасинских памятников. Средневожские абашевская и балановская культуры являлись культурами развитого бронзового века с устоявшимися производящими формами хозяйства. Примерно одинаковый уровень развития этих культур не позволял одной культуре оказывать какое-либо существенное влияние на другую. Обе культуры входили в достаточно мощные КИО, что давало им возможность развиваться самостоятельно, получая передовые технологии из более развитых регионов КИО. Есть основания предположить, что процессы развития абашевской и балановской культур в лесной зоне Среднего Поволжья протекали мирно. Но не исключено и то, что в конце развитого этапа САК балановские племена начали теснить абашевцев, занимая их территории в междуречье Суры и Свияги. В этот период абашевцы могли начать переход в Левобережье Волги. Но массовый их переход в Волго-Вятское междуречье (ВВМ) относится к позднему этапу их развития и связан с совершенно другими событиями, происшедшими на севере Средней Волги.

Поздний этап развития абашевской культуры в Среднем Поволжье характеризуется появлением коллективных погребений и сейминских наконечников стрел в погребениях. Этот этап по времени совпадает с появлением на Средней Волге сейминско-турбинских племен. Сейминское время в лесной зоне Среднего Поволжья определяется такими

памятниками, как Сейминский и Юринский могильники, а также комплексами с валиковой керамикой и керамикой со «змежкой» на волосовско-балановских или так называемых чирковских поселениях.

Одним из наиболее значительных поселенческих памятников в лесной зоне Среднего Поволжья, материалы которого позволяют соотнести население различных археологических культур, является Юринская стоянка. Если определить жилища Юринской стоянки как условно закрытые комплексы и допустить одновременное залегание в них волосовской, балановской, атликасинской, абашевской и «валиковой» керамики³⁴, то мы получаем еще одно свидетельство о синхронности вышеназванных культур на поздних этапах их развития.

Переход абашевцев в Левобережье Волги и освоение ими ВВМ остается не до конца выясненным вопросом. Во всяком случае, курганы абашевской культуры неизвестны в Поволжье, где сосредоточены в основном памятники со смешанным волосовско-балановско-атликасинским материалом. Переход абашевцев в ВВМ происходит в результате балановского давления и связан с их начальным появлением на севере Среднего Поволжья или относится к более позднему времени. Во всяком случае, ответ на этот вопрос необходимо искать в материалах абашевских курганов с коллективными захоронениями и признаками насильственной смерти абашевцев (Пепкинский курган, Верхнеолташинский (Алгашинский) и Абашевский могильники). Казалось бы, ответ на такой вопрос дают сейминские наконечники стрел в абашевских костяках этих могильников. Но наконечники стрел с выраженными шипами и треугольным черешком встречаются не только в сейминско-турбинских памятниках. Они известны и в смешанных комплексах поселений с балановской и «валиковой» керамикой, и в так называемой чирковской культуре. Встречаются подобные наконечники и в фатьяновских памятниках Московско-Клязьминской группы. Но, как считает О.В.Кузьмина, они несколько отличаются от наконечников стрел, найденных в костяках средневожских абашевских могильников. Нахождение подобных наконечников на севере Средней Волги в бала-

новских памятниках Атликасы и Балановском могильнике, возможно, объясняется тем же явлением, что и их находки в абашевских курганах. Определенные следы насильственной смерти балановцев отмечаются О.Н.Бадером в Балановском могильнике. Известны подобные случаи и в фатьяновских могильниках Верхней Волги (Волосово-Даниловский, Фатьяновский, Мытищинский и др.). В этих могильниках погребения разграблены, кости перемешаны и побиты. Все это связано не с волосовскими племенами, а новыми пришельцами, хорошо вооруженными металлическим оружием (Д.А.Крайнов). Не исключено, что на севере Среднего Поволжья и абашевцы, и балановцы сталкиваются с сейминско-турбинскими племенами. А, судя по материалам Галличского клада и отдельным сейминско-турбинским находкам, сейминце-турбинцы не только уходят на Оку, где оставляют могильник Решное, но и поднимаются по Волге вплоть до Верхнего Поволжья и выше. Неудивительно, что часть средневожских абашевцев, спасаясь от сейминско-турбинского преследования, уходит в ВВМ. Следы средневожских абашевцев отмечаются и в Волго-Окском междуречье (ВОМ) (могильники Орлово I, Петряиха, Сенинские Дворики), и на Верхней Волге (Кухмарь). В этих регионах они также появляются в результате сейминско-турбинского давления. Другая часть средневожских абашевцев была включена в сейминско-турбинское движение. Свидетельства этому находим в Юринском могильнике, где известны абашевские ножи с ромбической пяткой и наконечник копья с округло-ромбическим стержнем и боковым ушком. Ареал распространения этих копий в сейминско-турбинских могильниках (Сейма, Решное, Юрино) совпадает с ареалом распространения АКЮ. Аналогичные копья известны и в абашевских курганах Подонья (Селезни 2 и Большая Плавица). Но наиболее убедительным свидетельством включения средневожских абашевцев в сейминско-турбинское движение являются абашевские сосуды из могильника Решное³⁵, которые находят прямые аналоги в абашевских курганах ВВМ (поздний этап развития САК). Все эти факты говорят о том, что абашевцы не только являлись участниками сейминско-турбинского движения, но по мере прохождения сейминцев

через абашевские территории постепенно становились его главной составляющей силой. Затухание сейминско-турбинского импульса в пределах Волго-Окского междуречья может объясняться попаданием «сейминце-абашевцев» на территории родственных племен.

Итак, в конце первой четверти II тыс. до н. э. на север Среднего Поволжья проникают племена ФБКИО и АКЦИО. Фатьяновско-балановские племена, вероятно, приходят в Среднее Поволжье по Волге из Волго-Окского междуречья, доходят до Суры, и часть их переправляется на левый берег Волги. Здесь они вступают в контакт с волосовскими племенами. Абашевские племена приходят на Среднюю Волгу из Подонья по Суре и занимают первоначально Правобережье Волги от Суры до Свияги. Приоритет племен одной культуры перед другой установить достаточно трудно. Во всяком случае, на севере Среднего Поволжья выделяется типологический горизонт погребений с керамикой, орнаментированной геометрическим орнаментом. Это, прежде всего, погребения абашевских курганов развитого и начала позднего периодов развития культуры и погребения атликасинского типа. Скорее всего, на Средней Волге происходило мирное сосуществование племен этих культур. Абашевские племена не вмешивались в контактные процессы между волосовскими и балановскими племенами, которые проходили в приустьевой части р. Ветлуги. Трудно представить другой ход событий и то, что абашевские племена были вытеснены из Волго-Сурского междуречья балановскими племенами. Но А.Х.Халиков предполагал именно такое развитие абашевско-балановских отношений на севере Среднего Поволжья. Развитие абашевской и балановской культур на севере Среднего Поволжья было нарушено вторжением сейминско-турбинских племен, которые частично вытеснили из Среднего Поволжья абашевские и балановские племена. С большой долей уверенности можно утверждать, что сейминцы разрушили абашевскую и балановскую системы КИО на Средней Волге. Связи средневожских абашевцев и балановцев с другими регионами КИО были прерваны.

Одной из наиболее сложных задач, от решения которой зависит моделирование культурогенеза лесной полосы Среднего Поволжья, является чирковско-сейминская проблема.

В ней, как в фокусе, сконцентрировались основные моменты культурогенеза данного региона конца средней — начала поздней бронзы. Признание раннего проникновения балановско-атликасинских племен в лесную зону Средней Волги на рубеже III — II тыс. до н. э. и их участия в формировании чирковской культуры противоречит датировкам сейминско-турбинского феномена. Связь керамики с валиком и «змейкой», племена которой принимали участие в сложении чирковской культуры, с сейминско-турбинским населением становится все более очевидной. Исходя из принятых датировок сейминско-турбинского феномена можно констатировать: исходный импульс датируется XVII в. до н.э., а западные сейминско-турбинские могильники (Юрино, Сейма, Решное) не могут датироваться ранее конца XVII — начала XVI вв. до н. э.³⁶ Таким образом, на формирование чирковской культуры отводится не менее 400 лет, в то время как сама чирковская культура, включая и начальный этап ее формирования, насчитывает несколько поселений. А на одном из основных памятников культуры — Юринской стоянке — в одном жилище встречены и балановская, и атликасинская керамика, и керамика с валиком и «змейкой». Вероятно, в лесной зоне Среднего Поволжья фиксируется почти одновременный процесс проникновения в поздне-волосовскую среду балановско-атликасинского и сейминско-турбинского населения. Во всяком случае, между ними нет значительного хронологического интервала. Косвенным подтверждением этого являются и позднеабашевские материалы на Юринской стоянке, и сосуды, аналогичные абашевским сосудам из могильников ВВМ в сейминско-турбинском могильнике Решное и в абашевских могильниках ВОМ. Появление сейминско-турбинских племен в лесной зоне Среднего Поволжья относится ко времени конца развитого — началу позднего этапа САК. Пепкинский курган и подобные ему памятники (Верхние Олгаши (Алгаши), Абашево) — свидетельство вооруженного конфликта между абашевскими и сейминско-турбинскими племенами. Впервые на связь черешковых наконечников стрел с шипами, подобных наконечникам стрел из Пепкинского кургана, с сейминскими наконечниками стрел указывали Н.Я. Мерперт и А.Х.Халиков³⁷. Позднее

Е.Н.Черных и С.В.Кузьминых отметили, что черепковые наконечники стрел с шипами являются одним из основных типов оружия и были широко распространены у сейминско-турбинских племен³⁸. Наконечники стрел, аналогичные пепкинским наконечникам стрел, встречены в Ростовке, Турбино, Сейме. П.Ф.Кузнецов также считает, что Пепкинский курган – свидетельство абашевско-сейминского вооруженного конфликта³⁹. Следует отметить, что коллективное погребение со следами травм на черепах и сейминским наконечником стрелы обнаружено Б.В.Каховским в 1986 г. при раскопках кургана 12 Верхнеолгашинского (Алгашинского) могильника. В погребении найден сейминский наконечник стрелы и зафиксировано 12 костяков со следами насильственной смерти⁴⁰. Сейминско-турбинское вторжение в лесную зону Среднего Поволжья не только нарушило процессы взаимодействия поздневолосовского и балановско-атликасинского населения, но и сыграло значительную роль в судьбах средневожских абашевцев.

С большой долей уверенности можно утверждать, что сейминцы разрушили абашевскую и балановскую системы КИО на Средней Волге. Связи средневожских абашевцев и балановцев с другими регионами КИО были прерваны. Абашевцы частично были включены в сейминско-турбинское движение на запад (могильник Решное). Часть абашевцев под давлением сейминце-турбинцев были вынуждены уйти к западу, северо-западу от Среднего Поволжья. Абашевские могильники на Верхней Волге (Кухмарь) и в ВОМ (Орлово I и др.) появились в результате прихода сюда средневожских абашевцев. Небольшие группы абашевцев и балановцев, возможно, остались на Средней Волге и были вынуждены занять глубинные районы ВВМ с выходом на Вятку. Но они уже не играли сколько-либо значительной роли в культуругенезе данного региона.

Литература и источники

¹ *Сорокин П.А.* Социокультурные флуктуации: понятие и формы социокультурного процесса // *Метафизические исследования.* СПб., 1997. Вып. 2. История. С. 233.

² *Молодин В.И., Пряхин А.Д.* Евразийская лесостепь в эпоху средней-поздней бронзы (Некоторые проблемы) // *Донско-Донецкий регион в эпоху*

средней и поздней бронзы // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1998. Вып. 11. С. 4.

³ *Массон В.М.* Некоторые вопросы культурогенеза в доскифских обществах Восточной Европы // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи. Воронеж, 1996. С. 6.

⁴ *Генинг В.Ф.* Вопросы периодизации археологических эпох. Прикамье в эпоху племенного строя // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь, 1990. С. 20.

⁵ *Вдовин И.С.* Роль географического фактора в истории народов Сибири (По материалам северо-востока) // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л., 1984. С. 182–186.

⁶ *Никитин В.В.* Медно-каменный век Марийского края (Середина III – начало II тысячелетия до н. э.). Йошкар-Ола, 1991. С. 69–70.

⁷ *Архипов Г.А., Никитин В.В.* Руткинское поселение // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время / АЭМК. Йошкар-Ола, 1978. Вып. 3. С. 74.

⁸ *Архипов Г.А., Никитин В.В.* Уржумкинское поселение // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья / АЭМК. Йошкар-Ола, 1977. Вып. 2. С. 33.

⁹ Там же. С. 33–35.

¹⁰ *Цветкова И.К.* Стоянка Подборица-Щербининская // СА, 1961. № 2. С. 184, рис. 13, 1.

¹¹ *Ефименко П.П., Третьяков П.Н.* Абашевская культура в Поволжье // Абашевская культура в Среднем Поволжье / МИА. М., 1961. № 97. С. 64, рис. 13.

¹² *Большов С.В.* Поселение Большая Гора (Предварительные результаты исследования) // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья / АЭМК. Йошкар-Ола, 1995. Вып. 24. С. 53–54, рис. 3–4.

¹³ *Никитин В.В., Соловьев Б.С.* Юринская стоянка (По раскопкам 1999, 2000 гг.) // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань, 2003. С. 99.

¹⁴ *Бадер О.Н.* Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. М., 1961. Вып. 2. С. 265.

¹⁵ *Бадер О.Н., Кадиков Б.Х.* Поселения эпохи бронзы на Каме // СА, 1957. № 4. С. 158.

¹⁶ *Васильев И.Б., Овчинникова Н.В.* Энеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000. С. 235–237.

¹⁷ *Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф.* Памятники вольско-лбищенского типа // Там же. С. 68–69, рис. 8, 1–8.

¹⁸ *Васильев И.Б., Ситок А.Т.* Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев, 1985. С. 62–63.

¹⁹ *Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А.* Ямная и полтавкинская культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. С. 8.

²⁰ Кузьминых С.В. К вопросу о волосовской и гаринско-борской металлургии // СА, 1977. № 2. С. 33.

²¹ Кузьминых С.В. О некоторых дискуссионных проблемах эпохи бронзы Среднего Поволжья (В связи с работами 70–90-х гг.) // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999. С. 16.

²² Черных Е.Н., Кузьминых С.В. О химическом составе металла с волосовских поселений Верхнего и Среднего Поволжья // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья / АЭМК. Йошкар-Ола, 1977. Вып. 2. С. 95.

²³ Григорьев С.А. Мышьяковистые бронзы в металлургии I фазы евразийской металлургической провинции и этнические процессы I половины II тыс. до н. э. в Восточной Европе // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Воронеж, 1996. С. 34.

²⁴ Кузьминых С.В. К вопросу о волосовской и гаринско-борской металлургии // СА, 1977. № 2. С. 23.

²⁵ Екимов Ю.Г. Абашевские памятники на северной периферии донской лесостепи // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 413–417; *он же*. Протоабашевский керамический комплекс поселения Мельгуново-3 (К вопросу об истоках абашевских древностей) // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003. С. 198–204; Ставицкий В.В. Памятники абашевской культуры на территории Пензенской области // Там же. С. 205–208.

²⁶ Екимов Ю. Г. Протоабашевский керамический комплекс... // Там же. С. 203.

²⁷ Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы // Труды МарАЭ. Йошкар-Ола, 1960. Т. I. С. 88–90; Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья / Труды МарАЭ. Йошкар-Ола, 2000. Т. VI. С. 121–123.

²⁸ Кожин П.М. Атлн-Касинская культура в свете исследований балановской культуры О.Н. Бадером и А.Х. Халиковым // Древность и средневековье Волго-Камья. Казань-Болгар, 2004. С. 93.

²⁹ Гадзяцкая О.С. Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-Горьковская группа / САИ. М., 1976. Вып. В. 1–21. С. 110–111.

³⁰ Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. II тысячелетие до н. э. М., 1972. С. 165.

³¹ Каховский В.Ф. Чурачакский могильник // УЗ ЧувНИИ. Чебоксары, 1964. Вып. XXV. С. 168–172; Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятники балановской культуры / САИ. М., 1976. Вып. В1– 25. С. 94, табл. 8, 1–13.

³² Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган / Труды МарАЭ. Йошкар-Ола, 1966. Т. III. С. 12–13, табл. VIII–IX.

³³ Бадер О.Н. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М., 1963. С. 178, 179, рис. 115.

³⁴ Никитин В.В., Соловьев Б.С. Юринская стоянка... (По раскопкам 1999, 2000 гг.) // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань, 2003. С. 99.

³⁵ *Бадер О.Н.* Новый могильник сейминского типа на Оке и вопрос о связи могильников с поселениями // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (Неолит и бронзовый век). Куйбышев, 1976. С. 45.

³⁶ *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии (Сейминско-турбинский феномен). М., 1989. С. 261.

³⁷ *Мерперт И.Я.* Абашевские курганы Северной Чувашии // Абашевская культура в Среднем Поволжье / МИА. М., 1961. № 97. С. 155; *Халиков А.Х.* Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // Там же. С. 218.

³⁸ *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии... С. 234.

³⁹ *Большов С.В.* Абашевско-сейминские параллели (К вопросу о датировке волго-вятской группы абашевских памятников) // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2003. С. 71–72; *Кузнецов П.Ф.* Пепкинский курган как отражение конфронтации в начальный период формирования новой культурно-исторической эпохи бронзового века Европы // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2004. Вып. 2. С. 146–154.

⁴⁰ *Каховский Б.В.* Исследования Чувашской археологической экспедиции 1986 г. // Архив ИА РАН. Р – 1. Д. 10977. С. 9–10.

Jones-Bley, Karlene
(Los Angeles, U.S.)

INDO-EUROPEAN, BRONZE AGE, ABASHEVO, AND BASAL MOTIFS*

Pottery is one of the most common artifacts left by ancient societies, and each cultural group had its own distinctive shapes and decorative motifs. There is, however, frequently a similarity in motifs such as triangles, diagonal and parallel lines. The placement of this decoration generally occurs on the outside walls and sometimes on the upper inside rim of vessels. A more unusual placement of decoration is on the outside bottom of vessels and even more rarely the inside bottom. Here we are interested only in outside basal motifs. Although vessels with decoration on the bottom are unusual, they are widespread in the ceramic inventory of the Eurasian steppe and can be found from the Yenisey River west across the steppe, Europe, England, and on into Ireland.

The earliest of these vessels occur in the Neolithic and have been found in Mariupol cemeteries particularly from the Nikoloskoye cemetery, and they have been found in settlements as in the Tersek culture site of Kumkeshu (Kalieva and Logvin 1997, fig. 19/5). The later Eneolithic cemetery of S`ezzhee also produced vessels with basal motifs (Vasil`ev 1981) as did Sredny Stog (Telegin and Potekhina 1987). On pointy bottomed vessels, the motifs may be accidental, although some were clearly purposeful (see Kosinskaya 1984, fig. 4/10). On flat-bottomed vessels

* Текст был представлен автором оргкомитету Международной научной конференции по абашевской культуре (Чебоксары, май 2003 г.) и в большей мере является оставшейся неопубликованной частью статьи К.Джонс-Блэй (см.: Karlene Bley. Abashevo, Indo-European, and Basal Motifs // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы Международной научной конференции. Чебоксары, 2003. С. 124–127). Новое название статьи дано редактором.

they are undoubtedly deliberate. All but one of the 60 vessels from the Nikoloskoye cemetery had flat bottoms and most were completely decorated including the bottoms and inside the rim (Telegin and Potekhina 1987:91). Of the 54 vessels from the Tersek culture illustrated by Kalieva and Logvin (1997) only one appears to have had a flat bottom and it had a basal motif. By the Bronze Age, vessels with basal motifs are found on vessels of numerous cultural groups including the Abashevo, the Catacomb, and the Sintashta cultures. The vessels that contain these motifs are found both in settlements and graves. These basal motifs fall into four distinct groups with a great deal of variation and overlap within the groups: 1) circle, 2) cruciform, 3) checkerboard (or hatched) and parallel lines, 4) random markings*.

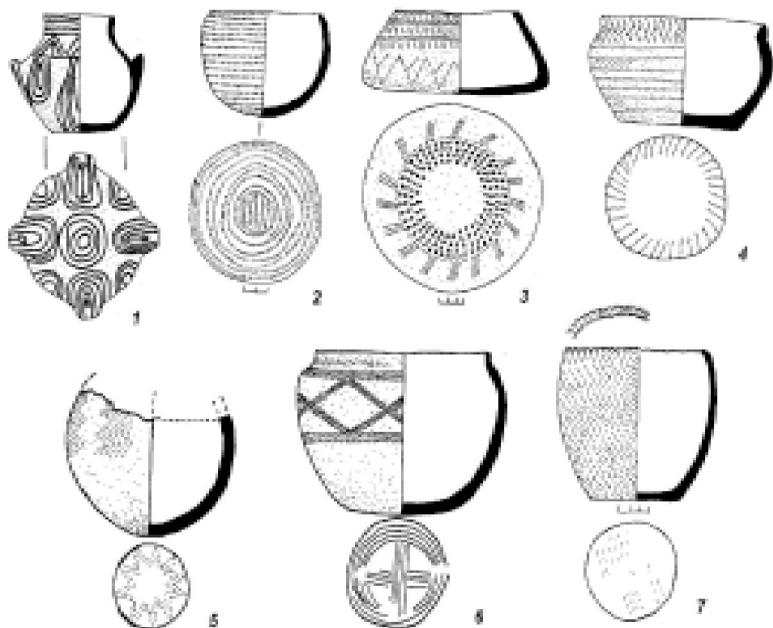

Figure 1. Volga-Don Vessels with Basal Motifs.

* См.: *Karlene Bley. Abashevo, Indo-European, and Basal Motifs // Абашевская культурно-историческая общность... С. 124—127.*

Bronze age and Abashevo

It is in the Bronze Age that vessels with basal motifs become most prevalent. Several vessels have been found with these basal motifs in an Abashevo burial context. Pryakhin and Besedin (1998, fig. 4, 1 and 9) present vessels from kurgans at Podkletnoe and Sady. Of particular interest is the vessel from a flat cemetery near the Nikiforovskoe forest in the Orenburg Region. In grave 5 the badly disturbed remains of an infant were found. With the infant was a richly ornamented vessel with a basal motif that consisted of a cruciform inside circle inside a rayed motif. The vessel had been repaired in ancient times with a metal bracket (Vasilyev and Pryakhin 1979:150, fig. 5/6).

This vessel and its context fits well with a group of other basal motif vessels and their contexts. These vessels, which are clearly out of the ordinary, have been found with sub-adults in the Volga-Don area (see Jones-Bley 1999) and at Kamenny Ambar-5 (Kostynkov, Epimakhov, and Nelin 1995:166-169, figs. 30/2 and 3). This latter grave contained 2 vessels with basal motifs and both were associated with the 2 children in the grave. Also in the grave were 2-25 year old women. At Ivano-Dar'evka in the Donetsk Oblast, a grave with four people in the pit contained ten pots. Pot #3 had a basal motif was at the leg of a child 8-9 years old. Also near this child was a bronze chisel and bronze knife (Kravets, Posiednikov, and Litvinenko 1991:167, fig. 30:2 and 3)

In a Taskovo cultural site a number of children's graves had vessels with basal motifs but these were the only gravegoods.

While vessels with basal motifs are found in both adult and children's graves, the latter are of particular interest as they often have additional artifacts that are of a special quality, such as silver ornaments (see Jones-Bley in press), fox jaws, bronze ornaments and tools, astragali and/or the grave had some kind of architectural elaboration. At Nikiforovskoe, we have an outstanding vessel that was special enough to be repaired before it was placed in the grave of an infant.

These motifs are not unique to the steppe or even Europe. Almost identical motifs can be found in the New World and Micronesia (see Krupp 1989; Rainbird and Wilson 2002, figs. 1 and 2). While cultural groups outside the steppe used these motifs as decoration on surfaces other than ceramics, particularly petroglyphs, it is the placement of these motifs on the bottom of vessels that sets them apart.

Several interpretations of these motifs have been put forward but a number of problems are still to be solved.

Pustovalov (1998:42) points out that the cruciform is especially found on the bottoms of pots and even sometimes on the inside bottom. On one vessel where it appears on the bottom (1998, fig. 7/3), he suggests the upper part of the vessel could be calendrical.

Ivas'ko (2002) associates the basal motifs found in the Nafteyugansk region of Khanty Mansiik with the double axe such as those found at Myceneaea.

Most often the circle and cruciform motifs have been interpreted as cosmological and most often as sun symbols (see Gimbutas 1965, fig. 409; Jones-Bley 1992 and 1993), but Akishev (2002:458) gives them a somewhat broader interpretation including the Sun, Moon, infinity, and parts of the world. The Nikiforovskoe vessel looks particularly sunlike.

Whatever the interpretation of the symbols themselves, it is the placement on the bottom of vessels that is important here. Unless the bottom of the vessels were visible as in the act of drinking or libation, the decoration is pointless. This has led me to suggest that these are ritual vessels used for some sort of drinking or libation ceremony (Jones-Bley 2003b). This suggestion is supported by at least two pieces of evidence: 1) the Bronze Age vessels on which these motifs occur are either small or medium sized; moreover, on Beaker pottery found in England they are frequently found on cups with handles; this is true also of other vessels; and 2) these vessels have often been found in graves that contain other unusual goods. Because of the unusualness of the vessels with basal motifs, we should not be surprised that other unusual gravegoods are found in the same graves, but the problem of the frequent placement of these vessels in graves of sub-adults remains a significant problem.

What the exact ritual was, of course, is difficult to say. Although the earliest of these vessels appear in the Neolithic at a time when it is unlikely Indo-European speakers occupied the Eurasian steppe, it is possible this was a cultural item borrowed from pre-Indo-European people. Given that in the Bronze Age these vessels are found in cultural groups and areas that can be linked to not only Indo-Iranian speakers but other Indo-European speakers as well, we can hypothesize a connection. If we then look to Indo-European literature, we see that drinking the ritual drink soma/haome is firmly established in the *Rig Veda* and the *Avesta*. Furthermore, the pouring of libation is testified to in not only these religious texts but also the Hittite ritual texts and extensively in Homer. Moreover, libation is associated with the supreme deities, the sun gods, Zeus, Jupi-

ter, and the Hittites poured wine onto an animal sacrificed to the sun god (Gamkrelidze and Ivanov 1995:562). Along with at least 12 other ewers of gold or silver, a gold ewer with a swastika on the bottom as well as a small gold bowl with parallel lines creating a cruciform was found in tombs at Alaca Hüyük in northeast Anatolia (Akurgal 1962, pls. 15 and VI)¹. Muscarella (2003:284) considers the best explanation for all these ewers is for pouring libation perhaps at the funeral ceremonies². From Denmark comes other gold vessels with ornate handles that clearly suggest a ritual function (Eluère 1999).

These signs, whatever their interpretation, were representative of something important and most likely something sacred. It is quite possible, and in fact quite probable, that the meaning of these symbols changed over time. Nevertheless, they are present throughout the Indo-European world and their representation on the bottoms of vessels are surprisingly uniform. Moreover, they seem to have moved across Eurasia rather rapidly. Still, I prefer to be cautious. The presentation of these vessels with basal motifs and the suggestions made here about them are not considered definitive. A great deal more research is necessary and many questions need to be answered before we can come to firmer conclusions.

References

Akishev, K. A., 2002. Archaeological Reference Points in Prognostication of the Structures of Ancient Societies of the Eurasian Steppe. In: *Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC*, Vol. II, Karlene Jones-Bley and D.G. Zdanovich (eds.). (Journal of Indo-European Studies Monograph Series 46). Washington D.C.: Institute for the Study of Man, 347–354.

Akurgal, Ekrem, 1962. *The Art of the Hittites*. London: Thames and Hudson.

Berezanskaya, S.S. and Ya.A. Gershkovich, 1983. Andronovskie elementy v Srubnoy kul'ture na Ukraine. In: *Bronzovyy Vek stepnoy polosy Uralo-Irtyshchskogo mezhdurech'ya*. Chelyabinsk: Bashchkirskiy Gosudarstvennyy Universitet, 100–110.

¹ The chronology of these graves is not firm, but they date most likely to the latter part of the 3rd millennium.

² Akurgal's arguments are not universally accepted (see Ünal 1989). Nevertheless, Bryce (1998:13) seems to accept Akurgal's hypothesis.

Eluère, Christiane, 1999. The Golden Treasures of the European Bronze Age. In: *God and Heroes of the European Bronze Age*, Katie Demakopoulou, Christiane Eluère, Jørgen Jensen, Albercht Jockenhövel, Jean-Pierre Mohen. London: Thames and Hudson 168–171.

Gening, B.F. and N.K.Stefanova, 1994. *Chernoozer'e I — Mogil'nik epokhi bronzы srednego priirtysh'ya*. Ekaterinburg: Ural'skiy Gosudarstvennyy Universitet.

Gimbutas, Marija, 1965. *Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe*. The Hague: Mouton & Co.

Jones-Bley, Karlene, 1992. The Sun in Image and Thought. In: *Ancient Images, Ancient Thought: The Archaeology of Ideology, Proceedings of the 23rd Annual Chacmool Conference*. A. Sean Goldsmith, et al. (eds.), Calgary: University of Calgary, 83-90.

Jones-Bley, Karlene, 1993. An Archaeological Reconsideration of Solar Mythology. *Word* 44(3): 431–443.

Jones-Bley, Karlene, 1999. *Early and Middle Bronze Age Pottery from the Volga-Don Steppe*. Oxford: BAR International Series 796.

Jones-Bley, Karlene, 2003 a. BAR.

Jones-Bley, Karlene, 2003 b. Basal Motifs and Indo-European Ritual. *Proceedings of the Fourteenth Annual UCLA Indo-European Conference: Los Angeles, November, 2002*. Karlene Jones-Bley, Martin E. Huld, Angela Della Volpe, and Miriam Robbins Dexter (eds.). (Journal of Indo-European Studies Monograph Series) Washington, D.C.: Institute for the Study of Man.

Kovaleva, V.T., 1997. *Vzaimodeystvie Kul'tur i Etnosov po Materialam Arkheologii: Poselenie Tashkovo II*. Ekaterinburg.

Kosinskaya, L.Ya., 1984. Poselenie Ir II. In: *Drevnie poseleniya Urala i zapadnoy Sibiri*, Sverdlovsk: Gosudarstvennyy Universitet im. A.M. Gor'kogo, 45–55.

Krupp, E.C, 1989. Rayed Disks. *Griffith Observer* 53(12): 2-19.

Malyutina, T.S., 1984. Mogil'nik Priplodnyy Log 1. In: *Bronzovyy vek Uralo-Irtyshchskogo Mezhdurech'ya*. Chelyabinsk: Bashchkirskiy Gosudarstvennyy Universitet, 58–79.

Mogilikov, V.A., 1984. Kurgany Chistolebyazh'e. In: *Bronzovyy vek Uralo-Irtyshchskogo Mezhdurech'ya*. Chelyabinsk: Bashchkirskiy Gosudarstvennyy Universitet, 27–37.

Myl'nikova, P.N. and M.A. Chemyakina, 2001. Keramika epokhi pozdney bronzы tsentral'noy Barabbi. *Vestnik Arkheologii, Antropologii i etnografii*, 3:86–97.

Obydnov, M.F. and A.F. Shorin, 1995. *Arkheologicheskie*

kul'tury pozdnego bronzovogo veka drevnikh ural'tsev (cserkaskul'skaya i mezhovskaya kul'tury). Ekaterenburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Potemkina, T.M., O.N. Korochkova, and V.I. Stephanov, 1995. *Lesnoe Tobolo-Irtysh'e v Kontse Epokhi Bronzy*. Moskva: Rossiyskaya Akademiya Nauk.

Pryakhin, A.D. and V.I. Bessedin, 1998. Ostrorebernye Abashevskie cocudy Dono-Volzhskego regiona. *Dono-Donetskiy region v epokhu sredney i pozdney bronzy* 11:60-71

Pustovalov, S.Zh., 1998. O rospisyakh na dne Katakomb ingul'skoy kul'tury i o problemakh ethnosotsial'noy rekonstruktsii katakombnogo obshestva severnogo prichernomor'ya. In: *Dono-Donetskiy region v epokhu sredney i pozdney bronzy*. Voronezhsk: Izdatel'stvo Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 22-51.

Rainbird, Paul and Meredith Wilson, 2002. Grossing the line: the enveloped cross in Pohnpei, Federated States of Micronesia. *Antiquity* 76:635-636.

Strikalov, I. Yu., 1996. Khronologiya keramiki i kul'turnyy sloy yuzhnogo gorodisha staroy Ryazani. In: *Arkheologicheskie pamyatniki okskogo Basseyna*. Ryazan': Gosudarstvennyy Istoricheskiy Muzey, 146-159.

Telegin, D. Ya. and I.D. Potekhina, 1987. *Neolithic Cemeteries and Populations in the Dnieper Basin*. V.A. Tikhomirov (trans.), J.P. Mallory (ed.), Oxvord: BAR International Series 383.

Vasil'ev, I.B., 1981. *Eneolit Povolzh'ia: step' i lesostep'*. Kuybyshev: Kuybyshevskiy Gosudarstvennyy Pedagogicheskiy Institut.

Vasil'ev, I.B., P.F. Kuznetsov, and A.P. Semenova, 1995. Pamyatniki Potapovskogo tipa v lesostepnom Povolzh'e. *Drevnie Indoiranskije kul'tury Volgo-Ural'ya (II tys. do n.e.)*. Samara: Samarskiy Gosudarstvennyy Pedagogicheskiy Universitet, 5-37.

Vasil'ev, I.B. and A.D. Pryakhin, 1979. The Ground Gemetry of the Abashevo Culture near Nikiforovskoe Forestry in Orenburg Region. *Soviet Archaeology* (2):145-152.

Zdanovich, G.B. 1988. *Bronzovyy Vek Uralo-Kazakhstanskikh Stepey*. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo Universiteta.

ЭТИМОЛОГИЯ ГИДРОНИМА СУРА
(К проблеме этноязыковой принадлежности
населения абашевской культуры)*

Исследование посвящено выявлению в топонимии Восточной Европы следов языка создателей абашевской культурно-исторической общности. Подробно анализируя историю и этимологию названия р. Суры, а также целого ряда предположительно однокоренных гидронимов в бассейнах Волги, Оки и Днепра, мы обосновываем предположение об индоиранском происхождении подобных и ряда других речных названий Поволжья. Сравнительное изучение гидронимов *Сура* и античного (*Ῥᾶ* — у Птолемея) и мордовского (мокш. *Rava*, эрз. *Ravo*) названий реки Волги показывает, что названия обеих крупных рек восходят к производным от индоевропейского глагола **ser-// *sor-// *sr-// *srey-* со значением «двигаться», «струиться», «течь», при этом гидроним *Сура*, судя по сохранению инициального *s-*, явно отражает индоарийское (ср. скр. *sar-* «двигаться», *sru-* «течь» и т.п.), а гидроним *Ῥᾶ*, *Rava* «Волга» — иранское (скифское) произношение (с закономерной утратой анлаутного *s-* в иранской ветви, ср. иран. *rautah-* «река» < **hrautah-* < **srautas-* ~ др.-инд. *srotas* «течение»; авест. *ravan-* «поток» ~ скр. *srava* «текущий, течение», «поток» и т.д.). В археологии утвердилось мнение, что носителями иранских диалектов в Поволжье были создатели срубной культуры, следовательно, носители индоарийской речи должны были

* Статья является расширенным вариантом доклада, прочитанного на Международной научной конференции «Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие» (Чебоксары, май, 2003 г.). См.: Егоров, 2003. С. 93—114.

появиться в этом регионе ранее срубников. Этим условиям отвечает история поволжского варианта абашевской культуры. Предположение об индоарийской природе языка абашевцев получает особое звучание в свете новейших исследований О.Н. Трубачевым индоарийского языкового субстрата Северного Причерноморья. Подтверждается идея о возникновении протоабашевской культуры в Среднем Подонье и дальнейшем ее распространении на Среднее и Нижнее Поволжье, а также на Южный Урал.

К середине II тыс. до н.э. в лесостепной зоне Восточной Европы сложилась абашевская культурно-историческая общность, памятники которой в настоящее время известны от левобережья Днепра на западе до реки Тобол на востоке, а хронологические рамки определяются второй-третьей четвертью II тыс. до н.э. Ареал абашевской культуры простирается на севере до Верхнего Поволжья, на востоке — до Зауралья, на юге — до степных районов Дона и Волги, на западе — до левых берегов Днепра и Донца.

Значительные массивы абашевских поселений и могильников выявлены в лесостепных районах Волго-Донья и Южного Урала, на берегах Средней Волги, главным образом на Чувашско-Марийском отрезке ее течения — насыщенный могильниками массив, а в остальных регионах — разрозненные памятники и отдельные находки абашевской культуры.

Углубленное изучение этой разбросанной по отдельным крупным естественногеографическим районам археологической культуры позволяет ученым говорить о том, что под «абашевской культурой» следует понимать целую культурно-историческую общность эпохи бронзы, подобную древнеямной, катакомбной, срубной и другим общностям эпохи раннего металла в Восточной Европе (Пряхин, 1971. С. 202).

В истории абашевского населения специалисты выделяют три периода: *протоабашевский* — время, предшествующее распространению этого населения в северные пределы лесостепного Среднего Поволжья и на Южный Урал (вторая четверть II тыс. до н.э.); *раннеабашевский* — начинается со времени расселения абашевцев в северные пределы лесостепи Среднего Поволжья и на Урал (середина II тыс. до н.э.); *позднеабашевский* — время начального этапа сейминского

хронологического горизонта, когда абашевцы вступают в интенсивные контакты с постепенно распространяющимися в лесостепь срубниками и алакульцами (третья четверть II тыс. до н.э.) (Пряхин, Халиков, 1987. С. 125).

Проблема установления этноязыковой принадлежности создателей древних дописьменных археологических культур включает три главных аспекта исследования: *культурологический* (вопросы культурной преемственности, взаимодействия, интеграции и дифференциации внутри сближаемых групп памятников с учетом как общих, так особенно и «этнизирующих» признаков), *соматический* (антропологическая характеристика носителей исследуемой культуры, вопросы их близости, различий, взаимодействия и последовательности развития) и *лингвистический* (прежде всего история формирования, развития и распространения языка, или генетически родственных языков, распространенных в синхронных данной археологической культуре территориях, выявление возможных следов предполагаемого языка в топонимии региона и т.д.) (Кнабе, 1962; Мерперт, 1988. С. 8).

Каждый из этих аспектов должен изучаться приемами и методами соответствующих наук. Соотношение между ними должно рассматриваться особо в каждом конкретном случае. Но равное внимание ко всем указанным аспектам и профессиональный характер их освещения представляются необходимыми на всех уровнях.

На высшем уровне — всестороннего изучения проблем этнической и языковой идентификации доисторических археологических культур в целом — необходимы сопоставление, корреляция и комплексное исследование всех отмеченных факторов с привлечением данных и методов ряда наук — не только археологии, антропологии и лингвистики, но и палеогеографии, палеоботаники, палеозоологии, истории, этнографии, культурологии и т.д. Вместе с тем на этих уровнях ряд проблем решается на археологических материалах и археологическими методами, причем археология выступает здесь как самостоятельно, так и в союзе с отдельными науками указанного цикла (Мерперт, 1988. С. 8). Абашевскую археологическую культуру можно подразделить на три неоднородные части.

Северная, или поволжская, часть представлена главным образом погребальными памятниками, раскопки которых всегда обнаруживают очень чистый культурный комплекс, позволяющий видеть в нем эталонную абашевскую культуру (*Евтюхова, 1964*). Поселения абашевской культуры в Среднем Поволжье до сих пор не выявлены.

Восточная, или уральская, ветвь данной культурно-исторической общности представляет собой смесь абашевских культурных элементов с местным уральским энеолитическим культурным субстратом, наибольшая доля последнего выявляется в Зауралье, например, в материалах Малокизильского селища близ Магнитогорска (*Сальников, 1967. С. 18–146*). Эта ветвь в археологической литературе иногда именуется особой баланбашской культурой (*Смирнов, 1957*).

И, наконец, в бассейне Дона обнаружены памятники третьего ответвления абашевской культурно-исторической общности, в которых наблюдается смешение истинно абашевского археологического компонента с элементами срубной культуры. В южном, донском варианте собственно абашевский компонент ряда памятников проявляется в качестве основного субстрата, некоторых — в виде примеси к срубному компоненту.

Соотношение между этими тремя ветвями абашевской культурно-исторической общности таково, что археологи в поволжском варианте обычно видят исходную и, следовательно, более раннюю основу для образования последующих и более поздних вариантов абашевской культуры — уральского и донского. Возможно, именно поэтому между уральской (баланбашской) и донской ветвями абашевской культурно-исторической общности и наблюдается значительное сходство в некоторых важных деталях материальной культуры. Однако при этом нельзя исключать и субъективный фактор: поволжский вариант абашевской культуры в глазах археологов приобрел статус приоритетного скорее всего по той простой причине, что он был открыт раньше уральского и тем более донского, а истинные взаимосвязи между этими тремя ветвями могли быть и иными (*Халиков, Пряхин, 1987. С. 130–131*).

А.Х.Халиков выделяет преимущественно синхронные варианты абашевской культуры на территории Среднего и

Верхнего Поволжья, Приуралья и в бассейне реки Мокши (*Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966. С. 5*).

К.В.Сальников выделил следующие районы распространения памятников абашевской культурно-исторической общности: средневолжский, нижневолжский, стерлитамакский (башкирский), магнитогорский и зауральский (*Сальников, 1967. С. 112*). На данном этапе изученности культуры такое дробление вряд ли правомерно.

Из выделенных А.Х.Халиковым и К.В.Сальниковым вариантов, бесспорно следует признать прежде всего классический волжский, представленный главным образом памятниками Среднего Поволжья, донской и уральский, а также, видимо, связывающий два последних — нижневолжский (правда, слабоизученный и к тому же «смазанный» значительным влиянием срубной культуры).

Среди специалистов до сих пор нет единого взгляда на вопрос этноязыковой принадлежности создателей абашевской культуры. Одни исследователи склонны связать абашевскую культуру с финно-угорским населением. Такого мнения придерживался, например К.В.Сальников (*Сальников, 1961. С. 49*), но это предположение не может быть принято уже хотя бы потому, что финно-угры никогда не проникали столь далеко на юг. На необоснованность доводов К.В. Сальникова в свое время уже указывала О.Н. Евтюхова (*Евтюхова, 1966. С. 31*). К мнению о финно-угорской природе абашевцев склонялся также О.Н.Бадер (*Бадер, 1970. С. 71–99*).

Неоднократные попытки доказать принадлежность абашевской культуры к финно-угорскому населению предпринимал П.Д.Либеров. По его мнению, население абашевской культурно-исторической общности, по крайней мере ее донской ветви, сыграло решающую роль в формировании геродотовских будинов (*Либеров, 1964. С. 45*). Локализуя упомянутых Геродотом будинов в районе Среднего Подонья, П.Д.Либеров без всякого сомнения относит их к финно-угорским народам (*Либеров, 1964. С. 17*). Для отождествления населения железного века с района Среднего Дона с будинами Геродота, а этих последних — с мордвой или каким-нибудь иным финно-угорским народом нет никаких реальных оснований. Выдвинутый П.Д.Либеровым тезис о непосредственной преемственности между донским вариантом

абашевской культуры и археологической культурой данного района эпохи железного века также не находит подтверждений. Более того, в районах лесостепного Подонья между абашевской культурой и культурой раннего железного века (т.н. «среднедонской культурой» по П.Д.Либерову) лежит массив срубной культуры, которая и оказала значительное влияние на формирование культуры населения раннего железного века Подонья. Разумеется, абашевское население, поглощенное и ассимилированное носителями срубной культуры, внесло определенный вклад в формирование местного среднедонского варианта срубной культуры (Пряхин, 1971. С. 199–200), но из этого ни в коей мере нельзя делать далеко идущий вывод о финно-угорской природе абашевцев. Не имеет под собой доказательной базы и попытка П.Д.Либерова отнести появление мордовских топонимов на *-лей/ -ляй* (ср. морд. эрз. *лей*, мокш. *ляй* «река») на территории Среднего Подонья ко времени существования абашевской культуры. Достоверно известно, что начиная, по крайней мере, со второй половины I тыс. н.э. полномасштабными хозяевами Подонья стали тюркоязычные кочевые народы, а в конце XIV в., после погромов Тамерланом вотчин Тохтамыша, вся степная и лесостепная полоса Юго-Восточной Европы опустела. Не случайно на Руси ее стали называть «Диким полем». В степях безраздельно господствовали ногайцы, крымские татары, и прилегающие к южной границе русские земли получили название «крымской украины». Правым флангом «крымской украины» являлась Северская земля, которая находилась под постоянной угрозой нападения кочевников. Дикое поле вплотную подступило к северским городам. Никакого постоянного оседлого населения за южными рубежами Северской земли — ни русского, ни тем более мордовского — не было. Среднее течение Дона начинает заселяться только после возведения в 1635–1646 гг. Белгородской засечной черты. Русское правительство «сводило» на засечную черту служилых людей из других городов, а также призывало «вольных и охочих людей» для заселения степной «украины». В числе этих «вольных и охочих людей» на Дон переселялись и значительные группы мордовского населения. Следовательно, мордовскую топонимию Среднего Подонья в лучшем случае можно датировать второй половиной XVII в.

П.П.Ефименко и П.Н.Третьяков высказали предположение о формировании основ абашевской культуры на базе среднеднепровской (*Ефименко, Третьяков, 1961*). Опираясь на эту в общем правдоподобную гипотезу, языковед Б.В. Горнунг предпринял попытку отнести абашевцев к прото-тохарской этноязыковой группе (*Горнунг, 1956. С. 37; Горнунг, 1958. С. 58–59; Горнунг, 1963. С. 19, 88–92*).

О.Н.Евтюхова в статье, посвященной проблеме происхождения абашевской культуры, указывает на необоснованность попыток связать абашевскую культуру с культурой боевых топоров, а тем самым – на неправомерность отождествления племен абашевской культуры с продвинувшимися на восток «протохарами» (*Евтюхова, 1966. С. 32*).

В археологической литературе начало абашевской культуры искали к юго-западу и к югу от территории Чувашского Поволжья (*Артеменко, 1977. С. 42–43; Евтюхова, 1966. С. 29–30; Ефименко, Третьяков, 1961. С. 87; Халиков, 1961. С. 223–224; Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966. С. 28; Сальников, 1967. С. 137*). Чаще этнокультурные истоки абашевцев связывались с ямниками (А.Х.Халиков) или в той или иной степени со среднеднепровцами (П.Н.Третьяков, И.И.Артеменко). Обе эти точки зрения, на наш взгляд, имеют серьезную фактологическую основу.

Есть также точка зрения, согласно которой абашевцы и среднеднепровцы имеют в своем формировании общую индоевропейскую основу (Н.Я.Мерперт, О.Н.Евтюхова), представленную культурой шнуровой керамики.

Постепенно растет число свидетельств в пользу формирования абашевских древностей на окраине ямной культурно-исторической общности, на своего рода промежуточной территории между массивами населения катакомбной общности на юге и частично востоке (с которыми связаны полтавкинские древности), фатьяновской общности (куда включаются и балановские памятники) – на севере, среднеднепровской культуры – на западе (*Крайнов, 1972. С. 36*). Речь идет прежде всего о территории лесостепного Подонья и смежных южных районах Среднего Поволжья (*Пряхин, Халиков, 1987. С. 130*).

Утвердилась точка зрения, согласно которой сложение абашевцев происходило на северной периферии ямной

культурно-исторической общности на базе обособившейся в лесостепи группы населения. А это дает повод усматривать древнейшее родство абашевских, срубных и алакульских групп населения, далекие предки которых в той или иной степени были связаны с древнеямными племенами (*Пряхин, Халиков, 1987. С. 130*) и, по общему мнению специалистов, в этноязыковом отношении являются индоевропейцами.

Сейчас большинство археологов придерживается мнения, что этническая основа абашевцев сформировалась на базе населения древнеямной культурно-исторической общности, связываемой с древними носителями индоевропейской речи (*Мерперт, 1966. С. 156*), а поэтому есть определенные основания согласиться, хотя бы на начальном этапе поисков, с высказыванием А.Х.Халикова о принадлежности абашевских племен к индоиранской языковой группе (*Халиков, 1967. С. 20*) и вести лингвистические поиски именно в этом направлении.

Археологи отмечают также хорошо прослеживаемые контакты ираноязычного населения срубной культуры с абашевцами. На заключительном этапе эпохи бронзы населению срубной культуры удалось даже ассимилировать значительные массы абашевского населения (*Пряхин, 1971. С. 201*). В лесостепных районах Дона и Волги в это время появляются синкретические абашевско-срубные, а на Южном Урале — абашевско-алакульские памятники. С течением времени срубные и алакульские традиции возобладают над абашевскими, и этот процесс завершается фактическим поглощением массивов абашевского населения и включением его в срубную и алакульскую общности (*Пряхин, Халиков, 1987. С. 131*).

Такое постепенное и плавное, а подчас и малозаметное на археологическом материале перерастание абашевской культуры в срубную (например, ряд исследователей памятники абашевцев Нижнего Поволжья вообще включает в число памятников срубной культуры) скорее всего свидетельствует о глубинных генуинных этнолингвистических взаимоотношениях между носителями указанных культур, очевидно, имевшими общие корни происхождения, сравнительно близкое языковое родство и определенную общность духовной и материальной культуры. Все это, с учетом общепринятого в

археологии и лингвистике положения об ираноязычности срубников, дает основание видеть в создателях абашевской культуры индоиранский или индоарийский по языку этнический массив.

Последующая судьба абашевского населения в разных областях данной культурно-исторической общности была различной.

На абашевскую культуру бассейна Дона достаточно сильное влияние оказало позднекатакомбное население лесостепного Подонья, что наложило определенный отпечаток и на окончательное формирование этноязыковых особенностей донской группы абашевцев.

В северных пределах лесостепи и в смежных лесных районах сколько-нибудь заметное влияние на абашевцев со стороны срубников и алакульцев на археологическом материале не прослеживается. В лесной полосе Среднего Поволжья локальные группы абашевцев постепенно растворялись в среде местного финно-угорского населения. В результате смешения аборигенного и пришлого населения, усложненного взаимодействием различных этнотерриториальных родоплеменных групп, в середине II тыс. до н.э. в Среднем Поволжье сформировался ряд археологических культур: чирковско-сейминская, приказанская, поздняяковская, примокшанская и др. В конце II тыс. до н.э. из этих археологических групп сохранились и получили дальнейшее развитие лишь две — приказанская и поздняяковская, поглотившие и растворившие к рубежу II—I тыс. до н.э. как местные, так и пришлые группы племен (*Халиков, 1969. С. 125*). В эпоху раннего железа на базе восточной приказанской культуры сформировалась ананьинская, а на базе западной поздняяковской — городецко-дьяковская культурные общности. В настоящее время считается установленным, что городецко-дьяковские племена составили этническую основу древних мордвы, мещеры, муромы, мери и марийцев (*Халиков, 1969. С. 374*).

Хотя археологи и не говорят о прямом наследовании абашевских черт финно-угорскими культурами раннего железного века Поволжья (в этом направлении сделаны лишь первые шаги), но вполне однозначно указывают: «Ясно лишь, что в лесной полосе Поволжья в инородном окруже-

нии растворились те группы абашевцев, которые оставили свои памятники на территории населения приказанской, поздняяковской, чирковской культур и других групп населения того региона» (*Пряхин, Халиков, 1987. С. 131*). Тем не менее, тесные контакты между местным финно-угорским и пришлым абашевским населением в северной половине Среднего Поволжья представляются весьма долговременными и достаточно тесными. Следовательно, есть вполне достоверные основания для поисков следов языка абашевцев не только на карте бывшего расселения абашевской культурно-исторической общности, но и в языках живых финно-угорских народов — прежде всего в мордовских и марийских, а также в местной топонимии. Судя по совокупности археологических данных, абашевцам могла принадлежать некоторая часть так называемых индоиранских заимствований в апеллятивной и ономастической (прежде всего в топонимической) лексике мордовских языков.

Определенную ясность в выяснение сложных вопросов этноязыковой принадлежности и этноглоптогенеза абашевцев могли бы внести данные антропологии. Однако в научный оборот введен незначительный антропологический материал, главным образом из абашевских могильников Среднего Поволжья. Специалисты единодушно квалифицируют антропологический тип абашевцев как европеоидный (*Лебец, 1948. С. 83–86; Акимова, 1955. С. 78–82; Герасимов, 1955. С. 519–529; Халиков, 1961. С. 226; Третьяков, 1966. С. 98; Евтюхова, 1966. С. 30–31; Сальников, 1967. С. 135–136; Бадер, 1970. С. 71 и др.*).

Определенный интерес в рамках данной темы представляет выявленное Г.В.Лебединской и М.М.Герасимовой различие краниологического материала абашевской и срубной культур. На этой основе авторы отвергают предположение А.Х.Халикова о позднеямной основе абашевских племен и предлагают искать соответствия абашевским черепам в более западных регионах (*Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966. С. 43*).

К сожалению, ввиду недостаточной изученности, пока еще нет возможности в полной мере привлекать заключения антропологов для решения вопросов об этноязыковой принадлежности и этноглоптогенезе населения абашевской культурно-исторической общности.

Итак, совокупность археологических и антропологических данных подсказывает лингвистам искать истоки языка абашевцев среди языков индоевропейской семьи, скорее всего в ее индоиранской ветви.

Обычно полагают, что индоевропейские племена ко времени распада индоевропейского единства обитали на территории Европы от Балкан до областей к северу или к северо-западу от Черного моря, до центральной Европы. Позднее, по мнению ряда авторитетных исследователей, некоторые группы индоевропейцев, и прежде всего индоиранцы, продвинулись в более восточные, в основном степные районы к северу от Черного моря, Кавказа и Каспия. Некоторые ученые (О. Шрадер и его последователи) полагают, что эти степные районы в очень ранний период входили в ареал первоначального распространения индоевропейских племен (*Бонгард-Левин, Грантовский, 1983. С. 158–159*).

Эпоха формирования, развития и распада индоевропейского единства была весьма длительной. Среди близкородственных племен, составлявших эту общность, складывались группы, которые явились предшественниками основных исторически известных языковых семей. Среди них находились и предки индоиранцев, в тот период поддерживавших достаточно тесные контакты с другими родственными и неродственными племенами. На основании лингвистических данных ученые полагают, что наиболее тесными были связи индоиранцев с протогреками, протоармянами (*Porzig, 1954; Георгиев, 1958. С. 239 и след.*; Р.Бирве, Т. Я.Елизаренкова и др.), предками славян и балтов (К.Цейс, А.Кун, Г.Хирт, А.Мейе, Г.Артц, Т.Барроу и др.). Подобные языковые связи позволяют помещать индоиранцев на востоке индоевропейского ареала, скорее всего в районах к северу от Черного моря и Кавказа.

Уже давно ставшее достоянием науки мнение об обитании индоиранцев в период распада индоевропейской общности в областях к северу от Черного моря и Кавказа согласуется с новыми археологическими материалами из Северного Причерноморья и соседних областей, относящимися ко времени III–II тыс. до н.э.

У носителей древнеямной, катакомбной, полтав-кинской и других культур указанного ареала особую роль

играло скотоводство в сочетании с земледелием, наблюдался заметный прогресс и в других отраслях производства, в том числе и металлургии, а также в общественных отношениях. Весьма примечательны полученные отечественными археологами новые данные о широком и раннем (не позже IV тыс. до н.э.) распространении в областях к северу от Черного моря коневодства, игравшего, как известно, большую роль в жизни индоиранских племен. Все это мы наблюдаем и в Среднем Поволжье на материалах балановской и абашевской культур. Весьма показательно в этом отношении распространение у абашевцев дисковидных псалий с шипами, что свидетельствует о появлении в евразийской степи и лесостепи колесного транспорта в виде колесниц (*Пряхин, Халиков, 1987. С. 125*).

В степных и прилегающих лесостепных областях Юго-Восточной Европы индоиранцы еще долгое время продолжали сохранять контакты с другими группами индоевропейцев, а затем, как полагают многие ученые, продвинулись далее на восток – в Среднюю Азию, к Ирану и Индии. Однако время этого миграционного процесса определяется специалистами по-разному.

По мнению одних ученых, индоиранские племена оказались в Средней Азии и прилегающих районах уже в III тыс. до н.э. (В.Бранденштайн, И.М.Дьяконов, Эд.Мейер, В.Пизани и др.); согласно мнению других, движение ариев из Северного Причерноморья на восток относится ко времени около 2000 г. до н.э. (Т.Барроу, Ф.Шпехт и др.), к первой половине и даже середине II тыс. до н.э. (В.Порциг, Р.Хаушильд и др.). Расходясь в определении дат, большинство ученых считает, что общие предки всех индоиранских народов ушли на восток и обитали в Средней Азии и прилегающих областях еще до разделения на иранскую и индийскую (арийскую) ветви. Но было высказано мнение, что это обособление началось еще в пределах Юго-Восточной Европы (*Hauschild, 1962*).

Наконец, существует и более правдоподобная точка зрения о том, что индоиранские племена, хотя и распространялись из Юго-Восточной Европы к востоку, никогда полностью не покидали ее территорий: часть арийских племен продолжала обитать здесь вплоть до скифской эпохи

(Абаев, 1965; Абаев, 1972; Грантовский, 1970; Грантовский, 1971; Трубачев, 1976. С. 39–63; Трубачев, 1999).

Независимо от выводов о локализации прародинны индоиранцев, о времени выделения из нее индоевропейцев и путях их расселения, имеются надежные сведения об обитании последних в III–II тыс. до н.э. в степной и лесостепной полосе к северу от Черного моря и Кавказа. Судя по материалам исторических источников и ономастики, выявленным и изученным О.Н.Трубачевым (Трубачев, 1999), в Северном Причерноморье и смежных территориях к началу «исторической эпохи» (еще до скифо-сарматского периода) находилось индоиранское (точнее – индоарийское и иранское) население.

Об этноязыковой ситуации в Юго-Восточной Европе в III–II тыс. до н.э. свидетельствуют сравнительные лингвистические данные о многочисленных и системных ареальных связях индоарийских языков с рядом индоевропейских языков Европы, об ареальных связях с «европейскими языками» индоиранских языков в целом, иранских языков (но уже без индоарийского) и, наконец, лишь некоторых иранских языков. Особенно показательны в этом отношении установленные В.И.Абаевым по материалам осетинского языка многочисленные изоглоссы со «среднеевропейскими языками» (предшественниками кельтского, германского, латинского, балтийского, славянского и др.), что определенно указывает, в частности, на активные контакты в пределах II тыс. до н.э. (Абаев, 1965). Эти данные хронологически примыкают к свидетельствам «исторической эпохи», позволяющим говорить об иранском и индоарийском населении на юге Восточной Европы во II – начале I тыс. до н.э. (Трубачев, 1999).

В целом же лингвистические материалы показывают, что племена индоиранской принадлежности во II тыс. до н.э. не покидали полностью европейской части степной зоны, а постепенно расселялись оттуда отдельными группами на север, северо-восток (балановцы, абашевцы) и восток.

Эти выводы подтверждаются также древнейшими индоиранскими лексическими заимствованиями в финно-угорских языках. Данные исторической фонетики позволяют

надежно выделить из общего фонда индоиранских заимствований в указанных языках лексические пласты, воспринятые определенно из индоиранского (общеарийского), индоарийского и собственно иранских языков, в которых уже произошел ряд характерных звуковых изменений сравнительно с «общеарийским» состоянием. Эти языковые контакты общеиндоиранской, а затем и индоарийской и иранской эпох, очевидно, происходили на границах лесной и лесостепной зон от Поволжья до Зауралья (*Абаев*, 1981. С. 84–89; *Joki*, 1973).

Итак, выясняется ряд оснований для утверждения, что в течение длительного периода с III по II тыс. до н.э. индоиранские племена находились на широких пространствах лесостепной и степной полос Восточной Европы и Западной Азии. Подобные данные позволяют помещать предков абашевцев (а также балановцев) на востоке ареала индоевропейской прародины, а конкретнее — скорее всего в лесостепных районах к северу от Черного моря и Кавказа.

Согласно историко-лингвистическим данным, распад индоиранского (арийского) единства датируется приблизительно первой половиной II тыс. до н.э. Следовательно, надо полагать, что индоиранские племена в первой половине II тыс. до нашей эры еще не могли находиться на юге Средней Азии, Иранском плато и в Передней Азии (*Бонгард-Левин*, *Грантовский*, 1983. С. 155 и след.).

Исходя из совокупности исторических, археологических и лингвистических данных, можно полагать, что предки абашевцев скорее всего являются обособившимися от индоиранцев племенами, продвинувшимися сначала в Подонье, а затем уже оттуда расселившимся в двух основных направлениях — на северо-восток, в районы Среднего Поволжья, и на восток — вплоть до Зауралья.

Для установления этноязыковой принадлежности создателей древних археологических культур очень важны материалы о древних и даже современных географических названиях, особенно по гидронимии. Топонимисты давно установили, что названия крупных водных объектов, как правило, имеют очень древнее происхождение и сохраняются тысячелетиями, несмотря на неоднократную смену местного населения. Многостороннее изучение географических на-

званий, установление их этимологии, выяснение первоначальной семантики, изучение формальных компонентов и исторического развития фонетического облика могут помочь в выяснении относительного возраста топонимов. На этой основе специалистам обычно удается довольно точно установить относительное время возникновения топонимов, определить их этноязыковую принадлежность, а также установить исторические связи с той или иной археологической культурой.

Роль топонимов в исторической науке можно сравнить с ролью остатков материальной культуры. Археологические данные нуждаются в дополнительных подтверждениях со стороны других наук и прежде всего – языкознания. Поэтому согласованность археологических материалов с топонимическими значительно повышает достоверность результатов, но без необходимого разностороннего лингвистического анализа топонимический материал не может служить надежным историческим источником. Обильные на любой территории географические названия прежде всего должны подвергаться сложной процедуре хронотопологической стратификации по историческому принципу, по времени возникновения и распространения в определенных широких ареалах, каждому названию должно быть отведено свое место в пространстве и времени среди исторических напластований различных эпох.

Наиболее древними являются названия относительно крупных речных объектов – потамонимы (гидронимы), которые обычно дают материал для характеристики несравнимо более древних этнолингвистических ландшафтов, чем другие разряды топонимов, отличаются меньшим разнообразием семантических полей производящих основ, чем, например, комонимы и астионимы. В основе большинства потамонимов лежат нарицательные слова, со временем принявшие значения собственных имен. Среди последних ведущее место занимают простые географические номенклатурные термины, по своей семантике связанные с понятиями «вода», «течь», «текучий», «течение», «река» и т.п.; ср.: *Обь* (< иран. *аб*, перс., тадж. *об* «вода»); *Дон* (< иран. *д ну* «река»); *Сорма* (чув. *Суръм* < др.-инд. *sarmah* «течение»); *Ингирь* (часто встречающаяся на территории древней мери основа ~ мар.

энгер «река»); *Кем, Хем* (ср. *Бий-Хем, Улуг-Хем, Ка-Хем, Аракем, Аккем* и т.п. в Туве и на Алтае < др.-инд. *кат* «вода») и т. д.

Именно такие «водные» и «речные» термины несут основную смысловую нагрузку в большинстве топонимов, тогда как другие компоненты в сложных гидронимах имеют только определяющее значение и часто оказываются в ряду частей речи прилагательными, реже числительными, а в синтаксическом аспекте – определением в составе атрибутивных синтагм, ср.: *Шураб* (< перс. *шур* «солёный» + *аб* «вода»); *Оженары* (чув. *Ушанар* < мар. *ош* «белый» + *энгер* «река»); *Улуг-Хэм* (< тув. *улуг* «большой» + *хем* «река»); *Аккем* (< алт. *ак* «белый» + *кем* «река»); *Шуришу* (чув. *шурă* «белый» + *шу* «вода», «река») и т.д.

Подобная «водная» семантика названий наиболее значительных речных объектов сужает семантические рамки поисков соответствующей апеллятивной лексики, лучшей некогда в основу анализируемого гидронима, а также придает большую достоверность предлагаемым этимологиям. Учитывая историческую этнолингвистическую картину исследуемого региона на различных диахронических уровнях, топонимисту прежде всего приходится к анализируемому названию подбирать подходящие по фонетическому составу и значению слова из интересующих языков, постепенно углубляясь в историческое прошлое, пока не будет выявлен по возможности наиболее адекватный анализируемому гидрониму этимон. Разумеется, выбранное в качестве предполагаемого этимона слово в дальнейшем должно подвергаться всестороннему лингвистическому анализу по всем возможным аспектам изучения и на всех строевых уровнях языка – фонетики, морфологии, семантики, синтаксиса и т.д. Попробуем вкратце проследить всю эту трудную процедуру на конкретном примере – названии правого притока реки Волги – *Суры*, которое, как будет показано ниже, является наиболее приоритетным претендентом на «абашевскую древность».

Название реки Суры в местных языках представлено в следующих аллоформах: рус. *Сура*, чуваш. *Сăр, Сăрă* (*Ашмарин*, 1936, XI. С. 270, 274), мар. *Šur/Шур* (*Васильев*, 1926. С. 275; *Wichmann*, 1924. С. 99), морд. эрз. *Sura, Suro*, морд. мокш. *Sură* (*Paasonen*, 1909. С. 131).

В топонимии Чувашского Поволжья в настоящее время специалисты выделяют пять крупных диахронических

и диатопических страт: 1) восточнославянскую или русскую (с середины XVI в. до наших дней); 2) тюркскую (с VIII в. н.э.) с подразделениями на: а) болгарскую (VIII – первая половина XV в.); б) кыпчакскую (XIII–XIV вв.); в) чувашскую (с конца XIV в. до наших дней) и г) татарскую (с середины XV в. до наших дней) подстраты; 3) финно-угорскую (начало I тыс. до н.э. – XIV в. н.э.) с подразделениями на: а) марийскую и б) мордовскую подстраты; 4) иранскую (середина II тыс. до н.э. – начало I тыс. до н.э.) и 5) индоевропейскую (индоиранскую) (конец III тыс. до н.э. – середина II тыс. до н.э.) страты (Егоров, 2002. С. 19–24).

На современном уровне изученности гидроним *Сура* не может быть отнесен ни к одной из названных страт, о чем свидетельствует даже беглый обзор наиболее авторитетных исследований.

В.А.Никонов в «Кратком топонимическом словаре» пишет: «Предложенные этимологии неудовлетворительны (напр., из современного морд. *сюро* «хлеб»), происхождение названия остается неизвестно» (Никонов, 1966. С. 399).

М.Фасмер приводит ряд омонимичных *Суры* гидронимов и ограничивается констатацией того, что употребляемые на очень удаленных друг от друга территориях внешне созвучные названия едва ли могут иметь общее происхождение, и замечает: «Название этой реки, возможно, иноязычного (т.е. не русского. – Н.Е.) происхождения» (Фасмер, 1971, III. С. 805–806).

Б.А.Серебренников предполагает, что потамоним *Сура* скорее всего обязан своим происхождением одному из вымерших поволжских языков, который в бассейне Суры предшествовал мордовскому (Серебренников, 1955, №6; Серебренников, 1965. С. 243). Следовательно, гидроним *Сура* не может считаться финно-угорским по своему происхождению и должен быть отнесен к более ранним хронологическим уровням – иранскому или индоевропейскому (индоарийскому).

В топонимической литературе неоднократно предпринимались попытки сближения относительно близких по фонетическому составу гидронимов типа *Сура*, *Сора*, *Сара*, *Шор*, *Шур* и т.п., распространенных на огромной территории Севера европейской части России и Западной Сибири,

включая и составные гидронимы, содержащие в своем составе схожие звуковые комплексы, например, такие, как *Сарга, Инсар, Войкарский Сор* и т.п. (Азнагулов, 1971. С. 237; Воронин, 1951, С. 266–284, Гордеев, 1985. С. 78; Инжеватов, 1976. С. 192–195; Инжеватов 1987. С. 197–198; Мурзаев, 1984. С. 496, 516–517; Поспелов, 1970. С. 96–105 и др.).

Обычно в составе подобных гидронимов авторы выделяют финно-угорскую основу, родственную финскому, карельскому и эстонскому *sara* «болото», «заболоченная река» и т.п., коми *шор* «ручей», «весенний ручеек», «поток (после дождя или обильного снеготаяния)», удмуртскому *шур* «река», а также угорскому **sarз* или **šarз* (ср.: хант. *Iar, tor* «озеро», «пойма», «заливной луг»; манс. *tūr, tor* «озеро», венг. *ár* «течение», «поток») «поток», «ручей», «озеро» (Лыткин, Гуляев, 1970. С. 322). Финноугроведы склонны сближать эти слова с санскритскими *sar-* «быстро бежать», «течь», «струиться»; *sará* – «текущий», «жидкий», *sar* – «ручей» и др. однокоренными словами (Joki, 1973. С. 80; подробнее см. ниже).

Действительно, гидронимы типа *Сара, Сор(а), Сура* и т.п., если их рассматривать поверхностно и в совокупности, имеют очень широкий ареал распространения, частично перекрывающий историческую территорию расселения финно-угорских народов и, вместе с тем, выходящий далеко за пределы этой территории, что дает повод для критической оценки мнения о финно-угорском происхождении данного ряда гидронимов. Ясно, что каждая из приводимых авторами в качестве генуинных, но разнящихся по фонетическому облику групп топонимов тяготеет к определенному самостоятельному ареалу (Поспелов, 1970. С. 104). При этом языковедам, владеющим приемами и методами компаративного исследования топонимии, совершенно понятно, что в подобных случаях в одном ряду рассматриваются явно гетерогенные основы, лишь случайно совпадающие в той или иной степени по внешнему фонетическому облику, ср.: каз. *сор* «солончаковое озеро» (<тадж., перс.); рус. диал. (Зап. Сибирь) *сор* «непроходимые топи с озерами», «заливной луг», «пойма» и т.п. (<угор.); коми *шор*, удм. *шур* «река»; чув. *шур* «болото» (<тюрк. *саз*); рус. диал. (Рус. Север) *сора, шора* «ручей», «рассоха» (<фин.); карел., *саари*, эст. *saar*, фин. *saari*

«остров» (ф.-угор.) и т. д. (См. *Поспелов*, 1970. С. 103–105). Совершенно очевидно, что перечисленные гидрографические термины, несмотря на определенное внешнее созвучие, имеют совершенно различное происхождение, относятся к разным языковым стихиям, а потому не сопоставимы в генетическом отношении.

Географические названия, образованные на базе гомогенных лексических единиц, как правило, образуют компактные ареалы, обычно совпадающие полностью или частично с ареалом распространения определенной археологической культуры или этноязыковой общности. Разумеется, очень часто территория распространения той или иной археологической культуры бывает намного шире ареала или ареалов, оставленных носителями данной культуры географических названий. Причина такого неполного совпадения обусловлена тем обстоятельством, что любая этноязыковая общность, переселившись на новые земли, прежде всего дает названия наиболее значимым местным физико-географическим объектам — рекам, горам, озерам и т.п., расположенным непосредственно на территории своего обитания и смежных землях. Что же касается артефактов археологической культуры, то они с течением времени в результате заимствования, обмена, торговли могут распространяться далеко за пределы основной территории данной этноязыковой общности. Топонимы же редко проникают за пределы освоенной данным этносом территории. Обширная территория распространения абашевской культурно-исторической общности в топонимическом отношении изучена весьма неравномерно. Полные словари гидронимов имеются только по бассейну реки Оки (*Смолицкая*, 1976), по территориям Украины (*Словник*, 1979), Татарстана (*Гарипова*, 1984; 1990) и Марий Эл (*Воронцова, Галкин*, 2002).

По данным этих авторитетных источников, в Среднем Поволжье и Северном Причерноморье выделяется по крайней мере два относительно компактных ареала распространения речных названий с основами *Сара-* ~ *Сора-* ~ *Сура-* и т.п. Возможно, при тотальном исследовании гидронимии лесостепной полосы Восточной Европы ареал таких гидронимов окажется намного шире, так как единичные речные названия такого типа выявляются также в Нижнем По-

волжье, Башкортостане, на Южном Урале и т.д., но в названных регионах древние субстратные гидронимы были отчасти переосмыслены поздним тюркоязычным населением (ср. *Сарысу*, *Царицын*, *Саратов* и т.д., и т.п.) в результате контаминации с апеллятивом *сары* «желтый», широко представленным в тюркоязычной гидронимии вообще, а большей частью были безвозвратно утеряны для науки вследствие многократного перекраивания этноязыковой карты региона в ходе бурных исторических событий последующих трех с лишним тысячелетий. В любом случае большая часть территории абашевской культурно-исторической общности в топонимическом отношении остается пока почти не исследованной и приходится довольствоваться доступными материалами из Средневожского и Севернопричерноморского регионов.

Для выяснения этимологических связей и установления языковой и этнокультурной принадлежности гидронима *Сура* особо показательны следующие названия речных объектов, зафиксированные в «Словаре гидронимов Украины»: *Сарабаиш-Тарама* (вар.: *Сарбаиш-Тарама*, *Шарабаиш-Тарама*, *Сарош-Тарама*, *Сара Баиш* < *Сара* + тюрк. *баиш* «исток», «верховье»); *Сара-Велика*; *Сара-Мала*; *Сарры*; *Саранна*; *Саранца*; *Сарата* (вар.: *Сорота*, *Серата* отмечено 4 объекта с таким названием); *Сарачин*; *Сардачина* (вар. *Шородок*, *Сардучина*, *Сородчина*); *Сарнавицина*; *Сарнивка*; *Сартана* (< *Сара* + иран. *тана/дана* «река»); *Сартани-Тарама* (*Словник*, 1979. С. 487–488); *Серет* (вар.: *Сереть*, *Серед*, *Сирет*, *Сырет*, *Серета*; отмечено 6 речных объектов с таким названием); *Серетель*; *Серитул*; *Сертея* (*Словник*, 1979. С. 498–499); *Сира Оржиця*; *Сирень* (вар.: *Сырень*, *Сырець*); *Сирець* (вар.: *Сырець*; *Сирець*; отмечено 2 объекта с таким названием); *Сириця* (вар.: *Сыриця*; отмечено 2 речных объекта с таким названием); *Сировá* (вар.: *Сирыва*, *Сыровый*); *Сироватка*; *Сировиця*; *Сирувáта* (*Словник*, 1979. С. 502); *Сиричка*; *Сірків*; *Сіркове*; *Сірна* (*Словник*, 1979. С. 504); *Сорока* (отмечено 6 речных объектов с таким названием); *Сорокова* (вар.: *Сарокова*; отмечено 4 речных объекта с таким названием); *Сороча* (вар.: *Сороче*; отмечено 5 речных объектов с таким названием); *Сорочинка* (*Словник*, 1979. С. 521–522); *Сура* (вар.: *Сурка*); *Сурачин*; *Сурдук*; *Суржа*

(вар.: *Шуриша, Шурише, Шуриши, Суриша*; отмечено 2 речных объекта с таким названием); *Суржівка; Суриів; Сурка; Сурова* (*Словник, 1979. С. 540*); *Суха Сура* (вар.: *Сухая Сура, Сухая Сурка*; отмечено 2 речных объекта с таким названием) (*Словник, 1979. С. 545*); *Мокра Сура* (вар.: *Мокрая Сура*) (*Словник, 1979, С. 370–371*) *Камышеватая Сура* (вар.: *Комишувата Сура*) (*Словник, 1979, С. 266*); *Шура* (отмечено 2 речных объекта с таким названием); *Шурживка; Шуро́ва; Шу́рок* (*Словник, 1979. С. 628*); эта же основа просматривается в составе гидронима *Оси́ра* (вар.: *Осы́ра, Госи́ра*) (*Словник, 1979. С. 404*). Само собой разумеется, что не имеет никакого смысла искать в Северном Причерноморье гидронимы финно-угорского происхождения, так как в бассейнах Днепра и Днестра, где зафиксировано большинство из приведенных гидронимов, финно-угорские народы никогда не проживали. Поэтому языковеды большинство из перечисленных гидронимов возводят к индоевропейской основе **ser-* «течь» (*Топоров, Трубачев, 1962; Трубачев, 1968; Rospond, 1965*). При этом надо иметь в виду, что приведенные топонимы восходят не к абстрактному индоевропейскому праязыку, а образованы уже после распада индоевропейской общности на базе самостоятельных языков — индоиранского, индоарийского, иранского, фракийского, иллирийского и т.п. Именно этим обстоятельством объясняется разнообразная фонетическая корреляция индоевропейской основы **ser-/ *sor/ *st-* в составе различных диахронических и диатопических вариантов и форм конкретных гидронимов. Следует также учитывать, что древние субстратные гидронимы подвергались многократной фонетико-морфологической адаптации и переосмыслениям в адстратных и суперстратных языках поздних пришельцев — скифов, сарматов, тюрков, славян и др. Даже если некоторые из перечисленных выше гидронимов при дальнейшем углубленном изучении и выпадут из этого ряда, наличие параллелей в гидронимии Среднего Поволжья и Северного Причерноморья вряд ли может быть оспорено. Следовательно, тезис о финно-угорском происхождении среднево́лжского гидронима *Сура* не может быть признан в качестве окончательного и достоверного.

Широкое распространение речных названий с гетуинскими основами *Са́ра, Се́ра, Со́ра, Су́ра/Су́ла, Шу́ра* и т.п. в

Северном Причерноморье служит веским аргументом в пользу индоевропейской этимологии и средневожского гидронима *Сура*.

Судя по работе Г.П. Смолицкой «Гидронимия бассейна Оки» (*Смолицкая*, 1976), речные названия с основами *Сара*, *Сера*, *Сура*, *Шура* и т.п. довольно широко представлены и в гидронимии бассейна Оки, ср.: *Сара* (194; здесь и далее после гидронима в скобках указываются страницы книги: *Смолицкая*, 1976), *Саранга* (254), *Сарга* (254), *Сарма* (259), *Сарым* (247), *Сера* (200), *Серакша* (212), *Сормы* (261), *Сура*, *Сурка* (223), *Сурава* (247), *Суралей* (254, 255), *Сурамля* (215), *Суренка* (173, 261), *Сурин* (84, 152, 237), *Суринка* (91), *Сурков* (54, 68), *Сурменка* (97), *Сурмин* (204), *Суrow* (60), *Суrowка* (248), *Сурож* (94, 226), *Сурочка* (173), *Сюр* (261), *Шура* (211), *Шурка* (252) и т.п.

В бассейне Оки, судя по историко-археологическим сведениям, скорее всего напрашивается финно-угорская этимология хотя бы определенной части из перечисленных гидронимов. На первый взгляд, в пользу этого предположения свидетельствуют такие «речные» топоформанты, как *-ва*, *-га*, *-нга*, *-ма*, *-кша*, *-та*, *-лей* и др., которые в топонимике традиционно считаются финно-угорскими, но это не противоречит индоевропейской (индоиранской, балтийской и т.п.) этимологии основ подобных потамонимов. Северная граница выявленных и идентифицированных к настоящему времени археологических памятников средневожской абашевской культуры как раз проходит по течению Оки, местами далеко заходя в левобережные лесные районы (Огубь, Кухмарь, Петряиха, Знаменка и др.). Пришедшие на смену абашевцам финно-угры, восприняв субстратную гидронимию, могли легко ее адаптировать, приспособивая к своему языковому узусу, присоединяя к заимствованным непонятным словам свои исконные «речные» топоформанты. Абашевская по своему происхождению гидронимия Поочья могла быть транслирована в русский язык только через посредство вымерших финно-угорских народов — мещеры, муромы, мери, а также предков здравствующих мордвы и марийцев. Следовательно, наличие «финно-угорских» речных топоформантов не может служить решающим аргументом против индоевропейской этимологии гидронимов Среднего Поволжья, в том числе

и бассейна Оки. Наоборот, присоединение дополнительных «речных» топоформантов финно-угорского происхождения скорее всего свидетельствует о дофинноугорском происхождении производящих основ.

В топонимии Республики Марий Эл выявляется ряд потапонимов, также восходящих к рассматриваемой индоиранской основе, ср.:

Сурка – правый приток реки *Шоры*. Гидроним одного происхождения с гидронимом *Шур* (оф. *Сура*) – правый приток Волги, здесь *-к(а)* суффикс (см. *Шур*). Под таким названием есть несколько притоков Днепра, реки в басс. Вятки, Пинеги Архангельской обл. По мнению О.Н.Трубачева, гидроним иранского происхождения... (*Воронцова, Галкин, 2002. С. 310–311*);

Сурьюзсер (оф. *Сурья*) – две реки: правый и левый притоки реки Немды. Составлено из топоосновы *Сурью* и марийского апеллятива *эсер* «река»..., где *Сур* восходит к иранскому источнику... (*Воронцова, Галкин, 2002. С. 311*);

Шарасер (оф. *Шаранерка*) – речка, левый приток реки Немды (*Воронцова, Галкин, 2002. С. 362*);

Шарача – речка, левый приток реки Парата; *Руш Шарача* – название села в Волжском районе (*Воронцова, Галкин, 2002. С. 362*);

Шары (мар. *Шёр*) – название русского поселка в Горномарийском районе (*Воронцова, Галкин, 2002. С. 362, 363*);

Шарское-Лисино – озеро в междуречье Ветлуги и Вятки; ср. гидронимы *Шарья, Шора*... (*Воронцова, Галкин, 2002. С. 362*);

Шарьер – название озера в междуречье Малой Кокшаги и Юшута. Сложный лимноним, где *Шар* – гидроним, *ер* «озеро»... Гидроним *Шар* – фонетический вариант гидронима *Шор* (*Воронцова, Галкин, 2002. С. 362*);

Шарья – левый приток реки Ветлуги. С подобным же названием есть реки в Кировской и Костромской обл. (*Воронцова, Галкин, 2002. С. 363*);

Шайра (оф. *Шарья*) – левый приток реки Илети... В официальном варианте сохранилась первоначальная форма *Шарья* > *Шайра*, о чем свидетельствуют названия деревень *Подгорные Шары, Шарибоксад* и р. *Шаривка* в Азьяльской волости и р. *Шора* – левый приток реки Илети, правый приток реки Юшута, озера *Шарьер* в Звениговском районе

(Воронцова, Галкин, 2002. С. 358); ср. также *Шайра Икса* – проток в Волжском районе; *Шайра куп* – болото в Волжском районе; *Шайрамбал* – деревня в Волжском районе (Воронцова, Галкин, 2002. С. 359);

Шора – название русской деревни в Мари-Турекском районе. Отгидронимный комоним, ср. река *Шора* – правый приток реки Илети (Воронцова, Галкин, 2002. С. 377);

Шор куп – болото в Моркинском районе в пойме реки *Шоры* (Воронцова, Галкин, 2002. С. 377);

Шоркэсер – правый приток реки Лажа... *Шорка* – гидроним... с уменьшительным суффиксом *-к(а) + эсер* «река»..., связан с этимологией гидронима *Шорэсер* (Воронцова, Галкин, 2002. С. 377–378);

Шорья (оф. Большая *Шорья*) – правый приток реки Юронги (Воронцова, Галкин, 2002. С. 378);

Шорэсер (оф. *Шора*) – две реки: одна – левый приток реки Илети, вторая – правый приток реки Юшуг. Есть третья река *Шора* – правый приток реки Вятки... Л.И.Калинина все названия на *шор, шур, сор, чур...* относит к древнему финно-угорскому пласту и считает, что они восходят к древнеиранскому слову **sur* «река» (Воронцова, Галкин, 2002. С. 378–379);

Шур (оф. *Сура*) – правый приток Волги (Воронцова, Галкин, 2002. С. 383);

Шура Вүд (оф. *Шура*) – правый приток реки Талмани (Воронцова, Галкин, 2002. С. 383);

Шурынăсёр (оф. *Шурнангер*) – название озера в Юринском районе, букв. «Реки Шуры озеро» (Воронцова, Галкин, 2002. С. 384) и т.д.

Исследователи марийской топонимики единодушно возводят основы перечисленных гидронимов к (индо)иранской апеллятивной лексеме **sur-* «река».

Итак, опираясь на совокупность историко-археологических и ареально-гидронимических сведений, можно с достаточной уверенностью утверждать, что название реки Суры (рус. *Сура*, чуваш. *Сър, Сърă*, мар. *Шур*, морд. эрз. *Сура, Суро*, морд. мокш. *Сурă*), а также целого ряда гидронимов с гомогенными основами *Сара, Сера, Сора, Сура/Сула, Шура* и т. п., широко распространенными в Среднем Поволжье и Северном Причерноморье (главным образом в бассейнах Днепра и Днестра), в конечном итоге восходят к индоевро-

пейской основе **ser-//*sor-//*sř-//*sreç-* «течь», «струиться», «двигаться» (*Pokorný*, 1949. С. 909–910; *Rospond*, 1965; *Duridanov*, 1975. С. 87 и др.), имеющей продолжения в целом ряде древних и современных языков, ср.: др.-инд. *srávati* – «течет»; *sravát* – «поток» (*Гамкрелидзе, Иванов*, 1984. С. 180, 227), *srótas* – «течение», «русло», «река» (*Основы*, 1981. С. 52), *sarít* – (ж.р.) «поток», «река» (*Георгиев*, 1958. С. 225), *sará* – «жидкий», «текучий», «подвижный», (субстантивизированное) «водопад» (*Топоров*, 1979. С. 129); ср.-перс. *rautah* – «река» (*Основы*, 1981. С. 171); греч. *ρέω* (< **sreç*) «течь», «литься», «струиться» (*Абаев*, 1979. С. 177), *ρέυμα* «ток», «струя», *ρεύς* «поток» (*Черных*, 1993. С. 609); греч. кипр. *ροφος* «течение» (*Гамкрелидзе, Иванов*, 1984. С. 180); фрак. *Στριμών* – назв. реки (*Абаев*, 1979. С. 177); *Στρανος, Τρανος* – назв. реки (*Абаев*, 1979. С. 177); др.-в.-нем. *str m, strout*, совр. нем. *Strom* «поток», «река», прагерм. **srou-mo-* «поток», «большая река» (*Черных* 1993. С. 609); ирл. *sruaim* «река», «поток», др.-ирл. *sruaim* «река» (*Абаев*, 1979. С. 177); лит. (вост.) *sraujà* «поток», «течение» (напр., реки), «ток», «текучая масса»; общелит. *sra'jime* «стремнина», *sra'tas* «поток» (*Черных*, 1993. С. 213), *sravà*, чаще *srove* «течение», «поток», «ток» (*Черных*, 1993. С. 609); *sravéti* «течь», «стру-иться», «сочиться» (*Абаев*, 1979. С. 177); лтш. *str va* «течение», «поток», «ток», *strauja* «течение», «поток» (*Черных*, 1993. С. 213, 609); общеслав. **struja*, **struga* «струя» (< **stru-* < **sru-*), ст.-слав. *struja*, *o-strovŭ*, рус. *струя*, *остров* (*Черных*, 1993. С. 213, 609) и т.п.

Однако выяснение праязыкового этимона любого топонима представляет собой лишь первое приближение к решению архисложной проблемы установления конкретного этноязыкового сообщества, являющегося истинным создателем исследуемого топонима, и его привязки к реальной археологической культуре.

Итак, есть веские основания полагать, что название реке Суре было дано неким доисторическим индоевропейским этнолингвистическим сообществом, и нам предстоит выяснить, на каком конкретном языке обширной индоевропейской семьи оно говорило. С высоты современного состояния историко-археологической науки наиболее реальными претендентами на авторство названия реки Суры

представляются носители некоего индоиранского языка, поэтому данные других ветвей индоевропейского языка здесь можно рассматривать в основном лишь в качестве вспомогательного материала. Индоиранцы являются общими предками иранцев и индоариев (арийцев). Распад индоиранской общности на индоарийскую (арийскую) и иранскую группы произошел задолго до середины II тыс. до н.э. Процесс распада индоиранской (арийской) языковой общности и выделения из нее самостоятельных иранского и индоарийского (индийского) языков относится к первой половине II тыс. до н.э. или к рубежу III и II тыс. до н.э. (*Барроу*, 1976. С. 7 и след.; *Основы*, 1979. С. 27 и след.; *Гамкре-лидзе, Иванов*, 1984. С. 916–921), т.е. это произошло до начала формирования абашевской культурно-исторической общности. В связи с этим перед исследователем встает задача установления конкретного языка – индоарийского или иранского – непосредственного источника названия реки Суры. Задача эта решается вполне однозначно на фонетическом уровне при сравнении соответствующих генуинных индоарийских и иранских форм.

Индоевропейская база *sreu-* (~**srou-* и др., расширение корня **ser-*) «течь», «струиться» хорошо представлена в индоарийском, ср.: скр. *sar-* «течь», «струиться», «двигаться», «идти», «бежать» (*Кочергина*, 1987. С. 710; *Барроу*, 1976. С. 78, 272); *sarā* «жидкий», «текучий», «бегущий» (*Кочергина*, 1987. С. 710); *sarā* «ручей» (*Кочергина*, 1987. С. 711); *saras* «озеро», «пруд» (*Кочергина*, 1987. С. 710); *sarasī* «пруд», «лужа», «болото», «озеро» (*Кочергина*, 1987. С. 711; *Барроу*, 1976. С. 155); *sarirā-* (*sadilā-*) «прилив», «волна», «поток воды»; «вода» (*Кочергина*, 1987. С. 711; *Барроу*, 1976. С. 142); *sarīt* «поток», «река» (*Кочергина*, 1987. С. 711; *Барроу*, 1976. С. 157, 272); *sārma-* «течение» (*Кочергина*, 1987. С. 712; *Барроу*, 1976. С. 166); *sirā* «поток», «река», «водосток»; *sīrā* «поток» (*Кочергина*, 1987. С. 732); *srava-* «текущий», «льющийся»; «течение», «протекание», «просачивание», «поток», «водопад»; «моча» (*Кочергина*, 1987. С. 761); *sravāt* – «поток» (*Барроу*, 1976. С. 156); *sravātha* – «течение» (*Барроу*, 1976. С. 185); *srāvin* «текущий» (*Кочергина*, 1987. С. 761); *srōtas* «течение воды»; «поток», «река», «канал»; *srotovah(a)* «река», «поток»; *srotiyā* «река»; «поток» (*Кочергина*, 1987. С. 761); *sru-* «течь» (*Барроу*, 1976. С. 272); *srut-* «текущий» (с чего-либо); *sruti* «исток» (*Ко-*

чергина, 1987. С. 761); ср. также приведенные выше древнеиндийские формы.

На иранской почве эта основа претерпевала закономерные фонетические изменения, выразившиеся прежде всего в регулярном переходе анлаутного **s* > *h* и последующей его утрате: индоар. **srautas-* > иран. **hrautah-* > др.-перс. *rautah-* «река»; ср.: авест. *ravan-* «поток», Ген. Pl. *raonąm* «река», «течение», *raodah-* «река», «поток», др.-перс. *rauta* «река», «поток», «течение», ср. перс. ран. *rt*, поздн. *rd* (*lwt'* ман. *rwd*), парф. *r δ*, *rod(rwd)*, пехл. *rt*, н.-перс. *rd*, согд. *rwt*, ягн. *raut*, *rout* «река» (*Основы*, 1981. 52, 171; *Joki*, 1973, 307).

К иранскому слову **ravah-* «река», «поток», «течение» восходят скифское и аланское названия реки Волги, зафиксированные Птолемеем в форме *Ῥᾶ* и Агафемером в форме *Ῥᾶς*, а также мордовское название этой реки *Рава*, *Раво*; ср. также морд. эрз. *rav*, *ravo* «река Волга», а также «море», «большая вода», «половодье», «весенний разлив реки»; морд. мокш. *rava* «река» (*Joki*, 1973. С. 307; *Гамкрелидзе*, *Иванов*, 1984. С. 931; *Бонгард-Левин*, *Грантовский*, 1983; *Абаев*, 1972 и др.).

Решающее значение для определения конкретной этноязыковой принадлежности того или иного «индоарийского» слова имеет его фонетический облик. Давно установлено, что арийское **s* (др.-инд. *s*) отражается в древнеиранском как *h*: арий. **sapta-* (др.-инд. *saptá*) ~ авест. *hapta* «семь»; арий. **saina-* (др.-инд. *sénā-*) ~ авест. *haēnā-*, др.-перс. *hainā-* «вражеская армия»; арий. **sauma-* (др.-инд. *sóma-*) ~ авест. *haoma-* «хаома»; арий. **sindhu-* (др.-инд. *síndhu-*) ~ авест., др.-перс. *hindu-* «река Инд» и т.д. (*Benveniste*, 1968. С. 63–64; *Основы*, 1979. С. 31–32). Исторический переход арийского **s* в *h* в иранском является важнейшим дифференциальным признаком иранских языков в области фонетики.

В.И.Абаев по этому поводу выразился, как всегда, образно и точно: «Нельзя называть животное копытным, если у него нет копыт. Нельзя говорить об иранском языке, если в нем нет перехода *s* → *h*» (Абаев, 1981. С. 89). Следовательно, сохранение анлаутного *s-* в гидрониме *Сура* однозначно свидетельствует о его индоиранском или индоарийском, а не иранском происхождении. Поскольку индоиранская общность распалась задолго до начала формирования прото-

абашевской культуры, то получается, что потамоним *Сура* несомненно индоарийского происхождения.

При сравнении приведенных выше индоарийских и иранских форм выясняется, что мордовское название реки Волги *Рава, Раво* наиболее последовательно отражает иранский тип фонетического развития, а гидроним *Сура* — более архаичный индоиранский или же его индоарийское продолжение. Есть достаточно оснований утверждать, что название реки Волги *Рава, Раво* было заимствовано древнемордовскими племенами из языка создателей срубной культуры, которых большинство исследователей считает ираноязычными. В таком случае название *Суры* в мордовские языки должно было попасть до появления в Среднем Поволжье срубников. Археология показывает, что в нашем крае срубной культуре предшествовала абашевская. Следовательно, есть веские основания название реки *Суры* считать абашевским наследием. При этом также следует учитывать, что предки мордвы на Суре появились раньше, чем на Волге и, очевидно, на берега Волги они вышли только в эпоху распространения здесь срубной культуры.

Очаг первоначального расселения индоиранцев многие исследователи (В.И.Абаев, Г.М.Бонгард-Левин, Э.А.Грантовский, Е.Е.Кузьмина, Ф.Шпехт, Р.Хаушильд, В.Порцит, Т.Барроу и др.) помещают в Северном Причерноморье. В пользу этого постулата говорят степной коневодческий облик культуры индоиранцев, как их рисуют языковые данные, и особенно их контакты с финно-уграми.

Общий облик хозяйственно-культурного типа абашевцев по целому ряду параметров сближается с предшествующими археологическими культурами Северного Причерноморья, в специальной литературе получившими индоиранскую и индоевропейскую атрибуцию. Ретроспективным методом устанавливается прямая генетическая связь абашевской культуры со среднеднепровским вариантом культуры шнуровой керамики и ямной культурно-исторической общностью. Культурная общность прослеживается по ряду этноопределяющих признаков: комплексному, преимущественно скотоводческому хозяйству, составу стада, типам жилища, орудий труда, оружия, металлообработке, изготовлению керамики вручную и ее обжигу на костре, стратифици-

рованию общества, орнаментации сосудов и т.д., и т.п. Сепаратные языковые контакты с финно-уграми (Я.Калима, А.Йоки, Я.Харматта, В.И.Абаев) говорят, что выделение индоариев произошло еще в степном Причерноморье (Абаев, 1965).

По совокупности археологических, историко-культурологических и лингвистических данных можно констатировать, что абашевцы, по всей вероятности, являются выходцами из северных областей Причерноморских степей и во II тыс. до н.э. постепенно вторглись в лесостепную полосу: сначала в бассейн Дона, а оттуда – на Среднее Поволжье и Южное Приуралье.

Итак, есть достаточно убедительные основания для выведения названия реки *Суры* из индоарийского **srāva*-«течение» и считать его источником язык абашевских племен. Из языка абашевцев оно проникло в мордовский и через него в чувашский, марийский, русский и др. языки. Предлагаемая этимология приобретает особое звучание в свете гипотезы О.Н. Трубачева об индоарийском субстрате в Северном Причерноморье, в районах обитания скифо-сарматских племен (Трубачев, 1999).

На основе скрупулезного историко-этимологического анализа дошедших до нас лингвистических материалов по древним языкам Северного Причерноморья и Нижнего Поднепровья О.Н.Трубачев пришел к однозначному выводу, что языки синдов, меотов, тавров, сатархов и др. древних племен имели не иранский, а индоарийский, или собственно индийский характер (см. работы О.Н.Трубачева в списке использованной литературы): «Индоарийская принадлежность языка определенного слоя северопонтийского населения положительно свидетельствует о прежнем пребывании праиндийцев в этих краях. Значительная их часть осталась (после ухода основной массы индоариев на восток. – Н.Е.) и была перекрыта близкородственными иранцами (скифами, сарматами)» (Трубачев, 1977а. С. 16).

Чтобы гидроним *Сура* не выглядел индоарийским раритетом на карте Среднего Поволжья, уместно вкратце обозначить общий индоарийский контекст этого обширного региона:

Ата́л [aDäl] – чув. назв. р. Волги; ср. др.-инд. (скр.) atal(a) «лишенный dna», «бездонный», «очень глубокий», «глубина» (Корнилов, 1975. С. 132);

Вятка – прав. пр. р. Камы; ср. и.-е. *uet’-/*ut’- «вода», др.-инд. *udā* мн.ч. «воды», «волны», *udá-*, *udán-* «вода»;

Кама – лев. пр.р. Волги; ср. др.-инд. *kaṃ* «вода»; сюда же, возможно, *Хома* (чув. *Хум*) – лев. пр.р. Кубни;

Ока – прав. пр. р. Волги; ср. и.-е.* *ak^{hlo}* -*aH* «вода», хет. *aku-/eku-* «пить», лат. *aqua* «вода», гот. *ahva* «река», др.-в.-нем. *aha* «река» и т.п.

Парам – лев. пр. р. Волги (на границе Чувашии и Марий Эл); лев. пр. р. Волги (на границе Марий Эл и Татарстана); ср. авсет. *p̄or̄tu-* «переход», «брод», осет. *fard/ford* «большая река», скиф. *Πόρατα* «река Прут», др.-нем. *furt* «брод» (см. *Гамкредидзе, Иванов, 1984. С. 673, 943*);

Самара – лев. пр. Волги; лев. пр. Днепра; ср. индоиран. **san-parata* – «стечение», «слияние»; или же из др.-инд. *sam-* «с» + *vār* «вода»; ср. также аналогичное *samudrá* – «обилие воды», «паводок», «разлив» (*Трубачев, 1983. С. 108*);

Свияга (чув. *Сёе*; мар. *Сiйэ*; тат. *ЗèйÖ, ЗèÖ, ЗèwÖ, СèÖ*) – прав. пр. р. Волги; ср. др.-инд. *suāwa*, иран. *sava* «черный», «темный» или хурр. *sīÖ* «вода», «река»;

Сорма (чув. *Сурăм, Сорăм*) – лев. пр. р. Большой Цивиль; ср. скр. *sárta* – «течение» (соответствия см. выше);

Унга (чув. *Ункă*) – лев. пр. р. Большой Цивиль; ср. др.-инд. *aṅka* – «искривление», «крюк», авест. *aka* «крючок»; сюда же, очевидно, *Юнга* (чув. *Юнкă*) – прав. пр. р. Волги (*Абаев, 1958. С. 161–162, 223*) и т.д. и т.п.

Приведенные материалы довольно хорошо свидетельствуют о широком распространении на территории абашевской культурно-исторической общности гидронимов индоиранского, в том числе и индоарийского, фонетического облика.

Гидронимы с явно выраженными специфически иранскими фонетическими признаками со всей очевидностью связаны со срубной культурой, а потому речные названия с более архаичными индоиранскими и индоарийскими фонетическими признаками логичнее всего привязать предшествовавшим срубной культуре абашевцам.

На вопрос «Заговорят ли абашевцы?..» уже в свете материалов предлагаемой статьи можно ответить достаточно однозначно: «Создатели абашевской культуры скорее всего говорили на одном из диалектов индоарийского языка». Дальнейшая тотальная историко-этимологическая разработка топонимического материала с обширной территории рас-

пространения абашевской культурно-исторической общности может внести еще большую ясность в проблему этноязыковой атрибуции абашевской культуры.

Л и т е р а т у р а

Абаев, 1958–1995 – Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958 – Т.1; Л., 1973. – Т. 2; 1979 – Т. 3; 1989 – Т. 4; М., 1995 – Указатель.

Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы: На стыке Востока и Запада. М., 1965.

Абаев В.И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. М., 1972.

Абаев В.И. Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов // Этнические проблемы Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981.

Азнагулов Р.Г. Топонимы финно-угорского происхождения в бассейне рек Самара, Сакмара, Сим // Ономастика Поволжья. Горький, 1971. Вып. 2.

Акимова М.С. Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР // КСИЭ. М., 1955. Вып. 23.

Артемченко И.И. Среднее и Верхнее Поднепровье в конце энеолита и в эпоху бронзы. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1977.

Артемченко И.И., Пронін Г.М. Пам'ятки абашівської культури на Десні // Археологія. Київ, 1976. Вип. 20.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1936. Вып. XI.

Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970.

Барашков В.Ф. О некоторых средневолжско-монгольских топонимических параллелях // Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института. 1973. Т. 27. Вып. 3. С. 20–31.

Барашков В.Ф. История в названиях рек. Куйбышев, 1990.

Барроу Т. Санскрит. М., 1976.

Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1983.

Васильев (Уньмарий) М.В. Марий мутэр. Москва, 1926 (на обл. 1928).

Воронин И.Д. К вопросу о мордовской топонимике (О названии рек Суры и Инсары) // Записки Мордовского НИИ. Саранск, 1951. Вып. 13.

Воронцова О.П., Галкин И.С. Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола, 2002.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Т. 1–2.

Гаритова Ф.Г. Словарь гидронимов Татарии, Казань, 1984 (на татар. яз.).

Гаритова Ф.Г. Словарь гидронимов Татарии. Книга вторая. Казань, 1990 (на татар. яз.).

Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (Родственные отношения индоевропейских языков). М., 1958.

Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу. М., 1955.

Гордеев Ф.И. О былых связях древнемарийских племен со своими соседями по данным ономастики // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1985. Вып. 5.

Горнунг Б.В. Проблема распространения индоевропейской речи в доисторические времена // Тезисы докладов на сессии отделения исторических наук АН СССР и пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических исследований 1955 г. М., 1956.

Горнунг Б.В. К дискуссии о балто-славянском этническом единстве // ВЯ, 1958. №4.

Горнунг Б.В. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963.

Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.

Грантовский Э.А. О распространении иранских племен на территории Ирана // История Иранского государства и культуры. М., 1971.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.-Л., 1948.

Евтюхова О.Н. Племена абашевской культуры в Среднем Поволжье. АДКИН. М., 1964.

Евтюхова О.Н. О происхождении абашевской культуры // СА. 1966. № 1.

Егоров Н.И. Историко-этимологическая верификация генезиса и хронологическая стратификация топонимикона Чувашского Поволжья // Ономастика и языки Урало-Поволжья. Чебоксары, 2002.

Егоров Н.И. Заговорят ли абашевцы?.. (К этимологии гидронима *Сура* и проблеме этноязыковой принадлежности создателей абашевской культуры) // Известия НАНИ ЧР. Чебоксары, 2003. № 4.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Абашевская культура в Поволжье // МИА. М., 1961. № 97.

Инжесватов И.К. О происхождении некоторых мордовских топонимов // Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969.

Инжесватов И.К. Этимология мордовских топонимов и гидронимов с компонентом *сар* // Ономастика Поволжья. Саранск, 1976. Вып. 4.

Инжесватов И.К. Топонимический словарь Мордовской АССР: Названия населенных пунктов. Саранск, 1979; 2-е изд., дополн. и испр.: Саранск, 1987.

Кнабе Г.С. Словарные заимствования и этногенез: (К вопросу о «балтийских» заимствованиях в восточных финно-угорских языках) // ВЯ. 1962. № 1.

Корнилов Г.Е. Продолжение пробных статей этимологического «Словаря собственных имен Поволжья и сопредельных территорий»–II // Диалекты и топонимия Поволжья. Чебоксары, 1975. Вып. 3.

Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. М., 1987.

Крайнов Д.А. Исследования Верхневолжской экспедиции в Ярославской, Ивановской и Калининской областях // АО 1971 года. М., 1972.

Кузьмина Е.Е. Фино-угры и индоиранцы: динамика культурных связей // Uralo-indogermanica: Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. М., 1990. Ч. II.

- Либеров П.Д.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964.
- Либеров П.Д.* Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // Древности Восточной Европы / МИА. М., 1969. № 151.
- Льткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
- Мерперт Н.Я.* Абашевские курганы Северной Чувашии // МИА. М., 1961. № 97.
- Мерперт Н.Я.* Этногенез в эпоху энеолита и бронзового века // История СССР. М., 1966. Т. I.
- Мерперт Н.Я.* Об этнокультурной ситуации IV—III тысячелетий до н.э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
- Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- Основы*, 1979 — Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М., 1979.
- Основы*, 1981 — Основы иранского языкознания: Среднеиранские языки. М., 1981.
- Поспелов Е.М.* Метод географических терминов в анализе субстратной топонимики Севера // Местные географические термины. М., 1970 (Вопросы географии. Сб. 81).
- Пряхин А.Д.* Абашевская культура в Подонье. Воронеж. 1971.
- Пряхин А.Д., Халиков А.Х.* Абашевская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
- Сальников К.В.* Основные итоги и проблемы археологии Южного Урала // Вопросы археологии Урала. Свердловск. 1961. Вып. 1.
- Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Серебренников Б.А.* Волго-Окская топонимика на европейской части СССР // ВЯ. 1955. № 6.
- Серебренников Б.А.* История мордовского народа по данным языка // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965.
- Словник*, 1979 — Словник гідронімів України. Київ, 1979.
- Смирнов А.П.* Железный век Башкирии // МИА. М., 1957. № 58.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
- Смолицкая Г.П.* Гидронимия бассейна Оки (Список реки озер). М., 1976.
- Топоров В.Н.* Golthesytha Иордана. К вопросу о северо-западных границах распространения древних иранцев // VIII Всесоюзная конференция по Древнему Востоку. М., 1979.
- Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л., 1966.
- Трубачев О.Н.* Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968.
- Трубачев О.Н.* О синдах и их языке // ВЯ. 1976. № 3.

Трубачев, 1977а — Трубачев О.Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства: Индоарийцы в Северном Причерноморье // ВЯ. 1977. №6.

Трубачев, 1977б — Трубачев О.Н. Temarundam «Matrem maris»: К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья // Славянское балканское языкознание. М., 1977. Вып. 3: Античная балканистика и сравнительная грамматика.

Трубачев, 1978а — Трубачев О.Н. Некоторые данные о индоевропейском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // Вестник древней истории. 1978. №4.

Трубачев, 1978 б — Трубачев О.Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства: Индоарийцы в Северном Причерноморье // Славянское языкознание; VIII Международный съезд славистов, Загреб—Люблина, сентябрь 1978 г. М., 1978.

Трубачев, 1979 а — Трубачев О.Н. Таврские и синдомеотские этимологии // Этимология, 1977. М., 1979.

Трубачев, 1979б — Трубачев О.Н. «Старая Скифия» (Ἀρχαίη Σκυθίη) Геродота (IV, 99) и славяне: Лингвистический аспект // ВЯ. 1979. №4.

Трубачев О.Н. Indoarica в Скифии и Дакии // Античная балканистика: Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1980.

Трубачев, 1981 а — Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье // Этимология, 1979. М., 1981.

Трубачев, 1981 б — Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье: Источники. Интерпретация. Реконструкция // ВЯ. 1981. №2

Трубачев, 1983 а — Трубачев О.Н. Rasparaganus rex Roxolanorum // Славянское и балканское языкознание: Проблемы языковых контактов. М., 1983.

Трубачев, 1983 б — Трубачев О.Н. Indoarica: Этимологии // Этимология, 1981. М., 1983.

Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Этимологии // Этимология, 1982. М., 1985.

Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье // Античная балканистика. М., 1987.

Трубачев О.Н. Germanica и Pseudogermanica в древней ономастике Северного Причерноморья: Этимологический комментарий // Этимология, 1986—1987. М., 1989.

Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье: Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. I—IV.

Халиков А.Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // МИА. М., 1961. №97.

Халиков А.Х. У истоков финно-угорских народов // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган. Абашевский человек / Труды МарАЭ. Йошкар-Ола, 1966. Т. III.

- Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. М., 1993. Т. I—II.
- Arntz H.* Sprachliche Beziehungen zwischen Arisch und Baltoslawisch. Heidelberg, 1933.
- Benveniste É.* Le système phonologique de l'iranien ancien // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. 1968. T. 63, fasc. 1.
- Burrow T.* The Proto-Indoirans // Journal of the Royal Asiatic Society. 1973. №2.
- Duridanov I.* Die Hydronimie des Vordarsystems als Geschichtsquelle. Wien: Böhlau Verlag, 1975.
- Hauschild R.* Über die frühesten Arier im Alten Orient. Berlin, 1962.
- Joki A.J.* Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen. Helsinki, 1973.
- Paasonen H.* Mordwinische Chrestomatie. Helsingfors, 1909. Bd. 4.
- Pokorny J.* Indogermanisches Wörterbuch. Bern, 1949—1959. Bd. I—II.
- Porzig W.* Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebietes. Heidelberg, 1954.
- Rospond S.* Baza onomastyczna pie **ser*//**sor*—//**sr*—//**sreu*- (Sarmacii Serbowie) // Lingua Posnaniensis. 1965. № 10.
- Specht F.* Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944.
- Trubachev O.N.* Indo-Arica dans la Scythie // Ponto-baltica, 1981. №1.
- Wichmann Y.* Tscheremissische Texte mit Wörterverzeichnis und grammatikalischen Abriss. Helsingfors, 1924.

SUMMARY

The paper deals with the issue of revealing traces of Abash culture community language in the toponymics of Eastern Europe. The history and etymology of the Sura river name as well as a whole number of supposedly one-root hydronyms from Volga, Oka and Dnieper basins have been analysed in detail. This gives us ground to suppose that similar hydronyms and a number of other names of Volga region rivers have Indo-Iran origin. The comparative study of the hydronyms *Sura* and antique *'Pā-* (*Ptolemeus*), mordovian (moksh. *Rava*, erz. *Ravo*) shows that two large rivers names descend to the derivatives from the Indo-European verb **ser*—//**sor*—//**sṛ*—//**sre*ṭ— with the meaning of «move», «stream», «flow». At this hydronim *Sura* judging from preserved initial *s*- evidently reflects Indo-Arian pronunciation (compare sansrit *sar*- «move», *sru*- «flow» etc) and hydronim *'Pā, Rava* «Volga» — Iran (scythian) one

(with natural loss of anlaut *s-* in Iran branch, compare Iran *rautah-* «river» < *hrautah-* < ***srautas* ~ old ind. *srotas* «flow»; avest. *raven-* «flow» ~ sanscrit *srava* «flowing, flow» etc), from ancient times there has been affirmed the opinion in the historical science that Iran dialects were spoken by Timber grave culture creators hence Indo-Arian bearers should be appeared in this region earlier than the first. The history of Volga region variant of Abash culture absolutely meets to these conditions. The supposition of the Indo-Arian nature of Abash language gets a particular sounding in the light of the latest researches of Indo Arian language substratum of Northern Black Sea are made by O.N. Trubachev. It also confirms the idea about the origin of Proto-Abash culture in Middle Don area and its further spread to Middle and Lower Volga region and South Urals as well.

Б.С. Соловьев, Е.Г. Шалахов

ВОИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ЮРИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

На протяжении пяти лет (2001–2005) Марийской археологической экспедицией планомерно исследуется могильник сейминско-турбинского типа, открытый краеведом Е.Г. Шалаховым осенью 2000 г. у поселка Юрино Республики Марий Эл (Соловьев, 2001. С. 91–96). Материалы раскопок частично введены в научный оборот (Соловьев, 2002. С. 51–55; 2003, С. 50–71; 2003а. С. 102–103; 2004. С. 337–338).

Памятник находится на вытянутом с юга на север всхолмлении левой надпойменной террасы р. Волги, недалеко от современного устья р. Ветлуги. С юга дна шириной до 80 м разрушается Чебоксарским водохранилищем (рис. 1). Ранее параллельно террасе тянулось длинное старичное озеро, возможно, — древний волжский рукав.

Заложенными вдоль обрыва раскопами (600 кв. м) выявлено 9 погребений. В 2004 г. к северо-востоку от основной площадки на вершине холма (наиболее высокая точка в устье Ветлуги) обнаружено еще одно захоронение с богатым инвентарем (рис. 2).

Серое подпрямоугольное пятно могилы (240 x 96 см), ориентированной по линии юго-запад — северо-восток, проявилось на глубине 20 см от современной поверхности. В центре плоского, слегка наклонного дна (глубина 43 см), расчищен бронзовый нож, лежавший на черной углесто-гумусной подстилке острием на юго-запад (рис. 2, 3; 3, 1). Вдоль короткой северо-восточной стенки (глубина 22 см) располагался сейминско-турбинский кельт с небольшим уклоном лезвийной части (рис. 2, 1; 3, 2), параллельно юго-западному краю (глубина 23–33 см) — бронзовый наконечник копья (рис. 2, 2; 3, 3). Нижняя поверхность на-

конечника, направленного под углом вниз, была покрыта темным углисто-гумусным налетом толщиной 1 см. Юго-западную часть ямы перекрывала проявившаяся под дерново-подзолистым покровом округлая линза охры, ниже (22 см) оформившаяся в продолговатое углубление (153 x 51 см) толщиной 6–10 см. Следов костяка не обнаружено.

На фоне «бедных» захоронений Юринского могильника, в основном сопровождавшихся бронзовыми ножами, данное погребение выделяется особенностями обрядности и номенклатурой инвентаря.

Как уже отмечалось, рассматриваемый комплекс включает три медно-бронзовых предмета.

Кельт — литой, с асимметричным профилем (тесло?), овальной втулкой, расширенной рубящей частью и массивными «ребрами жесткости» (рис. 3, 2). Угол лезвия смят сильным ударом о твердый предмет. Втулку опоясывает рельефная «лесенка». На одной из плоских сторон к ней примыкает завершающаяся треугольником полоса наклонно штрихованных ромбов, окруженная прямоугольными треугольниками с горизонтальной штриховкой. Тождественных орудий среди сейминско-турбинских разрядов найти не удалось. Отдаленное сходство его оригинальным композициям прослеживается на двушковом кельте из бывшей Вятской губернии (Черных; Кузьминых, 1989. С. 58. Рис. 20, 1).

Наконечник копья — литой, с листовидным пером, ромбическим стержнем, треугольным боковым ушком, «манжетовидным» завершением округлой втулки, внутри которой сохранились остатки древка (рис. 3, 3). Не претендуя на полноту аналогий, отметим, что такие формы, известные в европейских сейминско-турбинских коллекциях (*Бадер О.Н.*, 1970. Рис. 21, Б), наиболее часто встречаются в поздне-абашевских (*Пряхин, Моисеев, Беседин*, 1998. Рис. 9, 10) и покровских (*Черных, Кузьминых*, 1989. С. 83. Рис. 43, 4, 5; *Дремов*, 1996. Рис. 7; *Мельников*, 2003. С. 240. Рис. 1, 4) древностях.

Нож — с листовидным клинком, коротким подпрямоугольным вальцованным по краям черенком, слабо выраженной комбинацией перекрестья и перехвата (рис. 3, 1). Как и наконечник копья, подобные изделия, обнаруженные в могильниках Турбино I, Бор-Ленва (*Черных, Кузьминых*, 1989. С. 102. Рис. 58, 8, 10), Сатыга XVI, чуждые сейминско-

турбинской металлообработке. Разнообразные разновидности ножей с перекрестьем — перехватом и пригнущенной пяткой присутствуют в «евразийских» (по терминологии Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых) комплексах рубежа среднего — позднего бронзового веков, в том числе: позднеабашевских, покровских, раннесрубных, поздняяковских (Семенова, 2000. Рис. 7, 4, 7; Прахин, Саврасов, Свистова, 2001. С. 95. Рис. 24, 7; Бадер, Попова, 1987. С. 227. Рис. 65, 13).

Интерпретация ритуальной обрядности погребения — альтернативная. Принимая во внимание незначительную глубину могилы и небольшое расстояние между залежавшимися на разных уровнях предметами, его можно считать как двухъярусным кенотафом, так и одиночной ингумацией. На наш взгляд, более вероятна вторая версия, согласно которой кельт и наконечник копья были воткнуты в засыпь. При этом наконечник, сохранившийся на нижней поверхности темные гумусные включения, пробил перекрытие. Последнее предположение подтверждается необычным расположением копья, древко которого должно было бы выступать за пределы могильной ямы. Судя по отсутствию костей, в этом случае также возможно наличие кенотафа. Но следует отметить, что рыхлые песчаные почвы Марийского Заволжья плохо сохраняют органические соединения — лишь однажды в Юринском могильнике прослежены истлевшие человеческие кости (Соловьев, 2003. С. 53). Охристое пятно, скорее всего, связано с погребением, хотя подобные природные конкреции изредка встречаются в местных аллювиальных отложениях.

Синкретический облик захоронения отражают детали погребального обряда и инвентарь, включающий сейминско-турбинские — кельт и «евразийские» — нож, наконечник копья, изделия. Так, в Турбинском I могильнике неоднократно встречены кельты в вертикальной позиции; а в могилу 101, содержащую многочисленные вещи, залежавшие на разной глубине (11–40 см от дневной поверхности), вонзился наконечник копья с вильчатым стержнем (Бадер, 1964. С. 43. Рис. 27). Схожая ситуация наблюдалась в Ростовке (Матющенко, Сеницына, 1988. С. 16, 31, 34, 43. Рис. 51, 53). Вертикально стоящий наконечник копья обнаружен между погребениями центрального ряда Решенского могильника

(Черных, Кузьминых, 1989. С. 20). Вместе с тем близкие элементы ритуалов прослежены и на некоторых покровско-абашевских памятниках. В этом плане примечателен курган у с. Большая Пластица, где зафиксированы подсыпки охры и склепы-кенотафы и идентичный нашему наконечник копья, проникший в перекрытие располагавшегося под насыпью жертвенника (Мельников, 2003. С. 239–247. Рис. 1). Еще один близкий пример — подобный наконечник найден воткнутым в верхний горизонт стенки погребения 3 (кенотафа?) кургана Селезни 2 доно-волжской абашевской культуры (Пряхин, Моисеев, Беседин, 1998. Рис. 7).

На наш взгляд, данное погребение можно поставить в один ряд с воинскими «социально значимыми» захоронениями степных и лесостепных культур эпохи великого переселения народов Евразии рубежа среднего-позднего бронзового веков. Последние, в зависимости от калибровочных значений, по радиоуглероду датируются XXIII–XVI – XIX–XV вв. до н.э. (Кузьмина, 2001. С. 69; Кузнецов, 2001, С. 179; Малов, 2001. С. 200–201). Об их синхронности могут свидетельствовать некалиброванные даты C^{14} Radiocarbon Dating Laboratory (г. Хельсинки) Юринского могильника: 3400 ± 50 BP — Hela—928, 3545 ± 50 BP — He1a—929, 3395 ± 35 Hela—966 (за выполнение анализов авторы благодарны руководителю лаборатории Х. Юнгнеру, за содействие — К. Карпелану, Е.Н.Черных, С.В.Кузьминых). Не вызывает сомнения, что в клане, оставившем Юринский могильник, носители евразийских культурных традиций занимали если не лидирующее, то вполне достойное место.

Л и т е р а т у р а

- Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М, 1964.
Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970.
Бадер О.Н., Попова Т.Б. Поздняковская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 131–135, 227–233.
Дремов И.И. Курган покровского времени у с. Березовка как материал для социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы // Доно-донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточно-европейской степи и лесостепи. Воронеж, 1996.
Кузнецов П.Ф. Территориальные особенности и временные рамки переходного периода к эпохе поздней бронзы Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 178–182.

Кузьмина Е.Е. Время истории Волго-Уралья // *Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация.* Самара, 2001. С. 68–71.

Малов Н.М. Культуры эпохи поздней бронзы в Нижнем Поволжье // *Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация.* Самара, 2001. С. 199–202.

Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988.

Мельников Е.Н. Покровско-абашевские погребения кургана у с. Большая Пластица // *Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы Международной научной конференции.* Чебоксары, 2003. С. 239–247.

Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2. Курган доново-волжской абашевской культуры. Археологические памятники донского бассейна. Воронеж, 1998. Вып. 3.

Пряхин А.Д., Саврасов А.С., Свистова Е.Б. Металлообработка доново-волжских абашевцев и развитие традиций производственной деятельности в эпоху поздней бронзы // *Пряхин А.Д., Беседин В.И., Захарова Е.Ю., Саврасова А.С., Сафонов И.Е., Свистова Е.Б.* Доново-волжская абашевская культура. Воронеж, 2001. С. 83–100.

Семенова А.П. Погребальные памятники срубной культуры // *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век.* Самара, 2000. С. 152–208.

Соловьев Б.С. Находки сейминско-турбинского времени в Марийском Поволжье // *Древности Поволжья и Прикамья / АЭМК.* Йошкар-Ола, 2001. Вып. 25. С. 90–96.

Соловьев Б.С. Новый могильник сейминско-турбинского типа в устье р. Ветлуги // *Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Материалы Вторых Халиковских чтений.* Казань, 2002.

Соловьев Б.С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (По раскопкам 2001 г.) // *Новые археологические исследования в Поволжье.* Чебоксары, 2003. С. 50–72.

Соловьев Б.С. Новый сейминско-турбинский могильник в Волго-Камье // *Международное (XIV Уральское) археологическое совещание. Материалы Международной научной конференции.* Пермь, 2003а.

Соловьев Б.С. Раскопки Юринского могильника // *АО 2003 года.* М., 2004. С. 337–338.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (Сейминско-турбинский феномен). М., 1989.

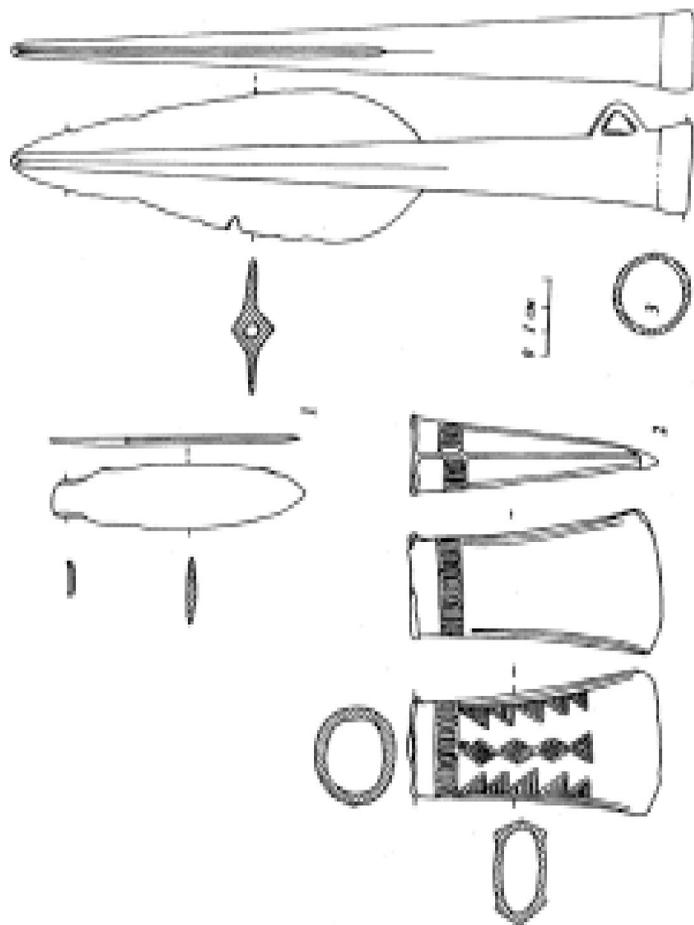

Рис. 3. Вещевой комплекс погребения 10 Юринского могильника.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И.Я. ЯКОВЛЕВА НА ЧУРАЧИКСКОМ
МОГИЛЬНИКЕ В 2002–2003 ГОДАХ

В 2002–2003 гг. экспедиция Чувашского государственного педагогического университета продолжала исследование грунтового могильника раннего железного века у с. Чурачики Цивильского района Чувашской Республики (Каховский Б.В., Ильина Е.В., 2003. С. 172–197). Памятник представляет значительный интерес в связи с тем, что проблема освоения ананьинцами правобережья Волги в междуречье Суры и Свияги, а также их этнокультурных контактов с другими племенами в данном регионе до настоящего времени остается малоизученной.

В 2002–2003 гг. было заложено 3 раскопа (раскопы VII–IX) общей площадью 340 кв. м, в которых вскрыто 47 погребений. Были изучены восточная и южная части могильника (рис. 1).

Раскопы 2002 г. Раскоп VII был заложен к югу от траншеи 1 и северу от раскопа VI (2001 г.). Раскоп VIII расположился к югу от раскопа VI (2001 г.) (рис. 1). Оба раскопа имели площадь по 100 кв.м.

Стратиграфия раскопа VII (рис. 3) представлена профилями восточной и западной стенок, так как северная стенка является южной стенкой траншеи 1, а южная стенка является северной стенкой раскопа VI, исследованных в 2001 г.

Профиль восточной стенки раскопа (далее р.) VII – верхний слой – дерн толщиной до 12 см. Под ним располагается почвенный слой мощностью до 40 см, ниже лежал материк – глина.

Профиль западной стенки р. VII: дерн, под ним почвенный слой толщиной до 64 см. Ниже — материк — глина, переходящая в квадратах 1 и 2 в известняк с включением глины.

В квадрате 1 в почвенном слое наблюдается линза из известняка и глины (шириной 81 см, толщиной — 22 см). В квадратах 1-4 в почвенном слое прослежены вкрапления известняка и глины, в квадрате 5 — перекоп от врезки, сделанной в квадрате 1 (траншея 1 — 2001 г.). В квадрате 3 видны очертания начала врезки (квадрат 3А).

В раскопе VII вскрыто 13 погребений.

Погребение 38* (р. VII, квадраты 13, 14, 18, 19) (рис. 2). Обнаружено на глубине 40 см от поверхности почвы. Пятно могильной ямы не прослеживается. Костяк хорошей сохранности. Длина костяка — 180 см, ширина плеч — 35 см, таза — 35 см. Погребенный лежал вытянуто, кости ног располагались параллельно, руки вытянуты вдоль туловища. Левая кисть располагалась под бедром. Костяк ориентирован головой на юго-запад под углом 220°. Череп повернут на юго-восток, нижняя челюсть отсутствует. Между берцовыми костями найден железный нож.

Погребение 39 (р. VII, квадраты 3, 3А, 4) (рис. 2 и 4). Обнаружено на глубине 60 см от поверхности почвы. Пятно могильной ямы отсутствует. Костяк удовлетворительной сохранности, длина его — 147 см, ширина плеч — 30 см, таза — 25 см. Костяк лежал на спине вытянуто, ноги — параллельно, руки — вдоль туловища. Череп раздавлен. Погребенный ориентирован головой на юго-запад (230°). Рядом с костяком на расстоянии 25 см от правой берцовой кости найдены остатки черепа лошади. В квадрате 3А были обнаружены 4 черепа лошади, располагавшиеся юго-западнее черепа костяка на расстоянии 15–90 см. У правой чашечки найдены 2 фрагмента железного изделия.

Погребение 40 (р. VII, квадраты 5, 10) (рис. 2). Обнаружено на глубине 55 см. Пятно могильной ямы отсутствует. Костяк удовлетворительной сохранности. Длина костяка — 160 см, ширина плеч — 35 см, таза — 35 см, ориентирован

* В раскопах V и VI, траншеях 1 и 2 в 2001 г. обнаружено 37 погребений.

головой на северо-восток (45°). Костяк лежал вытянуто, руки — вдоль туловища, правая кисть отсутствует, левая располагалась на тазовых костях. Ноги лежали параллельно, левая нога чуть согнута в колене вправо. Позвоночник искривлен, череп раздавлен. У левой ключицы найдены обломки бронзовых подвесок, под черепом — 2 бронзовых бусины.

Погребение 41 (р. VII, квадраты 7, 8, 9, 13, 14) (рис. 2). Пятно могильной ямы прямоугольной формы со скругленными углами выявилось на глубине 40 см от поверхности почвы. Длина пятна — 280 см, ширина северо-восточной части — 80 см, юго-западной — 90 см. В юго-западном углу пятна обнаружен череп лошади. Глубина заполнения ямы от уровня фиксации 30 см, стенки отвесные, дно ровное. Заполнение могильной ямы — известняк и красная глина. Костяк хорошей сохранности, располагался на глубине 70 см, лежал на спине, вытянуто, ноги параллельны, правая рука вытянута вдоль туловища, левая рука согнута в локте, кисти расположены на тазовых костях. Длина костяка — 183 см, ширина плеч — 37 см, таза — 30 см, ориентирован головой на юго-запад (215°). Череп повернут на правый висок. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 42 (р. VII, квадраты 6, 11) (рис. 2). Пятно могильной ямы обнаружено на глубине 60 см от поверхности почвы. Ориентировано по линии СВ—ЮЗ. Пятно прямоугольной формы с закругленными углами длиной 130 см, шириной в северо-восточной части 40 см, в юго-западной — 30 см. Яма углубляется в материк на 10 см. Детский костяк плохой сохранности лежал на спине, вытянуто на глубине 70 см от поверхности почвы, ориентирован головой на северо-восток (60°). Длина костяка — 100 см, ширина плеч — 25 см, тазовые кости отсутствуют, череп раздавлен. Лицевая часть черепа повернута на левый висок, нижняя челюсть повернута вверх. Отсутствуют ступни, кисти рук. Погребальный инвентарь: между костями голени обнаружено костяное изделие в виде головки лося.

Погребение 43 (р. VII, квадрат 22) (рис. 2). Обнаружено на глубине 35 см от поверхности почвы. Пятно могильной ямы отсутствует. Детский костяк плохой сохранности ориентирован головой на северо-восток (40°). Длина костяка — 35 см. Череп раздавлен, кости рук и ног не сохранились. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 44 (р. VII, квадраты 12, 13) (рис. 2). Обнаружено на глубине 40 см от поверхности почвы. Костяк представлен фрагментами раздавленного черепа, перемешанных с остатками обугленного дерева и остатками костей ног. Погребение ориентировано по линии СВ–ЮЗ (60°). Северо-восточнее погребения на расстоянии 50 см, на глубине 30 см от поверхности почвы найдены остатки обожженного деревянного столба и уголь. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 45 (р. VII, квадраты 6, 7, 11, 12) (рис. 2). Пятно могильной ямы обнаружено на глубине 30 см от поверхности почвы, ориентировано по линии СВ–ЮЗ. Пятно имеет форму ладьи. Длина пятна – 360 см, ширина северо-восточной части 70 см, юго-западной – 100 см, ширина центральной части – 138 см. В засыпи могильной ямы, состоящей из почвенного слоя с включениями известняка, были обнаружены: клык животного (квадрат 12; – 35 см), фрагмент керамики (квадрат 12; – 50 см). Стенки могильной ямы ровные, вертикальные, края закругленные, глубина ямы в материке 40 см. Костяк хорошей сохранности располагался на глубине 70 см от поверхности почвы, ориентирован головой на СВ (60°). Размеры костяка: длина – 200 см, ширина плеч – 40 см, ширина у бедер – 35 см. Костяк лежал вытянуто на спине.

Череп повернут на правый висок. Левая рука чуть согнута в локте, кисть отсутствует. Ноги лежат прямо, параллельно. Кости левой ступни отсутствуют. Погребальный инвентарь: у черепа на расстоянии 20 см найдены костяные изделия в виде двух головок птиц. С наружной стороны левой коленной чашечки найдены обломки железного ножа с остатками костяной рукоятки, около локтевой кости левой руки и в области правого колена под костяком были найдены остатки железных изделий.

Погребение 46 (р. VII, квадраты 9, 10, 15) (рис. 2). Пятно могильной ямы обнаружено на глубине 60 см от поверхности почвы, ориентировано по линии СВ–ЮЗ. Длина пятна – 235 см, ширина его в северо-восточной части 95 см, в юго-западной – 86 см. Могильная яма углубляется в материк на 26 см. Она прямоугольной формы, стенки ровные, вертикальные. Костяк хорошей сохранности находился на глубине

86 см от поверхности почвы. Размеры костяка: длина — 180 см, ширина плеч — 35 см, ширина таза — 34 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, череп раздавлен, повернут на левый висок, руки располагались вдоль туловища, кости кисти левой руки частично отсутствуют, ноги лежали параллельно. Костяк ориентирован головой на СВ (45°). Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 47 (р. VII, квадраты 16, 16А) (рис. 2). Пятно могильной ямы прямоугольной формы с закругленными углами обнаружено на глубине 60 см, ориентировано по линии СВ–ЮЗ. Длина пятна — 170 см, ширина его в северо-восточной части — 50 см, в юго-западной — 40 см. Могильная яма углубляется в материк на 10 см. Дно неровное, заполнение ямы — известняк. Детский костяк удовлетворительной сохранности обнаружен на глубине 70 см, ориентирован головой на северо-восток (65°). Размеры костяка: длина — 125 см, ширина плеч — 30 см, ширина таза — 25 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, череп раздавлен, руки вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты в коленях друг к другу и лежали в крестообразном положении, стопы повернуты друг к другу. Погребальный инвентарь: с левой стороны от черепа найдено костяное шило. На тазовых костях в центре и у левой кисти найдены остатки железного изделия. У левой берцовой кости найдены остатки обкатанных человеческих костей — коленные чашечки, фаланги ступней ног.

Погребение 48 (р. VII, квадраты 19, 24, 25) (рис. 2). Обнаружено на глубине 65 см от поверхности почвы. Пятно могильной ямы не выявлено. Костяк удовлетворительной сохранности ориентирован головой на северо-восток (65°). Размеры костяка: длина — 175 см, ширина плеч — 30 см, ширина таза — 30 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, череп раздавлен, слегка повернут на правый висок, плечевые кости раздроблены, кисти рук лежали на тазовых костях, ноги располагались параллельно. На расстоянии 20 см от левой ноги к юго-востоку обнаружены остатки детского костяка, ориентированного головой на ЮЗ (245°) и имевшего длину 65 см. Череп раздавлен, кости скелета представлены фрагментарно.

Погребение 49 (р. VII, квадраты 22, 22А, 23А) (рис. 2). Обнаружено на глубине 53 см от поверхности почвы. Костяк

удовлетворительной сохранности, ориентирован головой на СВ (60°). Размеры костяка: длина — 170 см, ширина плеч — 33 см, таза — 30 см. Костяк вытянуто лежал на спине. Череп повернут на правый висок, кости рук, ребра раздроблены, правая кисть находилась под тазовыми костями. Кости ног также раздроблены, лежали параллельно близко друг к другу, стопы сохранились частично. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 50 (р. VII, квадраты 23, 23А, 24А) (рис. 2). Пятно могильной ямы прямоугольной формы с закругленными углами обнаружено на глубине 25 см от поверхности почвы и ориентировано по линии СВ–ЮЗ, имело размеры: длина пятна — 265 см, ширина его в северо-восточной части — 70 см, в юго-западной — 70 см. Стенки могильной ямы ровные, вертикальные, глубина в материке — 20 см. Заполнение могильной ямы — смесь почвенного слоя с глиной. Костяк плохой сохранности был обнаружен на глубине 45 см, ориентирован головой на юго-запад (225°). Размеры костяка: длина — 100 см, ширина плеч — 20 см, ширина таза — 15 см. Костяк лежал на спине, вытянуто. Череп раздавлен. Кости сохранились фрагментарно. Погребальный инвентарь: справа от черепа были найдены 2 фрагмента медных серег, между коленными чашечками найдена бронзовая бляшка.

В раскопе VIII было вскрыто 14 погребений (рис. 5).

Стратиграфия раскопа (рис. 6) представлена профилями западной, южной и восточной стенок. Северная стенка является южной стенкой р. VI, вскрытого в 2001 г.

Профиль западной стенки р. VIII (рис. 6). Верхний слой — дерн толщиной 10–12 см. Ниже располагался почвенный слой темного цвета мощностью до 61 см. Материк — глина, переходит в квадратах 1,2 в известняк. В квадратах 2, 3 обнаружены профили трех могильных ям, включающие в себя известняк, перемешанный с почвенным слоем (погребения не разрабатывались). Размеры известняковых прослоек: в квадрате 3 ширина — 100 см, толщина — 28 см, в квадратах 2, 3 — ширина — 100 см, толщина — 16 см, в квадрате 2 ширина — 52 см, толщина — 9 см.

Профиль южной стенки р. VIII (рис. 6). Дерн толщиной до 11 см. Ниже — почвенный слой темного цвета толщиной

до 64 см. Под ним — материк-глина. В квадратах 16, 21 под почвенным слоем прослойка известняка шириной 120 см, толщиной 9 см. Включения известняка отмечены в квадрате 6.

Профиль восточной стенки р. VIII (рис. 6). Верхний слой — дерн толщиной 12 см. Ниже — почвенный слой темного цвета толщиной до 48 см. Под ним — материк-глина. В квадратах 24, 25 под почвенным слоем выявляется прослойка из смеси известняка с глиной шириной 340 см, толщиной до 30 см. Такая же прослойка в квадратах 22, 23. Ширина прослойки — 390 см, толщина — до 25 см.

Погребение 51 (р. VIII, квадраты 4, 9) (рис. 5). Обнаружено на глубине 60 см от поверхности почвы. Костяк ориентирован головой на юго-запад (230°). Размеры костяка: длина — 86 см, ширина плеч — 18 см, ширина таза — 14 см. Детский костяк удовлетворительной сохранности лежал на спине, вытянуто, череп слегка раздавлен. Руки костяка лежали параллельно вдоль туловища. Кисти рук отсутствуют. Позвоночник слегка изогнут в районе таза. Ноги располагались прямо, параллельно друг к другу. Кости ступни (стопы?) ног частично истлели. На расстоянии 20 см от левой ноги костяка к северу на глубине 50 см обнаружен череп лошади. Очертания могильной ямы не совсем четко прослеживаются на уровне материка (-60 см). Длина ямы — 155 см, ширина ее в юго-западной части — 30 см, северо-восточной — 50 см. Для черепа лошади была сделана прирезка. Погребальный инвентарь: между ног погребенного в районе тазовых костей были найдены 2 бронзовые пронизки. Найдены обломки медной пронизки. Рядом с головой костяка с правой стороны (к юго-востоку) на расстоянии 15 см был обнаружен череп. Вокруг этого черепа и на черепе располагались медные бусины.

Погребение 52 (р. VIII, квадрат 12) (рис. 5). Обнаружено на глубине 40 см от поверхности почвы. Костяк представлен обломками черепной коробки и мелкими обожженными фрагментами скелета. Участок, на котором располагались обожженные кости, имел размеры: длина — 60 см, ширина — 50 см. Погребение ориентировано по линии ЗЮЗ—ВСВ (250°). Вокруг обожженных костей были сделаны находки: справа от черепа на расстоянии 3 см были найдены фрагменты керамики. Ниже них на расстоянии 12 см найдены два гли-

няных пряслица, обнаружены также когти животных и клык кабана. На расстоянии 10 см северо-восточнее костей обнаружен каменный терочник.

Погребение 53 (р. VIII, квадраты 18, 23) (рис. 5). Пятно могильной ямы прямоугольной формы с закругленными углами обнаружено на глубине 35 см от поверхности почвы, ориентировано по линии СВ–ЮЗ и имеет размеры: длина пятна – 156 см, ширина его в северо-восточной части – 60 см, в юго-западной – 47 см. Стенки могильной ямы ровные и вертикальные, края закруглены, дно ровное, глубина ямы – 10 см. Костяк хорошей сохранности обнаружен на глубине 45 см, ориентирован головой на юго-запад (230°). Размеры костяка: длина – 140 см, ширина плеч – 29 см, ширина таза – 22 см. Костяк лежал на спине, вытянуто. Череп повернут на правый висок, раздавлен. Ребра и позвоночник сохранились фрагментарно. Руки лежали вытянуто вдоль туловища, левая слегка согнута в локте, кисть левой руки лежала на тазовых костях. Ноги располагались параллельно. Пальцы ног частично отсутствуют. Погребальный инвентарь: в засыпи могильной ямы обнаружены фрагменты керамики (над головой), зуб лошади и позвонок (в центре). В погребении у левого виска найдено медное украшение, в области пояса найдены 2 медные пронизки.

Погребение 54 (р. VIII, квадраты 3, 8) (рис. 5, 7). Пятно могильной ямы обнаружено на глубине 50 см от поверхности почвы, прослеживалось нечетко. Ориентировано по линии СВ–ЮЗ. Размеры пятна: длина – 235 см, ширина его в северо-восточной части – 95 см, в юго-западной – 90 см. Глубина ямы – 10 см. Стенки могильной ямы ровные, вертикальные, края закругленные. В могильной яме обнаружено 2 костяка, лежавших параллельно, ориентированных в противоположных направлениях. Первый костяк хорошей сохранности обнаружен на глубине 60 см, ориентирован головой на северо-восток (45°). Размеры костяка: длина – 185 см, ширина плеч – 31 см, таза – 32 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, череп слегка повернут на левый висок, руки вытянуты вдоль туловища, правая кисть – под бедром. Ноги лежали вытянуто, параллельно. Погребальный инвентарь: слева от черепа и под черепом найдены 2 медные подвески. У фаланги пальцев ног найдена бронзовая пронизка.

Второй костяк найден на глубине 60 см, ориентирован головой на юго-запад (225°). Размеры костяка: длина — 170 см, ширина плеч — 33 см, ширина таза — 30 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, череп повернут на левый висок, руки вытянуты вдоль туловища. Ноги лежали вытянуто, параллельно. Погребальный инвентарь: у левого виска и в области шейных позвонков найдены бронзовые подвески. Слева от черепа найдены 3 бронзовых пронизки, справа — 4. Пронизки найдены также в районе шейных позвонков. В области ключицы обнаружена бронзовая бляшка. Возле черепа найдены два фрагмента керамики.

Погребение 55 (р. VIII, квадрат 15) (рис. 5). Обнаружено на глубине 50 см от поверхности почвы. Пятно могильной ямы не прослеживалось. Костяк представлен костями голени и берцовыми костями, а также фрагментами лучевой кости правой руки. Ноги лежали вытянуто, параллельно. Туловище, руки и череп, а также коленные чашечки, стопы и другие кости отсутствовали. Костяк был ориентирован по линии СЗ—ЮВ (150°). Возле правой ноги были обнаружены 2 осколка кремня.

Погребение 56—56А (р. VIII, квадрат 5) (рис. 5). Пятно могильной ямы обнаружено на глубине 40 см от поверхности почвы, ориентировано по линии СВ—ЮЗ. Размеры пятна: длина — 160 см, ширина его в северо-восточной части — 45 см, в юго-западной — 35 см. Могильная яма углублялась в материк на 10 см. Стенки ямы вертикальные, дно ровное. В засыпи могильной ямы на глубине 45 см найден фрагмент керамики. Остатки костяка обнаружены на глубине 50 см. Костяк представлен фрагментами тазовых костей, а также левой голени. В ногах погребения обнаружены зубы лошади. Под этим погребением обнаружено погребение 56 А. Могильная яма была расширена. Размеры могильной ямы: длина — 195 см, ширина в северо-восточной части — 55 см, в юго-западной — 60 см, глубина ямы — 20 см. Костяк удовлетворительной сохранности обнаружен на глубине 70 см, ориентирован головой на юго-запад (240°). Костяк лежал на спине, вытянуто. Череп раздавлен, слегка повернут на правый висок. Руки располагались вдоль туловища. Правая рука лежала на тазовых костях, кисти обеих рук отсутствуют. Ноги лежали вытянуто, в области ступней соединены. Ступни ног отсутствуют. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 57 (р. VIII, квадрат 16) (рис. 5). Пятно могильной ямы с закругленными краями ориентировано по линии СВ–ЮЗ. Костяк ребенка плохой сохранности обнаружен на глубине 47 см, ориентирован головой на юго-запад (240°). Костяк лежал на спине, вытянуто. Череп раздавлен, кости туловища сохранились фрагментарно, ноги вытянуты параллельно, стопы ног костяка отсутствуют, кости рук располагались на бедрах, кисти отсутствовали. Размеры костяка: длина – 70 см, ширина плеч – 13 см, ширина таза – 11 см. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение 58 (р. VIII, квадраты 17, 18, 23) (рис. 5). Пятно могильной ямы прямоугольной формы с закругленными краями обнаружено на глубине 40 см, прослеживалось нечетко, ориентировано по линии СВ–ЮЗ. Размеры пятна: длина – 195 см, ширина в северо-восточной части – 50 см, в юго-западной – 50 см. Стенки могильной ямы ровные, вертикальные, глубина 8–15 см. Костяк удовлетворительной сохранности обнаружен на глубине 55 см от поверхности почвы, ориентирован головой на запад – юго-запад (250°). Размеры костяка: длина – 155 см, ширина плеч – 33 см, ширина таза – 25 см. Костяк лежал на спине, вытянуто. Череп раздавлен, повернут на левый висок. Руки лежали вытянуто вдоль туловища. Ребра и тазовые кости сохранились фрагментарно, ноги лежали вытянуто, параллельно. Погребальный инвентарь: у правого виска найдена бронзовая очковидная подвеска, справа от шейных позвонков – 2 бронзовые бляшки, в 15 см от черепа с правой стороны было найдено каменное колесико. Под черепом найдены бронзовые пронизки.

Погребение 59 (р. VIII, квадраты 4, 9) (рис. 5). Пятно могильной ямы прямоугольной формы с закругленными краями обнаружено на глубине 52 см от поверхности почвы, ориентировано по линии СВ–ЮЗ. Размеры пятна: длина – 220 см, ширина его в северо-восточной части – 55 см, в юго-западной – 53 см. Глубина могильной ямы – 15 см. Стенки ямы вертикальные. Костяк хорошей сохранности обнаружен на глубине 67 см от поверхности почвы, ориентирован головой на юго-запад (240°). Размеры костяка: длина – 180 см, ширина плеч – 30 см, таза – 33 см. Костяк лежал на спине вытянуто. Череп раздавлен, руки лежали вдоль туловища, правая рука располагалась под тазовой костью.

Позвоночник изогнут и имеет s-образную форму, ноги лежали параллельно, вытянуто. Погребальный инвентарь: у левого виска найдены 2 бронзовые очкообразные подвески, вокруг черепа и под черепом найдены бронзовые пронизки.

Погребение 60 (р. VIII, квадрат 9) (рис. 5) обнаружено на глубине 50 см от поверхности почвы. Пятно могильной ямы не прослеживалось. Детский костяк плохой сохранности ориентирован головой на запад (270°). Длина костяка — 85 см, ширину плеч проследить не удалось, ширина таза — 13 см. Череп раздавлен. Кости скелета сохранились фрагментарно, ноги согнуты в коленях. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение 61 (р. VIII, квадраты 6, 11) (рис. 5). Пятно могильной ямы прямоугольной формы со скругленными углами выявилось на глубине 40 см от поверхности почвы. Размеры пятна: длина — 240 см, ширина его в северо-восточной части — 55, в юго-западной части — 80 см. В юго-западной части ямы западная стенка срезана под углом. Глубина ямы в материке — 30 см. Заполнение ямы — почвенный слой темного цвета, перемешанный с глиной и обломками известняка. Костяк средней сохранности располагался на глубине 70 см от поверхности почвы, лежал на спине вытянуто. Левая рука лежала вдоль туловища, правая слегка откинута, кисти рук не сохранились. Позвоночник изогнут s-образно. Костяк ориентирован головой на северо-восток (65°). Длина костяка — 160 см, ширина плеч — 35 см, таза — 30 см. Находки представлены двумя обломками бронзовой подвески, располагавшимися у затылочной кости.

Погребение 62 (р. VIII, квадраты 7, 12) (рис. 5). Пятно могильной ямы прямоугольной формы с округленными углами обнаружено на глубине 65 см от поверхности почвы, ориентировано по линии СВ–ЮЗ. Длина пятна — 245 см, ширина его в северо-восточной части — 90 см, в юго-западной — 65 см. Глубина могильной ямы в материке — 30 см, стенки ровные, вертикальные, дно ровное. Заполнение могильной ямы — смесь почвенного слоя, известняка и глины. Костяк хорошей сохранности обнаружен на глубине 95 см от поверхности почвы, ориентирован головой на юго-запад (245°). Длина костяка — 157 см, ширина таза — 32 см, ширина плеч — 40 см. Костяк лежал прямо, вытянуто на спине, череп повернут на левый висок, челюсть широко

раскрыта, руки вытянуты вдоль туловища, слегка согнуты в локтях, ноги лежали параллельно. Погребальный инвентарь: на черепе найдены обломки бронзовой подвески, справа от шейных позвонков найден бронзовый колокольчик, на черепе — бронзовая бляшка. Справа от шейных позвонков, на шейных позвонках, под нижней челюстью и между челюстями обнаружено множество бронзовых пронизок. На черепе и ребрах найдены 2 бронзовые бляшки, под позвоночником — 7 бронзовых пронизок, под ключицей — обломки бронзовых подвесок, под позвоночником — бронзовая бляшка.

Погребение 63 (р. VIII, квадраты 6, 7, 11, 12, 16, 17) (рис. 5). Пятно могильной ямы выявилось на глубине 50 см от поверхности почвы. Его размеры — длина 250 см, ширина в северо-восточной части — 85 см, в юго-западной — 50 см. Яма углубляется в материк на 30 см. Заполнение ямы — глина и фрагменты известняка. Костяк хорошей сохранности лежал на спине, вытянуто, черепом вверх, ориентирован на запад — юго-запад (250°). Череп раздавлен. Руки лежали вдоль туловища, ноги вытянуты и располагались параллельно. Длина костяка — 180 см, ширина плеч — 40 см, ширина таза — 32 см. У черепа обнаружены бронзовые подвески. Около левой ключицы найдены бронзовые пронизки. У левого плеча отмечены угольки.

Погребение 64 (р. VIII, квадрат 6) (рис. 5). Пятно могильной ямы прямоугольной формы с округленными углами проявилось на глубине 40 см от поверхности почвы. Размеры пятна: длина — 150 см, ширина в северо-восточной части — 50 см, в юго-западной — 65 см. Яма углубляется в материк на 26 см. Заполнение ямы — глина с включениями известняка, стенки его вертикальные, дно ровное. Костяк ребенка был, видимо, слегка повернут на левый бок, череп раздавлен, ориентирован головой на северо-восток (65°). Позвоночник s-образно изогнут. Левая плечевая кость не сохранилась. Длина костяка — 86 см, ширина плеч — 17 см, остатков тазовых костей — 13 см.

Погребальный инвентарь: у правого виска обнаружены фрагменты бронзовых подвесок и бронзовые пронизки.

Раскоп IX в 2003 г. был заложен в южной части памятника и своим северо-восточным углом квадрата 35 примыкает к раскопу VIII 2002 г. (рис. 1). Площадь раскопа

IX — 140 кв. м (14 x 10 м) (рис. 8). В квадратах 31, 32 и 35 были сделаны прирезки, т.к. погребения уходили за пределы раскопа.

Стратиграфия раскопа IX (рис. 9) представлена профилями северной, восточной, южной и западной стенок.

Профиль северной стенки р. IX. Верхний слой — дерн толщиной 10–12 см, под которым располагался почвенный слой темного цвета. В отдельных квадратах встречены вкрапления известняка (квадраты 20, 25, 30, 35). Мощность почвенного слоя от 35 до 78 см. Ниже располагался материк — известняк (квадраты 5, 10) и смесь известняка с глиной (квадраты 15, 20, 25, 30, 35).

Профиль восточной стенки р. IX. Верхний слой — дерн толщиной 10–12 см, ниже находился почвенный слой толщиной от 56 до 70 см, который также имел включения известняка. Материк — смесь глины и известняка.

Профиль южной стенки р. IX. Дерн толщиной 9–12 см, под которым находился почвенный слой темного цвета толщиной от 35 до 70 см. В квадрате 21 отмечена линза из смеси известняка с глиной толщиной в западной части 40 см, шириной — 110 см. Материк — известняк с глиной (квадраты 31, 26, 21), который в квадратах 16, 11, 6, 1 переходил в чистую глину.

Профиль западной стенки р. IX. Верхний слой — дерн толщиной 9–12 см, ниже располагался почвенный слой толщиной от 15 до 35 см. В квадратах 3, 4 отмечены включения известняка. Материк — глина, переходящая в квадратах 3, 4, 5 в смесь глины и известняка.

В раскопе IX всего вскрыто 20 погребений.

Погребение 65 (р. IX, квадрат 30) (рис. 8). Обнаружено на глубине 25 см от поверхности почвы. Пятно могильной ямы не выявлено. Погребение представлено костями раздавленного черепа и ноги. Погребение предположительно ориентировано по линии СЗ–ЮВ (150°).

Погребальный инвентарь: в 17 см юго-западнее черепа на глубине 33 см от поверхности почвы обнаружено керамическое пряслице. Около черепа обнаружены бронзовые пронизки, северо-восточнее черепа в 26 см, на глубине 40 см обнаружен бронзовый браслет. Рядом с костями обнаружены фрагменты известняка.

Погребение 66 (р. IX, квадрат 32) (рис. 8). Обнаружено на глубине 32 см от поверхности почвы. Пятно могильной ямы не выявлено. Погребение ориентировано на северо-восток (60°). Костяк представлен плечевой и локтевой костями левой руки, фрагментами раздробленной ключицы, фрагментами ребер, раздробленными частями левой руки, тазовых костей, а также фрагментами костей ног. Кости черепа не обнаружены. Длина костяка 65 см, ширина в районе тазовых костей — 15 см, в районе плеч — 14 см. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение 67 (р. IX, квадрат 31) (рис. 8). Пятно могильной ямы не выявлено. Костяк плохой сохранности обнаружен на глубине 40 см от поверхности почвы, ориентирован головой на запад-юго-запад (250°). Длина костяка 160 см, ширина плеч — 33 см, ширина таза — 36 см. Костяк лежит на спине вытянуто. Череп раздавлен, повернут на правый висок. Руки располагаются вытянуто вдоль туловища. Кости правой руки раздроблены, представлены фрагментарно. Правая кисть не сохранилась. Кости левой руки раздроблены, левая кисть лежит на тазовых костях. Позвоночник сохранился фрагментарно: сохранились шейные позвонки, несколько грудных позвонков и часть поясничных. Тазовые кости раздроблены. Кости ног располагаются вытянуто и параллельно. Бедренные и берцовые кости раздроблены, коленные чашечки отсутствуют. На расстоянии 30–32 см к югу от правой руки обнаружены фрагменты скелета ребенка. Погребальный инвентарь: у левого виска найдены фрагменты бронзовой подвески, около шейных позвонков обнаружена бронзовая пронизка, под черепом — фрагменты бронзовых подвесок (-45 см). Пол предположительно женский, возраст 30–35 лет.

Погребение 68 (р. IX, квадраты 10,15) (рис. 8). Пятно прямоугольной формы с закругленными углами ямы выявилось на глубине 43 см от поверхности почвы. Яма углубляется в материк на 5 см. Длина могильной ямы 100 см, ширина — 41 см. Костяк представлен фрагментом разрушенной берцовой кости длиной 25 см. Заполнение ямы — почвенный слой с включением известняка. Судя по сохранившейся части кости, костяк был ориентирован на северо-запад (315°). Погребальный инвентарь отсутствовал. Конец северо-западной части ямы частично был срыт в процессе разработки квадрата.

Погребение 69 (р. IX, квадрат 34) (рис. 8). На глубине 29 см от поверхности почвы обнаружен фрагмент детского черепа и один зуб. Возраст приблизительно 10 лет. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 70 (р. IX, квадрат 29) (рис. 8). На глубине 17 см от поверхности почвы обнаружены фрагменты детского костяка в виде отдельных костей ребер и правой плечевой кости. Череп и остальные кости скелета не обнаружены. Погребение, возможно, расположено по линии СЗ–ЮВ (314°). Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 71 (р. IX, квадраты 27, 32). Пятно могильной ямы не выявлено. Костяк хорошей сохранности лежал в почвенном слое, обнаружен на глубине 62 см от поверхности почвы, ориентирован головой на юго-запад (240°). Длина костяка – 155 см, ширина плеч – 33 см, ширина таза – 33 см. Костяк лежит на спине прямо. Череп повернут на правый висок, слегка раздавлен. Правая рука вытянута вдоль туловища. Кости правой кисти представлены фрагментарно. Левая рука согнута в локте, локтевая кость левой руки располагается на туловище. Кости левой руки представлены фрагментарно, располагаются на правой стороне тазовых костей. Левая нога согнута в колене под углом 90° и повернута вправо, правая нога слегка согнута в колене и расположена на левой ноге, стопы соединены. Погребальный инвентарь: между правой плечевой костью и ребрами найдена бронзовая бляшка в форме колокольчика, около левой голени – фрагмент керамики, справа под тазовой костью вышли мелкие фрагменты железного ножа.

Погребение 72 (р. IX, квадрат 29) (рис. 8). В почвенном слое на глубине 30 см от поверхности почвы обнаружены фрагменты костяка, представленные костями левой руки (плечевой костью, локтевой костью, лопаткой, фалангами пальцев), а также фрагментами ребер. Длина руки – 55 см. Кости ориентированы по линии СВ–ЮЗ, лопаткой на юго-запад под углом 240°. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 73 (р. IX, квадраты 24, 29) (рис. 8). Пятно могильной ямы не выявлено. Детский костяк удовлетворительной сохранности обнаружен в почвенном слое на глубине 48 см от поверхности почвы, ориентирован головой на ЗЮЗ (250°). Длина костяка – 105 см, ширина плеч – 25 см, ширина бедер – 19 см. Костяк лежит на спине прямо,

вытянуто. Череп раздавлен. Кости рук расположены вдоль туловища. Кости правой руки слегка согнуты в локте, отодвинуты от туловища, кисть отсутствует. Левая рука расположена вдоль туловища и слегка отодвинута от него. Ребра раздроблены, лежат хаотично. Ноги лежат прямо вытянуто, параллельно друг другу. Погребальный инвентарь: между левой плечевой костью и лопаткой обнаружены 2 бронзовые бляшки, вокруг нижней челюсти обнаружены 4 бронзовые бляшки.

Погребение 74 (р. IX, квадраты 29, 30, 35) (рис. 8). Пятно могильной ямы не выявлено. Костяк удовлетворительной сохранности обнаружен в почвенном слое на глубине 55 см от поверхности почвы, ориентирован головой на юго-запад (240°). Длина костяка — 148 см, ширина плеч — 33 см, ширина таза — 25 см. Костяк лежит на спине, прямо вытянуто. Череп раздавлен, повернут на левый висок. Правая рука согнута в локте, локтевая кость и кисть лежат на тазовых костях. Кости обеих рук, ребра, позвоночник и тазовые кости раздроблены. Ноги лежат прямо, вытянуто параллельно друг другу, раздроблены. Стопы отсутствуют. Погребальный инвентарь: под черепом был найден фрагмент бронзовой подвески.

Погребение 75 (р. IX, квадраты 28, 33). Пятно могильной ямы не выявлено. Костяк хорошей сохранности обнаружен в почвенном слое на глубине 60 см от поверхности почвы, ориентирован головой на юго-запад (240°). Длина костяка — 176 см, ширина плеч — 37 см, ширина таза — 32 см. Костяк лежит на спине прямо, вытянуто. Череп раздавлен, повернут на правый висок, челюсти раскрыты. Правая рука согнута в локте под углом 80°, локтевая кость расположена на туловище, кисть правой руки представлена фрагментарно. Левая рука вытянута вдоль туловища, локтевая и лучевая кости немного отодвинуты от тела. Ноги расположены прямо вытянуто, соединены в коленях. Погребальный инвентарь: у правого локтя обнаружен железный нож с горбатой спинкой. На правой стороне поясничного позвонка обнаружены 2 бронзовые обоймицы, слева над тазовой костью была найдена костяная пуговица, у локтевой кости левой руки обнаружен фрагмент керамики.

Погребение 76 (р. IX, квадрат 28) (рис. 8, 10). Пятно могильной ямы не выявлено. Костяк плохой сохранности

обнаружен в почвенном слое на глубине 50 см от поверхности почвы, ориентирован головой на юго-запад (240°). Длина костяка — 153 см, ширина плеч — 36 см, кости таза не сохранились. Костяк обутлен, вокруг него обнаружены участки прокаленной почвы. Костяк лежит на спине, вытянуто. Череп раздавлен. Кости рук раздроблены, расположены вытянуто вдоль туловища. Кисти обеих рук отсутствуют. Ребра и позвоночник не сохранились. Тазовые кости отсутствуют, на их месте обнаружены остатки кострища в виде кусочков обожженного дерева. Кости левой ноги раздроблены. Правая нога отсутствует. Стопы обеих ног также не обнаружены. Погребение представляет из себя остатки трупосожжения.

Погребальный инвентарь: ниже правой руки обнаружено керамическое пряслице, рядом с левой локтевой костью найдены 2 фрагмента керамики; на месте, где располагались тазовые кости, найдены два прижавевших друг к другу наконечника стрел.

Погребение 77 (р. IX, квадраты 25, 30) (рис. 8). Пятно могильной ямы не выявлено. Костяк хорошей сохранности обнаружен в почвенном слое на глубине 70 см от поверхности почвы, ориентирован головой на юго-запад (240°). Длина костяка — 186 см, ширина плеч — 31 см, ширина таза — 31 см. Костяк лежит на спине вытянуто. Череп раздавлен, слегка повернут на левый висок. Руки вытянуты вдоль туловища. Ребра частично раздроблены. Позвоночник в области поясницы чуть изогнут. Ноги лежат вытянуто, параллельно друг другу. Стопы представлены фрагментарно.

Погребальный инвентарь: у локтя левой руки найден бронзовый крючок, между позвоночником и левой лучевой костью была найдена бронзовая бляшка в форме колокольчика, между лучевой и локтевой костями правой руки обнаружены обломки железного ножа, возле коленной чашечки левой ноги — фрагмент керамики, под правой плечевой костью — фрагменты железного изделия.

Погребение 78 (р. IX, квадрат 30) (рис. 8). Пятно могильной ямы не выявлено. В почвенном слое на глубине 42 см от поверхности почвы обнаружен фрагмент костяка, представленный лучевой костью детской руки. Длина кости — 26 см. Кость ориентирована по линии ССВ—ЮЮЗ (195°). Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 79 (р. IX, квадрат 29). Пятно могильной ямы не прослежено. Детский костяк удовлетворительной сохранности обнаружен в почвенном слое на глубине 50 см от поверхности почвы, ориентирован головой на северо-восток (60°). Длина костяка 85 см, ширина плеч — 24 см, ширина таза — 15 см. Костяк лежит на спине вытянуто. Череп раздавлен. Кости правой руки вытянуты вдоль туловища, раздроблены, кисть отсутствует. Левая рука представлена обломком плечевой кости. Позвоночник изогнут, ноги лежат прямо, вытянуто, параллельно друг другу. Левая бедренная кость раздроблена. Стопы отсутствуют. Погребальный инвентарь: с левой стороны под тазовой костью была найдена бронзовая обоймица. Рядом с костяком выявлены остатки обожженного дерева, являющиеся остатками погребального костра погребения 76.

Погребение 80 (р. IX, квадрат 34). Пятно могильной ямы не выявлено. Фрагменты костяка обнаружены в почвенном слое на глубине 45 см от поверхности почвы. Костяк ориентирован на юго-запад (240°). Длина костяка 143 см, плечи и тазовые кости отсутствуют. Погребение представлено костями левой руки, фрагментами левой кисти, раздробленной левой бедренной костью и фрагментами берцовой кости. Отдельно располагалась правая стопа. На расстоянии 20 см от локтевой кости располагалось известняковое пятно. Справа на расстоянии 30 см к югу от лучевой кости обнаружены фрагменты ребер. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 81 (р. IX, квадраты 31А, 31Б) (рис. 8). Пятно могильной ямы не выявлено. Кости обнаружены в почвенном слое на глубине 40 см от поверхности почвы, ориентированы по линии 3—В (270°). Длина костяка — 100 см, плечи и таз отсутствуют. Костяк представлен костями ног, черепом, кости рук отсутствуют. Левая нога слегка согнута в колене, правая вытянута. Погребальный инвентарь: около правой стопы были найдены железный крючок и железный нож. Рядом с ножом располагались 2 бронзовые обоймицы.

Погребение 82 (р. IX, квадраты 35, 35А). Пятно могильной ямы не выявлено. Костяк обнаружен в почвенном слое на глубине 50 см от поверхности почвы, ориентирован головой на запад (270°). Длина костяка — 77 см, ширина плеч — 30 см, таза — 34 см. Костяк лежит на спине, вытянуто. Череп раздавлен, повернут на правый висок, вокруг черепа

расположены известняковые плиты. Позвоночник изогнут, нижняя часть его не сохранилась. Правая рука раздроблена, лежит вытянуто вдоль туловища. Левая рука согнута в локте, локтевая кость располагается на туловище, кисть — на тазовых костях. Тазовые кости срезаны до крестца, нижние конечности полностью отсутствуют. Погребальный инвентарь: у правой кисти найдены обломки железного ножа.

Погребение 83 (р. IX, квадраты 31, 31А, 31В) (рис. 8, 11). Пятно могильной ямы не выявлено. Костяк плохой сохранности обнаружен в почвенном слое на глубине 32 см от поверхности почвы, ориентирован головой на юго-запад (230°). Длина костяка — 136 см, ширина плеч — 35 см, ширина таза — 35 см, костяк лежал на спине вытянуто. Череп раздавлен, повернут на правый висок. Ребра не сохранились. Позвоночник сохранился частично. Руки вытянуты вдоль туловища. Правая рука представлена раздробленной плечевой костью, у левой руки наполовину отсутствует плечевая кость, локтевая раздроблена. Кисти рук не сохранились. Тазовые кости раздроблены. Ноги лежат прямо, вытянуто параллельно друг другу. Правая бедренная кость раздроблена, левая нога представлена фрагментарно. Стопы обеих ног отсутствуют. Погребальный инвентарь: на расстоянии 15 см от костей ног найдены керамическое пряслице и железный наконечник пики, на черепе найдены очень мелкие обломки бронзовой подвески. У основания черепа — бронзовая подвеска.

На расстоянии 35 см от ног перпендикулярно костяку проходит линия известняка толщиной 7 см и заворачивает за пределы данного раскопа. Ширина линии 7 см, глубина — 8 см.

Погребение 84 (р. IX, квадраты 32А, 32) (рис. 8). Пятно могильной ямы не выявлено. Костяк хорошей сохранности обнаружен в почвенном слое на глубине 41 см от поверхности почвы, ориентирован головой на запад (265°). Длина костяка — 185 см, ширина плеч — 30 см, ширина таза примерно 23 см. Костяк лежал на спине вытянуто. Череп раздавлен, слегка повернут на левый висок. Правая рука согнута в локте, кисть лежит на левом бедре, раздроблена. Левая рука лежит вдоль туловища, кисть левой руки — на берцовой кости. Позвоночник представлен наполовину и слегка изогнут. Тазовые кости сохранились фрагментарно. Ноги лежат прямо,

вытянуто параллельно друг другу, соединены в коленях и стопах. Погребальный инвентарь: около левой руки найден железный нож с деревянной рукоятью, на рукояти — бронзовая бляшка и обломок наконечника пики.

Таким образом, пятна могильных ям выявлялись на глубине от 17 см до 70 см. Ямы имели, как правило, прямоугольную форму с закругленными углами. Одна яма имела форму, напоминающую ладью (погребение 45). Размеры ям варьируют в следующих пределах: длина — от 86 до 360 см, ширина — от 35 до 100 см. Они углублялись в материк на 7–30 см. Заполнением ям, как правило, был почвенный слой с примесью глины и известняка, либо глина с известняком. Во всех погребениях, исследованных в 2003 г., за исключением погребения 68, пятна могильных ям не выявлены. Костяки в основном лежали вытянуто на спине, череп находился на правом или левом виске, либо лицом вверх. Руки располагались вдоль туловища (иногда слегка согнуты в локтях), ноги — вытянуто, параллельно. В погребении 47 ноги были согнуты в коленях и вывернуты наружу. В некоторых случаях (погребения 38, 41, 49, 56, 75) ступни ног располагались настолько близко друг к другу, что, возможно, это является свидетельством их связывания.

Не исключено, что данные материалы свидетельствуют об имевшихся в то время ритуалах оберегательной магии. В качестве «изолирующего» материала мог использоваться и известняк. Так, с северо-восточной стороны погребение 83 было очерчено полосой известняка (рис. 11). Известняк встречается и в погребениях 65, 82.

В погребении юноши (погребение 64) костяк был слегка повернут на левый бок. Интерес представляет погребение 71, в котором положение ног (слегка подогнуты) напоминает обряд абашевских племен.

Встречаются в основном одиночные захоронения, за исключением парных погребений (48 — взрослый с ребенком и 54, где были захоронены два взрослых человека). В обоих захоронениях костяки лежали головами в противоположные стороны. Обе могильные ямы были ориентированы по линии СВ (65° и 45° соответственно) и ЗЮЗ (255°) и ЮЗ (235°). В целом, в ориентации головы погребенного преобладают два направления — на северо-восток (от 40° до 65°) и юг-

юго-запад-запад — от 195° до 270°, а также на северо-запад — 314°—315°.

Ориентация головой на северо-восток или юго-запад встречается как во взрослых, так и в детских погребениях. Материалы не позволяют увязать ориентацию костяков с протекающей рядом рекой Цивиль. Возможно, что ориентация могла определяться обстоятельствами смерти погребенного, его роли в обществе ананьинцев либо от его пола и пр. Интерес представляет группа, состоящая из трех погребений (61, 63 и 64), которые располагаются рядом друг с другом и включают в себя двух взрослых и одного ребенка. Возможно, что это захоронения членов одной семьи.

Обнаружены также захоронения отдельных фрагментов скелета, черепа, костей ног, рук (погребения 65, 66, 68, 69, 70, 72, 80).

Следует отметить, что в погребении 76, в котором отмечены следы трупосожжения, анатомический порядок скелета не нарушен, хотя ряд костей отсутствует.

При раскопках южной части могильника захоронения встречены в восточной части раскопа, в западной они отсутствуют.

При раскопках 1960—1961 гг. впускных погребений ананьинской культуры в юго-западном секторе «В» кургана бронзового века также не было обнаружено ни одного погребения. Предположительно можно сделать вывод о том, что погребения совершены (относительно кургана) в северо-восточной, восточной и юго-восточной частях, а не юго-западной, что может быть связано с культом солнца, которое при восходе в первую очередь освещало указанные части кургана и возвышенности.

Захоронение расчлененных погребений связано с военными событиями, например столкновениями с местными городецкими племенами.

В.Ф.Каховский, анализируя материалы раскопок могильника в 1960—1961 гг., предположил, что «... расчлененные погребения в Чурачикском могильнике тоже были связаны с военными событиями. Можно также предположить, что расчлененные погребения, отражая социальные различия в ананьинском обществе, принадлежали рабам или, возможно, преступникам... Весьма возможно также, что

расчлененные погребения и скорченное захоронение (№ 30) отражают абашевские традиции, возникшие у ананьинских племен Чувашияского Поволжья вследствие ассимиляции ими абашевцев» (Каховский В.Ф., 1964. С. 87).

Погребальный инвентарь представлен изделиями из железа, бронзы, кости, камня и глины. В захоронениях также встречены кости животных. Встречаются железные ножи с горбатой спинкой длиной от 6,3 до 11,5 см, имевшие деревянные и костяные рукоятки, которые могли украшаться бронзовыми бляшками, например, в форме колокольчика, а также их фрагментами (рис. 12, 1-5, 10; 13, 1-4).

Железные изделия представлены также до этого не встречавшимися в Чурачикском могильнике наконечниками пики. Слегка овальные в сечении, шириной 10 мм и 8 мм имеют соответственно длину 7,5 см и 7 см, на концах сохранились остатки деревянного древка (рис. 12, 6, 7).

Обнаружены два сильно прижавевших друг к другу наконечника стрел. Они имели длину 3,5 см и 3,2 см, ширину пера — 7 мм и 12 мм соответственно. Подобный инвентарь также впервые встречен в Чурачикском могильнике (рис. 12, 9).

В погребении 81 найдено железное изделие, напоминающее крючок (рис. 12, 8), имеющее у основания округлый выступ. Длина его — 6 см, толщина — 8–10 мм, ширина — 15 мм у основания. Округлый выступ имел диаметр около 10 мм. Определить назначение данного предмета затруднительно.

Бронзовые изделия представлены очевидными подвесками, которые изготовлены из проволоки диаметром 2 мм и их фрагментами (рис. 14, 1–9). Высота подвесок 5–7 см.

Из бронзы выполнены браслеты (рис. 14, 10; 15, 5), диаметром 2,8–3 см, толщиной проволоки 3 мм. Из бронзы же изготовлены бляшки в виде колокольчиков. Один из них (рис. 15, 6) имеет украшение по торцам в виде бронзового шнура.

Бронзовые обоймицы выполнены из пластинок и имеют следующие размеры: длина — от 1,1 до 3 см, ширина от 3 до 8 мм (рис. 15, 8–11, 16, 6, 10). Они использовались в качестве деталей поясного ремня.

Встречены полусферические бляшки с петлей для пришивания на тыльной стороне круглой либо слегка овальной формы (рис. 15, 12; 16, 1-4; рис. 17, 14). В целом их

размеры в диаметре около 1 см. Бляшки являлись не только украшением поясного ремня, но и использовались в качестве шейного украшения, будучи, по-видимому, нашитыми на кожаную основу, о чем свидетельствуют их находки на шейных позвонках.

Обнаружены также бронзовые пронизки (рис. 15, 13-14; 17, 1-12), которые изготавливались из обрезков бронзовых трубочек диаметром 4-7 мм, шириной - 3-5 мм, толщиной стенок - 1-1,5 мм. Бронзовые бусы также, видимо, изготавливались из трубочек меньшего диаметра 2-5 мм. Ширина - до 2 мм (рис. 15, 15-16).

В погребении 77 найден бронзовый крючок (рис. 18). Подобная находка была сделана в 1961 г. в погребении № 1, впускного в насыпи кургана бронзового века. Крючок выполнен в виде головы, по-видимому, грифона, клвов которого загнут. Основание крючка сделано в виде мощного животного с толстыми лапами, опустившего голову вниз. На это животное опирается голова грифона. В основании крючка имеется выступ, который служил для крепления скорее всего кожаного ремня, клвов служил для соединения с другим его концом, имевшим отверстие. Его местонахождение свидетельствует, возможно, о том, что он использовался не только в качестве поясного крючка, но и крючка, например, для ремня колчана. Причем ремень ниже крючка был украшен так же бронзовым колокольчиком, как и рукоятка ножа из погребения 84.

Следует также отметить тот факт, что погребение 77 по своему местонахождению довольно близко расположено от погребения № 1 и в той же юго-восточной зоне относительно центра возвышенности.

Крючок подобного типа был найден в Чувашии у с. Большая Таяба (Яльчикский район). А.П.Смирнов отмечал, что подобные крючки имеют скифское происхождение (Смирнов А.П., 1961. С.92.). Не исключено, что они могли служить знаками воинского отличия.

Изделия из кости и камня.

Головка лося (рис. 19, 1), являвшаяся, по-видимому, амулетом. С помощью резных линий обозначены глаза, рот и ветвистые рога. В основании, сделанном в форме квадрата с округленными углами, имеется прямоугольное отверстие

(10 x 5 мм), служившее для подвешивания. Размеры костяной головки лося: длина — 6,2 см, ширина по линии глаз — 1,4 см, толщина в этом же месте — 1,1 см.

Головки птичек, возможно, уток, и их фрагменты (рис. 19, 2). Хорошо сохранившаяся головка имеет заостренный клюв, примерно в центре вырезано овальное отверстие — глаза длиной 13 мм, шириной 9 мм. Общая длина головки — 6,4 см. В срезе шеи имеются два небольших отверстия, которые, очевидно, служили для крепления других деталей, например, тела утки.

Плоская костяная пряжка длиной 6,7 см, шириной в узкой части — 2,8 см, широкой — 3,3 см, выполнена из целого куска, имевшего толщину от 5 до 6 мм. В пряжке вырезаны два отверстия для крепления ремня: в узкой части — овальное (8 x 13 мм), в широкой в виде пирамиды с овальной вершиной — длина 2,3 см, ширина в основании — 19 мм (рис. 19, 3).

Костяное шило (рис. 19, 4), заостренное с одного конца, имеет утолщение на другом. Длина шила — 10,1 см. Найдена также костяная пуговица диаметром 1,9 см, высотой 7 мм (рис. 20, 6).

В детском погребении обнаружена кучка обкатанных человеческих костей, два фрагмента коленных чашечек, а также фаланги пальцев, возможно, ступней ног (рис. 19, 5). Данный набор костей, на наш взгляд, использовался в какой-то детской игре.

Из камня серого цвета сделано колесико, видимо, повозки, овальное по форме и размерами — 3,5 на 4 см в поперечном и продольном направлениях, с толщиной в центре 2 см. Камень сверлился с двух сторон, но мастер не закончил работу, по-видимому, из-за того, что не смог выдержать соосность отверстий, которые углубляются на 5 мм с каждой стороны. С одной стороны четко обозначены ступица колеса и его спицы (рис. 25, 2).

Кремневые отщепы коричневого, серого и белого цветов (рис. 20, 1-4, 7) являются, скорее всего, отходами, а не орудиями труда. Край одного имеет следы ретуши.

Изделие из окаменевшего ископаемого моллюска — белемнита (рис. 20, 5). Длина — 3,6 см, диаметры — 1 см — 1,3 см, имеется бороздка во всю длину шириной 1 мм, глубиной 2 мм. С одного конца имеется углубление диаметром 1 мм, глубиной 1 мм. Данное изделие, назначение которого

определить трудно, судя по бороздке, могло использоваться в качестве точила.

Керамические изделия представлены исключительно отдельными фрагментами. Керамика обнаружена как в погребениях (погребения 71, 76, 77), так и вне их. В последних случаях, видимо, они представляют остатки тризны.

1. Керамика ручной лепки кострового обжига, наружная и внутренняя поверхности желто-серого цвета. Тесто содержит шамот, песок и дресву. Один фрагмент представлен обломком венчика (рис. 21, 1), который слегка отогнут наружу. Имеется орнамент в виде грубого зубчатого штампа. Толщина стенки в основании — до 12 мм.

Второй фрагмент идентичен по цвету и составу первому (рис. 21, 2), является фрагментом стенки. Орнаментирован также штампом с двумя зубцами. Толщина колеблется от 8 до 11 мм.

Третий фрагмент аналогичен первым двум и отличается цветом. Наружная и внутренняя поверхности — темно-серого цвета. К этому же типу керамики относятся другие фрагменты (рис. 21, 3, 4-8, 11-15, 17, 22, 23).

2. Керамика, идентичная по составу теста керамике 1-го типа, желтого цвета, кострового обжига, ручной лепки, являющаяся обломками тонкостенного сосуда (рис. 21, 6, 20, 21, 24). Толщина стенок — 4 мм и 2 мм.

3. Фрагменты керамики светло-серого цвета снаружи, темно-серого внутри, ручной лепки, кострового обжига, поверхность неровная (рис. 21, 9-10). В тесте шамот. Толщина стенок 5-7 мм.

4. Керамика темно-серого цвета как снаружи, так и внутри (рис. 21, 18), ручной лепки, кострового обжига. В тесте — шамот и песок. Один фрагмент имеет сквозное отверстие. Толщина стенок — 7 мм.

5. Керамика ручной лепки, снаружи желтого цвета, внутри — черного. Тесто содержит растительную труху и шамот. Толщина стенки 10–11 мм (рис. 22, 1).

6. Фрагменты керамики серо-желтого цвета, ручной лепки. В тесте шамот и растительная труха (рис. 22, 3-8). Толщина стенок 8 мм.

7. Обломки сосудов серого цвета, ручной лепки. В тесте содержатся труха и шамот (рис. 23, 1-4, 5, 7, 10). Толщина

стенки 5 мм. Один фрагмент представлен венчиком (рис. 23, 2) и имеет в стенке отверстие. Толщина стенки 5 мм.

8. Фрагменты сосудов темно-серого цвета ручной лепки. Тесто содержит шамот и дресву. Толщина стенок 8 мм (рис. 23, 5а, 8а, 11). Один фрагмент представлен обломком стенки с частью плоского дна (рис. 23, 5а).

Глиняные грузики:

1. Овальной формы, диаметр в средней части 3,5 см, высота — 2,7 см, диаметр сквозного отверстия — 6 мм, желтого цвета, имеется серое пятно. Поверхность покрыта бороздками и ямками, ручной лепки, обжиг костровой. В тесте содержатся шамот, песок, дресва (рис. 24, 1).

2. Биконической формы, диаметр в средней части 3,4 см, высота — 2,7 см, диаметр сквозного отверстия — 6 мм, желто-серого цвета. Поверхность покрыта ямками, ручной лепки, обжиг костровый. В тесте — шамот (рис. 24, 2).

3. Неправильной конической формы, диаметр в нижней части — 3,5 см, высота — 2,5 см, отверстие овальное — 6 мм на 7 мм, желтого цвета, ручной лепки, костровой обжиг. В тесте — шамот (рис. 24, 3).

4. Имеет высоту 3 см, диаметр в верхней части — 3,5 см, в нижней части — 2,8 см. На верхнем торце нанесены концентрические окружности в виде ямочек (рис. 25, 1): внешний круг — 12 ямочек, внутренний — 10 ямочек, на нижней грани — круг из 8 ямочек. Имеет сквозное отверстие. Правый грузик высотой 2,6 см имеет диаметр 3,6 см в верхней части и 2,7 см в нижней. Верхний торец орнаментирован 8-ю ямочками, расположенными по кругу, и резными концентрическими кругами (рис. 25, 1а).

Терочник обнаружен в погребении 52, сделан из песчаника. Имеет длину 11 см, ширину — 7 см, толщину — 3 см. Возможно, использовался для размалывания зерна.

Кости животных. В ходе раскопок выявлены: 1) черепа лошадей (в погребениях 39, 41, 51), а также зубы лошади, которые часто встречаются вне погребений; 2) зубы и челюсть медведя.

В раскопах VII–IX найдены монеты: 2 копейки — 1811 г., 1 копейка — 1800 и 1801 гг., 3 копейки — 1816 г. Монеты свидетельствуют о существовании здесь вплоть до XIX в. языческого мольбища.

Материалы исследований 2002–2003 гг. свидетельствуют о несоблюдении ананьинцами на правом берегу Волги ритуала захоронения покойников ногами к реке. Соблюдалась ориентация покойников головами на СВ и ЮЗ. Однако о поклонении воде, возможно, свидетельствуют такие факты, как могильная яма в форме ладьи (погребение 45) и наличие в ней головок водоплавающих птичек.

Исследования показывают, что все погребения совершены по обряду труположения (за исключением погребения 76). Костяки лежат в традиционной для ананьинцев позе – вытянуто на спине, руки – вдоль тела либо одна из них согнута в локте. Часто захоронения совершены в почвенном слое, вследствие чего контуры могильных ям не прослеживаются. Они ориентированы в основном на ЮЗ. Встречены погребения отдельных частей тела, что является результатом военных столкновений. Одно погребение совершено с соблюдением абашевских традиций. Наблюдаются следы сбергательной магии – связывание ног покойных, использование известняка. Планировка могильника свидетельствует о том, что погребения совершены, возможно, с учетом культа солнца – в основном на той части возвышенности, которая освещается лучами восходящего солнца.

Погребальный инвентарь типичен для данного могильника: железные ножи с горбатой спинкой, бронзовые очковидные подвески, различные бляшки, пронизки, бусы. Встречены новые изделия, которые до этого не были обнаружены в Чурачикском могильнике: железные наконечники пик с деревянными древками и железные наконечники стрел, а также изделия из кости – голова лося, головки птичек, шило, пряжка.

Следует отметить незначительное количество костей диких и домашних животных в западной части могильника по сравнению, например с восточной, где они найдены в значительном количестве.

Большое количество костей лошадей свидетельствует о коневодстве. Лошади использовались в качестве тяговой силы, в частности в повозках. В погребении 52 найдено каменное колесико от повозки. Развита была охота на медведей и других животных. О ткачестве свидетельствуют глиняные грузики.

Таким образом, материалы исследования Чурачикского могильника свидетельствуют о том, что ананьинские племена, проникшие на правобережье Волги в междуречье Суры и Свияги, несколько видоизменили свои традиции в сфере духовной и материальной культуры под влиянием, видимо, обитавших здесь городецких племен. Прослеживаются также следы южных этнокультурных контактов, которые начинаются с ранних этапов инфильтрации ананьинских племен на правобережье, о чем свидетельствуют материалы Убеевского могильника (Каховский Б.В., 1982. С. 45).

Л и т е р а т у р а

1. *Каховский Б.В.* Итоги археологических работ 1979–1980 гг. в Чувашской АССР // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР / Труды ЧНИИЯЛИЭ. Чебоксары, 1982.
2. *Каховский Б.В., Ильина Е.В.* Новые исследования Чурачикского могильника в 2001 году // Новые археологические исследования в Поволжье. Чебоксары, 2003.
3. *Каховский В.Ф.* Чурачикский могильник // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958–1961 годах / УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1964. Вып. XXV.
4. *Смирнов А.П.* Железный век Чувашского Поволжья / МИА. М., 1961. № 95.

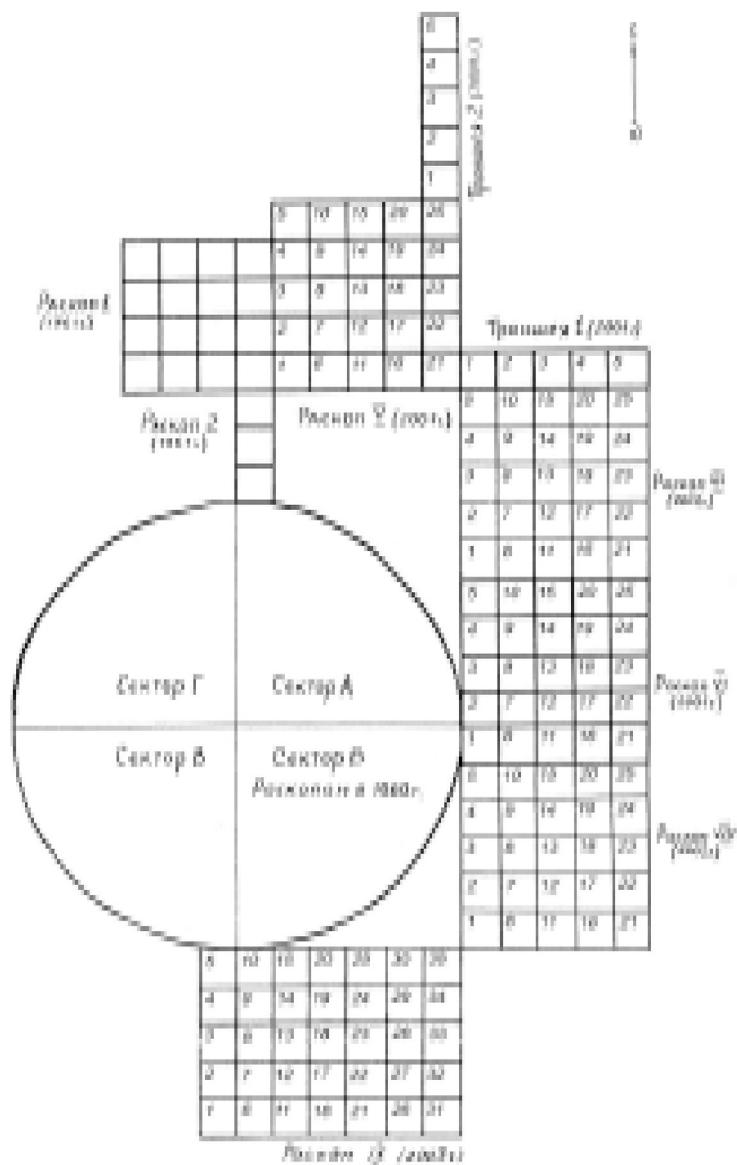

Рис. 1. Чурачикский могильник.
Общий план расположения раскопов VII–IX.

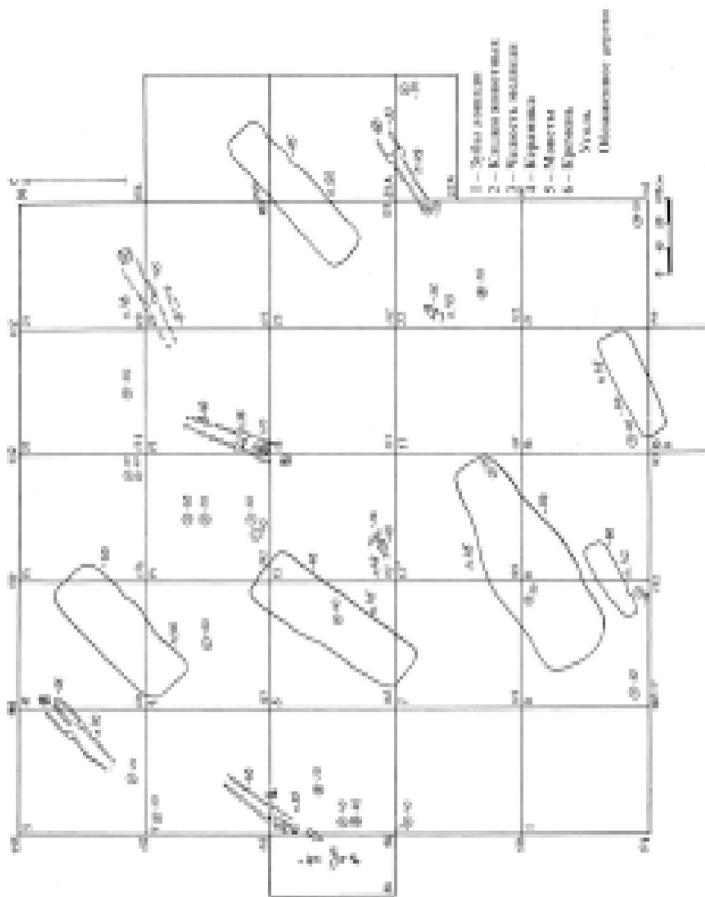

Рис. 2. Цуричический могильник. Общий план раскопа VII.

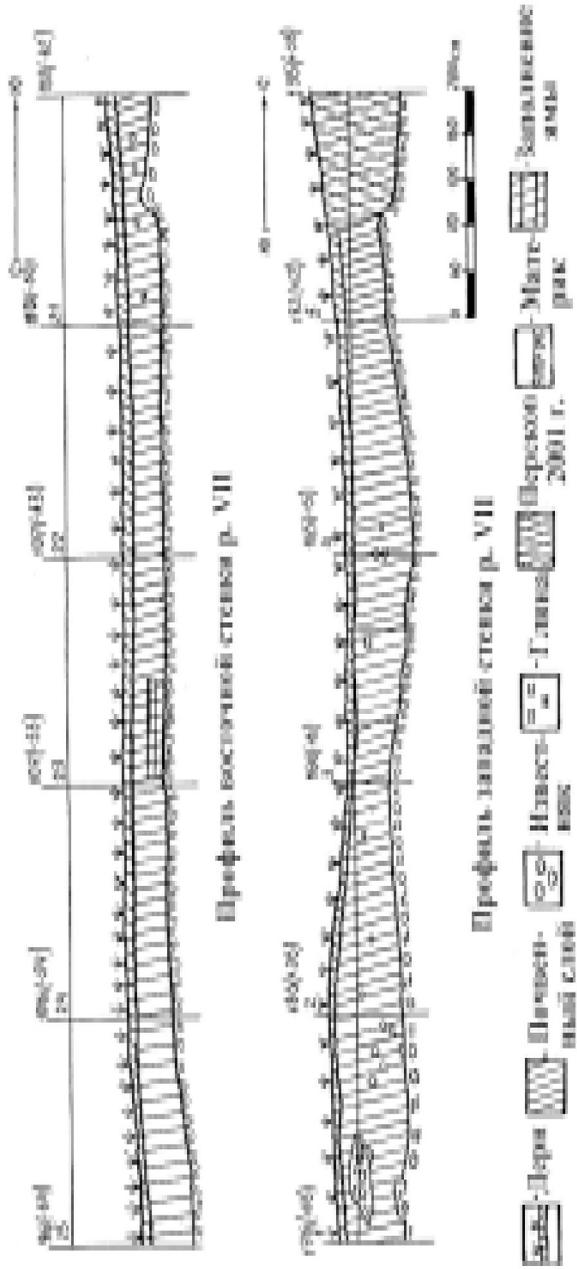

Рис. 3. Профили стенок раскопа VII.

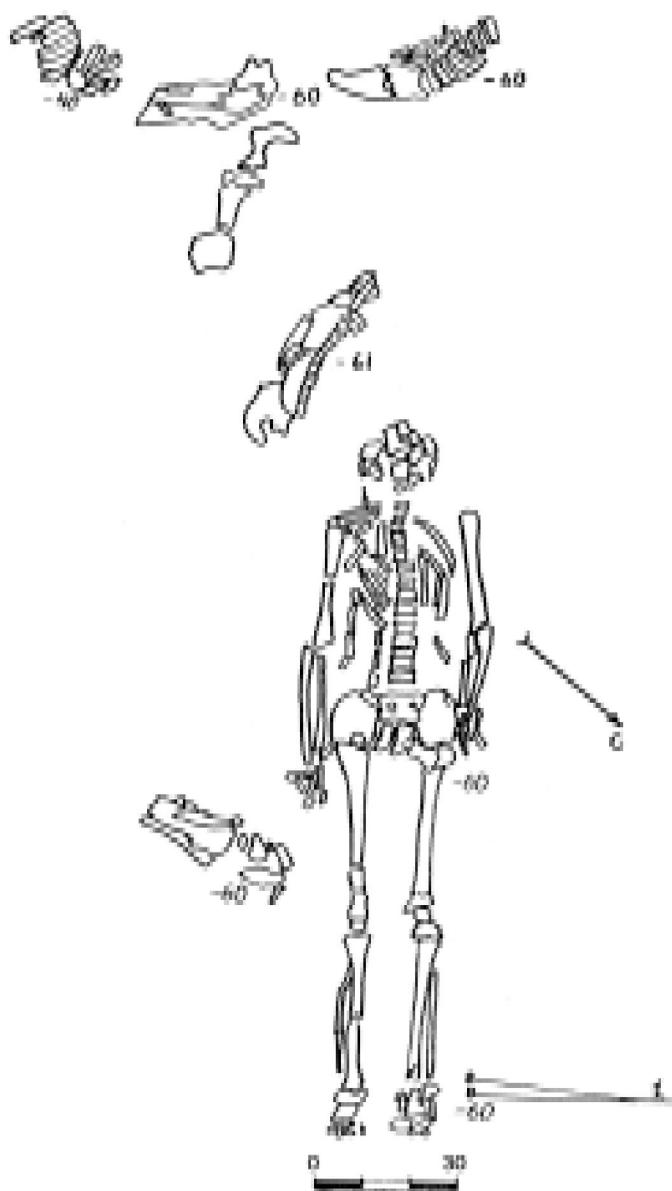

Рис. 4. План погребения 39.

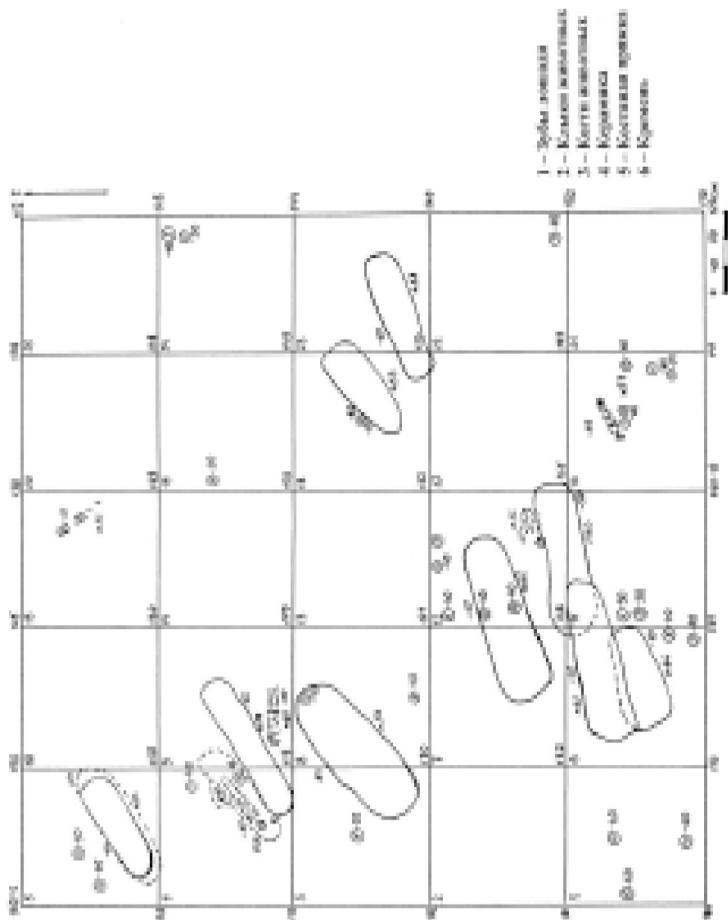

Рис. 5. Общий план раскопа VIII.

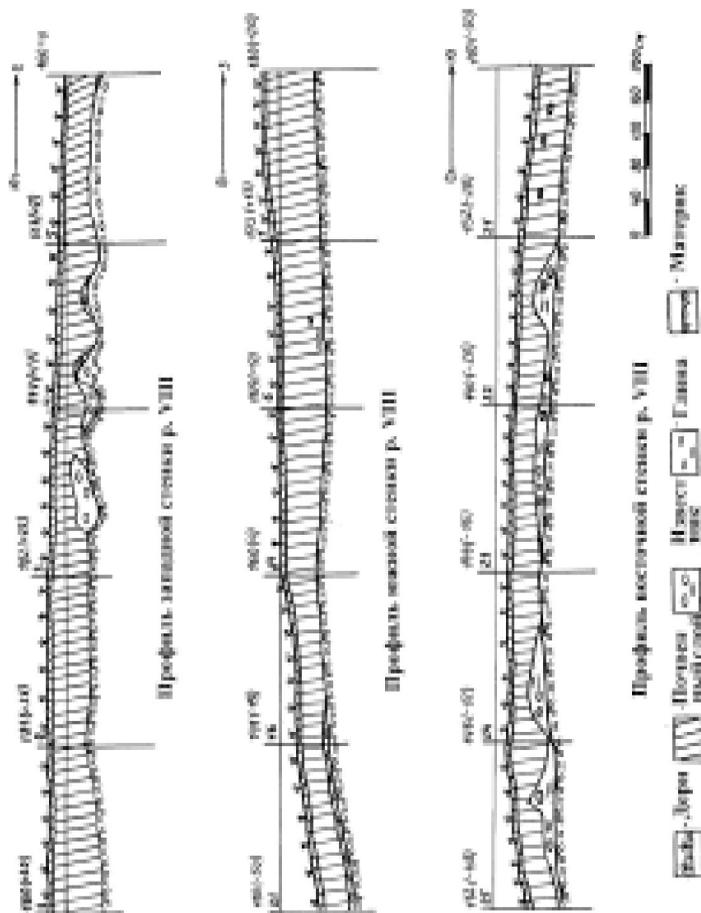

Рис. 6. Профили стенок раскола VIII.

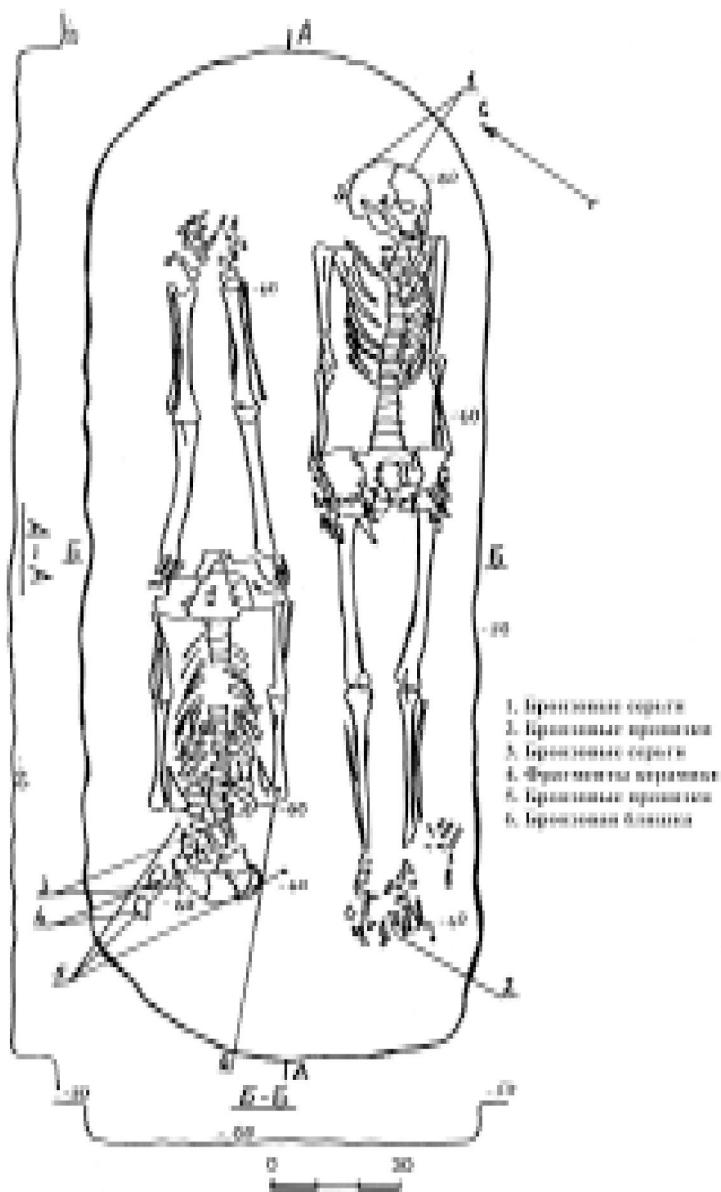

Рис. 7. План погребения 54.

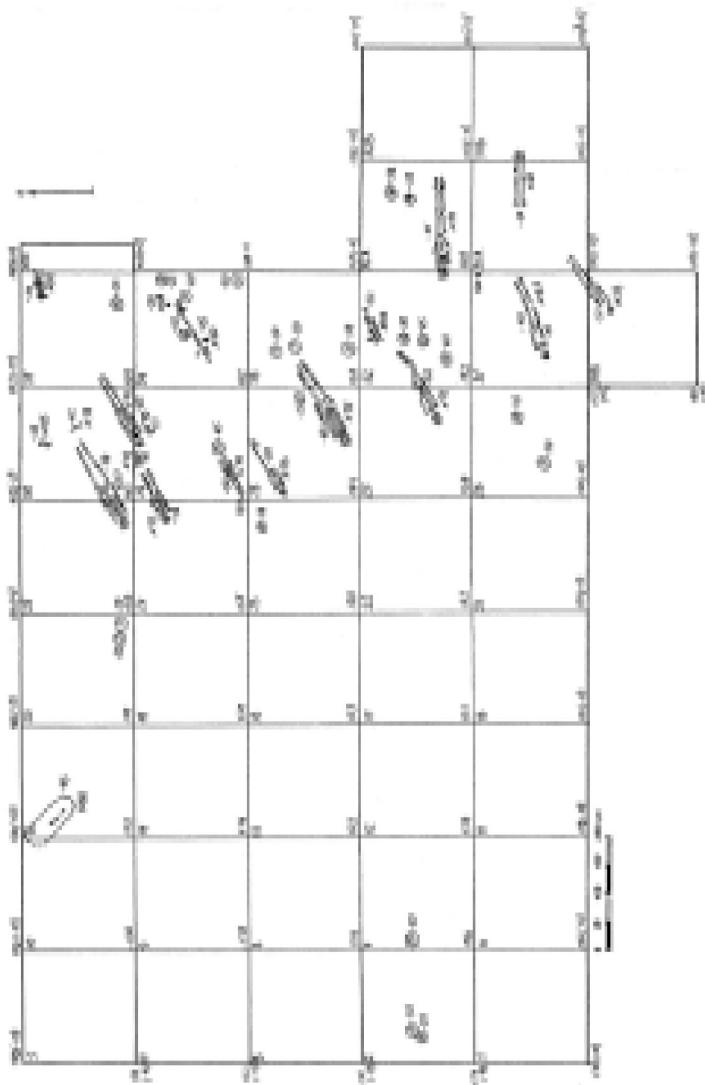

Рис. 8. Общий план раскопа IX. 1–17 – фрагменты керамики; 18 – фрагмент кремния; 19 – каменное точило; 20–21 – бронзовые пронизки; 22 – зуб лошади; 23 – клык медведя.

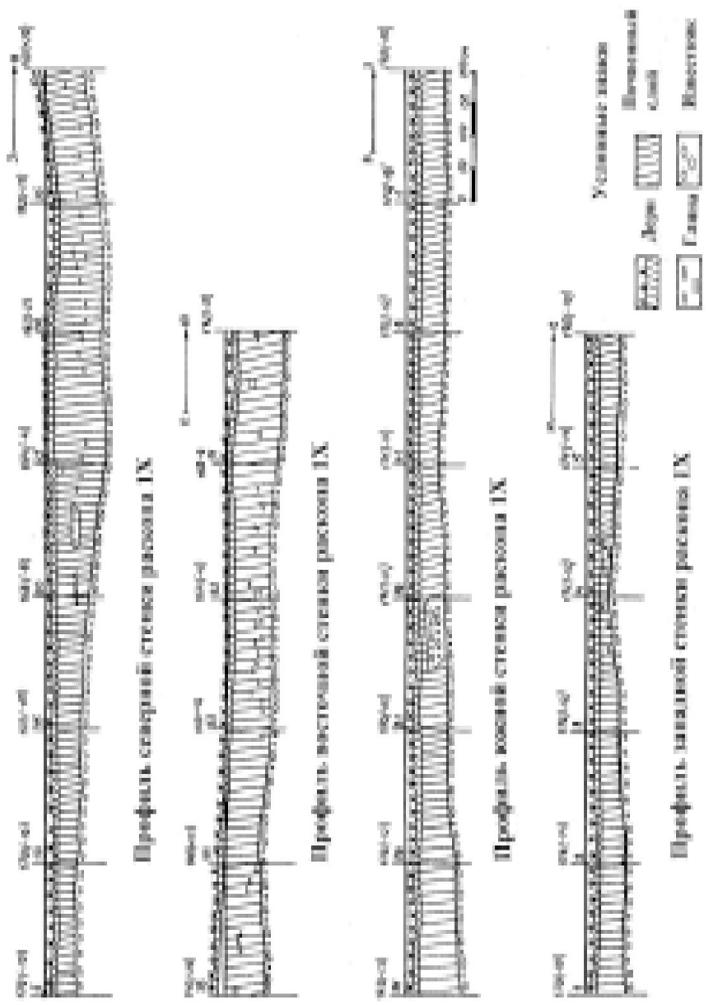
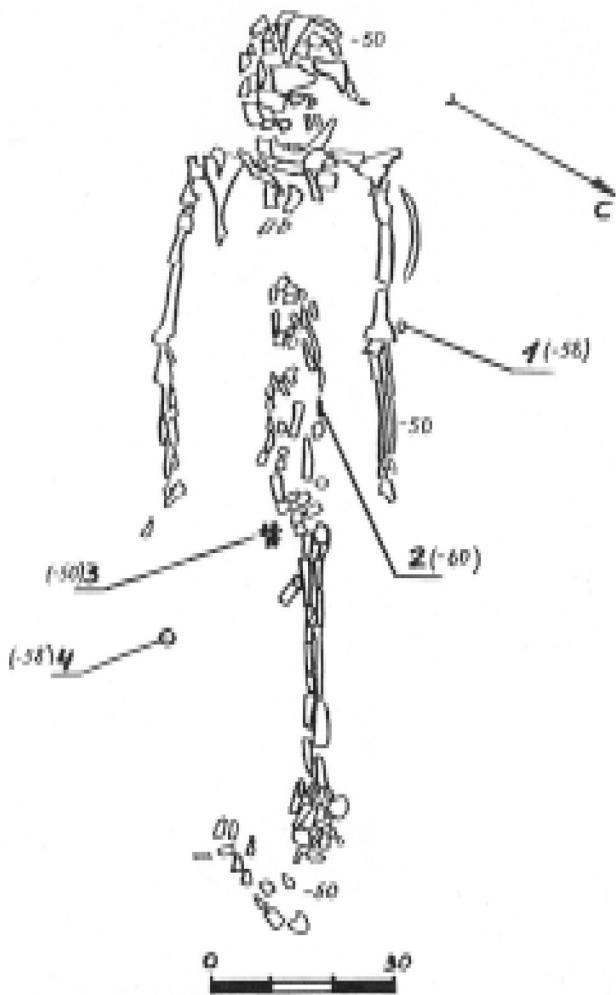
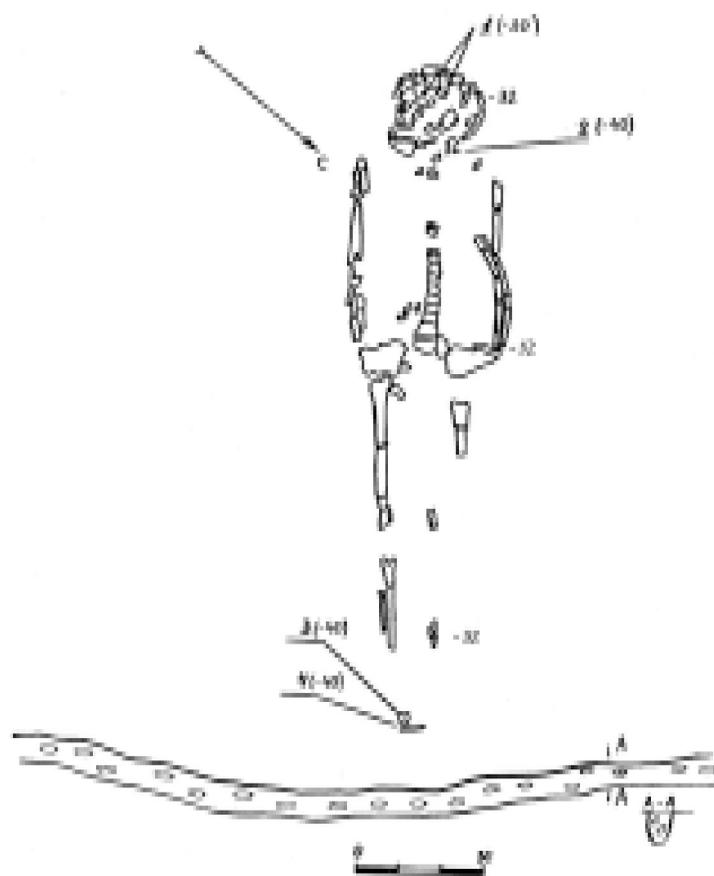

Рис. 9. Профили стенок раскола IX.

1. Фрагменты керамики.
2. Железные наконечники.
3. Угольки.
4. Глиняное пряслище.

Рис. 10. План погребения 76.

- 1. Фрагменты бронзовой подвески
 - 2. Бронзовая подвеска
 - 3. Глиняный грузик
 - 4. Железный игольчатник пинки
- A B C Иштеник

Рис. 11. План погребения 83.

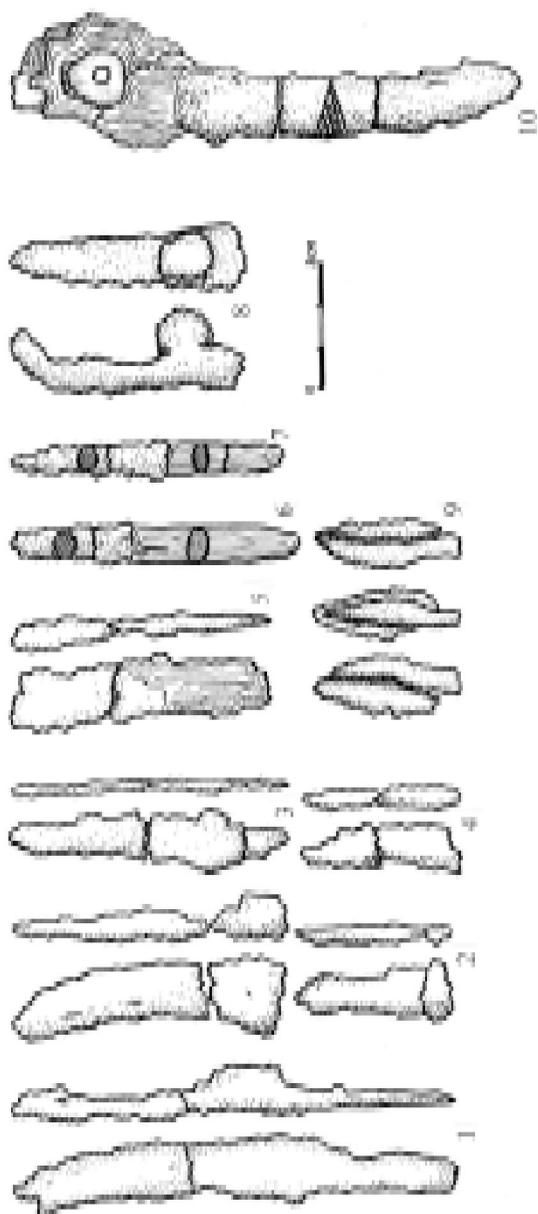

Рис. 12. Изделия из железа. 1-5, 10 — железные ножи и их фрагменты; 6, 7 — наконечники пика;
8 — крючок; 9 — наконечники стрел.

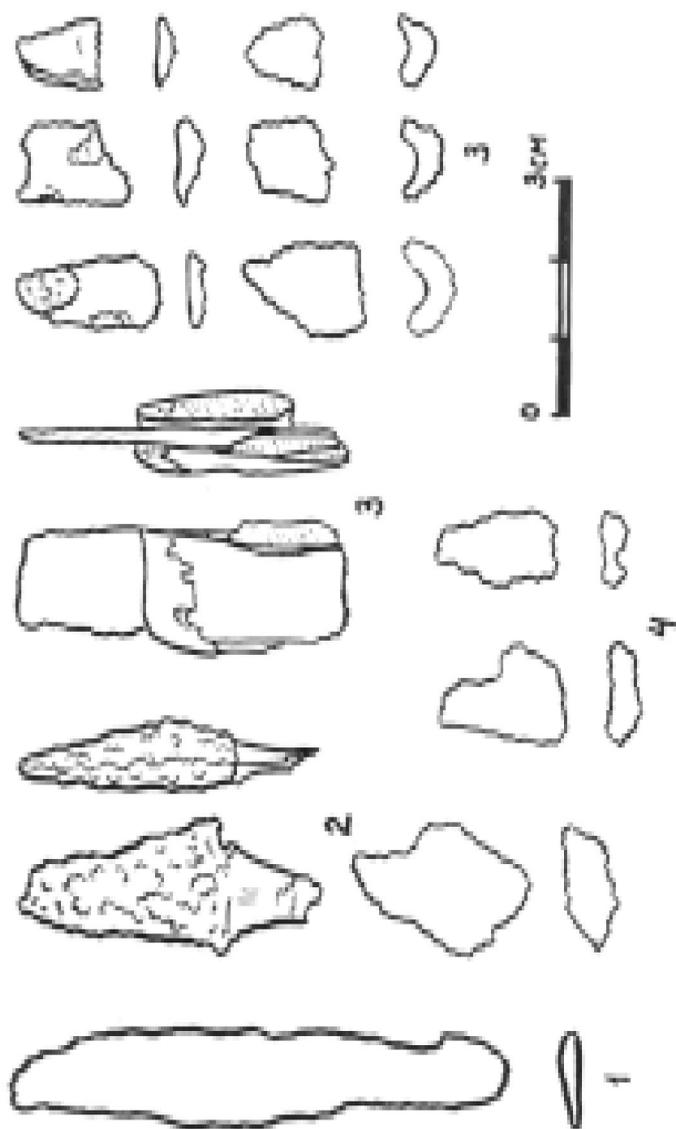

Рис. 13. Железный нож (1) и фрагменты ножей (2-4).

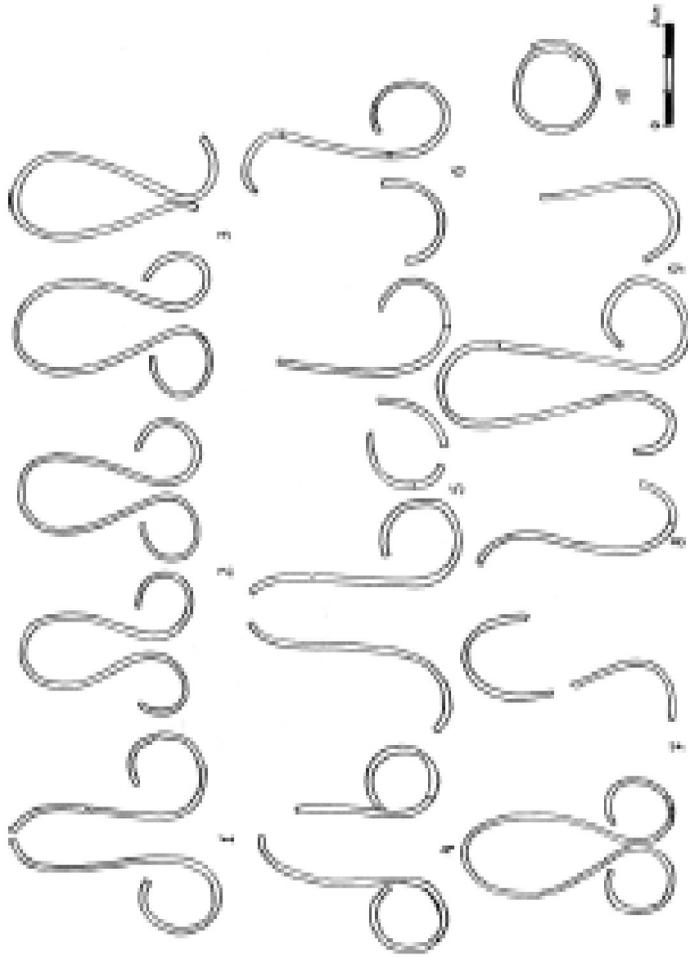

Рис. 14. Бронзовые подвески (1–9) и бронзовый браслет (10).

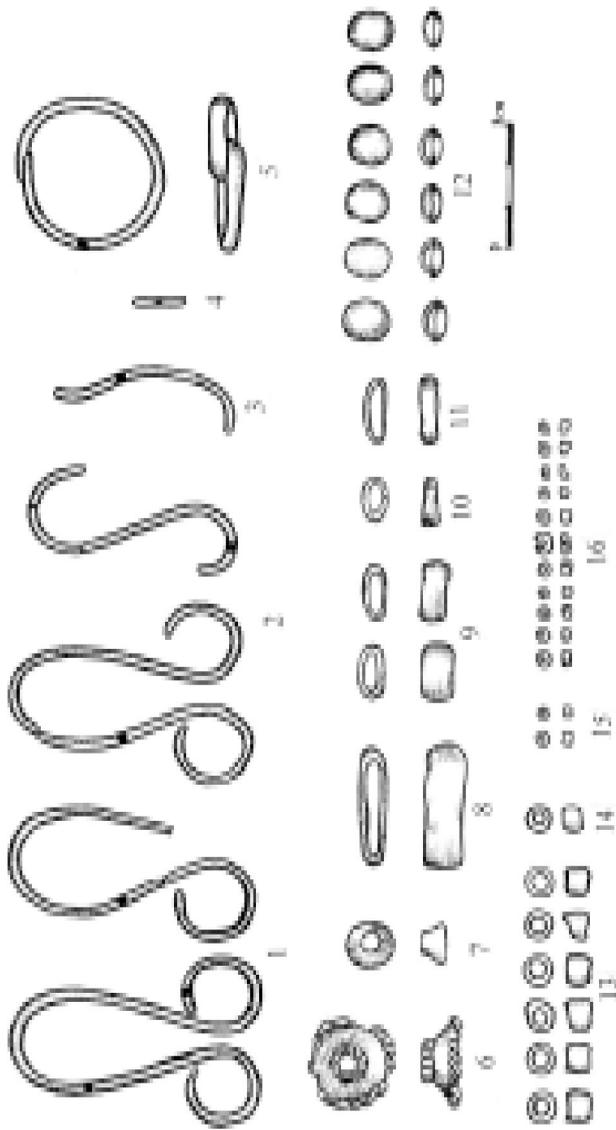

Рис. 15. Изделия из бронзы. 1-4 — подвески; 5 — браслет; 6, 7 — колокольчики; 8-11 — обоймицы; 12 — полусферические бляшки; 13, 14 — пронизки; 15-16 — бусы.

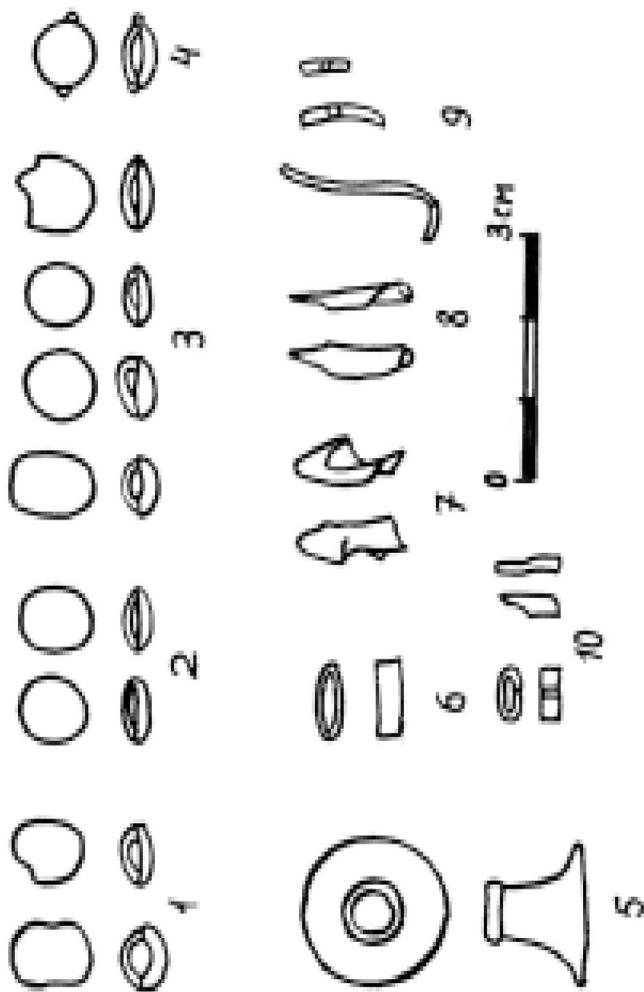

Рис. 16. Изделия из бронзы. 1-4 – полусферические бляшки; 5 – колокольчик; 6, 10 – обоймы; 7-9 – детали украшений.

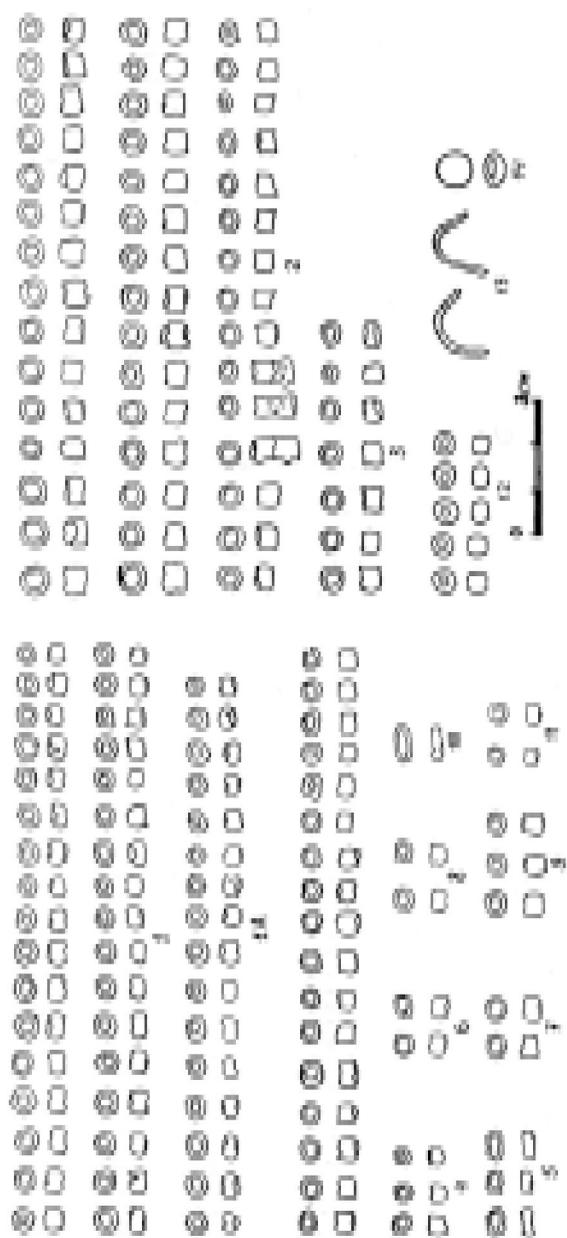

Рис. 17. Изделия из бронзы. 1-12 — пронизки; 13 — фрагменты подвесок; 14 — полусферическая бляшка.

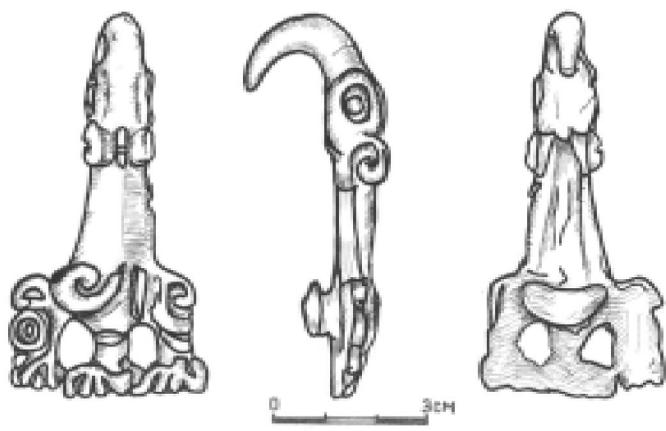

Рис. 18. Бронзовый крючок.

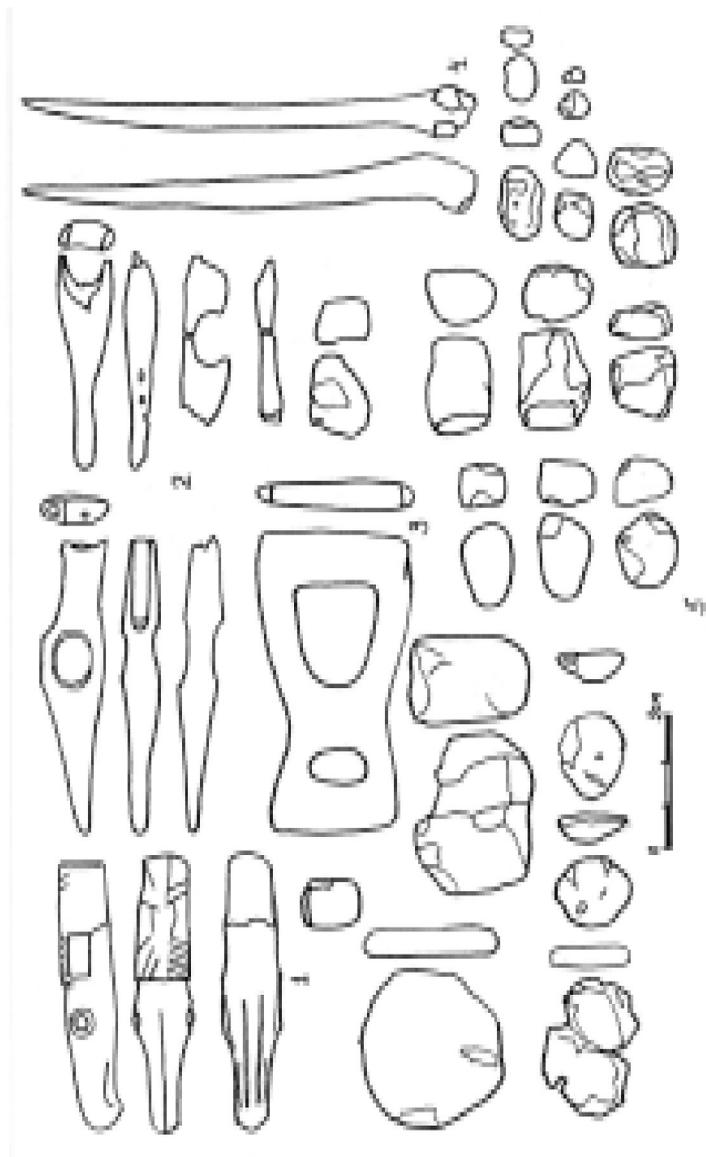

Рис. 19. Изделия из кости. 1 — головка лося (амулет); 2 — головки пгичек; 3 — пряжка; 4 — шило; 5 — кости для игры.

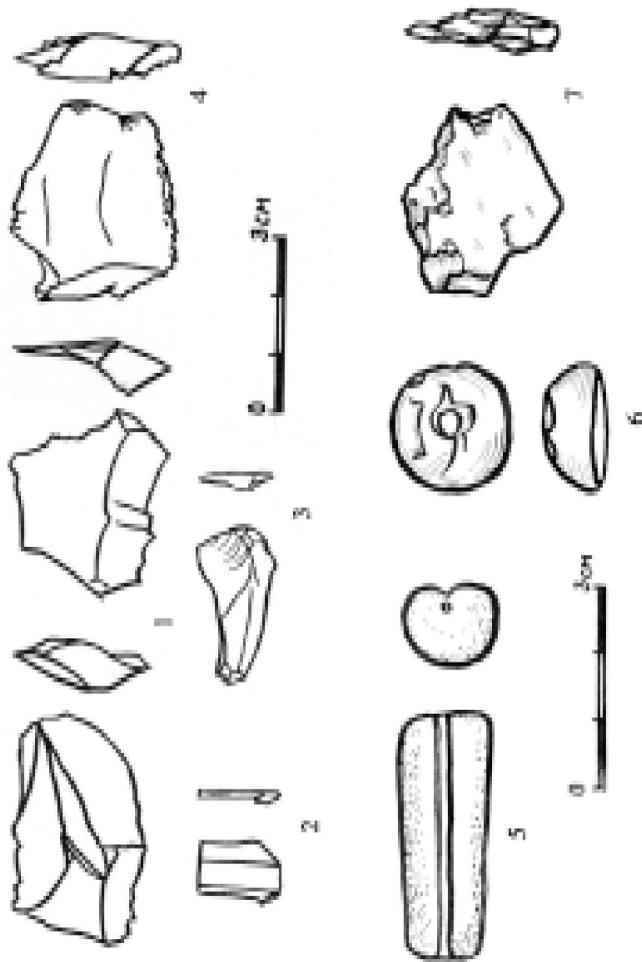

Рис. 20. Кремневые отщепы (1-4, 7); белешиг (5); костяная пуговица (6).

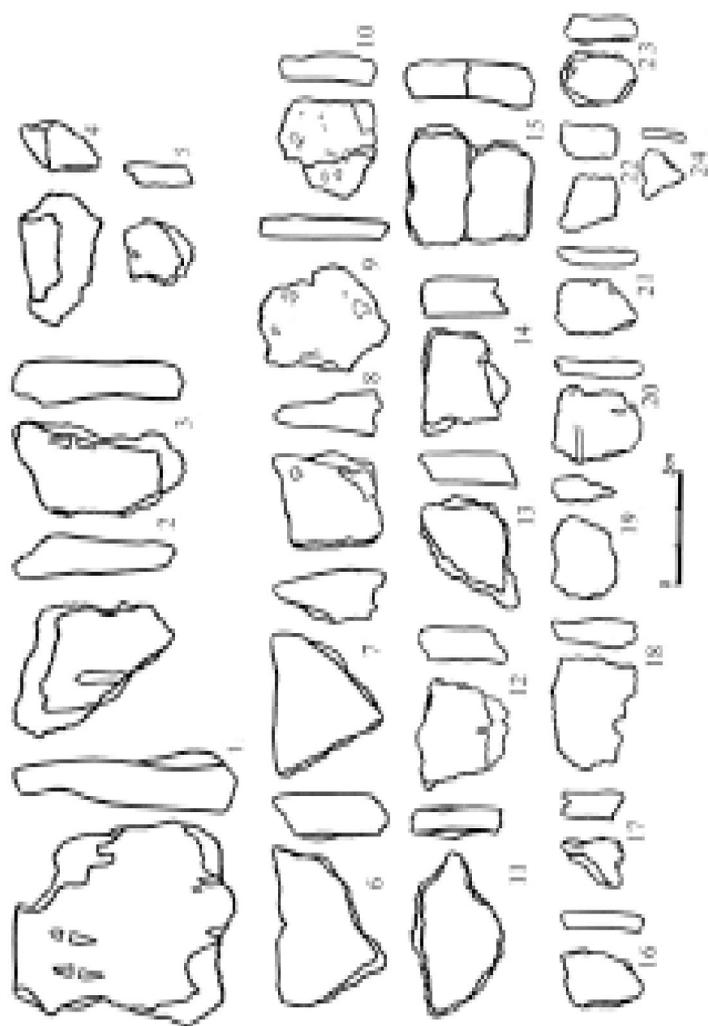

Рис. 21. Фрагменты керамики.

Рис. 23. Фрагменты керамики.

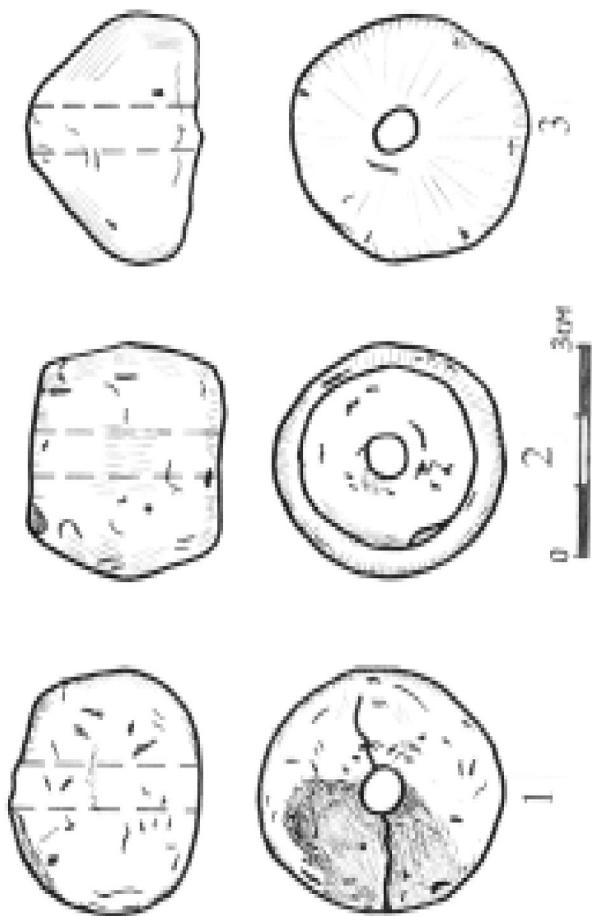

Рис. 24. Глиняные грузики.

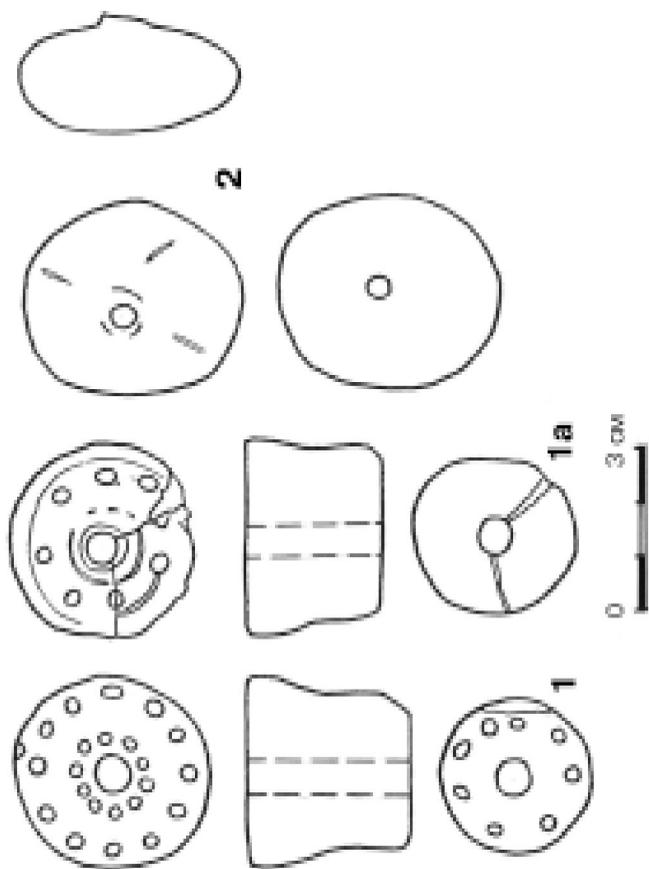

Рис. 25. Глиняные грузики (1, 1а) ; каменное колесо (2).

*Б.С. Соловьев, Е.П. Михайлов,
С.А. Краснов, М.И. Федулов*

РАСКОПКИ НОВОСЮРБЕЕВСКОГО II МОГИЛЬНИКА В 2001 ГОДУ

В июле 2001 г. совместной экспедицией Чувашского государственного института гуманитарных наук, Чувашского государственного университета им. И.Н.Ульянова и Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М.Васильева были продолжены начатые в 2000 г. охранные раскопки Новосюрбеевского археологического комплекса в Цивильском районе Чувашской Республики.

Комплекс, состоящий из грунтового могильника балановской культуры эпохи ранней бронзы (Новосюрбеевский I) и чувашского языческого кладбища конца XVII – начала XVIII вв. (Новосюрбеевский II), находится в 1 км к юго-востоку от южного конца деревни Новое Сюрбеево и в 2,5 км к северо-востоку от села Чурачики Цивильского района. Памятник занимает вершину возвышенности, известной у местного чувашского населения под названием «Кивё сáва тёмй» («Холм старого кладбища»). Холм, вытянутый с северо-запада на юго-восток вдоль правого берега р. Тюрарки, расположен в 300–500 м к юго-западу от ее впадения в р. Малый Цивиль (рис. 1). Длина его составляет около 300 м, ширина – до 80 м, высота над уровнем поймы – 5–6 м.

Археологический комплекс разрушается карьером. Летом 2000 г. при карьерных разработках рабочими были найдены древние вещи и человеческие кости. В сентябре 2000 г. в раскопе площадью 64 кв. м изучено 2 полуразрушенных погребения балановской культуры и 8 могил чувашского языческого кладбища XVII–XVIII вв. (Соловьев, Михайлов, 2003. С. 73–83; Михеев, Михайлов, 2003. С. 198–213). В 2001 г.

погребений эпохи бронзы не обнаружено, скорее всего, могильник балановской культуры полностью уничтожен карьером. Новосюрбеевский II могильник был открыт В.Ф.Каховским (Каховский, 1961. Л. 1, 44; Каховский, 1964. С. 270).

Раскопки проводились по Открытому листу (форма 4, №391), выданному на имя старшего научного сотрудника Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, кандидата исторических наук Б.С. Соловьева. В экспедиции принимали участие сотрудники Чувашского государственного института гуманитарных наук Е.П. Михайлов (заведующий отделом археологии), С.А. Краснов (младший научный сотрудник), директор Цивильского народного музея М.В.Росин, студенты исторического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н.Ульянова.

В 2001 г. была исследована подлежащая карьерным разработкам площадка в северо-западной части вхолмления (рис. 1). Раскоп 2001 г., юго-восточной стороной вплотную примыкавший к северо-западной стенке раскопа 2000 г., состоял из 32 полных (2 x 2 м) и 8 неполных участков. Полные участки с северо-запада на юго-восток обозначены арабскими цифрами 1–32, исследованные частично – 1'–8'. Поскольку часть погребений уходила за пределы раскопа, в юго-западной стенке сделаны прирезки, обозначенные индексом 20', 30'. Всего вскрыто 144 кв. м. Раскоп 2001 г. ориентирован, как и раскоп 2000 г., по линии юго-восток – северо-запад. С востока раскопанная площадка ограничена глубокой траншеей карьера, с запада – грунтовой дорогой (рис. 1). На исследованной площади вскрыто 14 погребений и 3 ямы от ритуальных столбов «юпа» (рис. 3). Нумерация погребений (№ 9–22) продолжает нумерацию захоронений (№ 1–8), изученных в 2000 г.

Нивелировка поверхности и измерения объектов произведены от нулевого репера, расположенного в западном углу участка 19 (рис. 2). Стратиграфические колонки в раскопе 2001 г. не снимались, поскольку верхний горизонт исследованных участков к началу раскопок был полностью уничтожен. До начала карьерных разработок поверхность холма была покрыта слоем черного деградированного чернозема толщиной до 50 см, при подготовке карьера стребенного

бульдозером в большие кучи. Произведенная в 2000 г. зачистка северо-западной стенки карьера показала, что под черноземом залегал плотный, насыщенный известняковым гравием (иногда образующим обширные линзы) красновато-коричневый суглинок, местами переходящий в менее плотный желто-коричневый слоистый лёссовидный суглинок с включениями песков, глин, переотложенных пермских и юрских отложений: мелких кусков мергеля, известняковой крошки, обломками белемнитов. Аналогичная ситуация выявлена и в раскопе 2001 г.

Дневная поверхность раскопа, заметно понижающаяся к востоку и югу, представляла собой поврежденную ковшом и гусеницами бульдозера площадку плотного красновато-коричневого суглинка. В северо-восточной части на поверхность выходило обширное (3 x 4 м) аморфное пятно известняка. В некоторых местах на поверхности сохранились тонкие слои чернозема.

Раскоп вскрывался сплошной площадью. После осмотра карьера, не давшего положительных результатов (следов погребений и вещей не обнаружено), была произведена аккуратная зачистка поверхности раскопа. Толщина зачистки в зависимости от состояния поверхности составляла 3–8 см. На уровне зачистки произведена фиксация могильных и столбовых ям. Затем могильные ямы последовательно были расчищены мелким инструментом, сфотографированы и зарисованы. План раскопа снят в масштабе 1:40, планы объектов 1:10.

Раскопками Новосюрбеевского II могильника получены данные по языческому погребальному обряду, удалось собрать и изучить погребальный инвентарь: орудия труда, (ножи, серпы), украшения (бусы, бисер, перстни, пуговицы-гирьки, пронизки, наконечники «хўре»), монеты.

Работы финансировались Чувашским государственным институтом гуманитарных наук. Полевая документация хранится в Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории, коллекция раскопок (шифр НС–2001), обработанная согласно существующей методике, – в Чувашском государственном институте гуманитарных наук.

Описание погребений и погребального инвентаря

Уровень фиксации погребений дан от нулевого репера. Первоначальная глубина захоронений, учитывая снесенный бульдозером слой чернозема толщиной около 50 см, могла достигать 80 см. Засыпь всех могил одинакова — чернозем, перемешанный с красно-коричневым суглинком. Находок в засыпи почти не было, практически все предметы находились на уровне костяка и дна могилы, разница их залегания составляет 2–5 см. Краниологические определения пока отсутствуют, поэтому пол погребенных определен по инвентарю.

Погребение 9. Уч. 24, 27, -71 (рис. 3 и 4). Верхняя часть погребения почти до уровня костяка срезана бульдозером. Сохранившаяся глубина вытянутой с востока на запад могильной ямы четкой прямоугольной формы (248 x 98 см) составляла 10 см от уровня фиксации. Дно ямы — плоское, стенки — вертикальные. Костяк сохранился почти полностью, за исключением левой бедренной кости. Умерший лежал на спине головой на запад (азимут 270°). Руки вытянуты вдоль туловища. Череп расположен лицевым сводом вверх. Погребенный был уложен в гробовище — деревянный ящик, от которого в восточной части могилы сохранились две вертикальные стенки толщиной 4–6 см. Дно гробовища отсутствует. К югу от черепа и в юго-восточном углу могилы на уровне дна прослежены угольки.

Погребальный инвентарь.

1* — вдоль плечевых костей прослежены остатки позумента, сплетенного из металлических нитей.

2 — на позвоночном столбе в районе грудины располагалась литая медная пуговица — гирька (рис. 20, 2).

3 — слева от таза острием на восток лежал железный нож с клиновидным сечением клинка, прямоугольным сечением узкого черенка и плоским валикообразным упором при переходе клинка в черенок (рис. 20, 3).

4 — на фаланге пальца левой руки — медный перстень с орнаментированной печаткой (рис. 20, 1). Все предметы обнаружены на дне могильной ямы.

* Здесь и далее номер предмета соответствует номеру на плане погребения.

Скорее всего, погребение принадлежало мужчине преклонного возраста, о чем свидетельствуют значительная длина костяка — 175 см (при жизни рост мог превышать 180 см), отсутствие типичных женских украшений и зубов верхней и нижней челюсти (альвеолы полностью заросли).

Погребение 10. Уч. 30, 30', -97 (рис. 3 и 5). Верхняя часть срезана бульдозером. Сохранившаяся глубина могильной ямы подпрямоугольной формы (размеры на уровне зачистки 225 x 80 см), ориентированной по линии восток–запад, составляет 23 см. Дно ямы — ровное, стенки — вертикальные. Хорошо сохранившийся костяк лежал на спине черепом на запад — юго-запад (азимут 265°). Череп опущен на подбородок, кости конечностей вытянуты вдоль туловища. Погребенный был уложен в гробовище, возможно, — колоду, от которой сохранились фрагменты дна под костяком и вогнутой внутрь стенки толщиной 6 см в юго-восточной части могилы.

Погребальный инвентарь (все предметы залегали на уровне дна).

1 — справа и слева от нижней челюсти зафиксированы полностью разрушившиеся медные предметы в виде проволочных колец (серьги?).

2 — в 7 см к востоку от нижней челюсти на позвоночном столбе находилась створка раковины каури.

3 — в 12 см к востоку от нее на позвоночнике поперек туловища лежала прямоугольная в сечении железная дужка с завернутыми концами, скорее всего, от котелка (рис. 21, 3).

4 — под костями таза расчищен накосник хўре, состоящий из 17 свернутых из тонкой пластины медных пронизей и трех полых колоколовидных подвесок, нанизанных на три шерстяные нити (рис. 21, 4).

5 — у западной стенки обнаружена серебряная копейка чекана Петра Алексеевича (без отверстия).

6 — к югу от черепа лежал обломок железного изогнутого клиновидного в сечении серпа (рис. 21, 2).

7 — рядом под черепом найдена восьмигранная бусина из прозрачного стекла (рис. 21, 4).

При выполнении прирезки (уч. 30') над могильным пятном была найдена медная монета 1728 г. Петра II.

Судя по погребальному инвентарю (серьги, накосник хўре), погребение является женским.

Погребение 11. Уч. 29, 31, 32, -113 (рис. 3 и 6). Могильная яма четкой прямоугольной формы (215 x 70 см) ориентирована по линии юго-восток – северо-запад. Верхняя часть срезана бульдозером. Глубина ямы от уровня фиксации достигала 17 см. Погребенный лежал на спине головой на запад–северо-запад (азимут 279°), конечности вытянуты вдоль туловища, раздавленный череп располагался лицевым сводом на юг. Следы гробовища отсутствуют.

Погребальный инвентарь.

1 – между бедренными костями на расстоянии 10 см к востоку от тазовых костей найдена мелкая серебряная копейка без отверстия чекана Петра Алексеевича.

2 – слева от таза острием на восток лежал железный нож без упора с клиновидным сечением клинка и прямоугольным сечением черенка (рис. 21, 5).

Погребение 12. Уч. 26, 29, -130 (рис. 3 и 7). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами (205 x 58 см на уровне фиксации) вытянута по линии восток–запад. Верхняя часть почти полностью срезана бульдозером. Дно ямы – плоское, стенки – вертикальные. В восточной половине, вдоль юго-восточной стенки, выявлена стоявшая на ребре истлевшая деревянная доска толщиной 8 см – следы гробовища в виде ящика, не имевшего дна. К северу от нее на дне могилы прослежено скопление угольков. Покойник лежал вытянуто на спине, головой на запад–юго-запад (азимут 261°). Конечности вытянуты вдоль туловища, череп завалился на левый висок лицевым сводом к северу.

Погребальный инвентарь.

1 – у пяточной кости правой ноги на уровне дна могилы лежал необработанный кусок кремня коричневого цвета.

2 – с левой стороны тазовых костей и под тазом расчищены лежавшие в беспорядке остатки накосника хўре. Судя по сохранившимся фрагментам, накосник состоял из трех нитей шерстяного шнура, на которые были нанизаны 6 цилиндрических медных пронизей, свернутых из тонких пластин (типа рис. 24, 9, 10), в верхней части чередующихся с бусинами. Всего найдено 20 стеклянных бочонковидных бусин (типа рис. 22, 5, 6): 6 синих, 1 бирюзовая, 6 зеленых, 3 темно-красных. Снизу накосник завершался тремя медными полыми колоколовидными подвесками типа рис. 22, 9 (полностью разрушились).

3 — в 3 см к югу от черепа, рядом с нижней челюстью, в районе грудной клетки найдены 4 стеклянные бочонковидные бусины (типа рис. 22, 5, 6): темно-красная, синяя, 2 зеленые.

Судя по наличию накосника хўре, — погребение принадлежало замужней женщине.

Погребение 13. Уч. 17, 18, 25, 26, -113 (рис. 3 и 8). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами на уровне фиксации имела размеры 234 x 85 см. Сохранившаяся высота стенок составляла 30–36 см. Стенки — вертикальные, дно — ровное, слегка скошенное к югу. В средней части могилы параллельно длинным сторонам фиксировались истлевшие остатки двух стоявших на ребре досок (длина 100–105 см, толщина 3–5 см) — боковые стенки не имевшего дна ящика — гробовища (рис. 8, 6). Хорошо сохранившийся костяк лежал на спине, черепом на запад-юго-запад (азимут 265°). Кости ног вытянуты, левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте, ее кисть лежала на костях таза. Череп завалился на левый висок лицевым сводом на север.

Погребальный инвентарь.

1 — на уровне дна могилы в районе грудной клетки, слева от позвоночного столба расчищена мелкая серебряная копейка без отверстия (легенда не читается, судя по размерам, — чекана Петра Алексеевича).

2 — здесь же, справа от позвоночника, найдена медная литая пуговица-гирька (рис. 20, 5).

3 — на фалангу среднего пальца левой руки был надет медный литой перстень с орнаментированной печаткой (рис. 20, 4).

4 — в районе таза, вдоль бедренной кости левой ноги лежал железный нож с клиновидным сечением клинка, прямоугольным сечением массивного черенка и уплощенным валикообразным упором при переходе клинка в черенок (рис. 20, 6).

5 — под плечевой костью левой руки и рядом с челюстью сохранились остатки грубой шерстяной ткани коричневого цвета, очевидно, остатки одежды.

Вероятно, погребение мужское.

Погребение 14. Уч. 9, 10, 17, 18, -110 (рис. 3 и 9). Могильная яма, ориентированная по линии восток-запад,

четкой прямоугольной формы (размеры на уровне фиксации – 200 x 67 см) срезана бульдозером до уровня костяка. Дно – плоское, сохранившаяся высота стенок не превышает 7 см. Следы гробовища отсутствуют. Плохо сохранившийся скелет лежал на спине, черепом на запад (азимут 272°). Конечности вытянуты, череп задет ножом бульдозера и раздавлен.

Погребальный инвентарь.

1 – в районе грудной клетки, справа от позвоночника найдены две стеклянные бочонковидные бусины, прозрачная и зеленая (рис. 22, 5, 6).

2 – рядом с ними на позвоночном столбе лежала плоская железная сюльгама с уплощенным язычком (рис. 22, 8).

3 – в 10 см к северо-востоку от сюльгамы в районе пояса находилась раковина каури.

4 – на запястье правой руки сохранился деформированный железный браслет из тонкой (около 1 мм) широкой (23 мм) пластины (рис. 22, 4).

5 – слева от таза, частью под левой бедренной костью располагались остатки разрушенного накосника хўре (реконструировать не удалось). Судя по сохранившимся фрагментам, в нижней части накосник состоял из четырех нитей шерстяного шнура, на которые были нанизаны свернутые из тонких медных пластин пронизи, снизу дополненные полыми колоковидными подвесками (рис. 22, 9). В состав верхней части, кроме того, входило 26 стеклянных бусин: 13 восьмигранных белого, желтого, темно-синего цвета и 13 бочонковидных зеленого и синего цвета (рис. 22, 10, 11).

6 – на костях запястья левой руки лежала цилиндрическая пронизь, свернутая из тонкой медной пластины (рис. 22, 7).

Судя по наличию накосника хўре, погребение принадлежало замужней женщине.

Погребение 15. Уч. 2, 10, -90 (рис. 3 и 10). Могильная яма, ориентированная по линии северо-восток–юго-запад, зафиксирована в виде трапециевидного пятна размерами 180 x 77–50 см. Верхняя часть срезана бульдозером до уровня костяка, северо-восточная половина – почти до дна. Дно – плоское, сохранившаяся высота стенок – 3–5 см. Костяк, представленный верхней половиной, лежал вытянуто на спине черепом на запад–юго-запад (азимут 261°). Руки

вытянуты вдоль туловища, череп раздавлен, кости ног срезаны бульдозером. Под тазом и нижней частью позвоночника прослежена полоса древесного тлена толщиной до 1 см, поэтому не исключено, что покойник был уложен в гробовище, хотя, возможно, что древесный тлен является остатком подстилки.

У западной торцевой стенки прослежена овальная плоскодонная яма (66 x 58 см, глубина от уровня фиксации 17 см) от ритуального столба «юпа» (рис. 19, *Б*).

Погребальный инвентарь.

1 — монеты: под затылочной костью найдена серебряная копейка с отверстием чекана Михаила Федоровича; в 10 см к северу от черепа обнаружены еще две монеты: обрезанная серебряная копейка с отверстием чекана Федора Алексеевича и обломок серебряной копейки со стертой легендой.

1, 2, 3 — монета, бусины, медные пронизи. В районе верхнего эпифиза правой плечевой кости компактно располагались серебряная копейка с отверстием чекана Петра Алексеевича, 3 стеклянные восьмигранные бусины, 5 бочонковидных стеклянных бусин: 1 — прозрачная, 1 — синяя, 1 — белая, 2 зеленые (рис. 24, 5, 6) и 2 свернутые из тонкой пластины медные пронизи (рис. 24, 11, 12); вдоль костей правого предплечья: 15 стеклянных бочонковидных бусин: 6 — синих, 3 — белых, 6 — зеленых и 9 медных пронизей, нанизанных на 3 шерстяных шнура, завершающихся полыми колоколовидными подвесками (рис. 24, 1—7, 9, 10, 17). Последний комплекс, скорее всего, является украшением пояса.

4 — на уровне груди, на позвоночном столбе лежала плоская медная сюльгама с железным язычком, трубчатые концами и орнаментированной внешней поверхностью (рис. 24, 16).

5 — рядом с правой бедренной костью, частично под тазом, расчищен накосник хўре (рис. 23). Накосник состоял из лежащих на кожаной основе шести шерстяных шнуров, на которые было нанизано 48 тонких медных пронизей, свернутых из тонких медных пластин. Снизу нити завершались полыми колоколовидными подвесками. В верхней части накосника сохранились остатки коричневой шерстяной ткани.

6 — на фалангу пальца левой руки был надет литой бронзовый перстень с круглой орнаментированной печаткой (рис. 24, 15).

7 – под черепом с левой стороны располагался обломок железного серпа или косы-горбуши с клиновидным сечением (рис. 24, 13).

8 – севернее правой лучевой кости предплечья лежал железный полый цилиндрический предмет с отпечатками ткани на внешней поверхности (рис. 24, 14).

Судя по погребальному инвентарю (накосник хўре), погребение принадлежало замужней женщине.

Погребение 16. Уч. 1, 2, -95 (рис. 3 и 11). Могильная яма почти полностью снесена бульдозером. Сохранился лишь фрагмент западной части могилы в виде ямы неправильно-овальной формы размерами 80 x 55 см с плоским дном, углубленной в материк на 4–5 см. Костяк, ориентированный на запад-юго-запад (азимут 268°) представлен лежавшим на затылке раздавленным черепом и верхней половиной скелета: ребра, позвоночник, таз, плечевые кости. Положение конечностей не устанавливается. Вдоль южной стенки прослежен тлен стоявшей на ребре толстой (4–6 см) доски от гробовища.

Погребальный инвентарь.

1 – в 15 см к северу от черепа на уровне дна могилы найдена мелкая серебряная копейка чекана Петра Алексеевича.

Судя по размерам костей и погребальному инвентарю, – погребение ребенка или подростка.

Погребение 17. Уч. 1, 6', 8, -85 (рис. 3 и 12). Выявлено в виде четкого прямоугольного пятна размерами 245 x 90 см, ориентированного по линии юго-восток–северо-запад. Верхняя часть срезана бульдозером. Дно могилы – плоское, стенки вертикальные (высота от уровня фиксации – 20 см). На глубине 1–3 см от уровня фиксации обозначилась крышка гробовища, представляющего собой прямоугольный ящик (210 x 60 см), составленный из поставленных на ребро досок шириной около 20 см, толщиной до 6 см (рис. 13). Дно отсутствовало. Сверху ящик перекрыт тремя плотно лежавшими досками толщиной до 5 см. Расстояние между краями гробовища и стенками могильной ямы составляло 10–23 см. В юго-восточной части могилы, между стенкой гробовища и краем могильной ямы найдены фаланги пальцев ног человека.

В 15 см к западу от западной торцевой стенки могилы прослежена округлая плоскодонная яма (диаметр 50, глубина

заполнения от уровня фиксации 20 см) от ритуального столба «юпа» (рис. 19, А). На дне ямы лежали две мелкие серебряные копейки без отверстия чекана Петра Алексеевича.

Хорошо сохранившийся скелет лежал на спине с вытянутыми конечностями черепом на запад—северо-запад (азимут 276°). Череп направлен лицевым сводом вверх.

Погребальный инвентарь.

1 — в районе грудной клетки, на ребрах, справа от позвоночника располагалась медная литая пуговица-гирька (рис. 25, 2).

2 — в 5 см к северу от таза, параллельно локтевой и лучевой костям острием на восток—юго-восток лежал железный нож клиновидным в сечении клинком, плоским подпрямоугольным в сечении черенком и уплощенным валикообразным упором при переходе клинка в черенок. Конец черенка, сохранившего остатки деревянной рукояти, загнут (рис. 25, 1).

3 — под затылочной костью расчищена мелкая серебряная копейка без отверстия чекана Петра Алексеевича.

4 — под правой ключицей найдена стеклянная бочонковидная бусина зеленого цвета (рис. 25, 3).

Судя по погребальному инвентарю, — погребение мужское.

Погребение 18. Уч. 23, -94 (рис. 3 и 14). От могильной ямы, почти полностью срезанной бульдозером, осталось овальное плоскодонное углубление западной части (77 x 58 см), заглубленное в материковый суглинок на 2—3 см. Вдоль северной и южной стенок могилы прослежен тлен от поставленных на ребро досок толщиной 3—4 см — остатки гробовища. Дно гробовища отсутствует. От костяка сохранились раздавленные кости черепа и ребер. Судя по сохранившимся фрагментам, покойник лежал головой на запад (приблизительный азимут 268°).

Погребальный инвентарь.

1 — в 7 см к северу от черепа на дне могилы острием на восток лежал обломок железного ножа с клиновидным в сечении клинком, плоским, прямоугольным в сечении черенком и уплощенным валикообразным упором при переходе клинка в черенок (рис. 25, 4). На черенке запеклись волокна деревянной рукояти.

Погребение 19. Уч. 7, 14, 15, -75 (рис. 3 и 15). Могильная яма фиксировалась в виде подпрямоугольного пятна с за-

крутленными углами размерами 208 x 90 см, ориентированного по линии юго-восток—северо-запад. Верхняя часть могилы срезана бульдозером. Дно ямы плоское, стенки (высота от уровня фиксации — 8 см) — вертикальные. Следы гробовища не обнаружены. Покойник лежал на спине с вытянутыми конечностями, головой на запад, с небольшим отклонением к югу (азимут 268°). Череп завалился на левый висок, лицевым сводом на север.

Погребальный инвентарь.

1 — под затылочной костью расчищена серебряная копейка с отверстием чекана Михаила Федоровича.

2 — на уровне ключиц поперек костяка прослежена полоса мелкого рубленого цилиндрического бисера из белой пасты (около 70 экз.) — вероятно, остатки нагрудного украшения.

3 — в 15 см к западу от костей таза, слева от позвоночника на уровне дна могилы находился накосник хўре (рис. 26). Накосник состоял из шести шерстяных шнуров, на которые были нанизаны пронизи, свернутые из тонкой медной пластины. К нижней части шнуров прикреплены полые медные колоколовидные подвески. Сверху на накоснике сохранились фрагменты шерстяной ткани темно-коричневого цвета.

Судя по наличию накосника хўре, погребение принадлежало замужней женщине.

Погребение 20. Уч. 27, 28, 30, 31, -110 (рис. 3 и 16). Верхний горизонт небольшой могильной ямы подпрямоугольной формы (110 x 50 см), ориентированной по линии восток—запад, срезан бульдозером. Стенки ямы — вертикальные, дно сильно скошено к северу, сохранившаяся глубина от уровня фиксации — 3—8 см. Вдоль южной стенки и на дне могилы прослежены остатки гробовища в виде полосы древесного тлена толщиной около 3 см, возможно, — колоды. Костяк, представленный раздавленным черепом и костями нижних конечностей, практически не сохранился. Судя по направлению костей, погребенный был уложен головой на запад (приблизительный азимут 269°).

Погребальный инвентарь.

1 — у черепа в районе теменной кости найден обломок плоской железной подковы с шипом и двумя овальными

отверстиями, в одном из которых сохранился железный гвоздь с плоской шляпкой и загнутым острием (рис. 22, 2).

2 — в 25 см к востоку от черепа на уровне дна лежала серебряная копейка без отверстия чекана Петра Алексеевича.

2, 3 — среди костей черепа сохранился фрагмент головного украшения в виде тонкого шерстяного шнура, на который был нанизан мелкий бисер из перламутра и зеленого стекла. К шнуру привязаны две, также покрытые бисером, нити, к концам которых прикреплены серебряные копейки чекана Петра Алексеевича (рис. 22, 1).

Судя по размерам костяка и наличию девичьего головного украшения, погребение принадлежало девочке-подростку.

Погребение 21. Уч. 20, 20', 21, -53 (рис. 3 и 17). Могильная яма, ориентированная по линии восток-запад, имела неправильные очертания (длина 170, максимальная ширина 85 см): западная стенка — прямая, противоположная восточная — закругленная. Глубина от уровня фиксации составляет 7–8 см, плоское дно слегка скошено к северу. Погребенный лежал на спине с вытянутыми конечностями, головой на запад-юго-запад (азимут 266°). Череп, лежавший на затылке, направлен лицевым сводом вверх. Следы гробовища отсутствовали.

Погребальный инвентарь.

1 — в 10–12 см к северу от черепа и с левой стороны грудной клетки, в 6 см к западу от ключицы на уровне дна могилы найдено 5 створок раковины каури.

2 — к северу от черепа, среди скопления раковин выявлено 6 бусин: 1 стеклянная бочонковидная зеленого цвета, 3 бочонковидных пастовых белого цвета, 1 восьмигранная прозрачного стекла, 1 рассыпалась (рис. 27, 1, 2).

3 — в 4 см к западу от теменной кости на уровне дна могилы лежал обломок изогнутого железного серпа с клиновидным сечением (рис. 27, 3).

4 — с левой стороны груди в 6 см к востоку от ключицы найден бронзовый литой перстень с круглой орнаментированной печаткой (рис. 27, 4).

5 — под тазом с левой стороны расчищены остатки наконсника хуре (рис. 28). Наконсник состоял из четырех нитей шерстяного шнура, обернутых свернутыми из тонкой медной

пластины цилиндрическими пронизиями, снизу дополненными медными полыми колоколовидными подвесками. Основой хўре, очевидно, служил кусок толстой шерстяной ткани.

Судя по наличию накосника, захоронение принадлежало замужней женщине.

Погребение 22. Уч. 11, 12, 19, 20, -39 (рис. 3 и 18). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами (230 x 90 см) ориентирована по линии ВЮВ–ЗСЗ. Верхняя часть срезана бульдозером. Дно – плоское, стенки – вертикальные, глубина от уровня фиксации – 20–25 см. В западной половине, на расстоянии 15 см от южной стенки прослежен тлен стоявшей на ребре доски шириной 4 см – остатки гробовища – ящика, не имевшего дна. К западной стенке могилы примыкала плоскодонная овальная (65 x 60 см, глубина от уровня фиксации 17 см) яма от ритуального столба «юпа» (рис. 19, В). Хорошо сохранившийся скелет лежал на спине с вытянутыми конечностями, черепом на запад (азимут 268°). Череп направлен лицевым сводом вверх.

Погребальный инвентарь.

1 – в верхней части грудной клетки, справа от позвоночника расчищена медная литая пуговица-гирька (рис. 27, 5).

2 – слева от таза лежал железный нож без упора с клиновидным в сечении клинком и подпрямоугольным в сечении черенком, с уходящим под таз острием, направленным на юго-восток (рис. 27, 7).

3 – под правой ключицей и слева от нижней части грудной клетки на уровне дна могилы находились две литые бронзовые шестигранные пуговицы-гирьки (рис. 27, 6). В верхней части они состоят из шести секторов, залитых зеленой эмалью, в нижней – из шести чередующихся секторов: три покрыто белой и три синей эмалью с узором из трех черных точек. В центре основания – кружок желтой эмали.

Судя по погребальному инвентарю, – погребение мужское.

* * *

Датировка могильника, в первую очередь, основывается на нумизматическом материале. В погребениях встречены единичные монеты чекана царей династии Романовых: Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, но основная масса монет представлена мелкими

серебряными копейками Петра Алексеевича, большинство из которых не имело отверстий, т.е. не входило в состав украшений. Скорее всего, исследованная часть кладбища функционировала в конце XVII – начале XVIII веков. О существовании могильника в первой трети XVIII в. может свидетельствовать найденная на поверхности в засыпи над погребением 10 медная копейка Петра II.

Захоронения Новосюрбеевского II могильника совершены по языческому обряду, отличающемуся как от христианского (положение рук вытянуто вдоль туловища, наличие в могилах вещей, отсутствие нательных крестов), так и от ортодоксального мусульманского. Довольно поздним признаком является наличие гробов и строгая западная ориентировка покойников. В рассматриваемый период более характерная для языческого чувашского и марийского населения северо-западная ориентировка под влиянием христианства постепенно заменяется западной (Никитина, 1992. С. 41).

В целом по погребальному обряду и инвентарю исследованные погребения Новосюрбеевского II могильника имеют широкие аналогии в чувашских и горномарийских могильниках. Цивильский район Чувашии относится к территории расселения средненизовых чувашей (анат енчи). Вероятно, этим населением и оставлен Новосюрбеевский II могильник.

Л и т е р а т у р а

Каховский В.Ф. Отчет 1961 г. Археологические раскопки в Чувашской АССР в 1961 году (Итоги работ второго отряда). Чебоксары, 1961 // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 602. Инв. № 1642.

Каховский В.Ф. Новые археологические памятники // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958–1961 годах / УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1964. Вып. XXV.

Михеев А.В., Михайлов Е.П. Новосюрбеевский II могильник // Новые археологические исследования в Поволжье. Чебоксары, 2003.

Никитина Т.Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола, 1992.

Соловьев Б.С., Михайлов Е.П. Новосюрбеевский I могильник — новый памятник балановской культуры в Чувашии // Новые археологические исследования в Поволжье. Чебоксары, 2003.

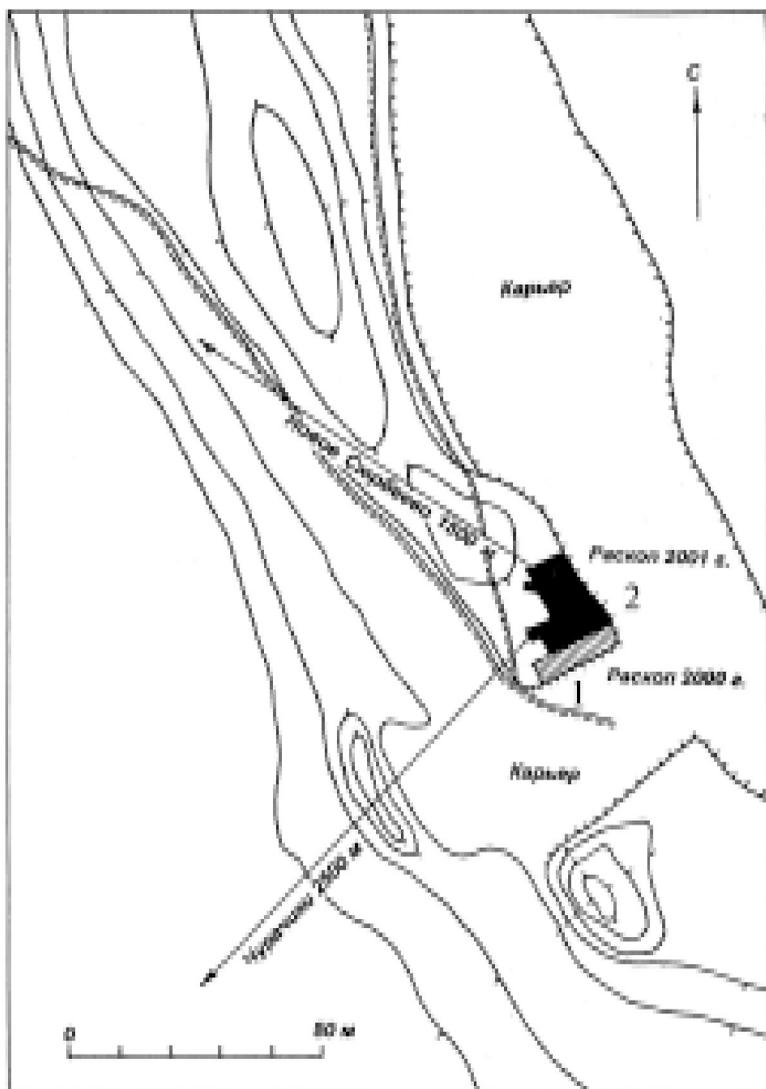

Рис. 1. План Новосjurbеевского II могильника.
Инструментальная съемка А.В.Михеева. 2000 г.
Дополнения Б.С.Соловьёва 2001 г. Сечение горизонталей 1 м.
1 – раскоп 2000 г., 2 – раскоп 2001 г.

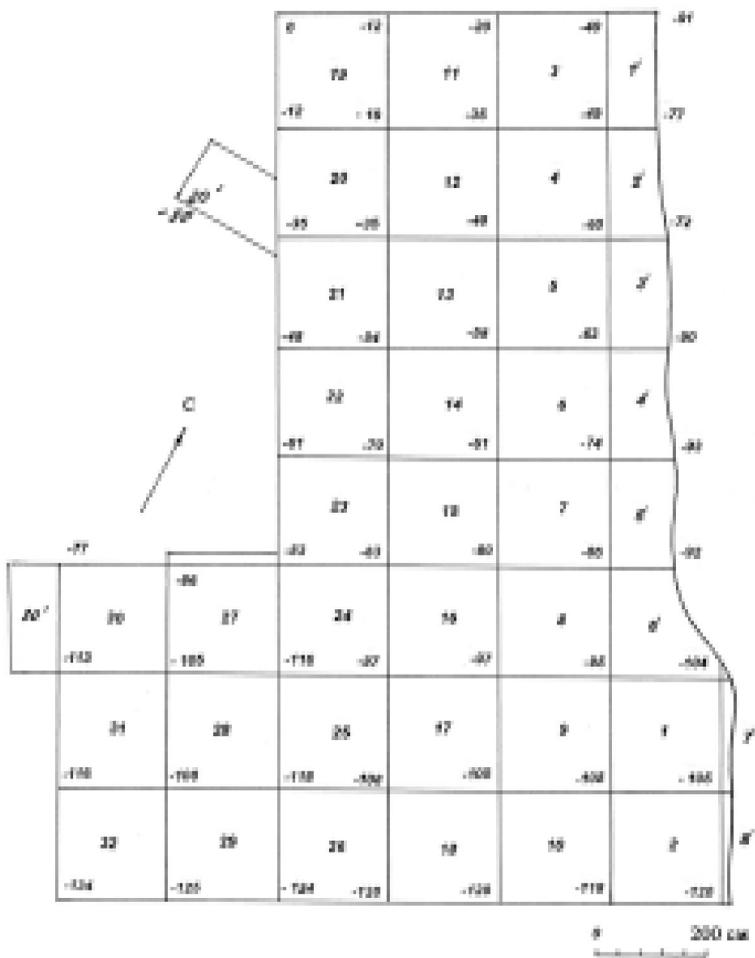

Рис. 2. Новосюрбеевский II могильник.
Нивелировочная сетка.

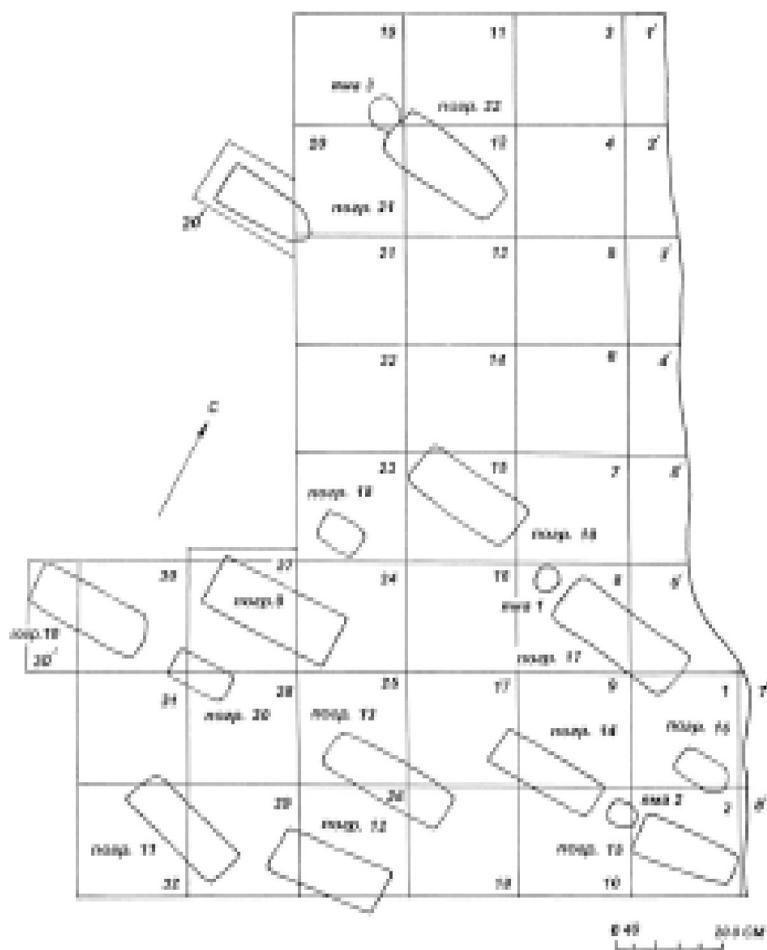

Рис. 3. Новосыурбесский II могильник.
Общий план раскопа 2001 г.

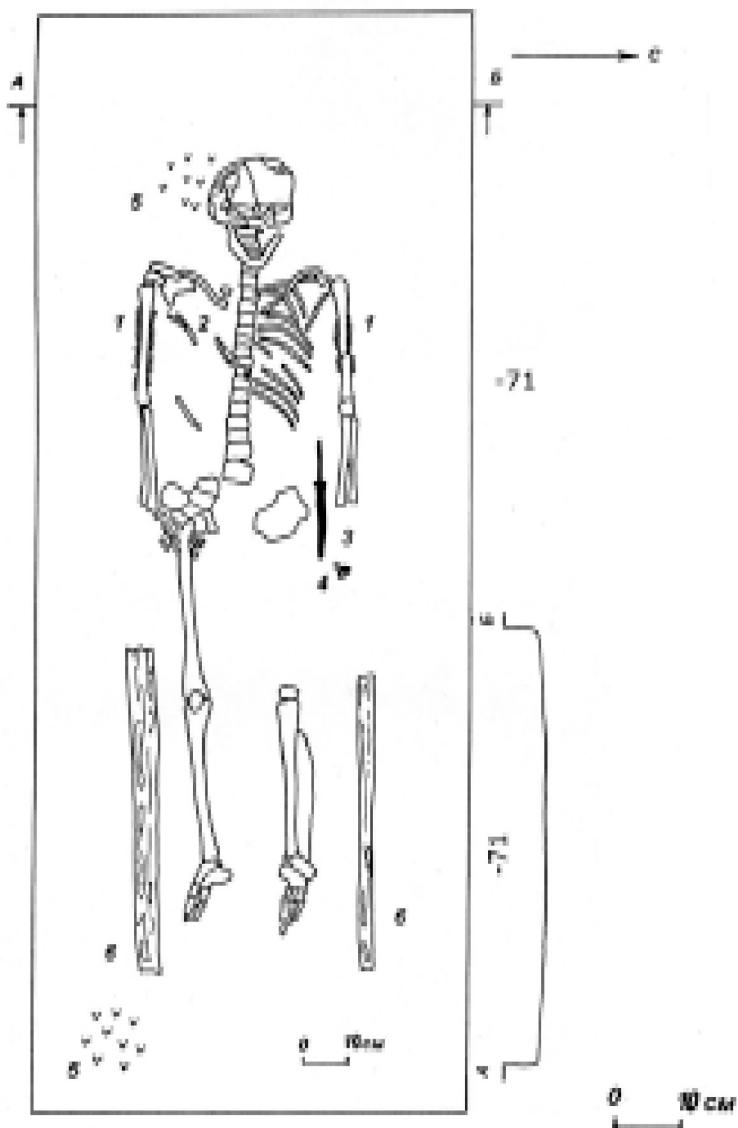

Рис. 4. План погребения 9. 1 – позумент, 2 – медная пуговица, 3 – нож, 4 – перстень, 5 – угли, 6 – стенки гробовища.

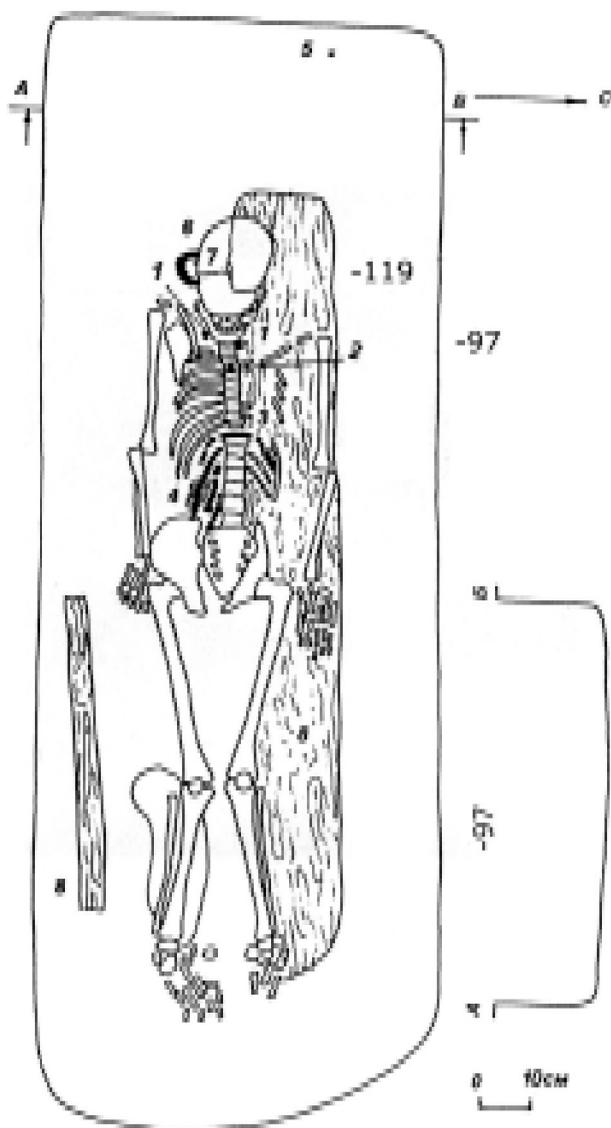

Рис. 5. План погребения 10. 1 – серьги, 2 – раковина каури, 3 – железная дужка, 4 – наконник хвостов, 5 – монета, 6 – обломок серпа, 7 – бусина, 8 – стенка гробовища.

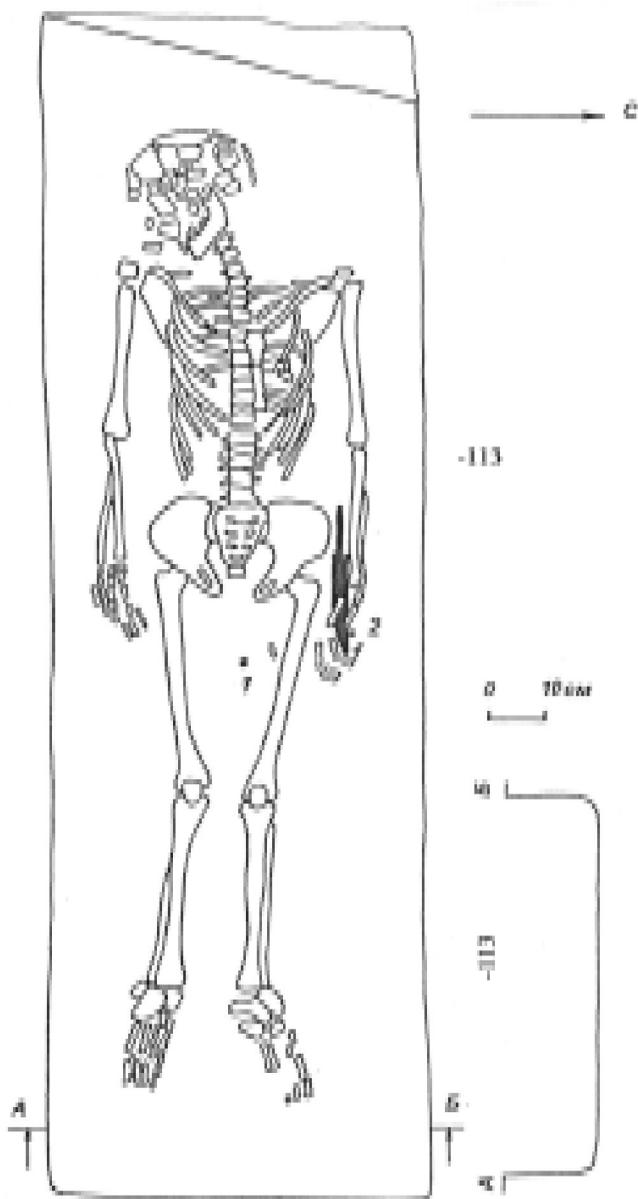

Рис. 6. План погребения 11. 1 – монета, 2 – нож.

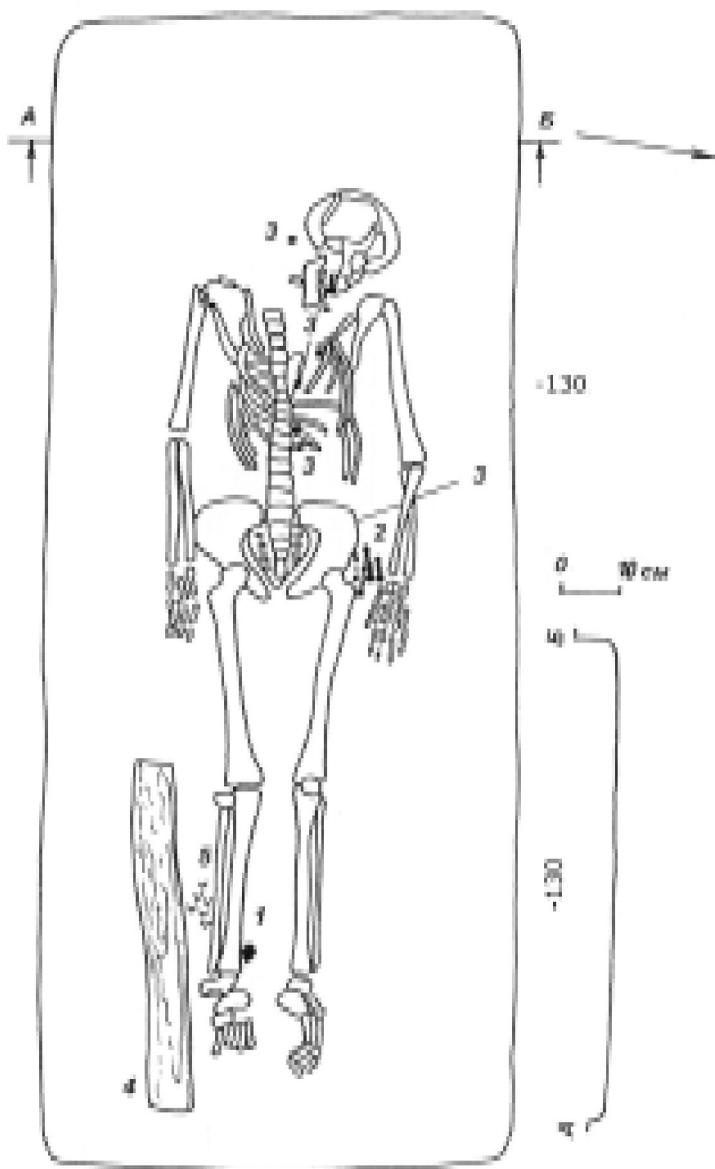

Рис. 7. План погребения 12. 1 – кремь, 2 – хўре, 3 – бусины, 4 – стенка гробовица, 5 – уголь.

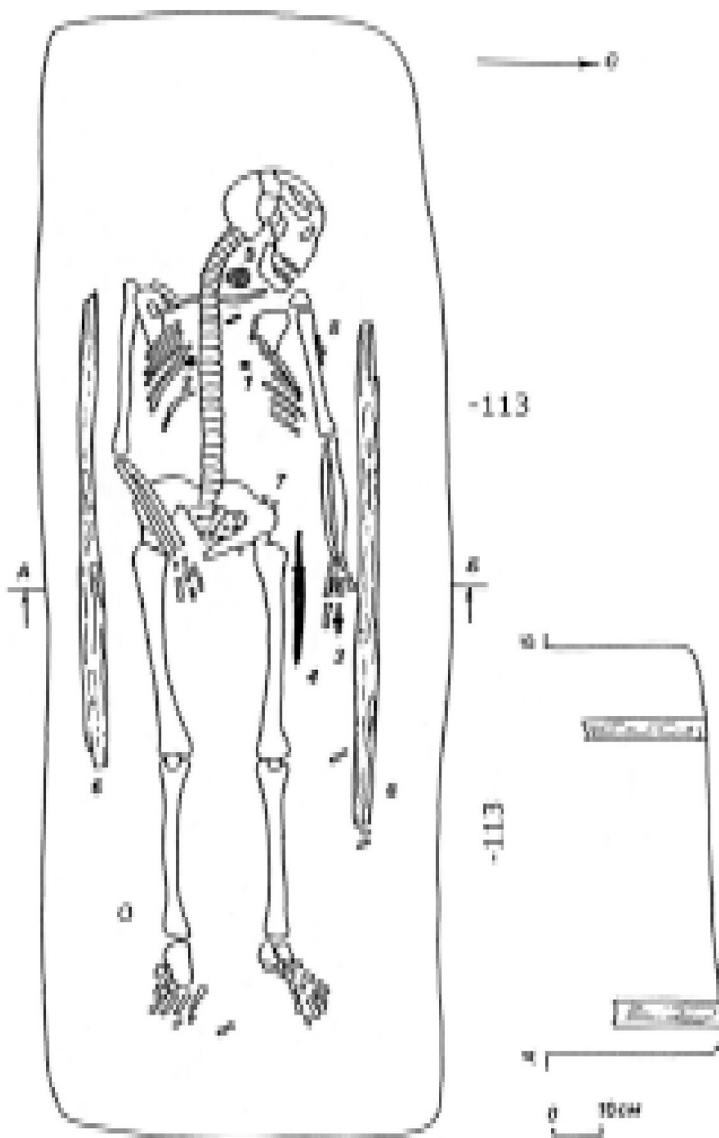

Рис. 8. План погребения 13. 1 – монета, 2 – пуговица, 3 – перстень, 4 – нож, 5 – тлен от ткани, 6 – стенки гробовища, 7 – угли.

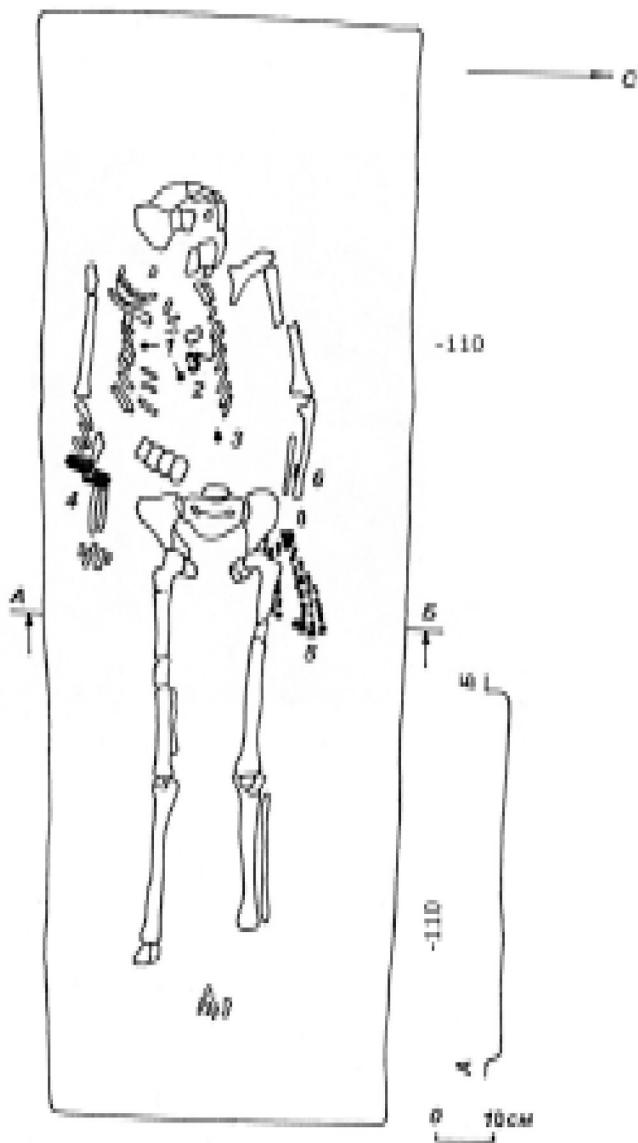

Рис. 9. План погребения 14. 1 – бусины, 2 – железная сюльгама, 3 – раковина каури, 4 – железный браслет, 5 – хўре, 6 – медная пронизь.

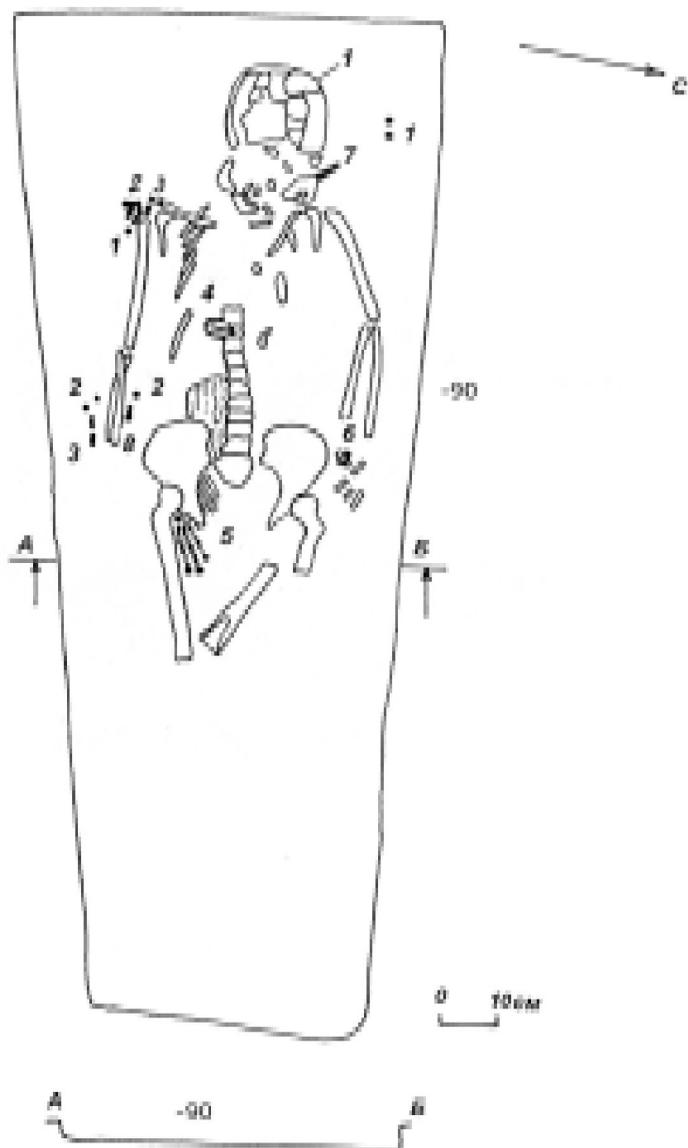

Рис. 10. План погребения 15. 1 – монеты, 2 – бусины, 3 – медные пронизки, 4 – сьюлгана, 5 – хўре, 6 – перстень, 7 – обломок серпа, 8 – железный предмет.

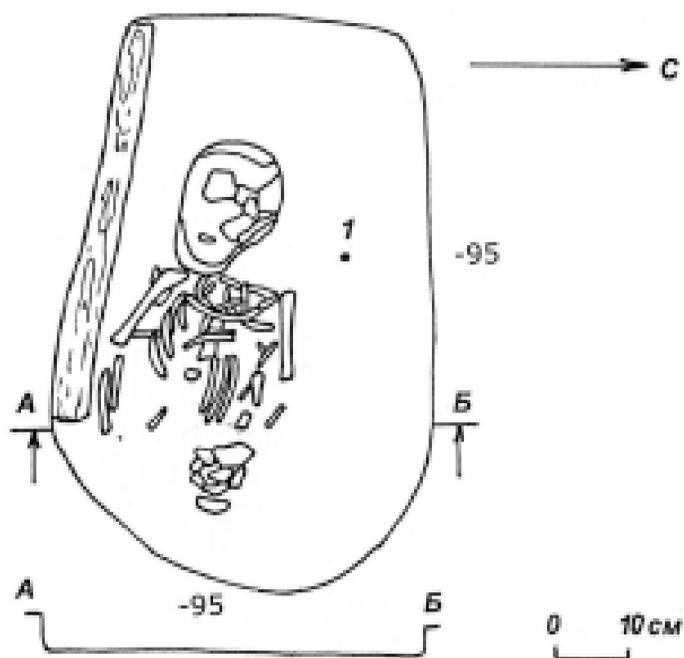

Рис. 11. План погребения 16. 1 – молота.

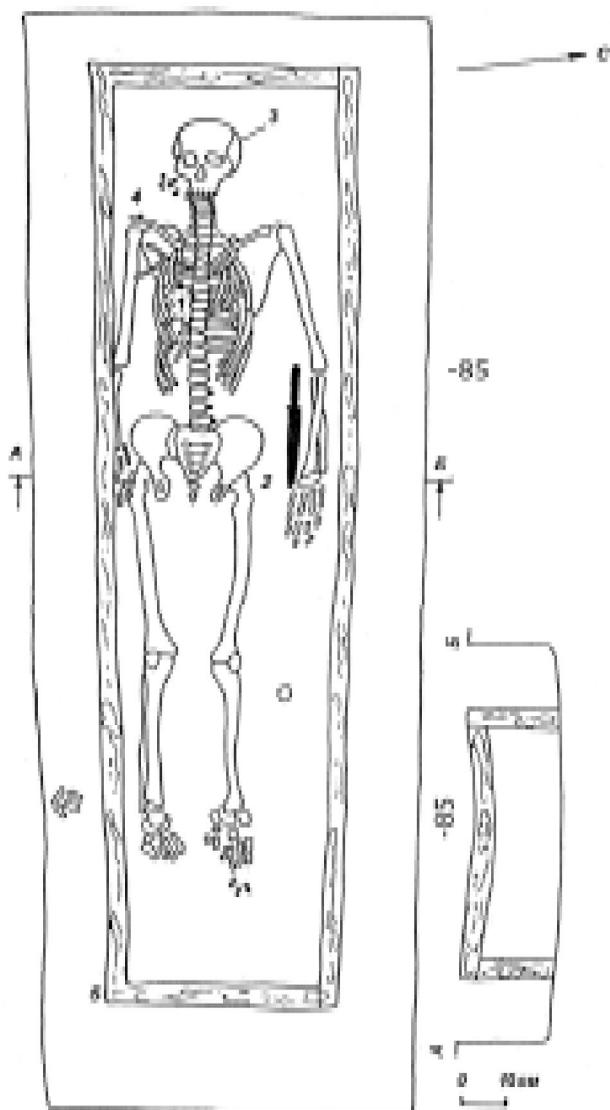

Рис. 12. План погребения 17. 1 – медная пуговица, 2 – железный нож, 3 – монета, 4 – бусина.

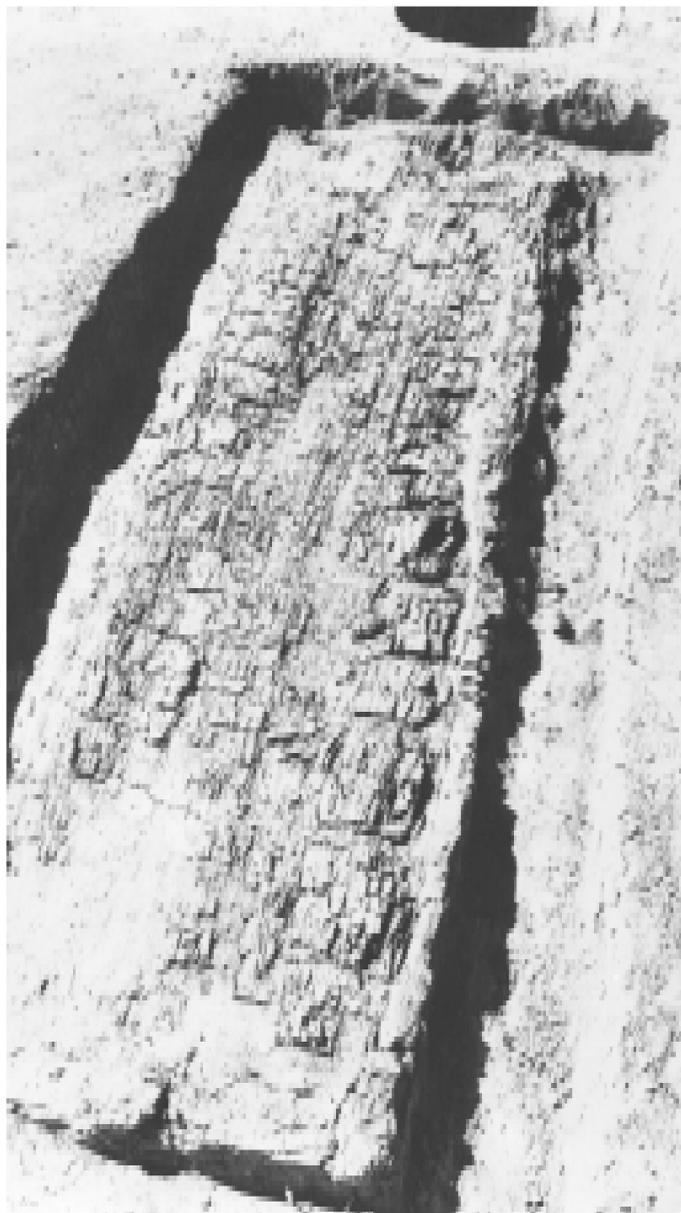

Рис. 13. Погребение 17. Крышка гробовица.

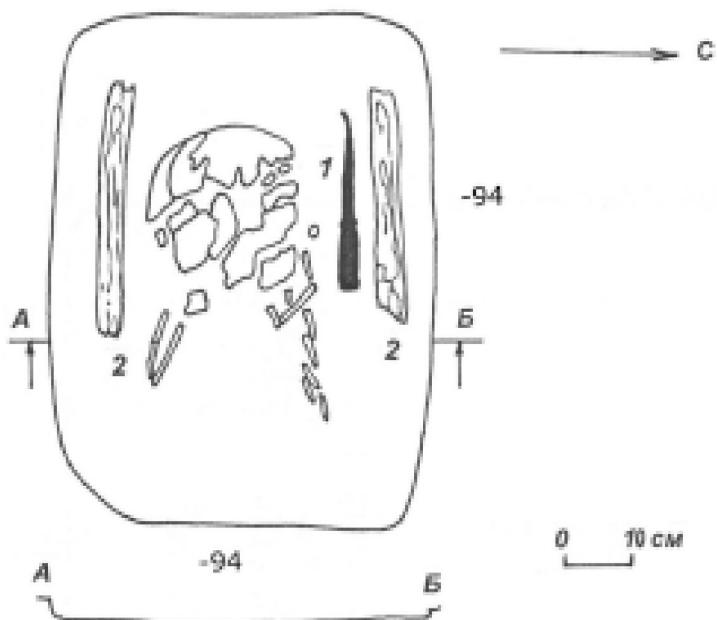

Рис. 14. План погребения 18. 1 – железный нож,
2 – стенки гробовица.

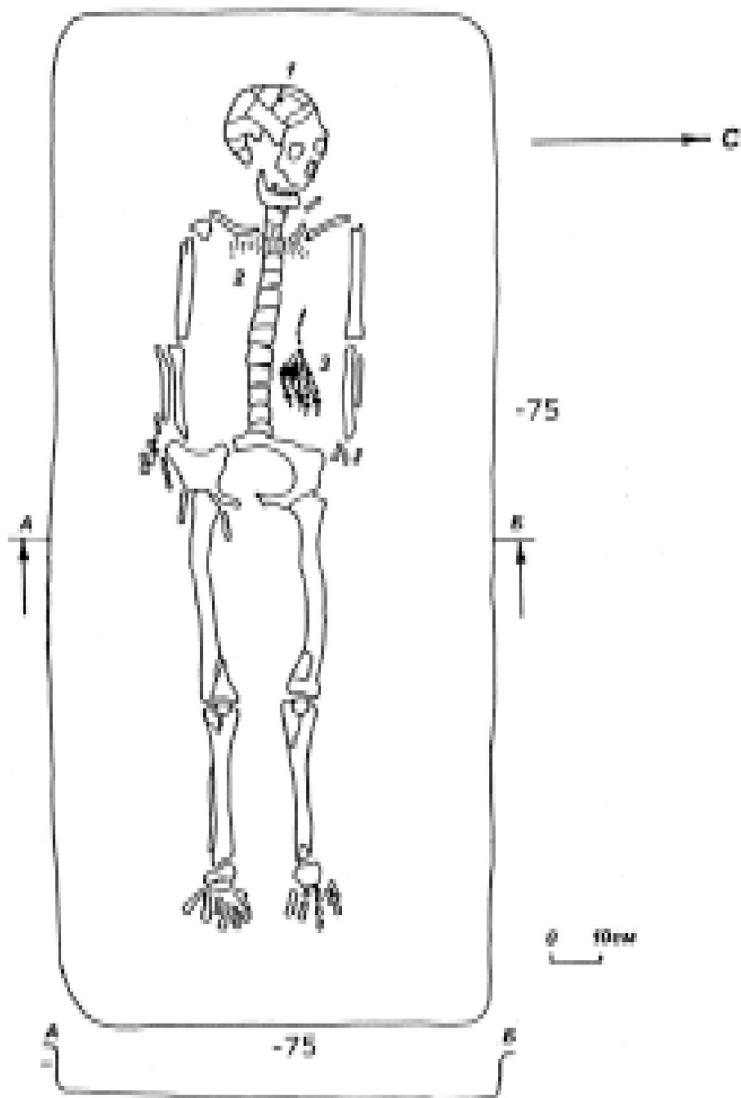

Рис. 15. План погребения 19. 1 – монета,
2 – бисер, 3 – ху́ре.

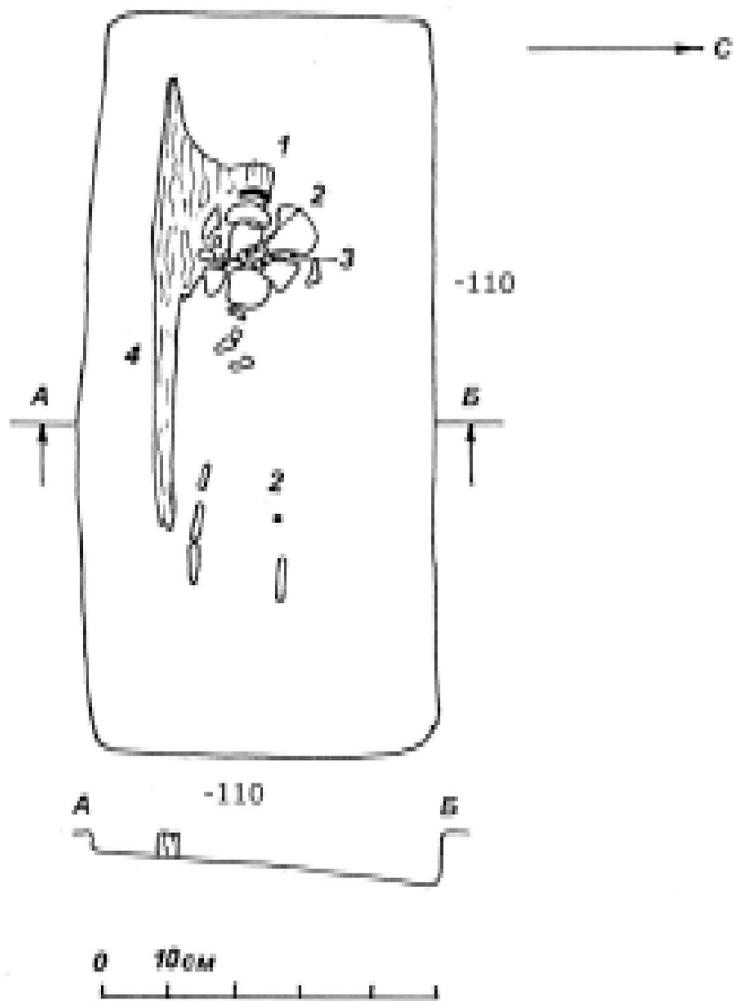

Рис. 16. План погребения 20. 1 – подкова,
2 – монеты, 3 – бисер.

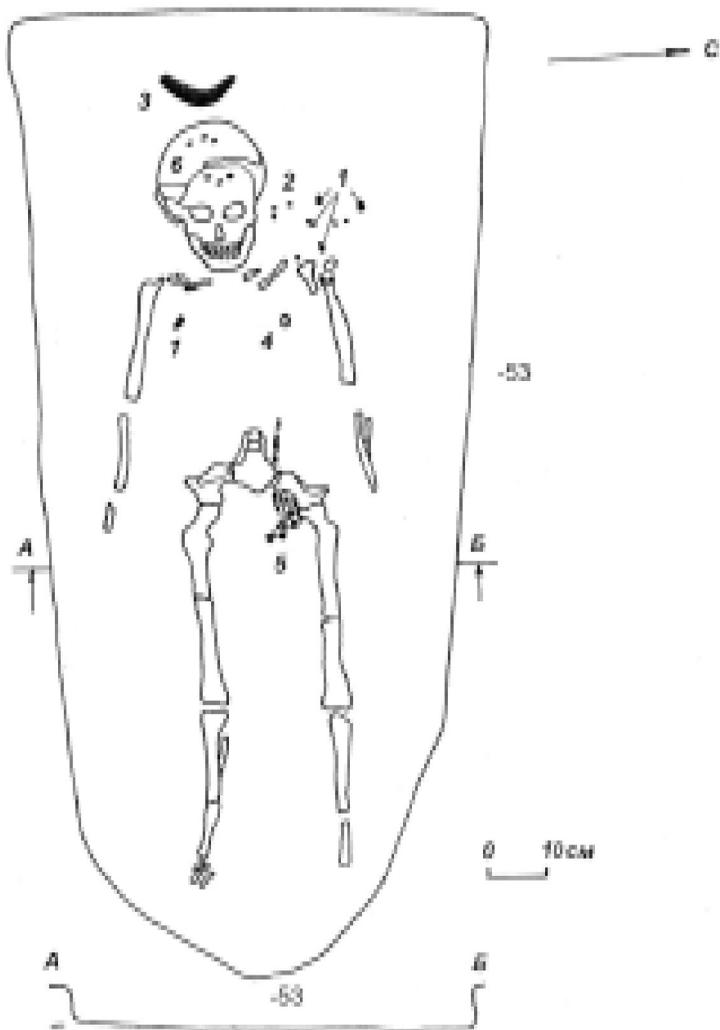

Рис. 17. План погребения 21. 1 – раковины каури, 2 – бусы, 3 – серп, 4 – перстень, 5 – хўре, 6 – монеты.

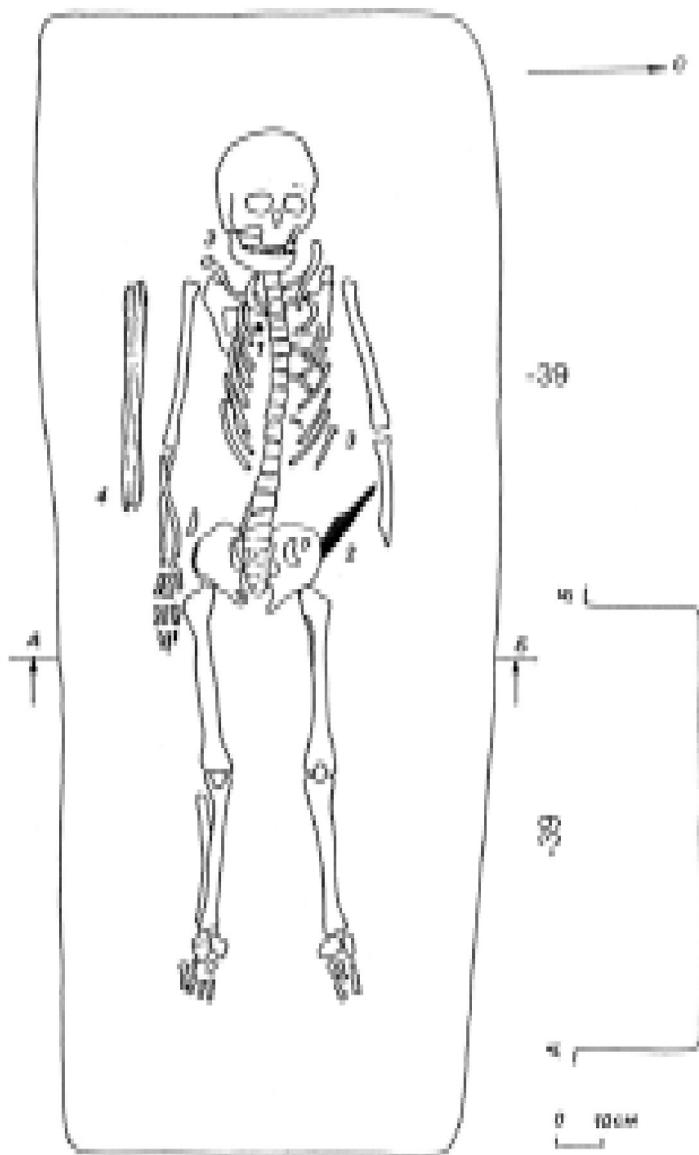

Рис. 18. План погребения 22. 1 – медная пуговица,
 2 – железный нож, 3 – медные пуговицы с орнаментом,
 4 – стенка гробовища.

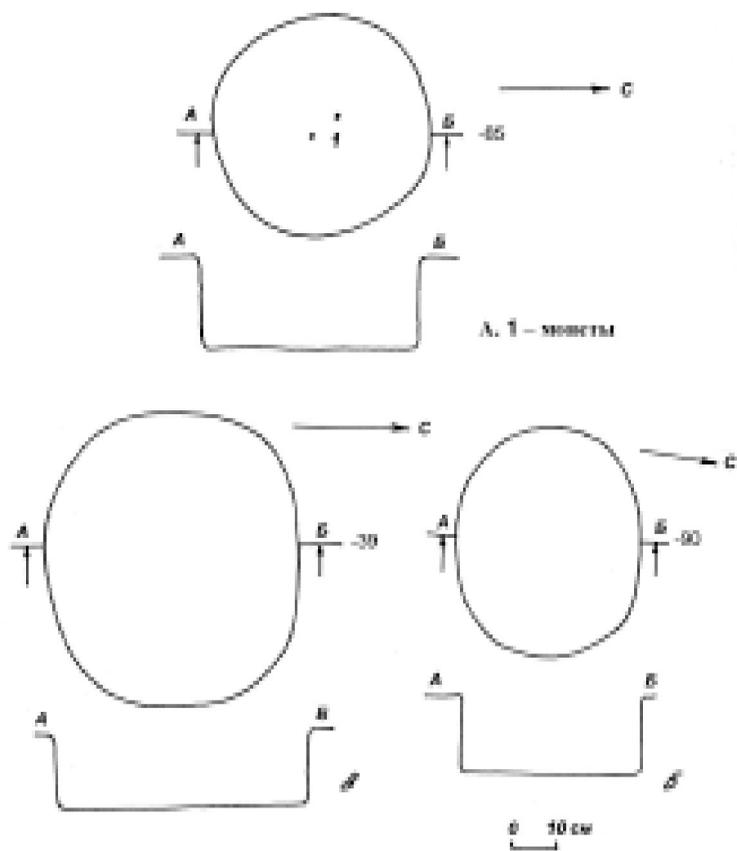

Рис. 19. Ямы от ритуальных столбов юна.
 А - яма 1, Б - яма 2, В - яма 3.

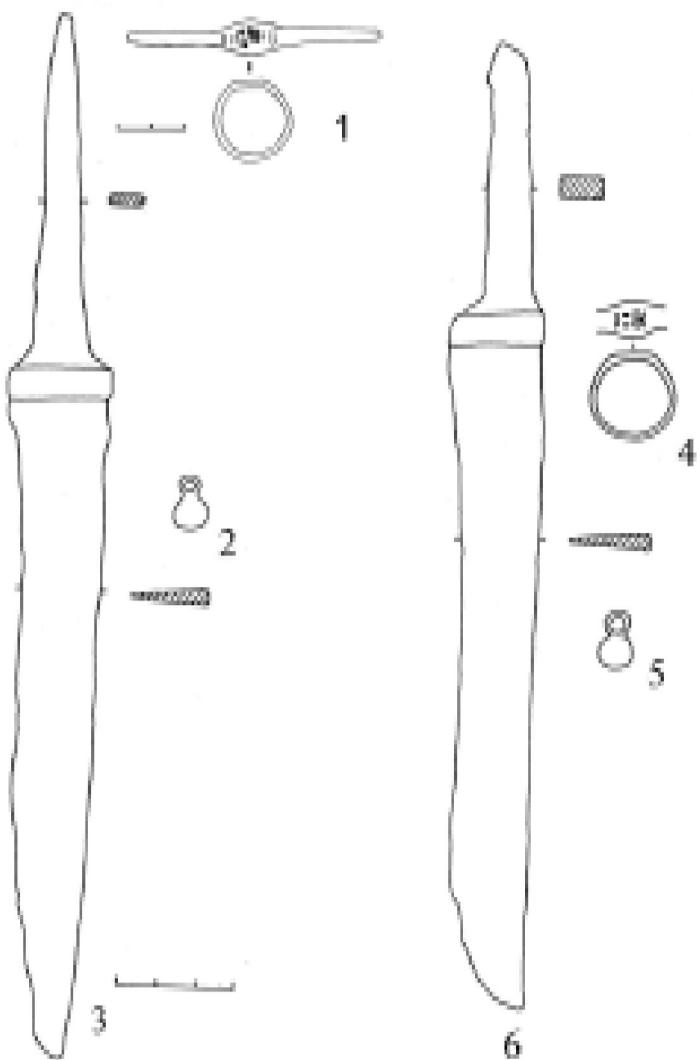

Рис. 20. Погребальный ивсеггарь. 1, 2, 3 – погребение 9,
4–6 – погребение 13.

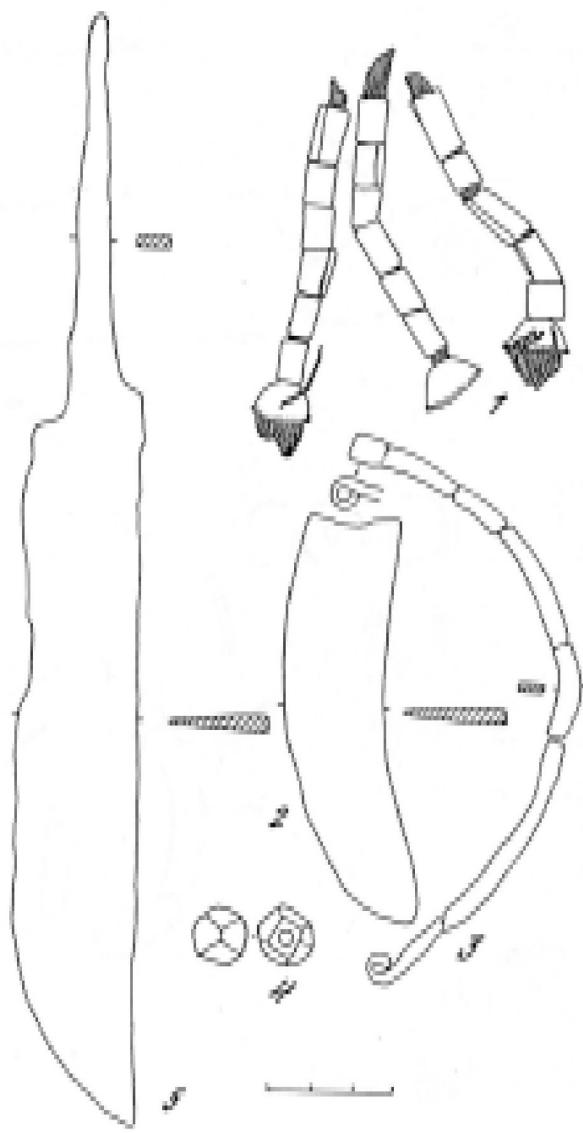

Рис. 21. Погребальный инвентарь. 1-4 – погребение 10,
5 – погребение 11.

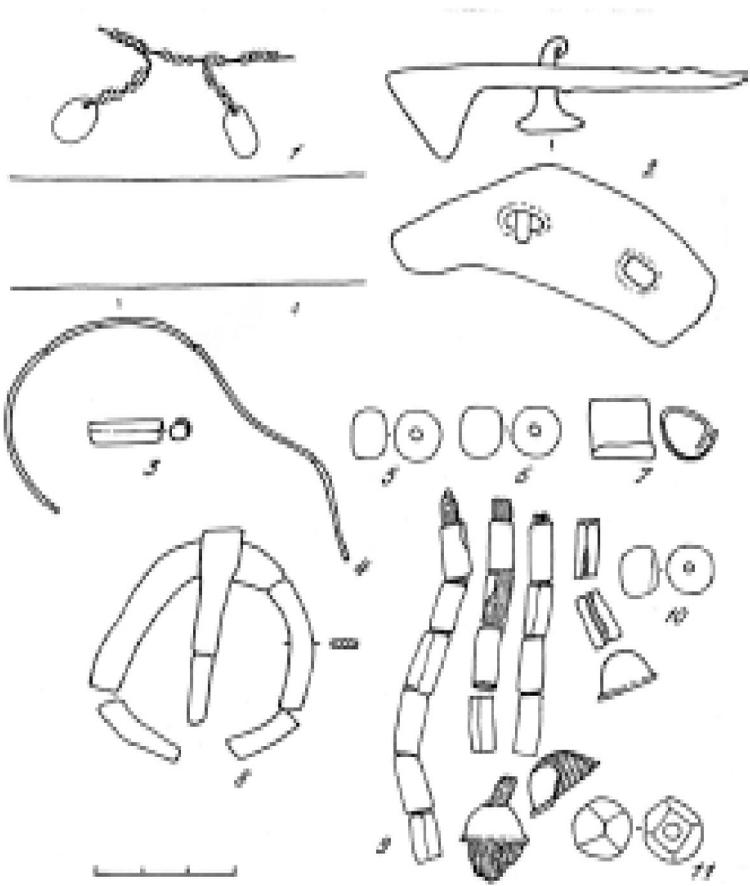

Рис. 22. Погребальный инвентарь. 1, 2 – погребение 20,
3–11 – погребение 14.

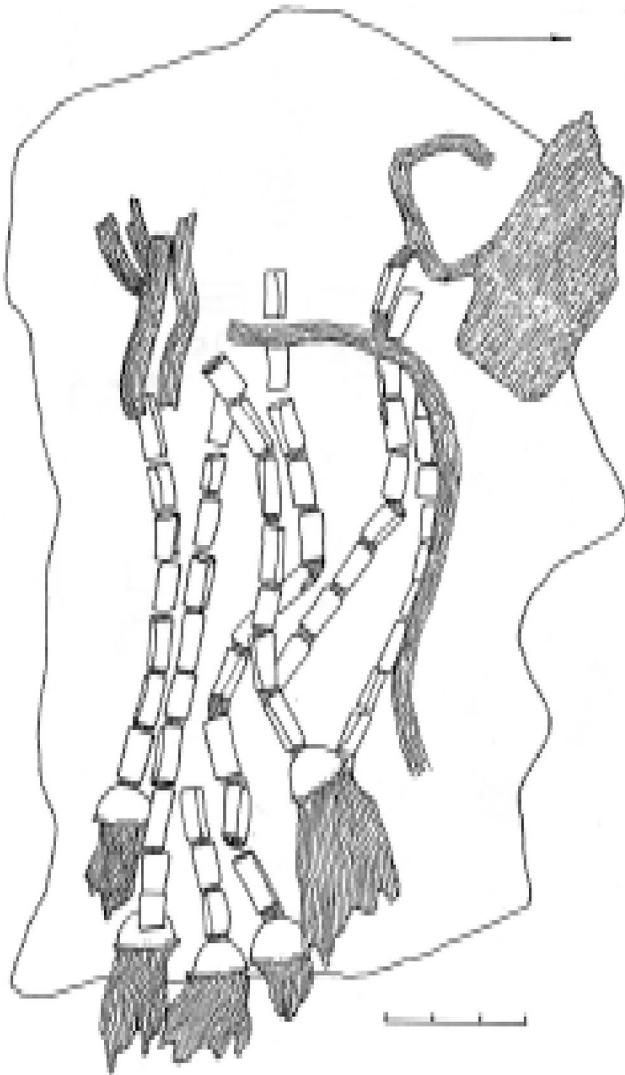

Рис. 23. Погребальный инвентарь. Погребение 15. Хурре.

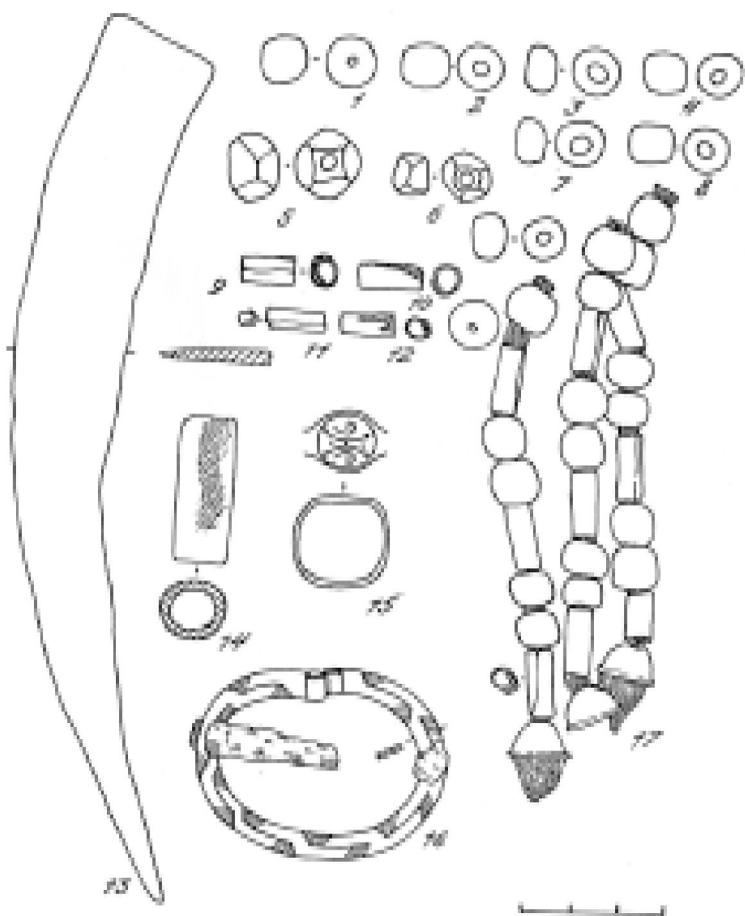

Рис. 24. Погребальный инвентарь. Погребение 15.

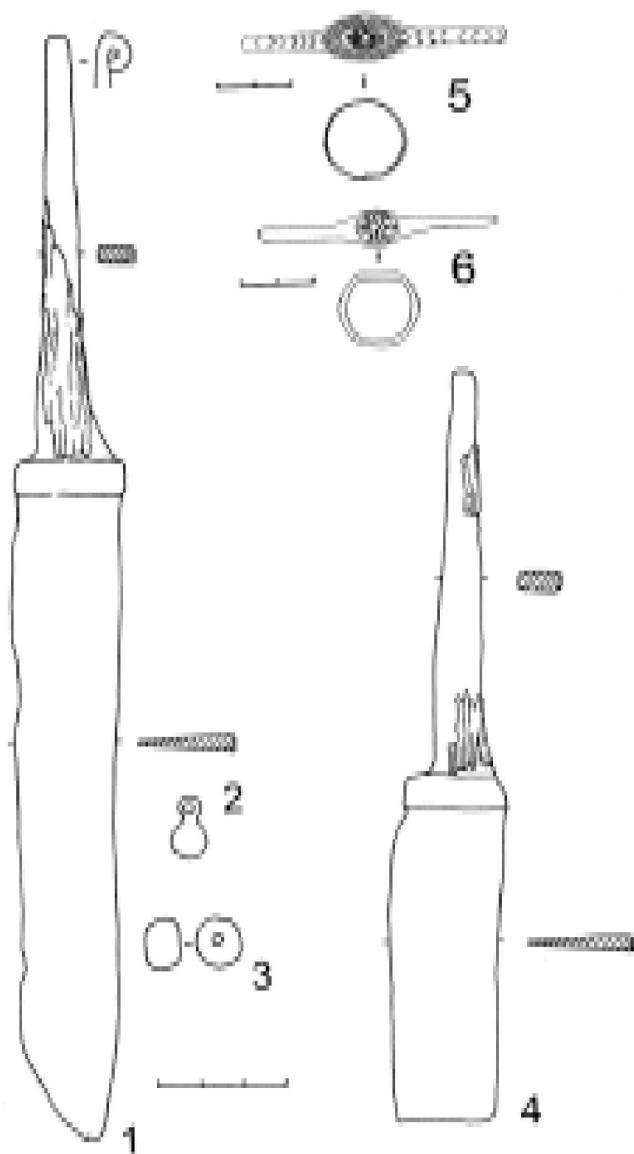

Рис. 25. Погребальный инвентарь. 1-3 – погребение 17,
4 – погребение 18, 5-6 – подъемный материал.

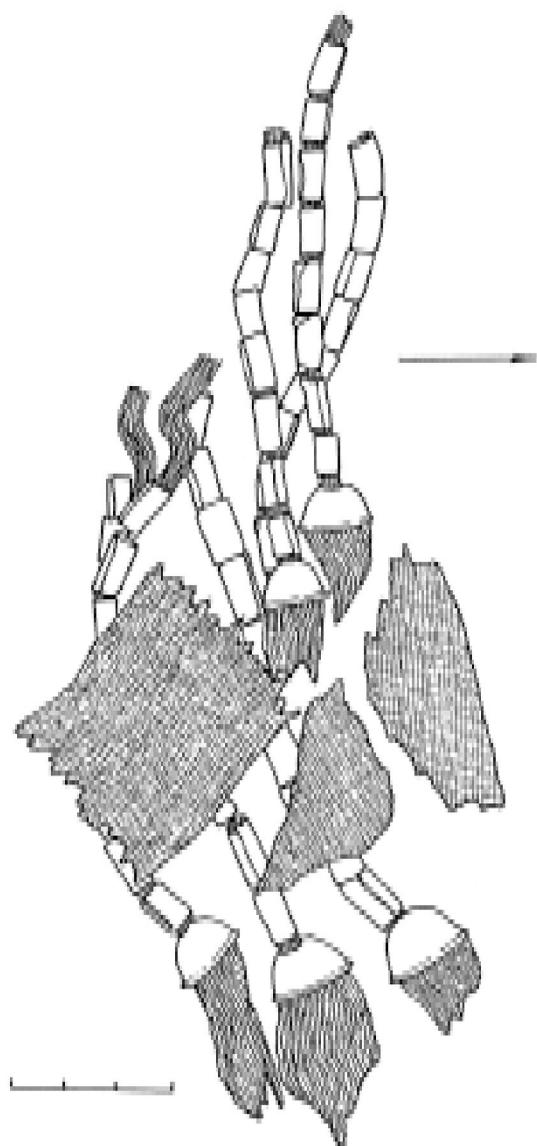

Рис. 26. Погребальный инвентарь. Погребение 19. Хўре.

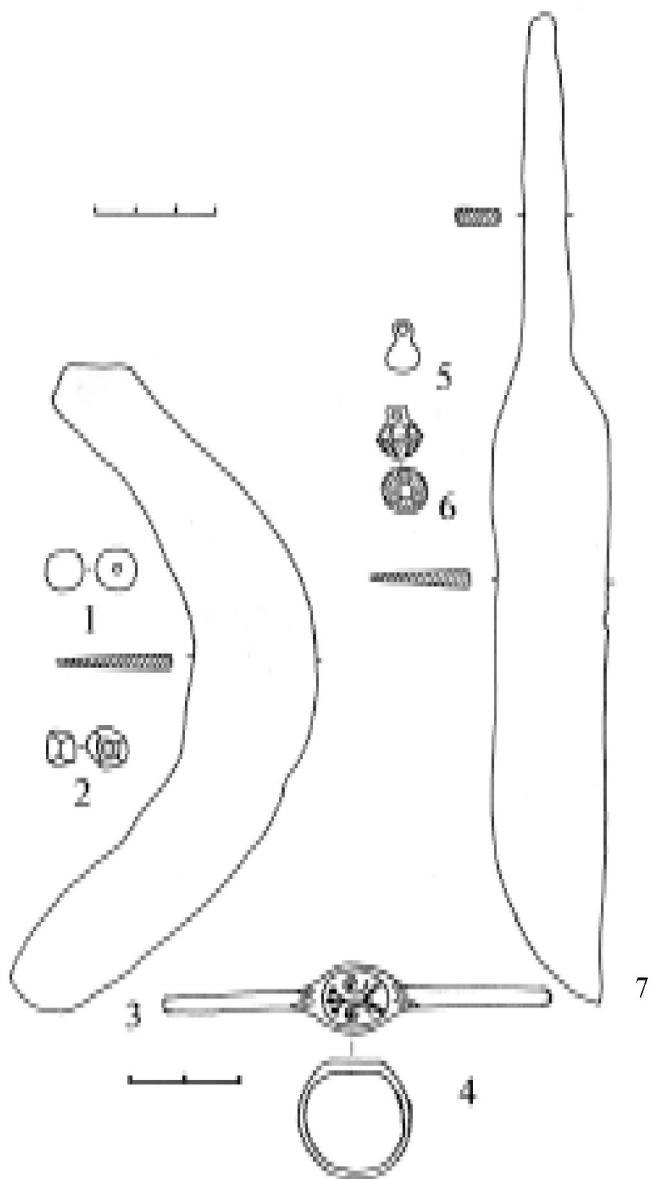

Рис. 27. Погребальный инвентарь. 1-4 - погребение 21,
5-7 - погребение 22.

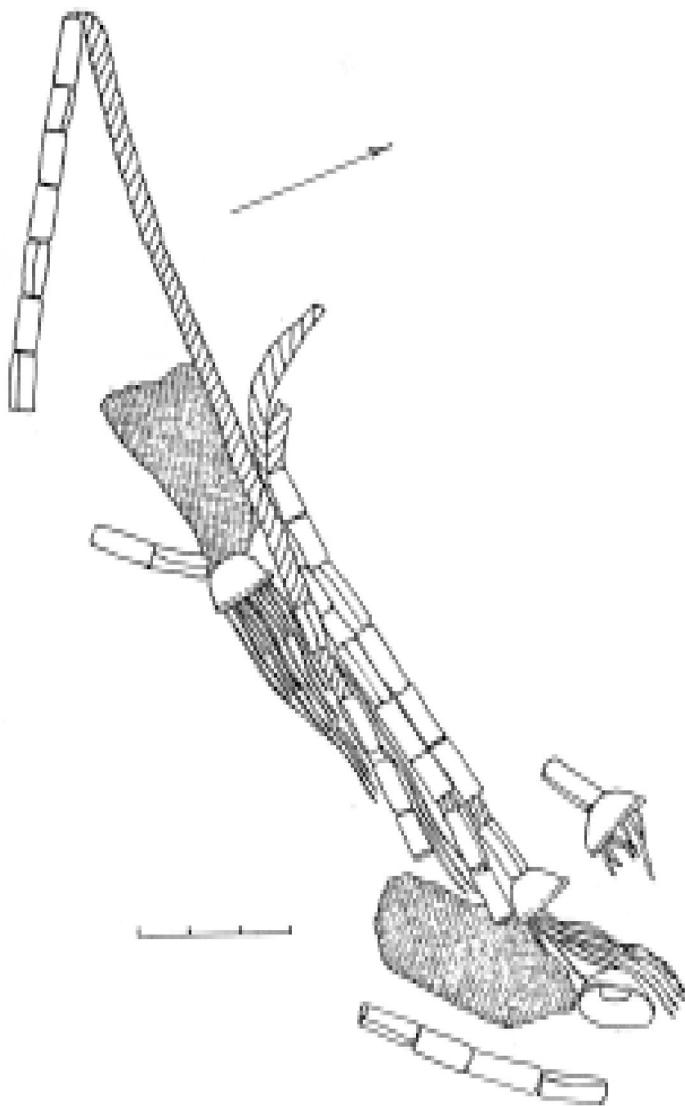

Рис. 28. Погребальный инвентарь. Погребение 21. Хурру.

РАЗВЕДОЧНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ
2002 ГОДА В ИБРЕСИНСКОМ РАЙОНЕ
ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В июне–августе 2002 г. археологическим отрядом Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН) были проведены разведочные работы на территории Ибресинского района Чувашской Республики по Открытому листу № 249 (форма 3). Целью экспедиции являлось выявление и описание археологических памятников.

Ибресинский район – один из слабо археологически изученных районов Чувашской Республики, здесь ранее не проводились археологические экспедиции. Некоторые сведения об археологических памятниках района содержатся в работе К.В. Элле “Древности Чувашской Республики” (1920-е гг.), но эта работа не лишена недостатков. В ней не указано точное место расположения памятников. Их местонахождение привязано лишь к какому-либо населенному пункту, без указания координат. К.В. Элле почти не выезжал в районы для поисков археологических памятников, собирал сведения у учащихся учебных заведений г. Чебоксар, прибывших из сельской местности¹.

Разведочные работы проводились в бассейнах протекающих по территории Ибресинского района малых рек по следующим микромаршрутам:

– бассейн р. Кошлаушки: шт. Ибреси – п. Огонек – шт. Ибреси (рис. 1);

– бассейн р. Кошлаушки: исток р. Черноречки – грунтовая дорога шт. Ибреси – д. Большие Абакасы (рис. 1);

– бассейн р. Хомы: шт. Ибреси – п. Тымары – д. Ширтаны – с. Хомбусь-Батырево – шт. Ибреси (рис. 1);

Рис. 1. Карта Ибресинского района. 1 – Ибресинское местонахождение; 2 – Хомбуй-Батыревское местонахождение; 3 – Хомбуй-Батыревский I курган; 4 – Хомбуй-Батыревский II курган; 5 – Хомбуй-Батыревский могильник.

– водораздел р. Хомы и р. Кошплаушки; с. Климово – п. Мерезень – п. Алшихово – разъезд 275 км (рис. 1).

Исследования осуществлялись методом осмотра естественных обнажений вдоль берегов рек, оврагов, распаханых поверхностей. Производилось фотографирование археологических памятников, велась съемка топографических планов глазомерным способом.

Ибресинский район расположен в центральной части Чувашской Республики, занимает площадь 1201,2 кв. км, (6,5% территории Чувашии) – является третьим по площади районом республики. Рельеф северной части территории района представляет собой холмистое плато с незначительными перепадами высот в пределах 30–80 м, расчленен долинами рек и оврагов. Остальная территория – холмистая равнина водноледникового происхождения. Реки западной части района относятся к бассейну р. Киря, правого притока р. Суры, являющегося правым притоком р. Волги. Реки восточной части района относятся к бассейну р. Кубни, левого притока р. Свияги, правого притока р. Волги. Небольшая часть территории на севере района относится к бассейну р. Цивилья (р. Кошлаушка с притоками), правого притока р. Волги. Почвенный покров района в основном составляют серые лесные почвы, которые распространены в северной и центральной частях района. Дерново-подзолистые и песчаные почвы покрывают южную часть района, значительная площадь покрыта лесом (63%). Территория района является водоразделом для многих малых рек Чувашии – Кубни, Булы, Урюма, Кири, Кошлаушки, Хомы².

1. Ибресинское местонахождение. Поселок Ибреси расположен на водоразделе рек Хома и Кошлаушка. Река Хома является левым притоком р. Кубни – левого притока р. Свияги – правого притока р. Волги. Река Кошлаушка является правым притоком р. Малый Цивиль – правого притока р. Цивилья – правого притока р. Волги (рис. 1).

В экспозиции Ибресинского этнографического музея (филиал Чувашского национального музея) имеются три сверленных каменных балановских топора, два балановских каменных топора клиновидной формы и кремневый наконечник копья. Данные предметы были нами описаны и зарисованы:

– сверленный боевой каменный коротколопастный ладьевидный топор темно-серого цвета, хорошо шлифованный³ (рис. 2, 1);

– сверленный боевой каменный ромбический топор темно-серого цвета, шлифованный⁴ (рис. 2, 2);

– сверленный боевой каменный коротколопастный молотковидный топор черного цвета, шлифованный⁵ (рис. 2, 3);

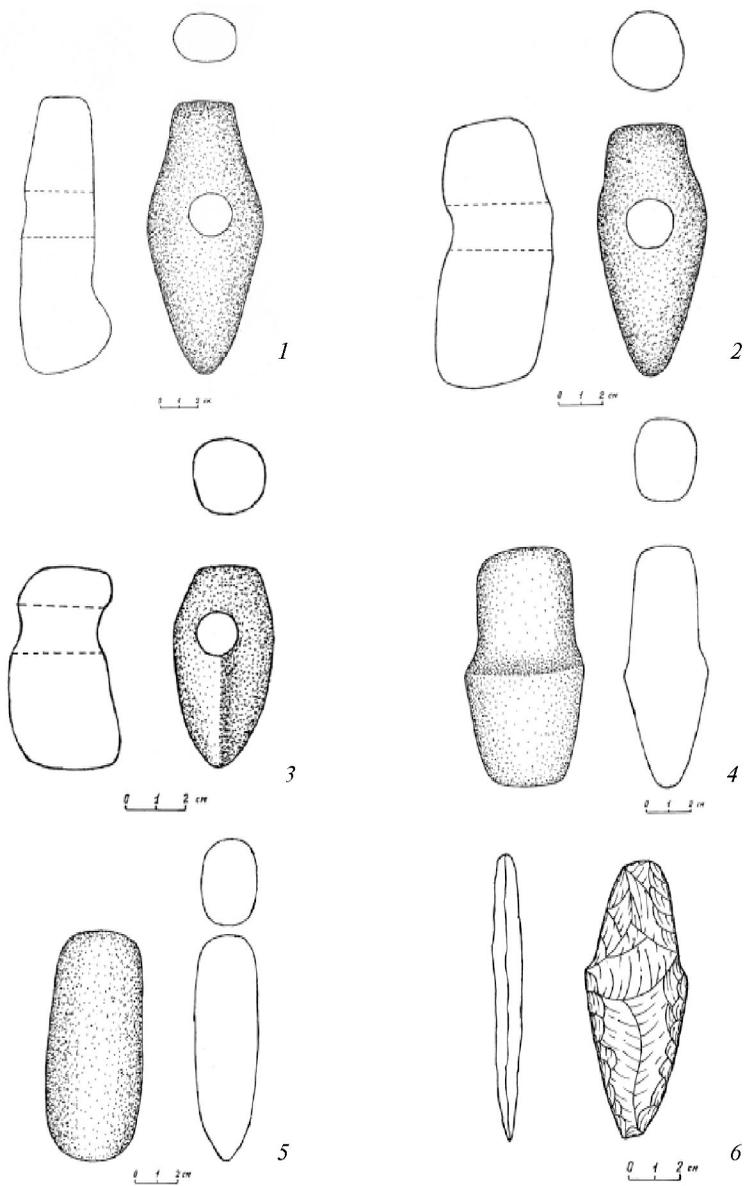

Рис. 2. Ибрсинское местонахождение. 1-3 – каменные сверленные топоры; 4, 5 – каменные клиновидные топоры; 6 – кремневый наконечник копья.

- клиновидный каменный топор темно-серого цвета, шлифованный⁶ (рис. 2, 4);
- клиновидный каменный топор светло-серого цвета, шлифованный (рис. 2, 5);
- кремневый наконечник копья светло-коричневого цвета, хорошо отшлифованный (рис. 2, 6).

Каменные топоры, по свидетельству передавшего их в экспозицию музея местного краеведа Н.В. Русанова, найдены около с. Климово и д. Шигебечи (рис. 1). Назвать дату и место обнаружения каждого топора конкретно он затруднился. Наконечник копья, по свидетельству директора музея Г. Майорова, передан в экспозицию жителем с. Климово во второй половине 1990-х гг. (точную дату не указал), найден в поле во время вспашки.

2. Хомбуть-Батыревское местонахождение. Село Хомбуть-Батырево расположено на левом берегу левого рукава р. Хомы с одноименным названием. Река Хома является левым притоком р. Кубни – левого притока р. Свияги – правого притока р. Волги (рис. 1).

В краеведческом уголке Хомбуть-Батыревской основной общеобразовательной школы находится балановский сверленный боевой обушково-пестиковый каменный топор темно-серого цвета, хорошо шлифованный⁷ (рис. 3). О месте его обнаружения данных нет, документация отсутствует.

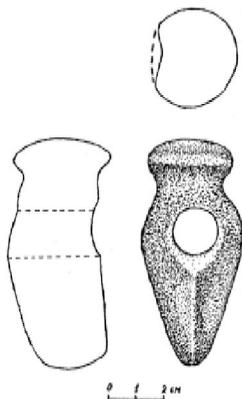

Рис. 3. Хомбуть-Батыревское местонахождение.
Каменный сверленный топор.

3. Хомбуть-Батыревский I курган (см. №2). Курган находится в междуречье левого и правого рукавов р. Хомы, между с. Хомбуть-Батырево и д. Малый Кукушум, в 160 м к востоку от шоссе в с. Хомбуть-Батырево, проложенной от трассы пгт. Ибреси на с. Чувашские Тимяши, в 300 м к северу от трассы пгт. Ибреси – с. Чувашские Тимяши, в 1 км на северо-запад от восточной окраины д. Малый Кукушум (азимут 160° от вершины кургана) и в 1,3 км на юго-восток от конюшни с. Хомбуть-Батырево (азимут 330° от вершины кургана). Курган сильно распахан, высота 0,3 м, ширина с севера на юг – 16 м, с запада на восток – 20 м (рис. 4).

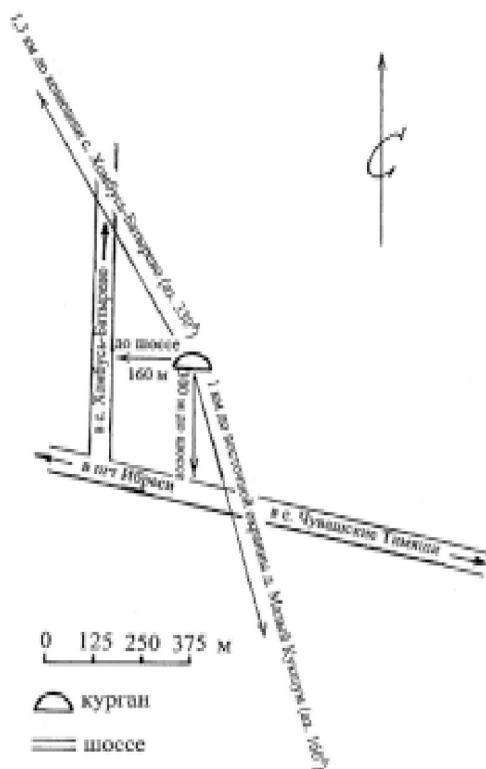

Рис. 4. План-схема расположения Хомбуть-Батыревского I кургана.

4. Хомбуть-Батыревский II курган (см. №2). Курган находится в междуречье левого и правого рукавов р. Хомы, в 50 м на запад от шоссе в Хомбуть-Батырево, проложенной от трассы шт. Ибреси на с. Чувашские Тимяши, и в 800 м к юго-востоку от Хомбуть-Батыревской основной общеобразовательной школы (азимут 320° от вершины кургана). Курган сильно распахан, высота 0,6 м, ширина с севера на юг – 25 м, с запада на восток – 19 м (рис. 5). Место расположения Хомбуть-Батыревского II кургана известно местным жителям под названием «Улӑп тӑпри» («Холм великана»).

5. Хомбуть-Батыревский могильник (см. №2). Открыт нами на краю правого берега пруда, образованного запрудой

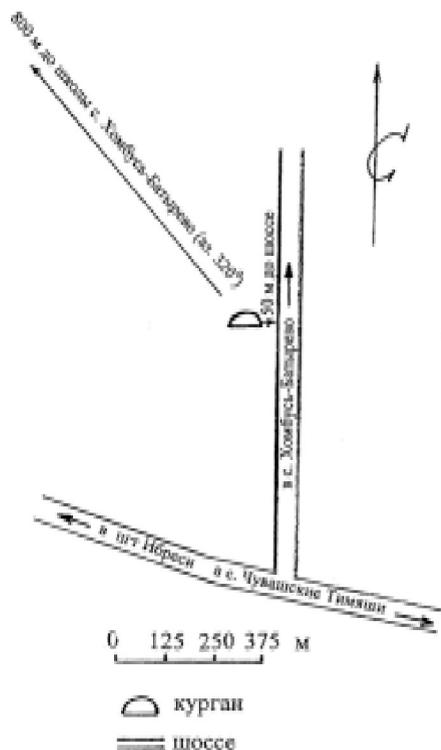
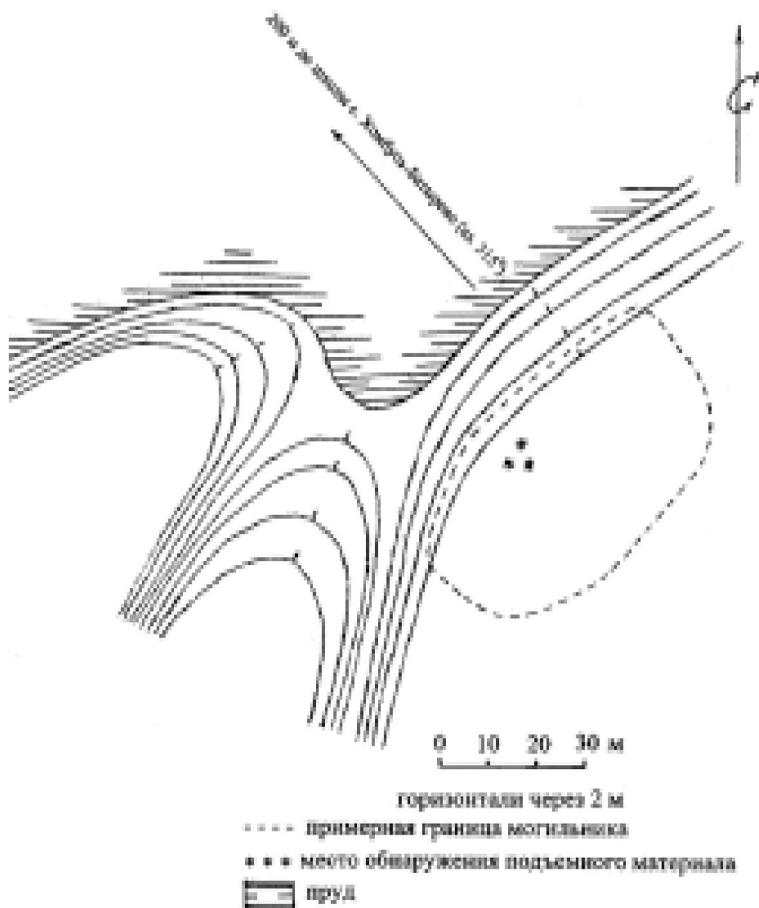

Рис. 5. План-схема расположения Хомбуть-Батыревского II кургана.

**Рис. 6. План-схема расположения
Хомбусь-Батыревского могильника «Сайка масарё».**

левого рукава р. Хомы, протекающего вдоль юго-восточной окраины с. Хомбусь-Батырево, в 200 м от школы, находящейся на противоположном левом берегу этого же пруда. Азимут на школу с территории могильника – 315° (рис. 6).

Площадь могильника подвергается распашке. На момент осмотра площадь была занята посевами зерновых культур. На пашне нами обнаружена одна кость от стопы ребенка

и восемь фрагментов керамики. Керамика однотипна: лепного производства, оранжевого цвета, плохого обжига, без орнамента. Тесто состоит из глины с примесью шамота и мелкозернистого песка, поверхность керамики плохо сглажена. Толщина фрагментов керамики от 0,5 до 1 см. Они концентрируются в одном месте, рядом с костью стопы ребенка и вполне вероятно, судя по однообразной структуре теста, принадлежат одному сосуду. Обломки венчиков и днищ не обнаружены.

Могильные ямы выделяются в виде ярко выраженных зеленых подпрямоугольных пятен, ориентированных по линии восток–запад. Между этими пятнами посева имеют значительно менее насыщенный зеленый цвет; их высота меньше, чем на пятнах. Поверхность могильника полностью нивелирована распашкой, не содержит следов могильных ям. Примерные размеры памятника: с северо-запада на юго-восток — 50 м, с юго-запада на северо-восток — 80 м.

Могильник, вероятно всего, являлся детским кладбищем, это подтверждается тем, что данная местность носит у жителей ближайших населенных пунктов название «Сăпка масарё» («Колыбельное кладбище»). Прилегающий к пруду овраг и часть берега пруда, вдоль которых расположен могильник, называются «Сăпка ҫырми» («Колыбельный овраг»). Значение топонима местное население не помнит, но, по всей видимости, название происходит от могильника.

Для определения точных границ данного памятника, его датировки и выявления характера захоронений необходимо провести раскопки.

Л и т е р а т у р а

¹ НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 579–581.

² Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2001. С. 175–176.

³ Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятники балановской культуры / Археология СССР. САИ. М., 1976. Вып. В1–25. С. 148.

⁴ Там же. С. 149.

⁵ Там же. С. 148.

⁶ Там же. С. 150.

⁷ Там же. С. 149.

М.И. Федулов, Е.П. Михайлов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ШУМЕРЛИНСКОГО РАЙОНА
ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
(Материалы разведочных работ 2003 года)

В июле 2003 года на территории Шумерлинского района Чувашской Республики проведена разведочная археологическая экспедиция Чувашского государственного университета им. И.Н.Ульянова (далее ЧГУ). Она проводилась на основании Открытого листа № 293 (форма № 3), выданного Институтом археологии РАН студенту М.И.Федулову.

В работе принимали участие: заведующий отделом археологии Чувашского государственного института гуманитарных наук Е.П.Михайлов, младший научный сотрудник этого отдела С.А.Краснов, а также студенты первого курса исторического факультета ЧГУ.

Цель экспедиции – выявление новых археологических памятников района и осмотр уже известных. Разведка проводилась путем визуального осмотра местности и открытых участков грунта: склонов оврагов, распаханых полей и т.д. В работе был использован опрос местного населения.

Шумерлинский район расположен на западе Чувашской Республики. На севере он граничит с Красночетайским и Аликовским, на востоке с Вурнарским, на юге с Ибресинским и Порецким районами республики, на западе с Нижегородской областью, по р. Суре. Территория составляет 1047,6

* Выражаем благодарность начальнику управления культуры, спорта и молодежной политики Шумерлинской районной администрации В.Н.Улисову, председателю сельхозкооператива им. В.И.Чапаева Шумерлинского района Л.М. Корнилову и директору Ходарской школы-гимназии Ю.Я. Мазякову за содействие в проведении работ.

кв. км — 5,7% площади республики (рис. 1). Шумерлинский район лежит в пределах Чувашского плато, по рельефу представляет собой слабохолмистое плато, расчлененное оврагами глубиной 30–80 м. Речная сеть представлена р. Сурой и верховьем р. Большого Цивилия. В пределах района выделяются две почвенные зоны: северная половина сложена почвами типа серых лесных, южная половина характеризуется дерново-подзолистыми почвами с дерново-среднеподзолистыми и дерново-слабоподзолистыми разновидностями. Район расположен в пределах Присурско-дубравного лесорастительного района, лесистость составляет 59%¹.

Шумерлинский район входит в число наименее изученных в археологическом плане районов Чувашской Республики. Сведения о нахождении археологических памятников на территории района можно найти в опубликованных и рукописных работах В.Н.Поливанова² и К.В.Элле³. Однако местоположение памятников у них привязано к населенным пунктам без точной ориентировки, что существенно осложняет работу с ними. Это объясняется тем, что авторы сами не осматривали их, а лишь фиксировали сведения со слов местных жителей. За эти годы некоторые памятники разрушились. На сегодняшний день часть информации устарела.

В 1962 г. в Присурье проводилась археологическая разведка под руководством Н.В.Трубниковой и Т.А.Кравченко. Н.В.Трубникова зафиксировала курганную группу у д. Шумерля и несколько каменных топоров в д. Нижняя Кумашка, найденных на огородах⁴. Т.А.Кравченко осмотрела один курган у д. Верхняя Кумашка, отметила местонахождения каменных орудий⁵. В 1989 г. научным сотрудником Чувашского НИИ Е.П.Михайловым было осмотрено Пояндайкинское городище. Экспедициями была охвачена лишь малая часть территории района. С того времени на территории района разведок и стационарных раскопок не проводилось. Ввиду этого данный район представляет особый интерес для изучения.

Экспедицией 2003 г. были пройдены следующие микромаршруты (рис. 1):

1. Бассейн речки Шумерля: д. Шумерля и г. Шумерля.
2. Бассейн речки Ураваш: с. Юманай — д. Кадеркино — д. Вторые Ялдры — с. Юманай.

3. Бассейн речки Эскедень: д. Егоркино – д. Пояндайкино.

4. Бассейн речки Ураваш: с. Юманай – д. Вторые Ялдыры – д. Луговая – д. Тарн-Сирма – с. Юманай.

5. Бассейн речки Брентяши: с. Ходары – д. Тугасы – д. Яндаши – д. Синькасы – д. Торханы.

В ходе прохождения маршрутов осматривались музеи (школьные, сельские, городской) с целью выявления и описания археологических находок.

1. Отдельные находки в историко-краеведческом музее г. Шумерли. Шумерля, город, правый берег р. Суры, правого притока р. Волги.

В г. Шумерле в историко-краеведческом музее зафиксированы следующие предметы:

Каменные топоры:

1. Балановский клиновидный с желобчатым перехватом. Топор имеет большой скол в обушковой части, доходящий до желобчатого перехвата одной из сторон. Цвет темно-коричневый (рис. 2).

2. Балановский клиновидный с желобчатым перехватом. Топор имеет небольшой скол обушка. Цвет темно-серый (рис. 3).

3. Балановский клиновидный с желобчатым перехватом. Цвет темно-серый (рис. 4).

4. Балановский клиновидный черешковый. Цвет темно-серый (рис. 5).

5. Балановский клиновидный черешковый. Цвет темно-серый (рис. 6).

6. Балановский молотковидный. По классификации А.Я.Брюсова и М.П.Зиминой – клиновидный топор (второй тип). Топор имеет сверлину, расходящуюся к верхней части, хорошо зашлифован. Цвет черный (рис. 7).

7. Обломок каменного топора. У топора отсутствует обушковая часть. Раскол проходит по сверлине. В верхней части у сверлины имеется еще один скол. Топор хорошо отшлифован. Цвет черный (рис. 8).

Копья:

1. Медный наконечник копья (рис. 9).

2. Железный наконечник копья (рис. 10).

Все топоры переданы из школьного музея поселка Красный Октябрь Шумерлинского района. Они были найдены в 1950-х–1970-х гг. в окрестностях поселка Волгарь (ныне в черте п. Красный Октябрь), в местностях «Гаря» (Горя) и «Березовый овраг», что близ местного действующего кладбища. Известна лишь точная дата находки балановского клиновидного топора с желобчатым перехватом (№ 1) – он найден Маловой Валентиной Фадеевной в 1950 г. Определение топоров проводилось по классификации О.Н. Бадера, А.Х.Халикова⁶ и по А.Я. Брюсову, М.П. Зиминой⁷.

Медный наконечник копья предположительно относится к эпохе ранней бронзы. Размеры: длина – 19 см, ширина лезвия – 4 см, длина лезвия – 9 см, ширина втулки 2,5–4 см, длина – 10 см. Копье кованое, втульчатое. Втулка его состоит из несомкнутых краев, в форме овала в сечении. На каждой из сторон имеется по одному отверстию для крепления наконечника на древко. Окончание втулки сильно сплющено. Лезвийная часть острая, немного загнута. Кончик лезвия смят. Копье, как и каменные топоры, относится к археологическому комплексу в п. Красный Октябрь. Более точных данных нет.

Железный наконечник копья кованый. Размеры: длина – 19,5 см, длина лезвия – 10 см, ширина – 4 см, длина втулки – 7,5 см, ширина – 1,6–3,5 см. Переход от лезвия к втулке сделан в виде округлого утолщения. Втулка имеет сомкнутые края, идущие внахлест друг на друга. Поверхность металла со следами сильной коррозии. Сведений о месте находки железного наконечника копья в музее нет.

2. Шумерлинская курганная группа. Шумерля, деревня, правый берег р. Шумерли, правого притока р. Суры, правого притока р. Волги.

У деревни осмотрена курганная группа, описанная Н.В.Трубниковой в 1962 г.: «...по дороге в д. Лесные Туваны, в лесу на 36-м квартале, в 2-х километрах от д. Шумерля имеется курганная группа. Группа довольно большая, но курганы разбросаны в лесу на довольно большом пространстве. Они разной величины, многие из них поросли лесом, некоторые попорчены кладоискательскими ямами, но есть и пригодные для раскопок»⁸. Курганы в лесу были найдены с помощью лесника Н.К. Капитонова. Расположены они в 28

квартале (36 квартал по старому делению) Шумерлинского лесничества, рядом с дорогой на д. Лесные Туваны. Дорога уже не действует несколько десятилетий и используется лишь для вывоза вырубленного леса. Все курганы поросли лесом и кустарником. Здесь периодически проводится вырубка. Жители д. Шумерля знают об их существовании, однако не сообщают каких-либо преданий, с ними связанных. Всего зафиксировано 7 курганов (рис. 11).

Курган № 1 расположен в 2-х км к северо-востоку от д. Шумерля. Размеры: диаметр по линии север–юг – 15 м, запад–восток – 14 м, высота от подошвы с восточной стороны – 0,7 м, с западной стороны – 0,8 м.

Курган № 2 расположен в 4 м от подошвы кургана № 1 (азимут 130°) на юго-восток. Расстояние от центра кургана № 1 до центра кургана № 2 – 17,3 м. Размеры: диаметр по линии север–юг – 14,5 м, запад–восток – 14 м, высота от подошвы с северной стороны – 65 см, с южной – 80 см.

Курган № 3 расположен в 56 м от кургана № 1 (азимут 240°). Размеры: диаметр по линии север–юг – 22 м, запад–восток – 24 м, высота от подошвы с северной стороны – 1,6 м, с южной – 1,85 м. На кургане зафиксированы две ямы, возможно, кладоискательские. Яма № 1 овальной формы, размерами 1,5 x 1 м и глубиной 0,3 см, расположена на вершине кургана. Яма № 2 у подножья кургана в юго-западной части, округлой формы 3,5 x 3,3 м и глубиной 1,5 м.

Курган № 4 расположен в 95 м от кургана № 3 (азимут 210°). Размеры: диаметр по линии север–юг – 27 м, запад–восток – 27 м, высота от подошвы с северной стороны – 1,7 м и с южной – 1,6 м.

Курган № 5 расположен в 15 м от кургана № 4 (азимут 315°). Размеры: диаметр по линии север–юг – 10 м, запад–восток – 10 м, высота 0,4-0,45 м.

Курган № 6 удален от основной группы на 250 м (азимут 50°). Размеры: диаметр по линиям север–юг и запад–восток – 10 м, высота 0,6 м. По его основанию проходят две колеи от лесовозов. Курган ими частично разрушен и продолжает разрушаться, так как дорога используется для вывоза леса.

Курган № 7 расположен на левой стороне дороги на д. Лесные Туваны, в 250 м от кургана № 6 (азимут 65°). Раз-

меры: диаметр по линии север–юг – 17 м, запад–восток – 15,5 м, высота 1,3 м. На кургане находятся лесовосстановительные посадки хвойных пород.

3. Юманайская отдельная находка. Юманай, село, р. Ураващ, правый приток р. Хирлеп, правого притока р. Большого Цивилия.

В с. Юманай местным жителем, председателем сельскохозяйственного кооператива им. В.И. Чапаева Л.М. Корниловым, нам был передан балановский короткообушковый топор. По классификации А.Я. Брюсова и М.П. Зиминной, он обушковый (третий тип). Топор имеет многочисленные сколы на поверхности обушка и лезвия. Цвет черный. Топор найден в окрестностях с. Юманай несколько десятилетий назад, точное местонахождение топора Л.М. Корнилов указать не смог (рис. 12).

У этого села обнаружен ряд местонахождений керамики (рис. 13).

4. Юманайское I местонахождение (см. 3). Расположено в 350 м к югу от механизированного парка с. Юманай (азимут 350°). На краю поля, засеянного злаковыми культурами, найдены три фрагмента керамики небольших размеров. Два из них являлись частями одного целого фрагмента. Керамика коричневая, на изломе черная. В структуре теста присутствует мелкий песок. Толщина керамики 7 мм. По структуре отнесена к эпохе бронзы. Культурную принадлежность из-за малых размеров определить не удалось.

5. Юманайское II местонахождение (см. 3). Расположено в 1 км к юго-востоку от мехпарка (азимут 290°), в 450 м от склада удобрений (азимут 50°). На пашне найден один фрагмент керамики размерами 3,5 x 2,5 см и толщиной 6 мм. Керамика коричневого цвета с наружной стороны и серая с внутренней, на изломе черного цвета. В тесте присутствуют мелкозернистый песок и дресва. Керамика отнесена к эпохе бронзы. Культурная ее принадлежность не установлена.

6. Юманайское III местонахождение (см. 3). Расположено в 400 м к югу от склада удобрений. На свекольном поле обнаружен фрагмент керамики размерами 1,5 x 2,5 см и толщиной 8 мм. Керамика светло-коричневая. Имеет пористую структуру. В составе теста присутствует дресва. Керамика отнесена к эпохе бронзы. Культурная ее принадлежность не определена.

Можно предположить, что керамика происходит из распаханных курганов, о местонахождении которых есть сведения у местных жителей.

7. Пояндайкинские отдельные находки. Пояндайкино, деревня, р. Эскеденъ, левый приток р. Большого Цивиля, правого притока р. Волги. У жителя дер. Егоркино В.Н.Улисова хранятся два каменных топора:

1. Балановский короткообушковый. По классификации А.Я.Брюсова и М.П.Зиминой – обушковый (третий тип). Цвет черный, хорошо отшлифован (рис. 14).

2. Балановский ромбический узкообушковый. По классификации А.Я. Брюсова и М.П. Зиминой – ромбический (пятый тип). Цвет черный, хорошо отшлифован. На круглой поверхности обушка вырезан интересный рисунок в виде шестилепесткового цветка (рис. 15).

Известно, что они найдены в 1985 г. в окрестностях дер. Пояндайкино (точное место не указано).

8. Пояндайкинское (Егоркинское) городище “Хола соч” (см. 7). Около деревни Пояндайкино осмотрено городище. В литературе оно известно по дневниковой записи И.Д.Никитина-Юрки: «23 апреля 1909 г. Между Эскиденъ, Егоркино и Пояндайкино – Хола соч. Атаевской волости Курмышского уезда, от села Туван 3 вер., около Отаринкиной в 100 саж. на Сев.»⁹. Название Хола соч (Городищенский мыс) явно указывало на его присутствие в округе. С целью проверки сведений И.Д.Никитина-Юрки в октябре 1989 г. были проведены археологические работы научным сотрудником Чувашского НИИ Е.П.Михайловым. На городище им была собрана керамика. Местное население знает о его существовании.

Городище расположено в 700 м на север от д. Пояндайкино, в 2-х км на северо-восток от д. Егоркино (рис. 16). Оно занимает мысовую часть оврагов. Высота площадки городища от уровня дна оврага составляет примерно 10 м. По дну оврага протекают ручьи, что делает подступы к нему крайне затруднительными. Склоны мыса, валы и рвы городища покрыты кустарником и деревьями. Сама же площадка городища свободна от деревьев. По всей поверхности обнаруживаются многочисленные норы кротов (кротовины), на которых обнаружены керамика и угольки. Площадка имеет небольшой уклон к мысовой части, к востоку.

На городище зафиксированы ямы, вероятно, позднего времени. Яма № 1: овальной формы, размерами 1,5 x 1,0 м, глубиной 1 м, расположена в юго-западной части площадки городища. Следов выброса земли из ямы не обнаружено, возможно, она была отброшена на склоны. Яма № 2: круглой формы, размеры 1,0 x 1,0 м, глубина 0,4 м, расположена на склоне вала с напольной стороны.

Размеры городища: общая длина, включая валы, — 90 м, длина площадки — 77 м, максимальная ширина — 70 м (рис. 17).

Укрепления городища включают в себя ров и два вала в мысовой части, ров и вал с напольной стороны. Валы сильно оплыли. С напольной стороны глубина рва 0,5 м, от вершины вала — 2,1 м, ширина — 4,0 м. Высота вала с площадки городища — 1,3 м, ширина — 5 м, длина — 30 м.

В мысовой части ров длиной 10 м, шириной 2 м, глубиной — 0,3 м. Вал № 1 высотой 1,7 м, шириной — 7,0 м, длиной — 35 м. Вал № 2 длиной — 10 м, шириной — 2 м, высотой — 0,4 м. Концы валов дугообразно загнуты внутрь площадки городища (рис. 17).

Въезд на городище, вероятно, располагался с северной стороны, у оконечности вала.

Керамика. Вся керамика ручной лепки, плохо сглаженная, темно-серого и коричневого цвета, с внутренней стороны она серая и черная, на изломе черная. Обжиг плохой. В структуре прослеживаются дресва и мелкозернистый песок. Толщина керамики 5–8 мм. Некоторые фрагменты имеют текстильный орнамент. Всего найдено 20 фрагментов, из них 3 венчика. Венчики прямые, один немного скошен вовнутрь сосуда. Керамика отнесена к городецкой культуре. На поверхности площадки вместе с керамикой собраны и угольки. Городище условно отнесено к городецкой культуре; оно расположено в ареале ее распространения и обладает всеми отличительными признаками — характерной керамикой, наличием системы укреплений из валов и рвов. Таковыми памятниками являются многие городища на территории Чувашской Республики¹⁰.

9. Синькасинский курган. Синькасы, деревня, левый берег р. Бреняши, правого притока р. Большого Цивила, правого притока р. Волги.

У деревни нами обнаружен курган. Сведения о нахождении кургана в данной местности имеются у В.Н.Полливанова: «При дер. Сен-касы есть курган высотой в сажень и в окружности до 40 сажень»¹¹. Также упоминает курган и К.В. Элле: «В 100 сажнях от деревни на южной стороне находится один курган»¹². Местное население знает о его существовании и может указать его месторасположение. Он расположен в 150 м к западу (азимут 75°) от северного края деревни. Размеры: диаметр по линии север–юг – 24 м, запад–восток – 32 м, высота 0,9–1,0 м. Он находится на пашне, распахан и был засеян злаковыми культурами (рис. 18).

На кургане нами найден обломок керамики размерами 1 x 1 см, толщиной 5 мм. Цвет темно-коричневый, в тесте имеется примесь шамота. Культурную принадлежность находки установить не удается.

В результате проведенной работы была осмотрена лишь небольшая часть Шумерлинского района. Осмотр местности показал, что многие архивные сведения об археологических памятниках района достоверны. Однако часть их не находит подтверждения. Это связано с активной хозяйственной деятельностью человека и с тем, что за памятники археологии принимались естественные образования (холмы, бугры). Обнаруженные памятники позволяют судить о том, что район был заселен еще с эпохи бронзы. Об этом говорят находки керамики этого времени – Юманайское I, II, III местонахождения и Синькасинский курган. Каменные топоры отнесены к балановской культуре, что позволяет включить территорию района в ареал ее распространения. Предположительно к эпохе бронзы относится и Шумерлинская курганная группа. Керамика с Пояндайкинское (Егоркинское) городища позволяет отнести его к памятникам городищной культуры раннего железного века.

Экспедицией установлены и факты разрушения памятников древности. Курган № 6 у дер. Шумерля подвергается постоянному разрушению из-за проходящей по нему дороги. Курган № 3 у дер. Шумерля и Пояндайкинское (Егоркинское) городище подвергались самовольным раскопкам. Синькасинский курган долгое время распаивается.

Источники и литература

- ¹ Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2001. С. 499–500.
- ² *Поливанов В.Н.* Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900.
- ³ *Элле К.В.* Древности Чувашской АССР // НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 580. Л. 195.
- ⁴ *Трубникова Н.В.* Отчет о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции в 1962 году // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 660. Инв. 1929 (1). Л. 21–22.
- ⁵ *Кравченко Т.А.* Отчет о разведке в Шумерлинском и Вурнарском районах // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 660. Инв. 1929 (2). Л. 9.
- ⁶ *Бадер О.Н., Халиков А.Х.* Памятники балановской культуры. М., 1976.
- ⁷ *Брюсов А.Я., Зимина М.П.* Каменные сверленные боевые топоры на территории Европейской части СССР / Археология СССР. САИ. М., 1966. Вып. В4-4.
- ⁸ *Трубникова Н.В.* Указ. соч. Л. 22.
- ⁹ *Никитин-Юрки И.Д.* Археологические сведения // НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 379. Инв. 6779. Л. 12 об.
- ¹⁰ *Трубникова Н.В.* Раскопки на городище Ножа-вар близ д. Сареево в 1958–1959 годах // УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1964. Вып. 25. С. 117–156.
- ¹¹ *Поливанов В.Н.* Указ. соч. С. 55.
- ¹² *Элле К.В.* Древности Чувашской АССР... Л. 195.

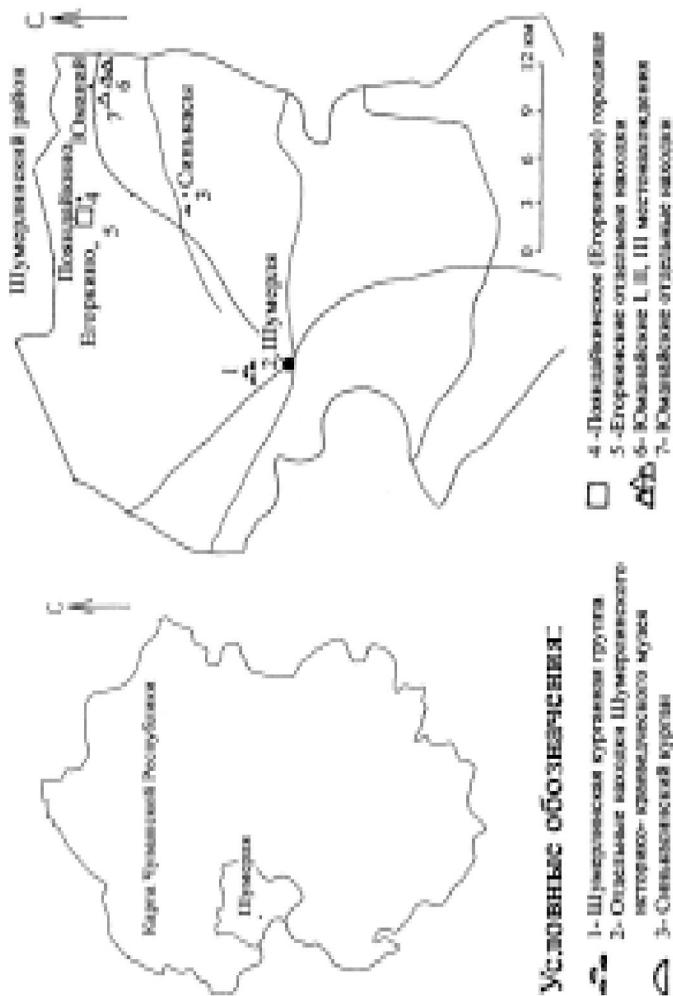

Рис. 1. Карта памятников Шумерлинского района.

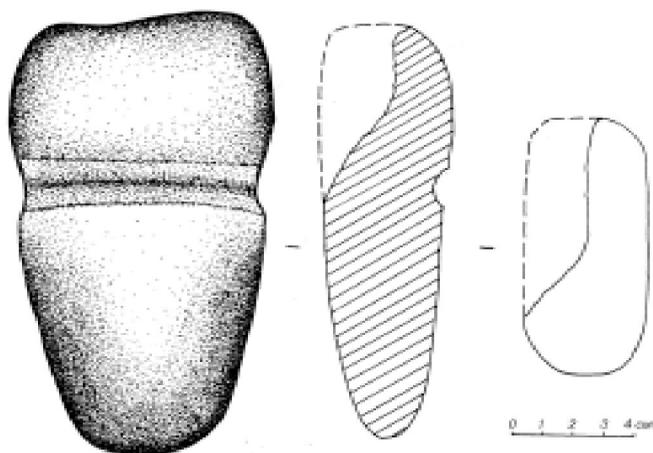

Рис. 2. Клиновидный топор с желобчатым перехватом (№1). Шумерлинский историко-краеведческий музей.

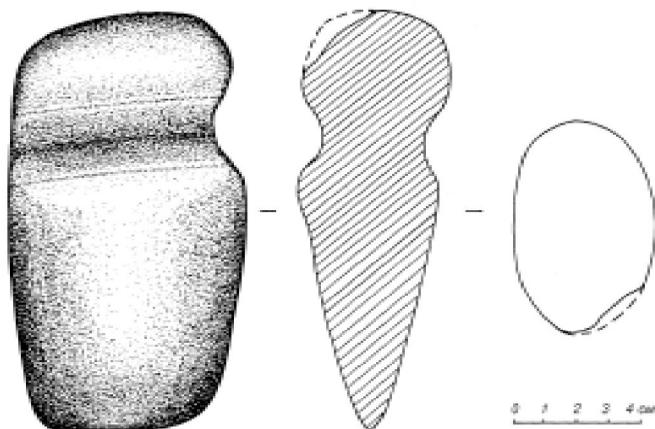

Рис. 3. Клиновидный топор с желобчатым перехватом (№2). Шумерлинский музей.

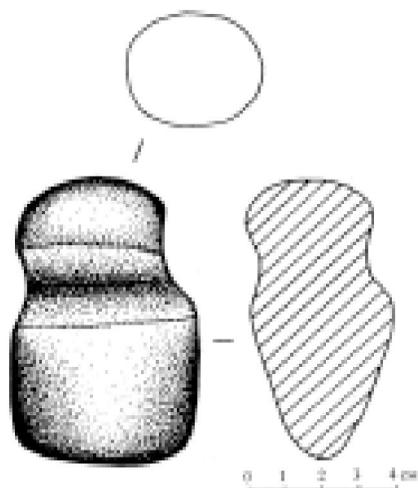

Рис. 4. Клиновидный топор с желобчатым перехватом (№3).
Шумерлинский музей.

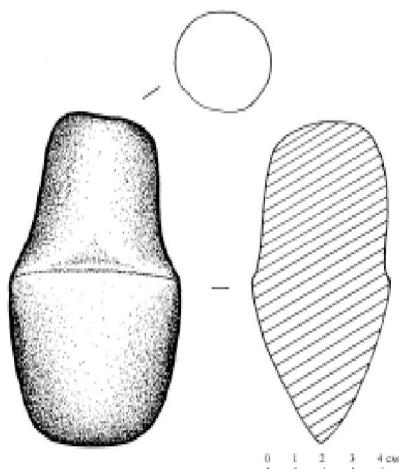

Рис. 5. Черешковый клиновидный топор (№4).
Шумерлинский музей.

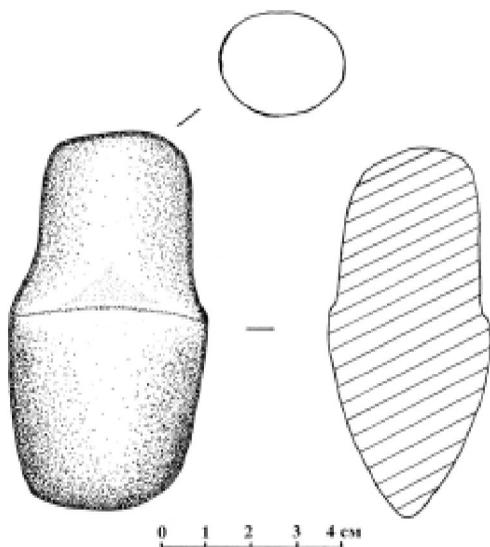

Рис. 6. Черешковый клиновидный топор (№5).
Шумерлинский музей.

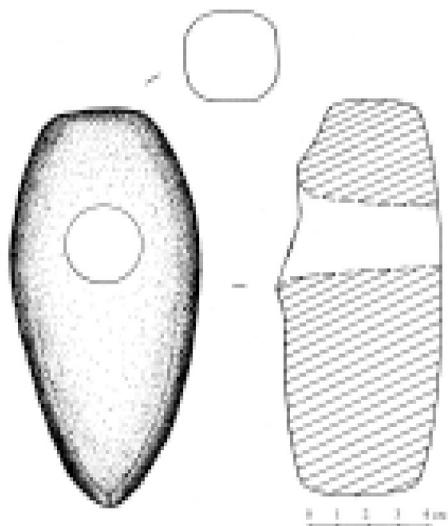
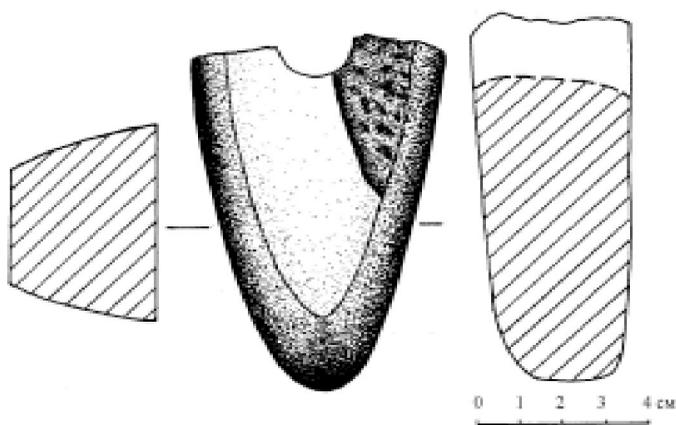
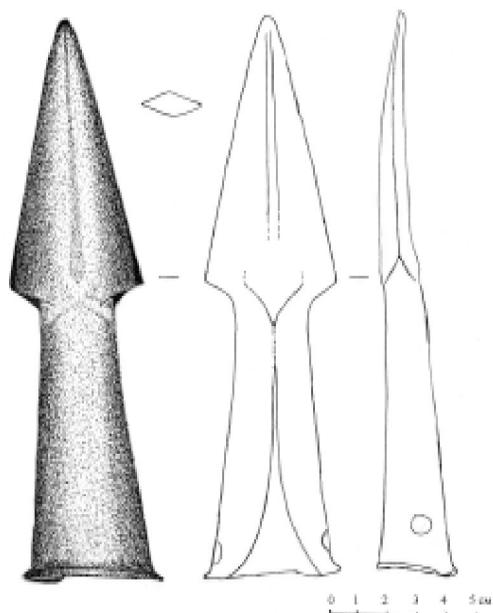

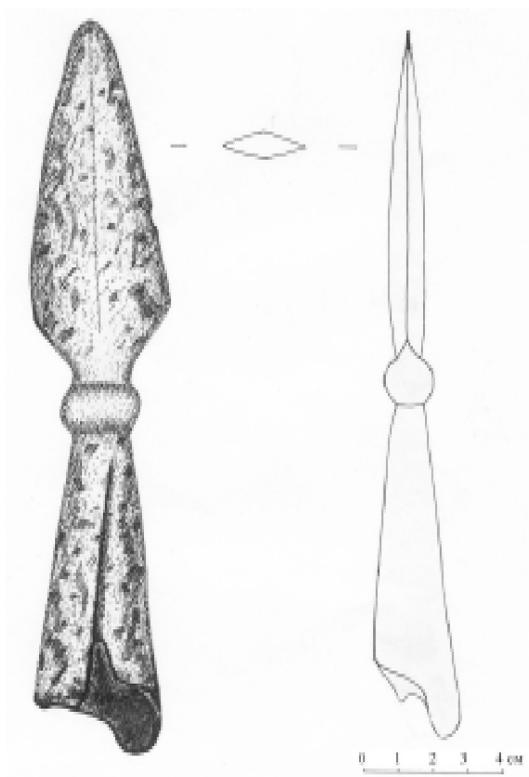
Рис. 7. Молотковидный сверленный топор (№6).
Шумерлинский музей.

**Рис. 8. Обломок сверленного каменного топора (7).
Шумерлинский музей.**

**Рис. 9. Медный наконечник копья.
Шумерлинский музей.**

**Рис. 10. Железный наконечник копья.
Шумерлинский музей.**

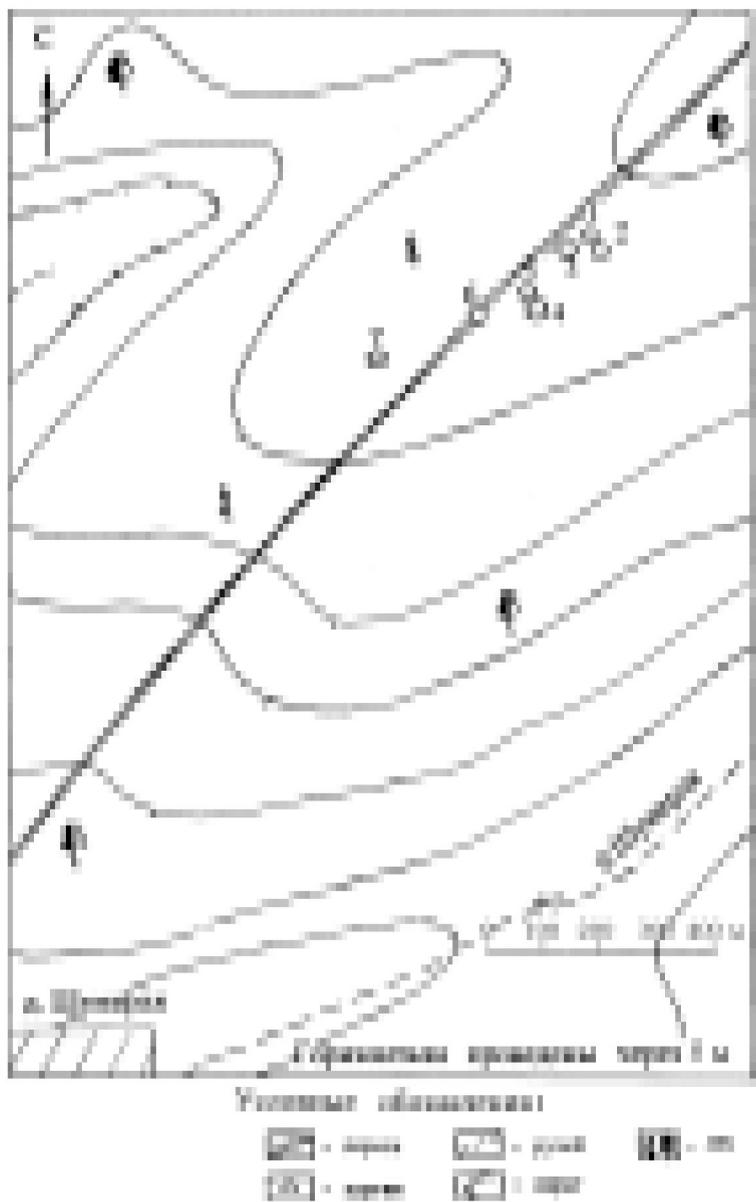
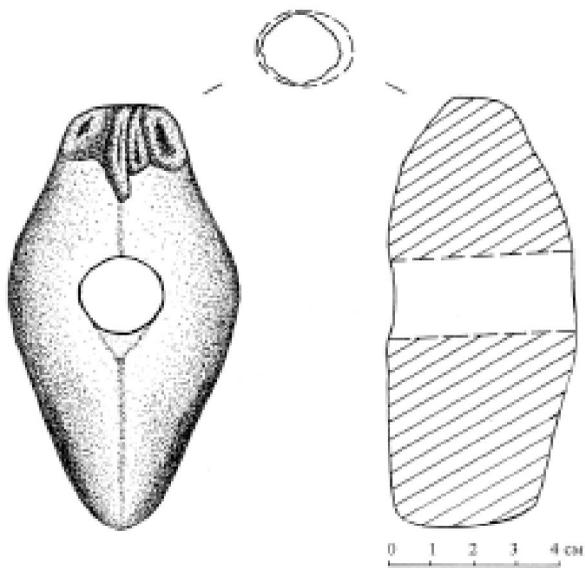
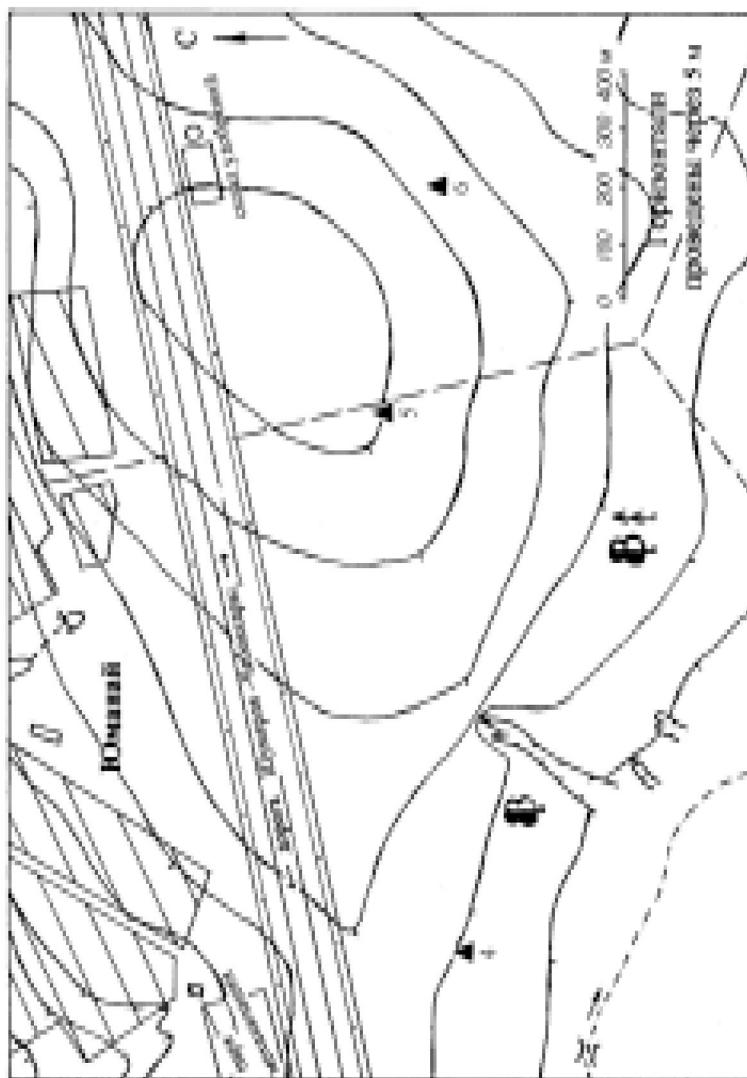

Рис. 11. Схема расположения курганной группы у дер. Шумерля.

**Рис. 12. Короткобушковый сверленный топор
(с. Юманай).**

Условные обозначения:

 = лес	 = ручей
 = дорога	 = горизонтали

Рис. 13. Схема расположения Юманайских местонахождений:
4 – Юманайское I, 5 – Юманайское II, 6 – Юманайское III.

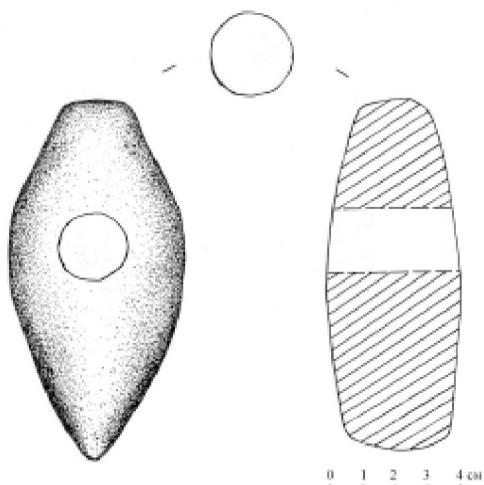

Рис. 14. Короткобушковый сверленый топор (дер. Егоркино).

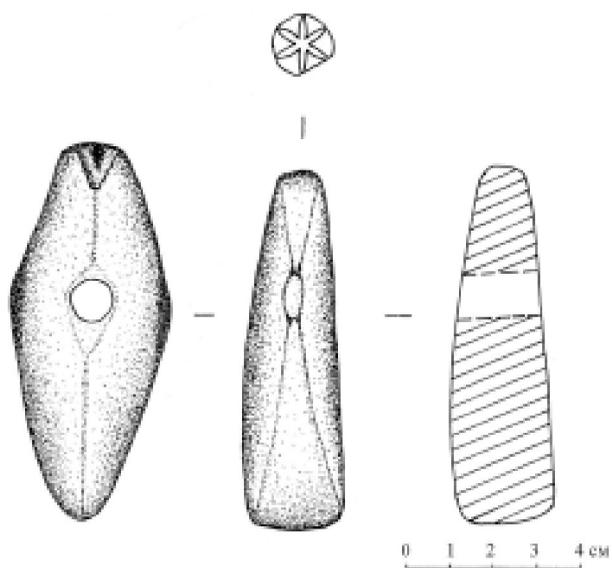

Рис. 15. Ромбический узкобушковый сверленый топор (дер. Егоркино).

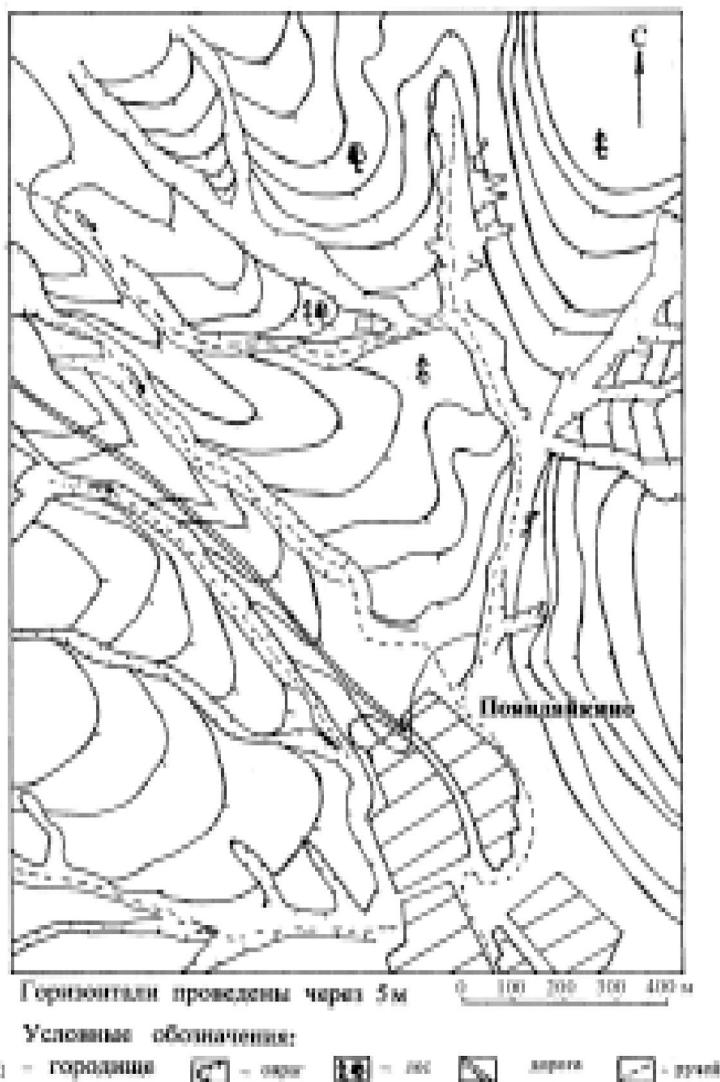

Рис. 16. Схема расположения Пояйдайкинского (Егоркинского) городища.

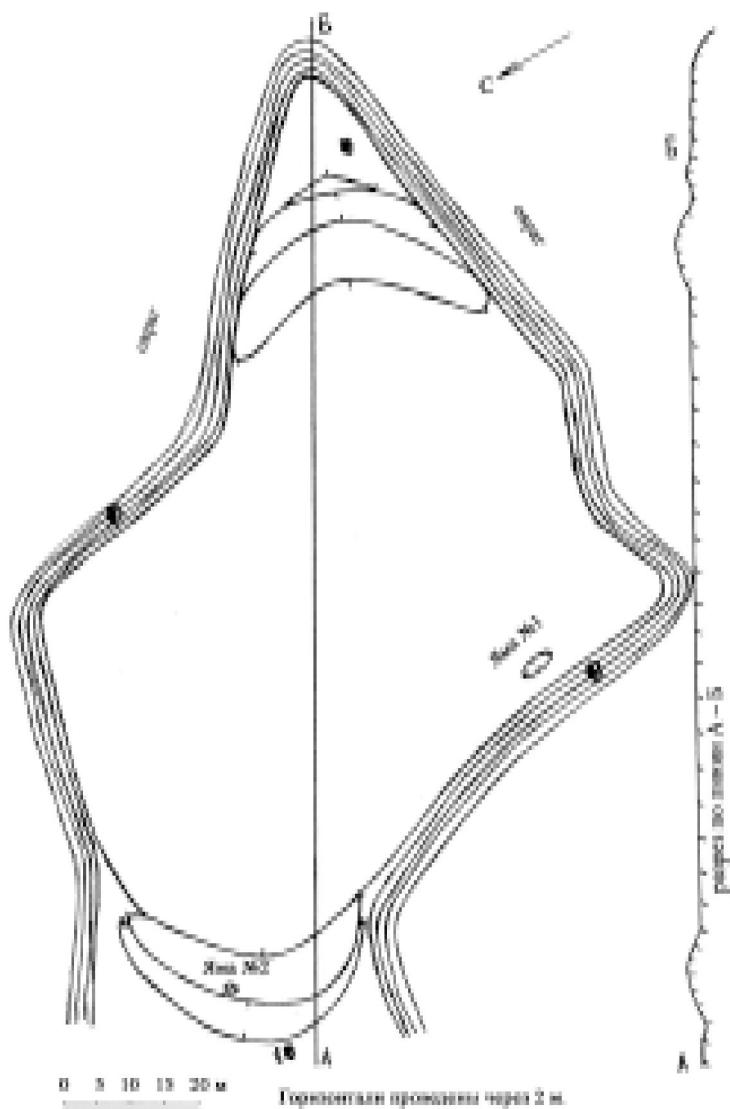

Рис. 17. План Пояндайкинського (Егоркинського) городища.

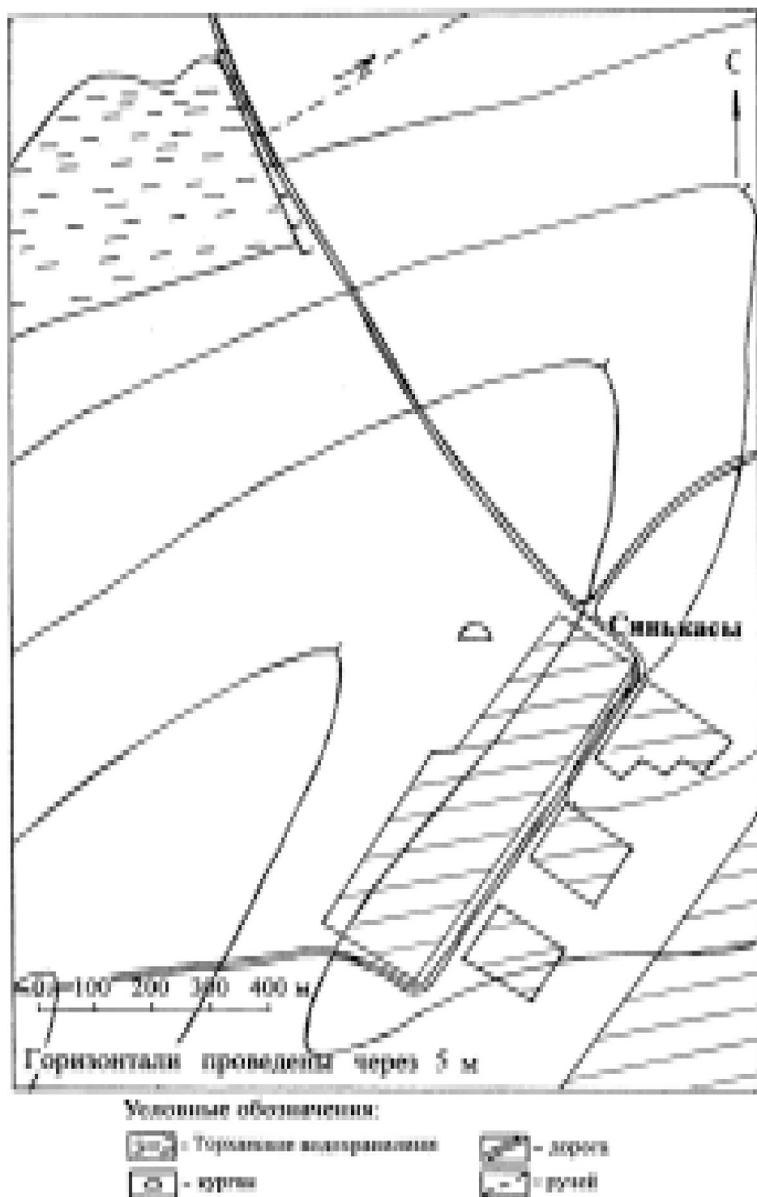

Рис. 18. Схема расположения кургана у д. Синькасы.

УЛУС ДЖУЧИ И ЕГО НАСЛЕДНИКИ

В 1224 г. Чингисхан разделил свою империю между сыновьями. Старшему сыну Джучи во владение отошли земли, лежащие на северо-запад от Монголии. В тот период это были территории Южной Сибири, Алтая и Восточного Казахстана. Все, что располагалось дальше на запад, еще предполагалось завоевать. Сам Джучи, как считали некоторые его современники, не отличался воинственностью в той степени, в какой она была присуща Чингисхану и его окружению. Поэтому, а, возможно, потому, что судьба отпустила ему небольшой срок жизни после раздела империи (умер в 1227 г.), он не предпринял усилий для завоевания западных земель. Эта задача была выполнена его сыном Бату.

После ряда разведывательных походов, в 1236 г. началось широкомасштабное завоевание Восточной Европы. В последние десятилетия XX в. некоторые историки, в частности Л.Н. Гумилев, называли эти походы «большим набегом» (Гумилев, 1992. С. 122), но это мало соответствует действительности. Применение значительного количества военных ресурсов, а, самое главное, — закрепление на завоеванной территории не может квалифицироваться как набег.

Бату во главе победоносного войска смог покорить кочевников тюрок, которые проживали в степях Приднестровья, Подонья, Поволжья и Приуралья. Были завоеваны также оседлые народы — русские, волжские болгары, мордва, народы Крыма и Кавказа. Менее успешным оказался поход в Центральную Европу. Хотя и здесь войска Бату имели успех, тем не менее, закрепить за собой германские, венгерские, словацкие, чешские, польские и южнославянские земли монголам не удалось, поэтому после боевых действий в этом

регионе в 1242 г. Бату возвратил свои армии в восточноевропейские степи.

Последствия для подвергшихся нашествию стран и народов были исключительно тяжелыми. Гибель значительных масс населения, разорение цветущих ранее областей сказывались в течение нескольких десятилетий. Но особенно сложным вначале монгольского господства было положение тюрков степей Восточной Европы, русских княжеств и Волжской Болгарии, потерявших независимость и испытывавших тяготы экономического ига.

По возвращении войск Бату из Центральной Европы было продолжено формирование государства джучидов. Иногда неправильно указывается, что Улус Джучи был образован в 1243 г. В 1993 г. даже отмечалось 750-летие со дня его основания. Но, как уже говорилось, формально он выделился из империи Чингиса 20 годами раньше. Тем не менее, нельзя не отметить, что основы государства все-таки формировались в сороковых — пятидесятых годах XIII в. при хане Бату и его ближайших преемниках. В исторической литературе за ним закрепилось название Золотая Орда. Правда, данный термин сравнительно поздний. Он появился в XVI в. в русских источниках и постепенно вытеснил другие названия государства. Восточные авторы, как правило, называли его Улус Джучи. Скорее всего, это наименование имело определенное хождение и внутри самого государства. По крайней мере, четкое отождествление себя с джучидами у правящей верхушки присутствовало всегда. Русские источники называют это государственное объединение просто Орда. В разных источниках и в написанных на их основе исторических сочинениях имеются и другие его названия: Белая орда, Волжская орда, Большая орда (Астайкин, 1995. С. 558). Все-таки наиболее распространенное наименование объединения и, скорее всего, наиболее соответствующее сути — Улус Джучи.

По ходу укрепления позиций Улуса Джучи в Восточной Европе происходит и коренная структурная перестройка во всех областях жизни народов, оказавшихся под его властью или в сфере политического, военного и экономического воздействия. К концу XIII в. были изжиты многие негативные аспекты самого завоевания. И с этого времени Улус Джучи

начинает играть, как это ни покажется парадоксальным, положительную роль для некоторых народов Восточной Европы.

В советской исторической науке сложилось мнение о том, что это государство являлось паразитическим, агрессивным, не способствовавшим прогрессу населявших его народов и не оставившим значительного следа в мировой истории. Исследования второй половины XX в. показывают, что это далеко не так. Сейчас уже достаточно ясно, что некоторые стереотипы, сложившиеся в нашем отображении истории Улуса Джучи — Золотой Орды, являются следствием догматически усвоенных идеологических посылок или обычной схоластики.

Так, не вызывает сомнения, что Улус Джучи являлся исключительно мощным государственным образованием эпохи средневековья, в полном смысле слова мировой империей, которая оказала сильнейшее влияние на ход истории в Европе и Азии.

В последнее время в России обсуждается вопрос об историческом наследии Улуса Джучи — Золотой Орды. В большей части учебной литературы, издаваемой в Москве для высших и средних школ, сохраняется старая, негативная оценка этого государства. Причем учебники написаны, как правило, на уровне развития науки пятидесятих годов прошлого столетия, но позиция, которую занимают их авторы, связана даже не с идеологическими ограничениями, а скорее всего с тем, что они просто незнакомы с работами советских и российских историков в этой области. Отсюда описание страшных картин ига и основанного на нем регресса, в первую очередь русских княжеств в XIII—XV вв. Отсюда незнание этнического состава Улуса Джучи, примитивно отождествляемого с татарами русских летописей, и механическое объединение этих татар с современными казанскими татарами, что ведет к созданию идеологии русско-татарского противостояния.

На наш взгляд, иго не смогло задержать развития народов Восточной Европы, которое было приостановлено монгольским нашествием, но его последствия были преодолены уже к концу XIII в. Да и само иго, при ближайшем рассмотрении, не оказывается столь уж тяжелым. Ордынские власти собирали с вассального Русского улуса десятую часть

от всех доходов его населения. Как правильно пишет в одной из своих последних работ директор Института истории АН Татарстана Р.С.Хакимов, в России еще долго не будут введены такие щадящие налоги. Правда, он не учитывает, что ордынская десятина добавилась к повинностям, которые уже существовали, и это создало дополнительные тяготы для податного населения. Легко заметить, что набеги ордынских войск на Русь проводились чаще всего по просьбе русских князей, стремившихся с их помощью ликвидировать конкурентов в борьбе за власть. Это, конечно, не облегчало участь простого населения, но и не намного его ухудшало, т.к. феодальные войны на Руси были обычным явлением и до монгольского нашествия.

Все негативные факторы не могли остановить поступательности исторического развития, иначе невозможно объяснить экономический подъем XIV–XV вв., который в конечном счете обеспечил создание нового государства — Московского. Так, в свое время аналогично не выдержала критики идея об отсутствии прогресса в период феодальной раздробленности.

Иная точка зрения на золотоордынское наследие в 1990-е гг. складывается у некоторых историков Татарстана. К сожалению, и в ней превалируют идеологические посылки. Справедливости ради следует отметить, что это связано не только со стремлением во что бы то ни стало создать новую национальную идеологию, но и с тем, что история Улуса Джучи в Татарстане изучалась до последнего времени очень слабо. Это и приводит к мифологизации истории этого государства в исторических сочинениях и особенно в татарской публицистике 1990-х гг. Главной ошибкой этих построений является желание напрямую связать летописных татар Улуса Джучи с современными казанскими татарами. При этом как бы совсем забываются основы этнической истории татарского народа, сравнительно неплохо разработанной еще в советское время. Цель у некоторых историков и публицистов очень прозрачна — доказать преемственность по линии Улус Джучи — Казанское ханство — Татарстан. Идея национального или, лучше сказать, национально-территориального самоопределения не вызывает каких-либо возражений, но попытки идеологически оправдать его,

обращаясь в прошлое, причем в явно мифологизированное прошлое и реально никогда не существовавшее, подвергаются и будут подвергаться критике.

Этнические процессы в Улусе Джучи изучены еще очень слабо, но уже сейчас ясно, что, как и многие империи, это государство было интернационально по своему составу. Основу населения составляли тюрки, которых и стремятся, зачастую без достаточных на то оснований, отождествить с современными казанскими татарами или их непосредственными предками. На самом деле проведение прямой линии этногенеза: тюрки Золотой Орды — современные татары свидетельствует о довольно примитивном представлении об этом процессе. Хотя нет особых возражений по поводу того, что кипчаки, они же половцы русских летописей или куманы европейских источников, составлявшие большинство тюркоязычного населения Улуса Джучи, явились одним из компонентов татарского народа. Но данный процесс далеко не самый главный в этническом развитии Улуса Джучи. На наш взгляд, определяющим было то, что на объединенной джучидами территории проходило складывание нового этноса, которое было прервано еще во второй половине XIV в. и так и не завершилось. Условно можно назвать этот складывающийся этнос ордынцами. Главную роль в его формировании играли тюркские народы Великой степи и, в первую очередь, кипчаки. Но активное участие в процессе принимали и монголы, русские, мордва, аланы, хорезмийцы и многие другие народы, вовлеченные в золотоордынскую историю. Во второй половине XIV в. феодальные усобицы и война с Тамерланом привели к ослаблению экономических и политических связей внутри государства. Все это и привело к тому, что на базе не сформировавшегося этноса начинается складывание нескольких тюркских народов, в том числе и казанских татар.

Во 2-й половине XX в. профессором Московского университета Г.А.Федоровым-Давыдовым и его учениками в ряде монографий и большом количестве статей была по существу заново написана история Улуса Джучи. Работу данной школы отличает стремление к максимально объективному отражению исторического процесса, поэтому для нее характерно обращение к комплексному источниковедению

истории Золотой Орды — Улуса Джучи. Так как большая часть письменных источников по истории джучидского государства уже была введена в научный оборот, Г. А. Федоров-Давыдов обратил особое внимание на археологическое изучение городов Золотой Орды, особенно ее столиц. Широкою известность в России, а также за ее пределами получили его нумизматические исследования. В результате деятельности этой школы была изучена слабоизвестная до этого городская цивилизация Улуса Джучи. Оказалось, что золотоордынские города XIV в. были высокоразвитыми экономическими центрами со своеобразной культурой восточного типа. На базе комплексного изучения источников были сделаны выводы об общественном устройстве этого государства, его культуре, политическом и этническом развитии. Важно то, что представители этой школы стремились и стремятся не допускать искажения исторической действительности для удовлетворения сиюминутных политических и идеологических воззрений, не имеющих научной основы.

Существование в современной науке различных взглядов на историю Улуса Джучи вполне нормальное явление. Дискуссии сторонников различных направлений позволяют выработать правильные подходы к решению спорных вопросов. В частности, все больше исследователей склоняется к мысли о том, что именно Россия является основной наследницей Улуса Джучи. Именно она вобрала в себя все территории этого государства, во многом заимствовала государственное устройство, некоторые элементы культуры, языка и в определенной мере даже ментальность населения. Выяснение данного вопроса не столь важно с точки зрения определения наследника этой давно не существующей средневековой империи. Большее значение имеет уяснение настоящей роли Улуса Джучи — Золотой Орды в истории народов Восточной Европы и их соседей.

То, что Россия постепенно подчинила все золотоордынские территории, отмечали многие историки, но наиболее концентрированно и доказательно этот тезис прозвучал в трудах А. Капелера. Он пишет, что основой внешней политики России XVI—XVIII вв. как раз и было собирание всех бывших земель Золотой Орды (Капелер, 2000. С. 22—48). Конечно, в действиях российского руководства этого периода

не наблюдается какого-либо конкретного плана собирания ордынских земель под своей властью, но, так или иначе, фактически все земли Золотой Орды оказались включенными в состав Российской империи. В XVI в. шла особенно ожесточенная борьба за ордынское наследство, и Россия была одной из главных и удачливых участниц этой борьбы. При этом в XVI в. русское правительство считало своей задачей захват центральных ордынских земель, а именно Поволжья, полагая, по-видимому, что это позволит, с одной стороны, диктовать свои условия бывшим подданным Золотой Орды, а, с другой стороны, не допустить возрождения империи под чьим-либо другим главенством.

Влияние Золотой Орды на складывание и функционирование Русского государства, особенно в XVI–XVII вв., было исключительно сильным. Причем это влияние пронизывало буквально все отрасли его жизни. Правда, где-то оно сказывалось сильнее, где-то меньше. Например, ордынское экономическое наследие в экономике России не такое значительное, как наследие в других областях государственной жизни. Но и в экономике имеются отдельные элементы ордынского наследия. В частности, именно под влиянием Золотой Орды складывается русская восточная торговля. Вхождение в состав золотоордынского государства открыло русским купцам дорогу на рынки Поволжья, Хорезма, Прикаспия. Можно с уверенностью говорить о том, что происходит переориентация основного вектора русской торговли с днепровско-черноморского направления в доордынский период на волжское направление в ордынский период. Несмотря на то, что до середины XIII в. русские купцы торговали на Волге, но скорее всего путь в Нижнее Поволжье и в Прикамье им был закрыт волжскими болгарами. В период расцвета Золотой Орды, когда весь волжский путь был под контролем одного государства, русское купечество получило возможность торговли и на Нижней Волге. О том, что эта торговля продолжалась и после распада Золотой Орды, говорят данные хождения Афанасия Никитина. Восточная ориентация русской экономики, которая устанавливается в XIII–XV вв., явилась еще одной причиной борьбы Русского государства за золотоордынские земли в Поволжье.

Русское государство в XV–XVII вв. восприняло многие черты государственного устройства Золотой Орды. Русские князья еще в период вассальной зависимости от Орды начинают ориентироваться на деспотическую форму правления, образцом которой была власть хана. Г.В.Вернадский отмечал, что вместе с заимствованиями из сферы государственного устройства, возможно, в Русском государстве были восприняты и некоторые черты ордынского судопроизводства. По крайней мере, он возводит название мелкого судебного чиновника в XVI–XVII вв. – ярыга к монгольскому термину *jarqu* – судья (Вернадский, 2000. С. 365).

Нужно отметить, что в XIV–XVI вв. в состав русской феодальной элиты включается довольно значительная часть ордынской знати, которая переходит на службу к великому князю Московскому, а затем государю Всея Руси (Халиков, 1992. С. 18–21).

Взаимовлияние русской и ордынской социальной верхушек, вкупе со стремлением русских князей к стилю жизни ордынской элиты, приводит к созданию в России XVI–XVII вв. социальной элиты, ориентированной на восточные ценности. В России это накладывается на византийские, в первую очередь идеологические, традиции, что не противоречит восточному облику власти и государства. Попытки направить Россию в евроцентрическом русле Петром I и политиками начала 1990-х гг. до настоящего времени ситуацию не изменили.

Л и т е р а т у р а

- Астайкин А.А.* Опыт сопоставительного исследования // Мир Льва Гумилева. Пустыня Тартари. М., 1995.
- Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. М., 2000.
- Гумилев Л. Н.* От Руси к России. М., 1992.
- Каптелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000.
- Халиков А. Х.* 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. Казань, 1992.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В 1998–2000 ГОДАХ

В 1966 г. были прекращены археологические исследования Чувашского государственного педагогического института им. И.Я.Яковлева (далее ЧГПИ) в связи с передачей исторического факультета Чувашскому государственному университету им. И.Н.Ульянова.

В 1997 г. на базе филологического факультета ЧГПИ было открыто отделение истории, которое в 1999 г. стало функционировать в качестве отдельного факультета. Это позволило возобновить и археологические исследования Чувашского госпедуниверситета, которые ежегодно с 1998 г. проводятся в виде летней археологической практики студентов исторического факультета. Раскопками руководит кандидат исторических наук, доцент Б.В.Каховский.

В 1998 г. впервые после долгого перерыва ЧГПИ им. И.Я.Яковлева была организована археологическая экспедиция, в плане которой было намечено проведение работ на могильнике у с. Новое Ахпердино Батыревского района Чувашской Республики, отдельной могиле у с. Тойси того же района.

Раскопки могильника были проведены в 1984–1985 гг. отрядом археологической экспедиции Института языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова под руководством Г.И.Дроздовой. Был выявлен языческий погребальный обряд; умершие лежали на небольшой глубине в деревянных гробах-колодах. Погребальный инвентарь представлен орудиями труда (железные ножи, серпы), а также украшениями (бисер, бусы, перстни, монеты). Могильник был датирован XVII–XVIII вв. (Дроздова, 1986, 1987, 2003).

В 1998 г. археологической экспедицией ЧГПИ было продолжено исследование этого памятника (Каховский Б.В., 1998. С. 88–89). Могильник расположен в 1 км восточнее с. Новое Ахпердино, в 50 м южнее дороги, ведущей из села в деревню Бахтиярово (рис.1). Кладбище сильно распаивается. Раскоп (10 x 8) был заложен в 14 м западнее каменного надгробного памятника, который является объектом поклонения местных жителей. На площади раскопа было изучено 13 погребений. Исследования могильника подтвердили, что кладбище у с. Новое Ахпердино является языческим. Захоронения совершены в неглубоких ямах, очертания которых в основном не прослеживаются. Возможно, что они незначительно превышали размеры дубовых гробов, остатки которых встречены в 12 захоронениях (рис. 3). Глубина залегания ям – 35–45 см. Два погребения обнаружены на глубине 60 см от поверхности почвы. Гробы-колоды были изготовлены из дуба и имели прямоугольную форму. В погребении 13 боковые стенки выходят за пределы торцевых. Сверху колоды покрывались плахой-крышкой, остатки которых обнаружены в ряде погребений (№№ 1 и 2).

Погребенные оказались в положении, типичном для чувашей-язычников: вытянуто, на спине, руки вытянуты вдоль туловища, ноги располагались параллельно. Костяки лежали головой на юго-запад, ориентация колеблется от 240° до 270°. Умерших располагали лицом к восходу солнца (черепки слегка повернуты на правый висок). Культ солнца занимал одно из центральных мест в религиозных воззрениях чувашей. Во время молений они стояли лицом к восходу солнца, деревянные избы строили на восток и т.д.

Половозрастную характеристику можно дать лишь по нескольким погребениям: у 3 женских и 1 мужского захоронения возраст умерших составлял 30–40 лет, встречено 2 детских захоронения.

Погребальный инвентарь, обнаруженный в погребениях, очень беден (рис. 2). В семи погребениях обнаружены железные ножи, которые имеют прямую спинку, на части из них имеется упор для деревянной, судя по сохранившимся остаткам, ручки. Другие ножи имеют для этой цели выступ (рис.4). Обнаружена одна бусина, сделанная из полупрозрачного камня, имеющая очень неправильные формы (рис. 5).

Остатки ткани и тесьмы представлены фрагментами и сильно истлели, что затрудняет их характеристику. В 12 погребениях встречены серебряные и медные монеты, датированные XVII–XVIII вв.

Незначительное количество вещей в погребениях, возможно, объясняется развитием символизма в погребальных традициях, когда чувашки вместо лошади клали в могилу ее отдельные кости, телегу мог заменять лубок, на котором обмывали умершего. В.К.Магницкий, описывая кладбище у дер. Мартыново, ныне Козловского района Чувашии, отмечает, что после поминок на могильнике оставляли куриц, запряженных в игрушечные телеги. Настоящую избу покойнику могли заменить камень или домики, поставленные на могиле (Магницкий В.К., 1881. С. 168).

Захороненные на данном кладбище, видимо, являются предками жителей современных чувашских селений Новое Ахпердино, Тойси, Старое Ахпердино. Освоение южных районов Чувашии начинается во второй половине XVI–XVII вв. Новым поселенцам необходимы были средства для обзаведения хозяйством, что возможно, также сказывалось на количестве погребального инвентаря. Не исключено, что определенное влияние могло оказать распространение мусульманства в данном регионе, о чем, возможно, свидетельствует каменное надгробие, которому поклонялось население, исповедовавшее ислам. Однако следует отметить, что на памятнике нет каких-либо признаков, позволяющих отнести его к числу мусульманских.

Таким образом, могильник по выявленному погребальному обряду является языческим и датируется по монетам XVII–XVIII вв.

Раскопки отдельной могилы под надгробием с арабскими письменами у с. Тойси не были произведены, т.к. в результате опроса местного населения было выяснено, что надгробный камень неоднократно передвигался с места на место.

В 1999 г. Чувашским госпедуниверситетом была организована археологическая экспедиция для проведения стационарных работ на могильниках у с. Янтиково Янтиковского района и д. Тебикасы Цивильского района Чувашской Республики.

Изучение состояния языческого кладбища у с. Янтиково показало, что в настоящее время оно полностью занято постройками и огородами жителей села, и проводить раскопки на нем невозможно. По рассказам местных жителей, во время проведения строительных работ и копки огородов они находили человеческие кости, железные ножи, бусы, мелкие серебряные монеты. По-видимому, кладбище у с. Янтиково являлось местом захоронения чувашей-язычников. Сведения о нем имеются в архивных материалах, хранящихся в Историческом архиве Чувашской Республики.

Работы проводились на языческом могильнике у дер. Тебикасы Цивильского района (Каховский Б.В., 1998. С. 119–121). Он расположен на окраине деревни. По рассказам местных жителей, во время таяния снега и сильных дождей из земли вымывались отдельные фрагменты человеческих костей, монеты, украшения и пр.

На улице деревни, на свободной площади в 25 м от края забора на юго-запад (200°) был заложен раскоп 2 x 10 м. На площади раскопа вскрыто 5 погребений. Исследование захоронений выявило языческий характер кладбища. Погребения совершены в неглубоких ямах (глубина 40–50 см) без гробовищ. Костяки лежат вытянуто, ориентированы головой с учетом западного направления (275°–295°), лицом повернуты на восток. Погребальный инвентарь представлен широко распространенными на территории Чувашии предметами: железными ножами (рис. 6, 1; 7), сьюльгами (рис. 8, 1), наконечниками-ху́ре (рис. 8, 9), бусами (рис. 8, 5, 6), подвесками (рис. 6, 2, 3). Все украшения, а также нательный крест из погребения 1 (рис. 8, 4) выполнены из бронзы. Железные ножи представлены двумя типами:

1) с упором для ручки, которая, судя по остаткам древесины, была деревянной, спинка ножа прямая, либо лезвие суживается к концу; ширина лезвий таких ножей 2 см, длина 20–27 см;

2) нож с выступами для ручки, лезвие суживается к концу; ширина лезвия – 3 см, длина сохранившейся части – 16 см.

В одном из погребений (№ 4) найдены фрагменты глиняного сосуда коричневатого цвета гончарного произ-

водства, горнового обжига, тесто содержит песок (рис. 8, 8).

Среди вещевого материала есть медные монеты, которые позволяют датировать памятник серединой XVIII в.

У местного населения не сохранилось никаких преданий о данном памятнике, более того, жители и не предполагали, что их деревня располагается на могильнике. Разведочные работы, проведенные в окрестных деревнях (дер. Первомайское, дер. Вурманкасы и др.), показали, что в округе нет иных языческих кладбищ. Это свидетельствует о том, что Тебикасинский могильник, видимо, был кладбищем сложной сельской общины, состоящей из нескольких родственных деревень, что наблюдалось и в других районах (Толиковский, Мартыновский могильники) (Каховский Б.В., 1975. С. 196–216; Каховский Б.В., 1978б. С. 95–118). Однако другие могильники располагались вне населенных пунктов. Учитывая датировку Тебикасинского могильника (середина XVIII в.), не совсем понятно, почему память о нем стерлась в памяти местного населения, которое стало селиться рядом с кладбищем.

На большинстве исследованных могильников (Большеянгийдинском, Мартыновском, Толиковском и др.) керамики не найдено, в лесной полосе посуда выполнялась из дерева. Глиняная посуда обнаружена в Икковском средневековом могильнике.

Таким образом, несмотря на незначительное число исследованных погребений, памятник представляет научный интерес в плане изучения погребальных традиций средне-низовых чувашей-язычников.

В 2000 г. археологическая экспедиция ЧГПУ им. И.Я. Яковлева работала у поселка Красный Октябрь Шумерлинского района Чувашской Республики и провела раскопки одиночного кургана возле деревни, сведения о котором сообщил директор Краснооктябрьской средней школы В.И. Федоров (Каховский Б.В., 1998. С. 81–82).

Курган расположен в 1,5 км восточнее пос. Красный Октябрь в лесу, в 50 м от его края рядом с лесной дорогой, проходящей по южной части кургана. Он сильно зарос деревьями и кустарником. Курган имеет достаточно правильную круглую форму диаметром 14 м. Почти в центре кургана вы-

рыта яма, ориентированная по линии запад-восток, имевшая размеры: длина — 2,3 м, ширина в восточной части — 1,1 м, в западной — 0,6 м, глубина — 0,9 м от вершины кургана. Часть земли впоследствии вновь осыпалась в яму, и, как показали последующие раскопки, она была вырыта на глубину 1,5 м. На момент раскопок ее дно и стенки были покрыты дерном. Исследователи выяснили, что яму «много лет назад» вырыл житель д. Красный Октябрь Ф.И.Петров. По его словам, он копал ее до глины, но ничего не нашел.

Поверхность кургана была очищена от деревьев и кустарников и разбита на четыре сектора. Были оставлены две взаимоперпендикулярные бровки, ориентированные по сторонам света. Каждый сектор был разбит на 7 траншей. Раскопки проводились с помощью этих кольцевых траншей, начиная с первой.

После снятия курганной насыпи ее стратиграфия выглядела следующим образом:

- 1) верхний слой — дерн толщиной от 12 до 20 см;
- 2) насыпь кургана — земля черного цвета, высота насыпи в центре кургана от вершины 1,1 м;
- 3) погребенная почва толщиной до 18 см;
- 4) под погребенной почвой — материк (глина).

Яма, вырытая Ф.И.Петровым, прорезала погребенную почву и незначительно углубилась в материк. В ходе этих любительских раскопок погребение, видимо, было уничтожено. В ходе раскопок был обнаружен вещевой материал, представленный исключительно фрагментами керамики (рис. 9) и остатками кострищ в виде углей.

Керамика представлена обломками сосудов нескольких типов: 1) желто-коричневого цвета с относительно тонкими стенками; 2) черного цвета с толстыми стенками; 3) желтого цвета с тонкими стенками; 4) коричневого цвета с тонкими стенками, плохого обжига (рис. 9).

В целом, в результате анализа керамического материала, Б.В.Каховский отнес памятник к балановской культуре, ошпандинскому этапу (XIII—XII вв. до н.э.).

По рассказу В.И. Федорова, за огородом старого здания школы в прошлом находились два кургана, которые более 20 лет назад были разрушены в ходе строительства комплекса

хозяйственных сооружений. Им примерно было указано их местонахождение, на месте этих курганов им были найдены:

1) бронзовый наконечник копья балановского типа, втульчатый, с отверстиями по бокам для фиксации древка, длиной 12 см (рис. 11,3);

2) каменный боевой топорик-молот длиной 6 см (рис. 12, 2);

3) обломок каменного боевого топора-молота (рис. 13, 1);

4) каменный топорик с утолщением на конце, длиной 6,8 см (рис. 11,4);

5) черешковый наконечник копья, сделанный из коричневого кремня, кончик обломан; длина сохранившейся части – 93 мм (рис. 11, 1);

6) кремневый черешковый наконечник стрелы серого цвета, длина 60 мм (рис. 11, 2);

7) каменная пластинка овальной формы длиной 68 мм, толщиной до 15 мм (рис. 13,2). На одной стороне прослеживаются контуры, предположительно, тесно прижавшихся друг к другу людей.

Материалы, обнаруженные В.И.Федоровым, свидетельствуют о принадлежности курганов к балановской культуре.

Таким образом, раскопки 1998–2000 гг., хотя и являлись незначительными по объему выполненных работ на данном этапе, позволили не только возродить археологические исследования ЧГПУ им. И.Я.Яковлева, но и подготовить материальную и методическую базу для проведения последующих планомерных исследований могильника раннего железного века близ с. Чурачики Цивильского района Чувашской Республики в 2001–2005 гг.

Возобновление археологических исследований ЧГПУ им. И.Я.Яковлева послужило, в свою очередь, основой для создания на историческом факультете археолого-этнографического музея, носящего имя доктора исторических наук, профессора Василия Филипповича Каховского. Весь вещевой материал, полученный в ходе раскопок, пополняет фонды этого музея.

Л и т е р а т у р а

¹ Дроздова Г.И. Позднесредневековые могильники Чувашии // АО 1984 года. М., 1986.

² Дроздова Г.И. Исследования Ново-Ахпердинского могильника // АО 1985 года. М., 1987.

³ Дроздова Г.И. Исследования Новоахпердинского могильника (Раскопки 1984–1985 гг.) // Новые археологические исследования в Поволжье. Чебоксары, 2003.

⁴ Каховский Б.В. Толиковский могильник // История, археология и этнография Чувашской АССР/ Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1975. Вып. 56.

⁵ Каховский Б.В. Исследование Мартыновского могильника // Исследования по археологии Чувашии/Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1978. Вып. 80.

⁶ Каховский Б. В. Средневолжский археологический словарь. Учебное пособие. Чебоксары, 1998.

⁷ Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881.

Рис. 1. Местонахождение могильника у с. Новое Ахпердино Батыревского района ЧР.

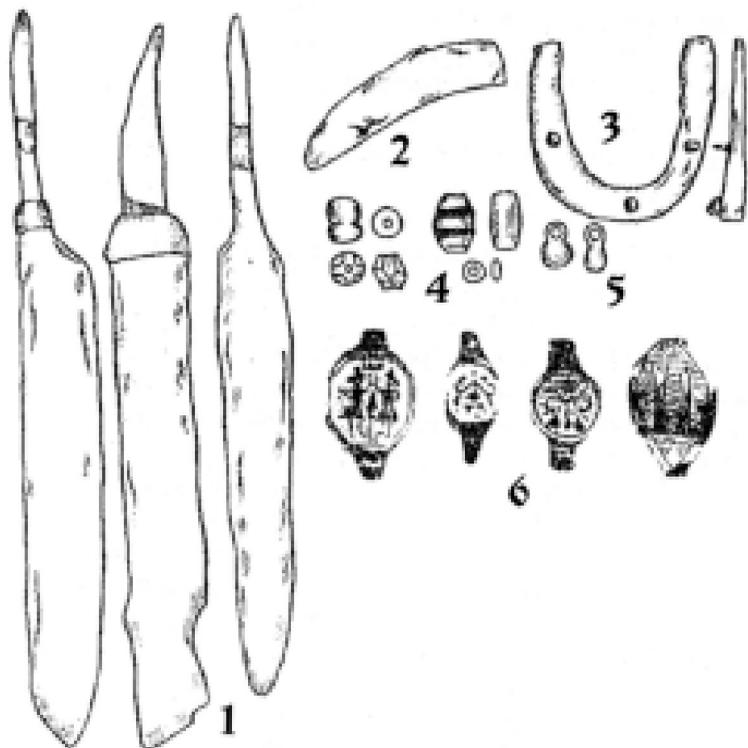

Рис. 2. Новоахпердинский могильник. 1 – железные ножи;
 2 – обломок серпа; 3 – подковка обувная; 4 – бусы;
 5 – бронзовые пуговицы; 6 – серебряные перстни.

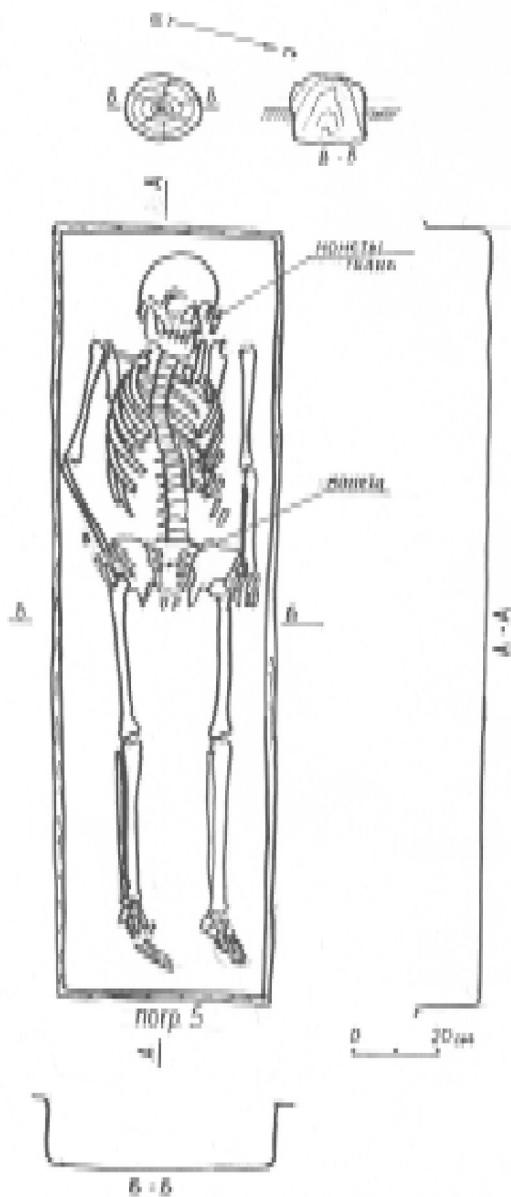

Рис. 3. Новоахпердинский могильник. Погребение 5.

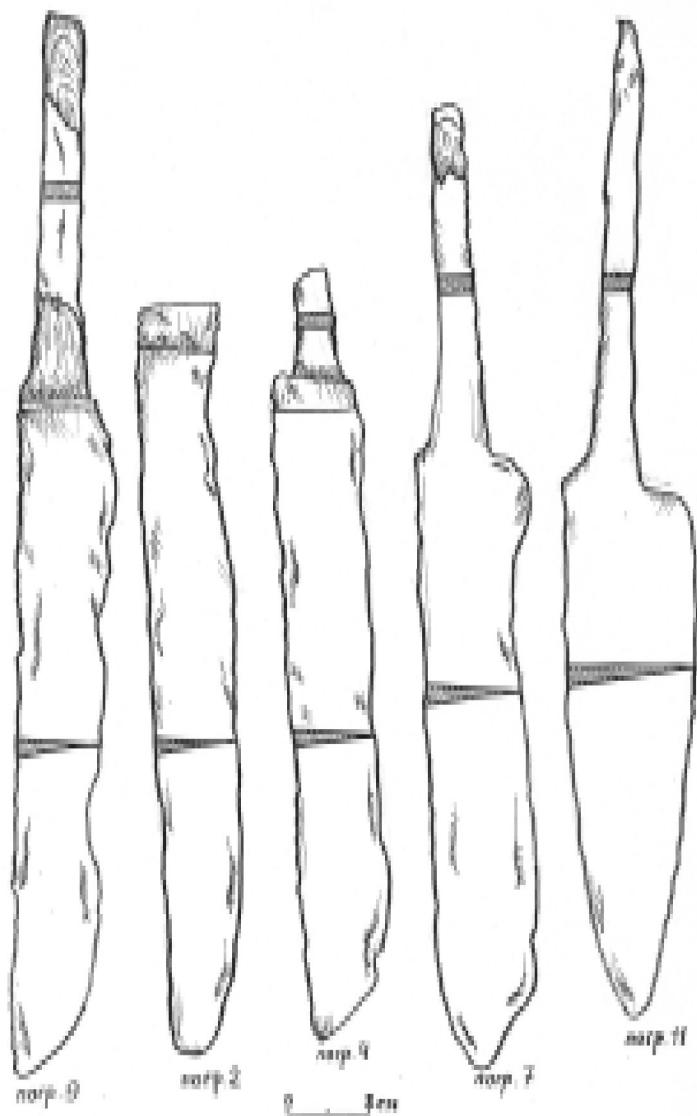

Рис. 4. Новохпердинский могильник.
Железные ножи.

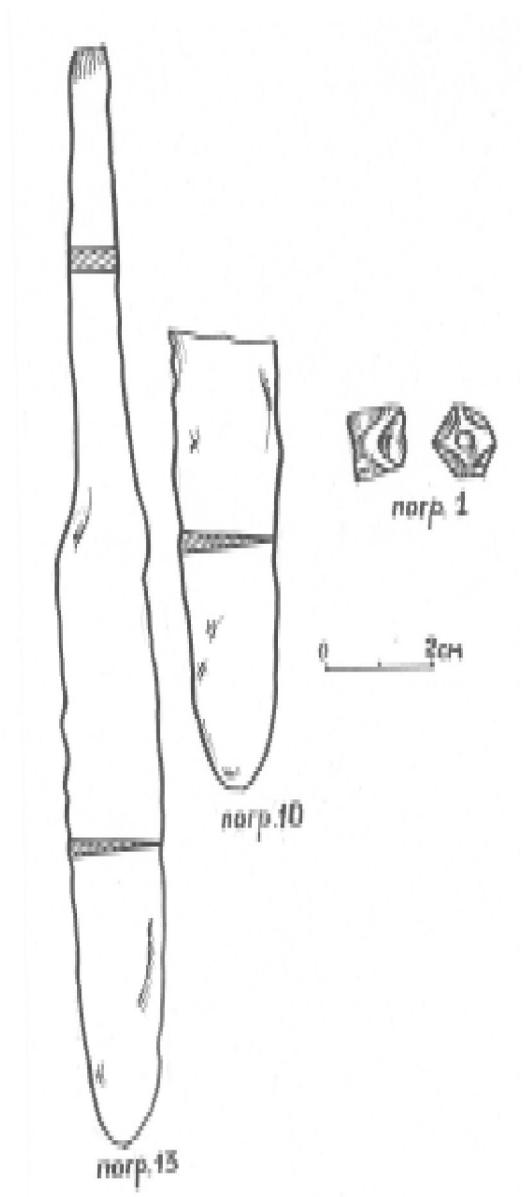

Рис. 5. Новоахпердинский могильник. Железные ножи (погребения 10, 13), бусина (погребение 1).

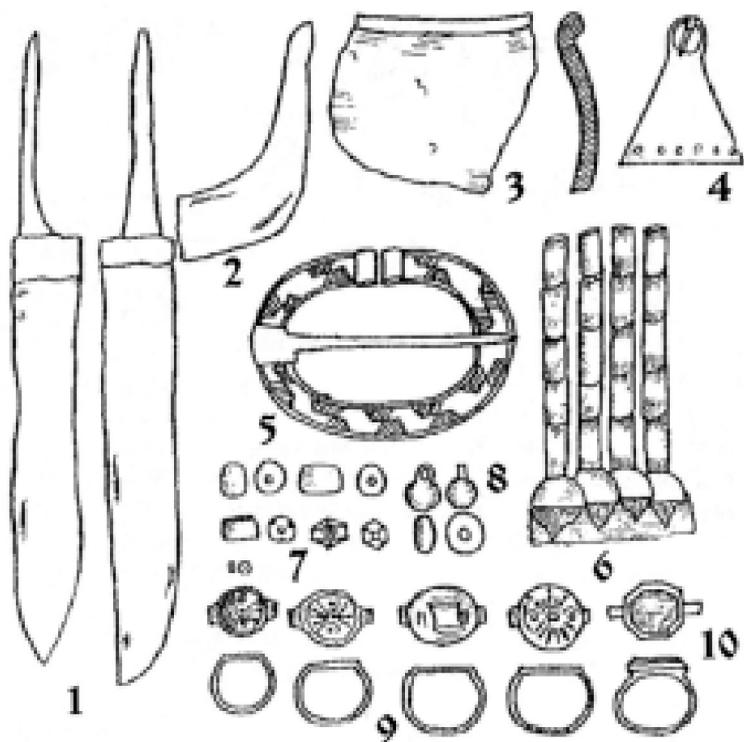

Рис. 6. Тебикасинский могильник. 1 – железные ножи;
 2 – обломок косы; 3 – керамика; 4 – ама; 5 – сольгама;
 6 – хуре; 7 – бусы; 8 – бронзовая подвеска;
 9 – серебряные перстни; 10 – бронзовые перстни.

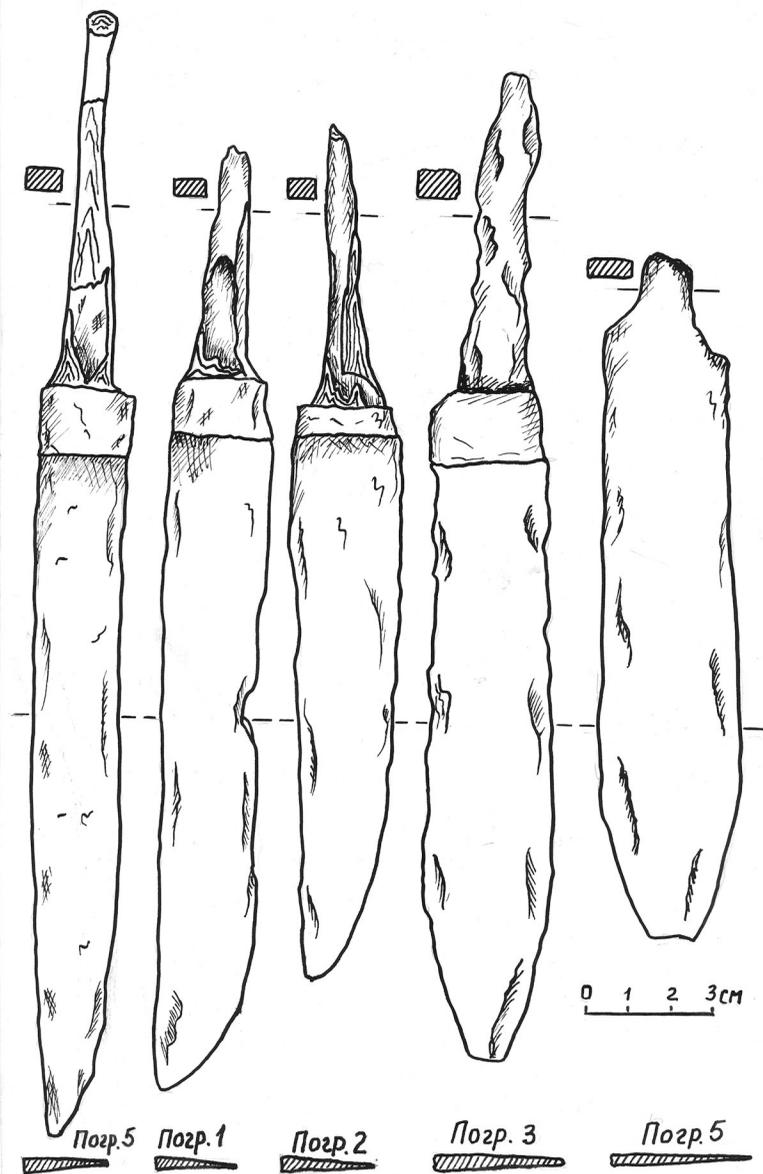

Рис. 7. Тебикасинский могильник. Железные ножи.

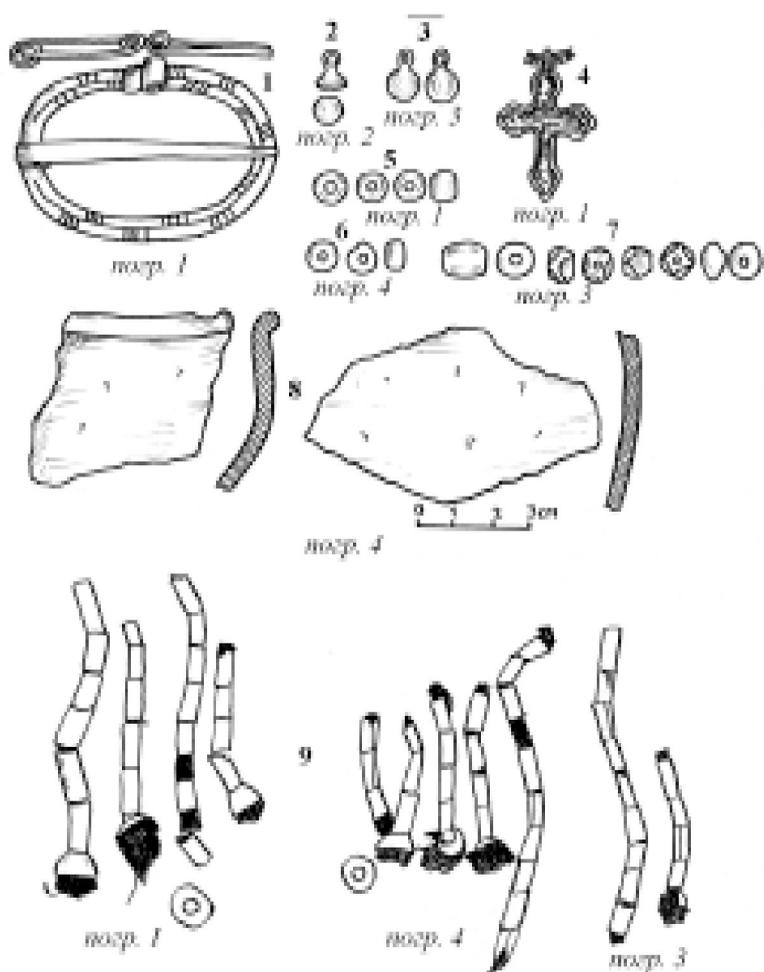

Рис. 8. Тебикасинский могильник. 1 – бронзовая сьюльгама, 2, 3 – бронзовые подвески, 4 – бронзовый крест, 5, 6 – бронзовые бусы, 7 – каменные бусы, 8 – фрагменты керамики, 9 – хўре.

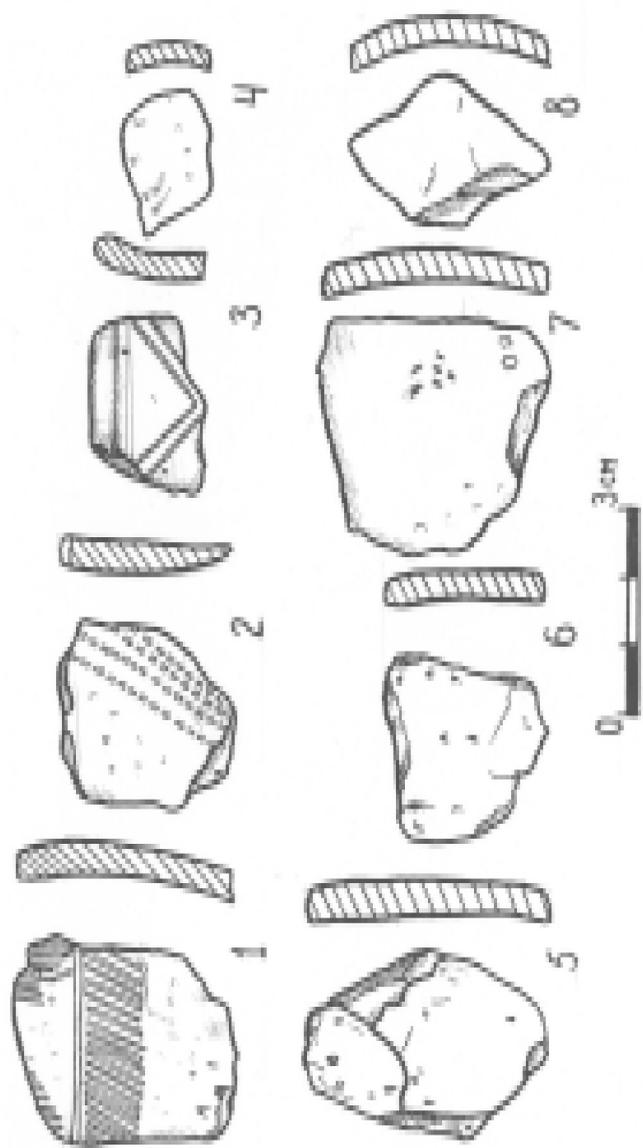

Рис. 9. Курган у пос. Красный Октябрь. Фрагменты керамики.

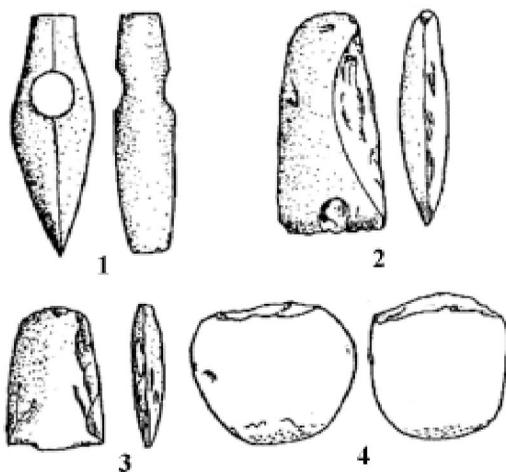

Рис. 10. Находки у пос. Красный Октябрь Шумерлинского района.
1 – топор-молот; 2, 3 – шлифованные клиновидные кремневые топоры; 4 – каменный отбойник (?).

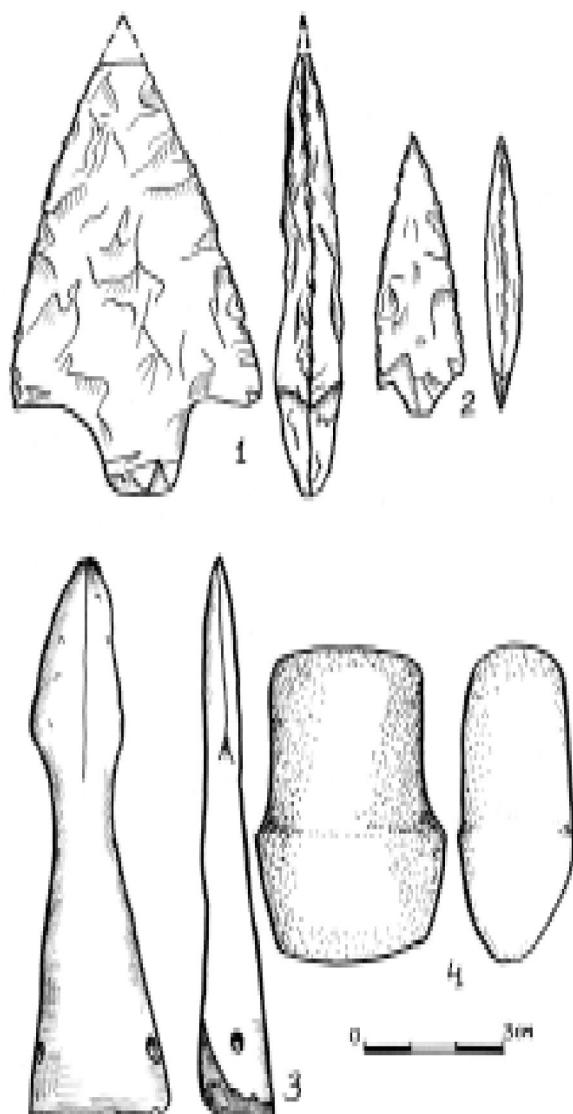

Рис. 11. Находки у пос. Красный Октябрь.
1 – кремневый наконечник копья, 2 – кремневый наконечник стрелы,
3 – бронзовый наконечник копья, 4 – каменный топорик.

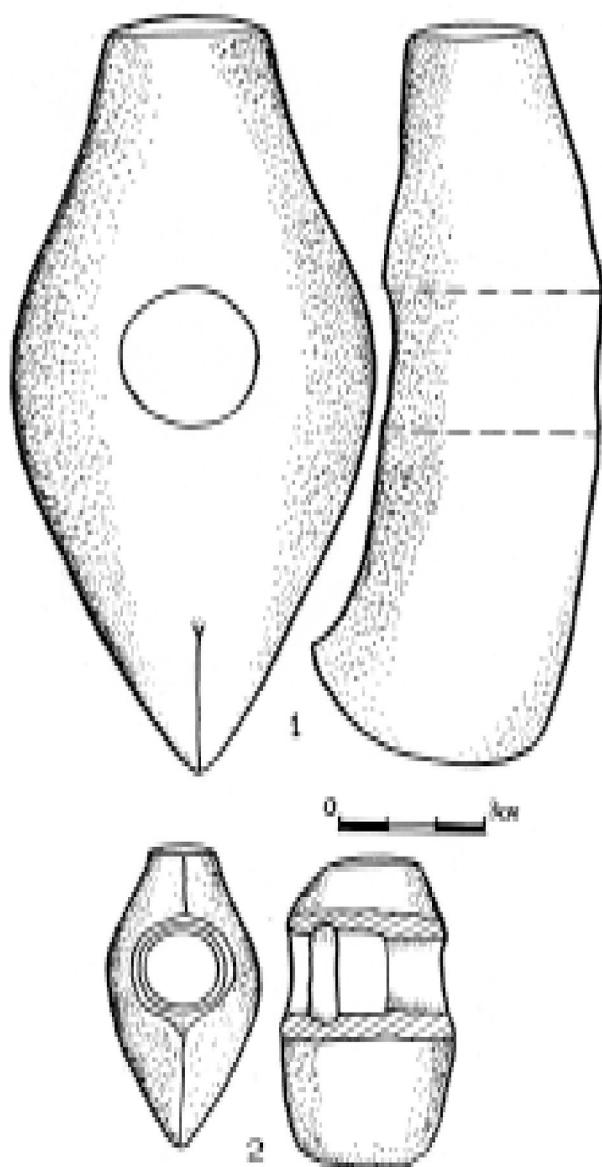

Рис. 12. Находки у пос. Красный Октябрь. Каменные топоры.

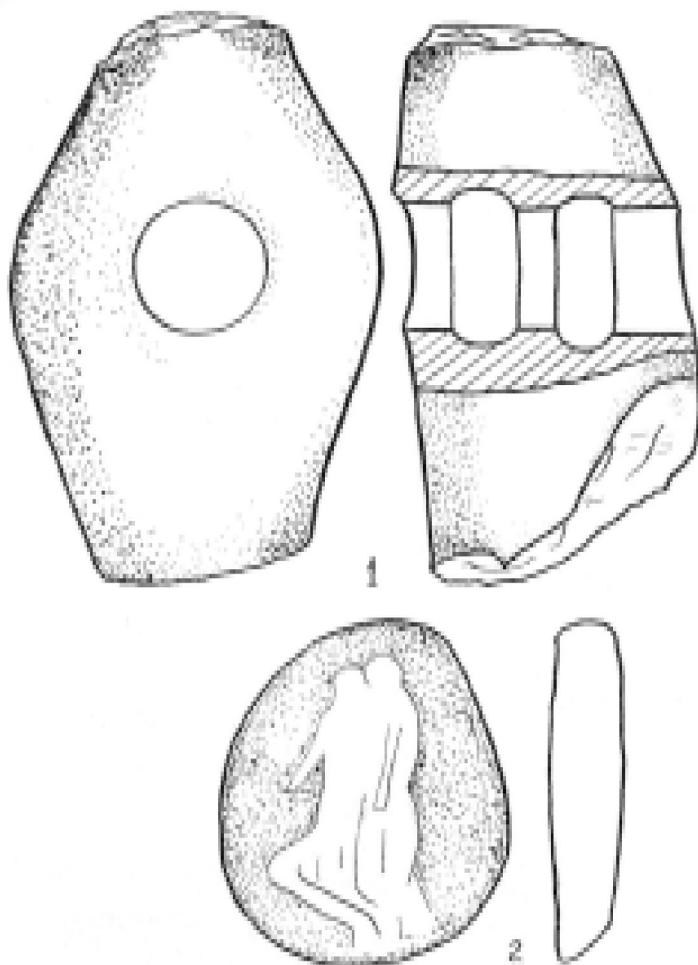

Рис. 13. Находки у пос. Красный Октябрь. .
1 – каменный топор-молот, 2 – каменная пластина
с антропоморфными изображениями.

ГЕНЕЗИС И СЕМАНТИКА СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЮЛЬГАМ ЧУВАШЕЙ

Древнейшее автохтонное финно-угорское население средней полосы России (мордовские племена эрзя и мокша, мурома и др.) повлияло своей культурой на многие народы, населившие позднее эту территорию. В частности, овалы или круглые сюльгамы (первого типа), служащие застежками, «наиболее архаичны и историческими корнями уходят к аналогичным украшениям дьяковско-городецких племен» (Никитина, 1992. С. 55). В то же время не следует забывать, что подобные сюльгамы найдены в кургане (№5678) позднекатакомбной культуры в материалах Архаринского могильника (Синицын, Эрднеев, 1966. С. 149, табл. 17). Овалы, круглые в сечении сюльгамы, найденные в большом количестве в чувашских могильниках XVI–XVIII вв., по форме не отличаются от финно-угорских, но их орнамент стилистически тесно связан с чувашскими браслетами и кольцами (Юшкин, 1985. Рис. 108). В то же время этот тип чувашских сюльгам отличен от славянских, у которых язычок расплощивается к основанию.

Следует отметить, что подобная стилизация орнамента в эпоху средневековья была присуща и мордовским сюльгамам (мордовский могильник XIII–XIV вв. Старая Сотня), что явилось, скорее всего, влиянием со стороны вновь прибывающего населения, так как этот вид орнамента не имеет древних традиций в мордовском традиционном изобразительном искусстве.

Овалы сюльгамы (второго типа 1-го подтипа), пластинчатые, служили для крепления марийского женского нагрудника *ширкама шер* (Заднепровская, 1985. С. 62). У чувашей такие сюльгамы встречаются только среди этнографи-

ческой подгруппы *вирьял* (верховых). Генезис сюльгамы этого типа тесно связан с финно-угорским миром. Их находки в археологических материалах древних культур помогают локализации этих народов в инокультурной среде (Недашковский, 1994. С. 63).

Считается, что на нынешней территории проживания, по правому берегу реки Волги, верховая группа чувашей (*вирьял*) начала формироваться еще в болгарский период (Иванов, 1998. С. 108–109). В это время древнемарийское население через правобережные поволжские земли со стороны Муромы переходило на левобережье. Кроме того, в результате событий XIII–XIV вв. земледельческое население Волжской Болгарии, поднимаясь по левобережью Волги, уходило в правобережную лесную зону, где почвы и климат позволяли им продолжать заниматься своим хозяйством, в то же время оставаясь в относительно недоступном для кочевников месте. В результате подобного многократного пересечения путей миграции и длительного проживания сначала в границах Волжской Болгарии, а затем Казанского ханства и Руси верховые чуваша и марийцы приобретали множество сходных черт в позднесредневековой культуре. Тесное культурное взаимодействие и смежное проживание марийцев и верховых чувашей оставило много однотипных артефактов средневековой материальной культуры.

Сюльгамы второго типа (2-го подтипа) имеют треугольную форму с окружностью в вершине (Заднепровская, 1985. С. 56). У чувашей это украшение называется «*ама*» или «*сестенкё*» (табл. 3). Н.И.Гаген-Торн пишет о сюльгамах горных марийцев как о рудименте мокшанской сюльгамы (Гаген-Торн, 1960. С. 83). В.Н. Белицер утверждает: «подобное, типично финское украшение было широко распространено на территории Восточной Европы у народов Поволжья – мари, удмуртов, отчасти чувашей, а также у народов Прибалтики – эстонцев, латышей, литовцев» (Белицер В.Н. 1977. С. 193). В то же время В.Н. Белицер не отрицает, что мордовские сюльгамы имеют обязательную прорезь по середине (Белицер В.Н., 1973. С. 114) (табл. 2, 4). Именно этот элемент мокшанских сюльгам подчеркивает их генезис от сросшихся удлинённых лопаток овальной сюльгамы.

Но именно прорезь отсутствует в чувашских украшениях «ама», да и происхождение чувашского ама не восходит к финно-угорскому миру. У мокши этот вид сьюльгамы так и не сложился в цельный треугольник без прорези по середине. И отдельные находки сьюльгам без прорези у мордвы носят характер исключения в поздних материалах и, видимо, связаны с проникновением новых религиозных влияний (Юшкин, 1985. Рис. 108), например, сьюльгама из Петербургского Музея этнографии народов России (табл. 2, 10), и этот факт нужно воспринимать лишь как позднее влияние соседей.

Аналогии чувашскому украшению *ама* найдены при раскопках Хазарского Саркела рубежа X в. (Плетнева, 1981. С. 259, рис. 82/23) (табл. 1, 8), в аланском могильнике Мокрая Балка близ Кисловодска VI–IX вв. (погребение №7, катакомба 50(118)) (Рунич, 1971) (табл. 1, 7).

Этот вид украшения известен нам по археологическим материалам Фракии (Погребова, 1984) (табл. 1, 13).

Название чувашского украшения, вероятно, относится к названию всего украшения из кожи, монет, раковин каури и бисера – *ама*. Культ женского начала *Ама* известен с глубокой древности. *Атта* (хурритский) – мать; *ама* (чуваш.) – женское начало, самка; (*ate, ataj, atta* – (хурр.) (Дьяконов, 1961. С. 373) «отец»; *атте* – отец (чуваш.). Эти слова восходят к ностратической основе, а потому в различных модификациях встречаются по всему миру. И с этой точки зрения продуктивно сравнить знак «тинит» с пунических стел, также имеющих символ материнского начала и приобретающих антропоморфные черты. Карфагеняне поверх верхней окружности изображали и полумесяц (символ женского начала) (Циркин, 1987. С. 177) (табл. 1, 3).

Костяная подвеска с циркульным орнаментом, аналогичным типичным чувашским *ама*, найдена в Казахстане на городище Джигербент X–XI вв. (табл. 1, 9). Но этот вид украшения, представляющий собой треугольник, свободно крепящийся к кольцу, родственен целому пласту подобных восточных украшений-амулетов.

Подобный знак существовал в III тыс. до н.э. в Месопотамии. Его костяное изображение, фланкированное двумя головками козлов, найдено на Телле Ховеيران и хранится в

Дамасском историческом музее (табл. 1, 1). Этот знак мы видим на шлеме персидского шаха Артабана V (табл. 1, 4).

«Ама» подобные чувашским находят и в позднесредневековых марийских могильниках, в связи с чем возникает вопрос: кто на кого повлиял в становлении этого украшения, и кем они изготавливались? Этот вид украшения могли носить и марийцы, и чувашаи, т.к. в средневековье многие ритуалы и у тех, и у других были сходными и связаны с общим немусульманским культом в Волжской Болгарии.

В деревне Тигашево (Батыревский район, Чувашия), вероятно, из разрушаемого могильника найдена серебряная двухлопастная сюльгама, украшенная в технике зерни (Николаев и др., 2002. С. 32, 18). Центром изготовления подобных украшений являлись болгарские ювелирные мастерские. Но сама форма двухлопастной сюльгамы типичная мордовская. Болгары изготавливали характерные для какого-либо этноса украшения в технике, присущей только волжским болгарам, что было вполне типично для того времени.

Видимо, именно от этого символа горы — оси мира происходят широко известные треугольные шумящие подвески финно-угров (табл. 2, 5–9). Кстати, центральная часть этого украшения символизирует ось мира и, по аналогии с германской фугаркой, читается как руна «жизнь» (табл. 2, 5, 7, 8).

Не следует исключать и вероятность местных марийских подражаний, а также использования готовых чувашских изделий в марийских украшениях. находка литого бронзового украшения *ама* с рунической надписью из Мартыновского могильника XVII в. в Козловском районе неопровержимо говорит о чувашском исполнении этого украшения (Трофимов, 1993. С. 25)(табл. 4, 1).

Руническое письмо было широко распространено в среде гуннов Дагестана, в частности, эти надписи известны нам по Урцекскому городищу, отождествляемому со столицей белых гуннов хайлангур Варачаном, имевшим тесные контакты и с дагестанскими савирами — суварями (Гаджиев, 2002. С. 318, рис. 80/17).

Очень часто «*сестенкё*» крепилось к кожаной основе украшения *ама* (*сурпан сакки*) посредством нашивания его через пробитые у основания отверстия и через ушко. Встре-

чаемый на некоторых украшениях язычок часто не функционален, а на украшении *ама* является рудиментарным пережитком. Данная деталь подтверждает версию о том, что, вероятно, в старину его могли использовать, пристегивая *ама* на *сурпан* в грудной части.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что форма украшения не продиктована чисто утилитарными соображениями, как в случае с мордовскими сюльгамами. Очевидно, что перед нами устойчивая форма знака. Это украшение занимает наиболее важное с точки зрения визуального восприятия место — центр груди, тот участок тела, на котором носят амулеты или нательные кресты — место, как считалось в древности, средоточия души человека. С точки зрения семантики его расположения это не просто украшение. Здесь мог располагаться только какой-нибудь важнейший знак. Кроме того, *ама* чувашей не несет какой-либо функциональной нагрузки.

Чуваши изображали знак *ама* исключительно на женских надгробиях (Павлов, 1962. С. 170, рис. 80) (табл. 4, 19). Возможно, это делалось потому, что носили его женщины.

Знак *ама* имеет глубокий сакральный смысл. Один уровень интерпретации: мировая гора-бомонд, первотвердь (*ту* чуваш. — гора); (*túr* — северо-семитическое (? — Д.М.) — горы) (Домбровский и др., 1975. С. 37), где вершина — пристанище высшего начала, образующего со словом «Ту» (гора, первотвердь, творение) (*ту* чуваш. — созидать, творить) + «Ра» (светлое духовное начало), имя Творца Тура (Тора).

Сохранились египетские и хурритские амулеты, олицетворяющие момент сотворения мира (Taschen, 1994). Только в них выше горы-первоверди мы видим еще и уровень неба. Хетты изображали над горой-осью мира крылатое солнце (Герни, 1987. С. 179, рис. 11/4).

Туря — высшее начало этнической религии чувашей — Творец: «по религиозным воззрениям чувашей, в мире существуют 77 народов и 77 верований (Туря един для всех, но названия религий — разные)» (Дмитриев, 1991. С. 87). Это справедливое замечание отстаивает Дюла Месарош: «...вся система верований и жертвоприношений чувашей-язычников свидетельствует о признании лишь единого Бога. Кроме того, они верят в добрых и злых духов (остатки древнего шаман-

низма), однако их никогда не называют словом *Турӑ*, а каждого отдельно именуют своим именем, и ни один не стоит у них в таком почете, как тот единственный Бог. Они сами Бога называют *пӗр Турӑ* «единственный Бог» (Месарош, 2000. С. 21).

Принимаемые миссионерами за названия божеств типа: *тур – синкел*, *тур – сулу*, *тур алакне* и т.д. – это всего лишь различные эпитеты. Кроме того, упоминаемые мать, отец каких-либо духов не являются отдельными видами божеств – это названия субстанций, породивших их согласно иерархии пантеона. И более того, в традиционных чувашских верованиях запрещалось изображать и поклоняться антропоморфным графическим и скульптурным изображениям бога (идолам).

Эта символика была известна в средневековье и у коми-пермяков (табл. 1, 14). На ременной пряжке из Рождественского могильника мы видим сцену поклонения этому священному символу. Подобный же сюжет присутствует на ременной пряжке из Картуковского могильника в Марийской Республике (раскопки Т.Б.Никитиной, ПИМ 31). Замечу лишь, что перед нами яркий артефакт постсасанидского стиля (табл. 1, 11).

По Снорри Стурлусону, у шведов Тор изображался с молотом в руке. Монгольские и тибетские божества именуется Тара. Известен он у хантов и манси под именем Торум. В иудаизме его имя зашифровано в названии священного писания – Торы. В древней Месопотамии существовал целый пантеон с производными от этого именами богов: Ситурри – хозяйка богов (над богами), Тур тур, Аматура, Намтар (доля, судьба – божество смерти) и т.д. На старом языке полинезийцев маори Ту(Ру) – вседержитель небес, Ра(Ла) – бог солнца.

У этрусков Афродита называлась Туран, Гермес – Турмс. В районе Фанагории в VI в. находилось святилище Афродиты Апатуры (Айбабин, 1999. С. 134). В греческой мифологии современные авторы иногда видят Тару как «божество ветра, сына бога грозы и богини матери Ханнханны» (Яйленко, 1977. С. 46). Вполне возможно, что это позднеантичная греческая интерпретация. Вряд ли возможно назвать Тару сыном бога грозы. В данном случае мы имеем дело либо

с какой-то деградировавшей периферийной традицией, либо современной путаницей в понятиях.

Издrevле на бомондах располагались святилища и священные деревья. Собранный урожай в виде зерна — зерновая башня — священная гора, в свое время, явилась прототипом пирамид. Исходя из этого мы можем реконструировать понимание горы—пирамиды—дерева, как некоей оси мироздания. Вот почему в знаке «анх» древние египтяне взаимозаменяли символы столба, дерева и горы—пирамиды (Taschen, 1994. P. 550).

Интересно, но на Боголюбовском столпе знак Творца послужил основой изображения Богородицы (табл. 1, 12). Он же многократно повторен и в резьбе Успенского собора во Владимире.

В христианстве это далеко не единственный пример соединения древних символов с новой идеей пантеона. Этот знак является одним из основополагающих принципов построения византийской иконы. Например, широко известный византийский образ Иоанна Предтечи из Звенигородского чина (Третьяковская галерея), состоит из следующих элементов: тело — треугольник—гора, где складки одежды имеют структуру скал. Голова — солнце, где волосы его протуберанцы, а нимб — солнечный ореол. Шерстяная одежда голубого цвета под туникой — это горные водопады.

Сегодня именем *Турй* в Чувашии пользуются последователи русской православной церкви, подменив им имя бога-отца Саваофа (иудейский Яхве в ипостаси «Предводитель воинства») вместо «Васпади», применявшегося в Чувашии с XVIII в.

Овальные сюльгамы чувашей восходят к финно-угорским украшениям дьяковско-городецких племен. Ранее считалось, что украшение «*сестенкё*», или «ама», происходит от финно-угорских сюльгам. Однако найденные в Саркеле и близ Кисловодска аналогии говорят о самостоятельном пути развития данного вида украшения, имеющего глубокий и древнейший сакральный смысл.

И л л ю с т р а ц и и

Таблица 1

1. Костяная подвеска. Месопотамия Тель Аль Ховейран, середина III тыс. до н.э. (Дамасский исторический музей).
2. Египетско-финикийский амулет, II тыс. до н.э.
3. Изображение с пунической стелы.
4. Изображение персидского шаха Артабана V, поверженного Арташиром. Рельеф в Накш-и Рустаме, 239–241 гг.
5. Зооморфное украшение финно-угров. Веселовский могильник (анalogии Болгар, Болгарский государственный историко-архитектурный заповедник 5613 ОАИЭ).
6. Финно-угорское украшение.
7. Могильник Мокрая Балка близ Кисловодска, VI–IX вв. (Рунич, 1969. С. 17).
8. Саркел X–XI вв. (Плетнева, 1981. С. 259, рис. 82/23).
9. Подвеска, кость. Казахстан, городище Джигербент X–XI вв. (Государственный музей народов Востока).
10. Женская мельхиоровая подвеска. Дамаск, конец XIX в.
11. Пряжка из Картуковского могильника, МарНИИ (п. 1–9; П 4М/31).
12. Изображение с Боголюбовского столпа. 1150-е гг. Владимир.
13. Украшение из Фракии.
14. Рождественский могильник. Ременная пряжка. Коми-пермяки (Оборин. С. 255. Рис. 3/15).

Таблица 2

- 1–2. Изображение на деревянных кадках мордвы (Республиканский краеведческий музей Мордовской Республики).
3. Мордовская сюльгама. Саровское городище (Грибов, 2002).
4. Мордовская сюльгама, с. Анаево Зубово-Полянского р-на Мордовской АССР (Белицер, 1973. С. 114, рис. 2).
- 5–6. Финно-угорское средневековое украшение. Влади-

мирские курганы X–XI вв., курган 2592 (Голубева, 1979. С. 113, рис. 2/15).

7. Меря, средневековое украшение. Сарское городище IX–X вв. (Голубева, 1979. С. 113, рис. 2/13).

8. Финно-угорское средневековое украшение. Паломский могильник (Голубева, 1979. С. 113, рис. 2/11).

9. Меря, средневековое украшение. Шатрищенский могильник, погр. 51.

10. Мордовская сюльгама. Петербургский Музей этнографии народов России.

11. Выжумский могильник, погребение 22 (Шикаева, 1989. С. 148, рис. 20/5).

12. Отарский могильник, погребение 65 (Шикаева, 1989. С. 127, рис. 2/3).

13. Отарский могильник XVII–XVIII вв. Найдено возле Волги (Шикаева, 1989. С. 127).

14. Серебро. Чебоксарский у. Казанской губ., посл. четв. XIX — нач. XX в. (Заднепровская, 1985. С. 64).

15. Серебро. Чебоксарский у. Казанской губ., посл. четв. XIX — нач. XX вв. (Заднепровская, 1985. С. 66).

16. Чебоксарский у. Казанской губ., посл. четв. XIX — нач. XX вв. (Заднепровская, 1985. С. 63).

17. Отарский могильник (Архипов, Никитина, 1993, рис. 10/2).

18. Картуковский могильник, погребение 17 (Архипов, Никитина, 1993, рис. 10/3) (См. также: Шикаева, 1985. С. 116, рис. 3/6; Шикаева, 1989. С. 127, рис. 2/3).

19. Мало-Кугунурский могильник, погребение 15 (43, с. 184, рис. 3/5).

20. Мало-Кугунурский могильник, погребение 8 (Никитина, 1992. С. 148, рис. 20/1).

Таблица 3. Украшения «ама» из чувашских этнографических и археологических коллекций

1–3. Чувашские украшения XIX–XX вв.

4. Чувашское украшение XIX в. Мельхиор.

5. Чувашское украшение XIX в. Свинец, литье (ЧГХМ).

6. Чувашское украшение XIX в. Свинец, литье (ЧГХМ)

(Меджитова, Трофимов, 1981. С. 218, рис. 172).

7. Чувашское украшение XIX в. Свинец, литье (Меджитова, Трофимов, 1981. С. 219, рис. 172).
8. Чувашское украшение XIX в. Свинец, литье (Меджитова, Трофимов, 1981. С. 218, рис. 172).
- 9–20. Чувашские украшения сѣстенкѣ XIX–XX вв.

Таблица 4

1. Ама из средневекового Мартыновского могильника. Козловский район Чувашской Республики, раскопки В.Ф.Кажовского 1976 г. Бронза, литье (Трофимов, 1993. С. 25).
2. Чувашское украшение – знак «ама» из Толиковского средневекового могильника. Чебоксарский район ЧР. Бронза, литье.
3. Чувашское украшение – знак «ама». Латунь, гравирование.
4. Ама. Мартыновский могильник. Козловский район, раскопки 1976 г. Латунь, гравирование.
5. Чувашское украшение. Средненизовые чуваша. Мельхиор, гравирование.
6. Чувашское украшение. Мельхиор, гравирование.
7. Чувашское украшение. Оренбургская обл. (НА ЧГИГН).
8. Чувашское украшение. Латунь, литье (ЧНМ 15945, ОЭ 3581) (Меджитова, Трофимов, 1981. С. 213, рис. 168).
9. Чувашское украшение нач. XX в.
10. Чувашское украшение ама. Гравирование (ЧГХМ) (Ягафова, 1998. С. 152, рис. 1; С. 154, рис. 16).
11. Чувашское украшение, средненизовые чуваша. Серебро, гравирование. Низовые чуваша, мельхиор (?), гравирование. Чебоксарский выставочный зал (Меджитова, Трофимов, 1981. С. 206, рис. 163).
12. Чувашское украшение, верховые чуваша. Серебро, гравирование Чебоксарский выставочный зал (Меджитова, Трофимов, 1981. С. 208, рис. 165).
13. Чувашское украшение кон. XIX в.
14. Украшение. Семья Хрисановых, нач. XX в. Село Чувашское Дрожжаное Республики Татарстан.
15. Деталь *шўлкеме*, свинец с вплавленным стеклом. Чебоксарский район. З.М. Митрофанова (ЧНМ 9885/1. ОЭ 2743/1) (Меджитова, Трофимов, 1981. Рис. 166).

16. Чувашское украшение. Латунь, гравирование (ЧНМ).
17. Чувашское украшение. Свинец, гравирование (ЧНМ, УМ 141).
18. Чувашское украшение кон. XIX в. ЧГХМ (Николаев и др., 2002. С. 116, рис. 106).
19. Прорисовка антропоморфного надгробия чувашей (Руденко, 1910).
20. Средневековое надгробие с территории Чувашской Республики.

Источники и литература

1. *Айбабин А.И.* Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1990. Вып. V.
2. *Архипов Г.А., Никитина Т.Б.* Атлас археологических памятников Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 1993. Вып. 2. Ранний железный век и средневековье.
3. *Белицер В.Н.* Народная одежда мордвы // Труды Мордовской этнографической экспедиции. М., 1973. Вып. III.
4. *Белицер В.Н.* Мордовские сюльгамы // СА, 1977. № 2. С. 193–200.
5. *Гаген-Торн Н.И.* Женская одежда народов Поволжья (Материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960.
6. *Гаджиев М.С.* Древний город Дагестана. М., 2002.
7. *Герни О.Р.* Хетгы. М., 1987 (перевод с английского Н.М.Лозинской и Н.А.Толстого).
8. *Голубева Л.А.* Зооморфные украшения финно-угров // Археология СССР. САИ. Л., 1979. Вып. Е1–59.
9. *Грибов Н.Н.* Цветной металл Саровского городища: ассортимент изделий, химический состав, производство // Научное наследие А.Е.Алихой и археология восточной лесостепи. Пенза, 2002.
10. *Дмитриев И.А.* Этнотеатральные формы чувашских обрядов (К проблеме эпического и эстетического в обрядовом творчестве. Обряд *чун къртес*) // Из наследия художественной культуры Чувашии. Чебоксары, 1991. С. 62–100.
11. *Домбровский О.И., Столбунов А.А., Баранов И.А.* Аюдаг – «святая» гора. Симферополь, 1975.
12. *Дьяконов И.М.* Сравнительно-грамматический обзор хурритского и урартского языков // Переднеазиатский сборник. М., 1961. Вып. 1.
13. *Заднепровская А.Ю.* (сост.). Марийские украшения (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.). Л., 1985.
14. *Иванов В.П.* Чувашский этнос. Проблемы истории и этнографии. Чебоксары, 1998.
15. *Луконин В.Г.* Искусство Древнего Ирана, М., 1977.
16. *Меджитова Э.Д., Трофимов А.А.* Чувашское народное искусство. Чебоксары, 1981.
17. *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры. Чебоксары, 2000.
18. *Недашковский Л.Ф.* Бронзовые сюльгамы с Увекского городища

// Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Тезисы международной научной конференции. Сыктывкар, 1994.

19. *Павлов Г.И.* Чувашская народная архитектура (Эволюция, особенности и связи с русской народной архитектурой). Диссертация... кандидата искусствоведения. Москва–Горький, 1962.

20. *Плетнева С.А.* Кочевники восточноевропейских степей в X–XIII вв. Печенеги, торки, половцы // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 213–222, 257–269.

21. *Плетнева С.А.* Отчет Северо-Донского отряда Нижне-Донской экспедиции о работе летом 1976 года // Архив Института археологии РАН, Р-1, № 4243-а.

22. *Погребова М.Н.* Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.

23. *Руденко С.И.* Чувашские надгробные памятники // Материалы по этнографии России. СПб., 1910. Т. 1. С. 81–88.

24. *Рунич А.П.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кисловодска за 1969 год // Архив Института археологии РАН, Р-1, №5244.

25. *Рунич А.П.* Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска // СА, 1971. № 2. С. 167–178.

26. *Синицын И.В., Эрднеев У.Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (По раскопкам 1962–1963 гг.). Элиста, 1966.

27. *Трофимов А.А.* Древнечувашская руническая письменность. Чебоксары, 1993.

28. *Хан-Магомедов С.А.* Дагестанские лабиринты. М., 2000.

29. *Циркин Ю.Б.* Карфаген и его культура. М., 1987.

30. *Шикаева Т.Е.* Памятники XVI–XVII веков Марийско-Чувашского Поволжья (К вопросу о культурно-этническом единстве) // Древние этнические процессы Волго-Камья / АЭМК. Йошкар-Ола, 1985. Вып. 9. С. 100–118.

31. *Шикаева Т.Б.* Могильники XVI–XVII вв. // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища / АЭМК. Йошкар-Ола, 1989. Вып. 15. С. 115–128.

32. *Юшкин Ю.Ф.* Мордовское народное искусство. Саранск, 1985.

33. *Ягафова Е.А.* Самарские чувашы (Историко-этнографические очерки). Конец XVII – начало XX вв. Самара, 1998.

34. *Rick Gore.* Ashkelon ancient city of the sea // National geographic. January, 2001.

35. *Taschen Benedikt.* Napoleon Le Grand, Description de l’Egyppte. Köln, «Taschen», 1994.

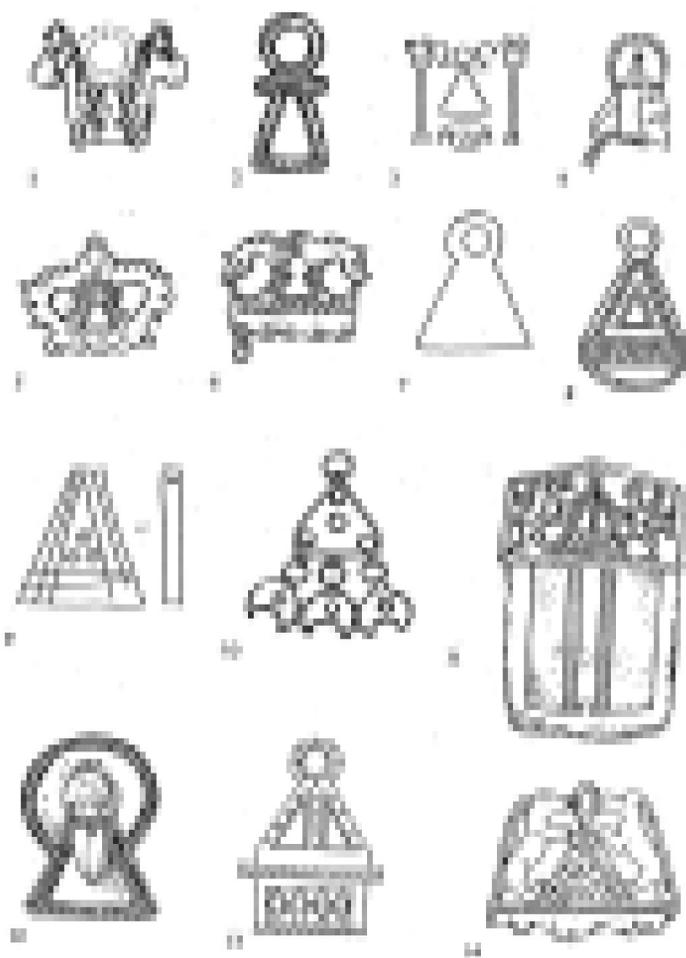

Таблица 1.

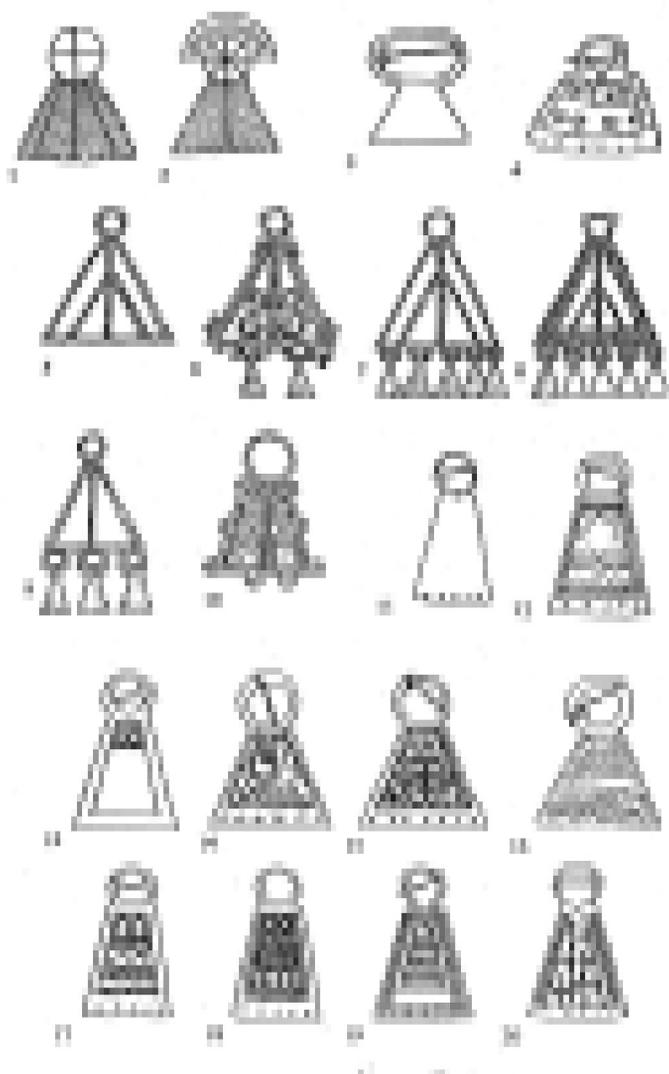

Таблица 2.

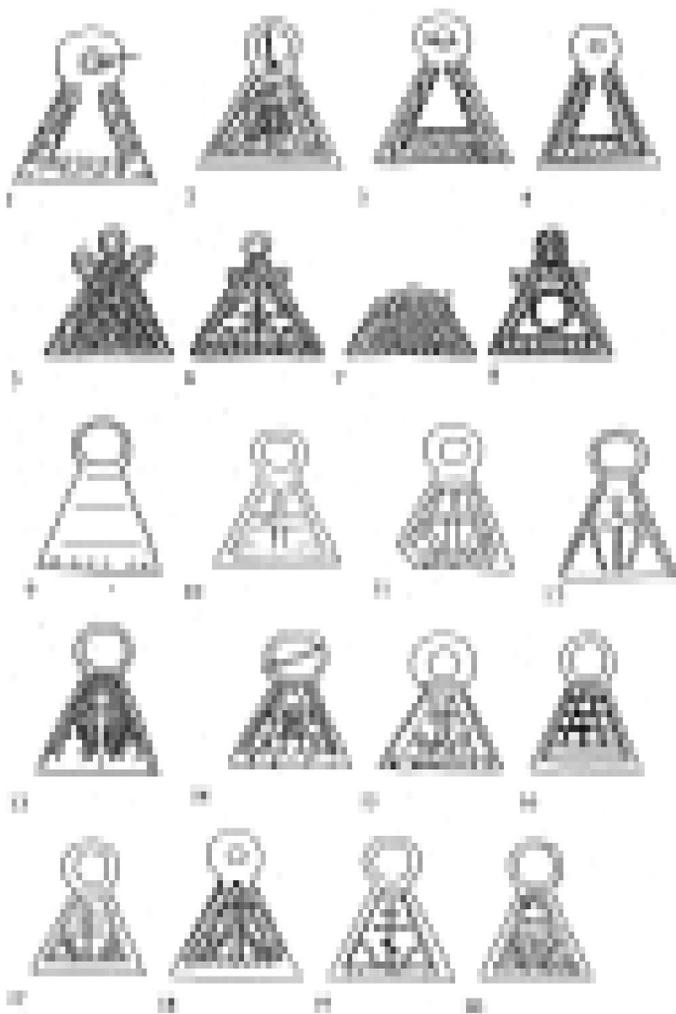

Таблица 3

Таблица 3. Украшения «ама» из чувашских этнографических и археологических коллекций.

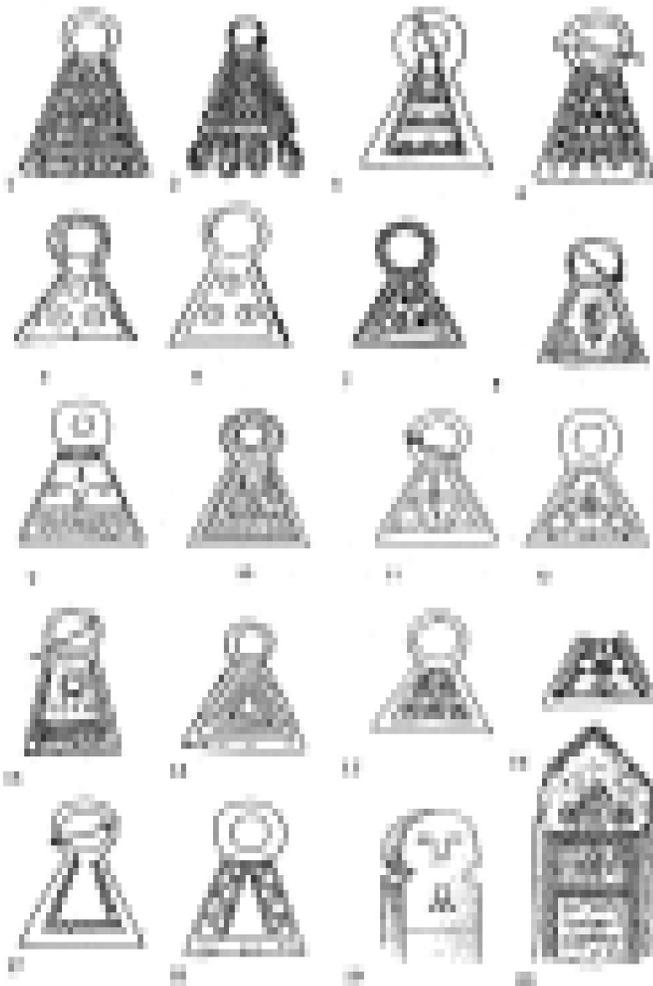

Таблица 4.

**МЕТОД ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА
В ХАРАКТЕРИСТИКЕ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ
МАРИЙЦЕВ В XIV–XV ВЕКАХ
(По материалам поселенческих памятников)**

Вопросы системы расселения мари́йцев в I–II тыс. н.э. неоднократно рассматривались на страницах научной литературы (Никитина, 1995; 2002). Проводимые в последние годы исследования позволили рассмотреть эти вопросы на ином качественном уровне.

Целью данной статьи является типология мари́йских селищ по топографии, характеристика системы расселения мари́йцев с точки зрения пространственного анализа.

В настоящее время на территории Мари́йского Поволжья, правобережья р. Вятки, нижнего течения р. Суры известно 31 селище, 2 городища, 2 производственных объекта, 17 местонахождений, датируемых XIII–XV вв. (Никитина, 2002. Прил. 1, табл. 1, 2).

Пути хозяйственного освоения земель, исторически сложившийся тип застройки поселений, особенности социальной организации сельского населения в известной степени отражает топография селищ. Для типологии мари́йских селищ за основу взята классификация А.В.Кузы, сделанная им по материалам древнерусских поселений (Куза, 1985. С. 98).

Самым распространенным типом древнемари́йских неукрепленных поселений является мысовой. Как правило, поселения располагались на мысу (Важнангерское, Ешимовское, Носельские III и II селища, Великопольское, Сауткинское, Красное Селище III и IV) или мысовидном останце коренной террасы (Русско-Ляждурское, Юледурское селища), на стрелке, образованной двумя оврагами (Галанкина Гора II, Починковское I). У селищ такого типа

топографически выражены одна или две границы. Склоны мысов некрутые, имеются пологие выходы к воде.

Другим типом неукрепленных поселений был террасный. Удаленность селищ от русла реки, ручья более чем на 100 м – явление редкое. Традиционно они занимают берег надпойменной (Юльяхское селище) или надлуговой террасы (Шартнейское III, Ключевское, Красное селище II селища). Сюда же можно отнести и поселения, расположенные в бассейне р. Вятки на северо-востоке современной территории Республики Марий Эл и занимающие коренную террасу р. Толмань (Олминское, Большеляждурское селища).

Третьим топографическим типом селищ являются поселения, расположенные на дюнах, всхолмлениях, буграх. На краю дюны левого берега р. Волги расположены Удельно-Шумецкое и Сутырские селища, на песчаном бугре – Починковское II, песчаной возвышенности – Юринское селище. Как правило, границы этих селищ определены по топографии и распространению подъемного материала, их площадь не превышает 500 кв. м. Среди селищ этого типа выделяется Актугансолинское I (площадь 24 200 кв.м). Оно занимает небольшую возвышенность (высота 2 м), омываемую с южной стороны ручьем.

Анализ топографии марийских селищ позволяет выделить смешанный террасно-мысовой тип. К этому типу можно отнести куст поселений у деревень Красное Селище и Нижние Шелаболки. В Красноселищенский куст входят: 1) селище II на правой надлуговой террасе правого берега р. Суры, на правом берегу ручья в овраге «Андран Энгер», 2) селище III занимает подпрямоугольный мыс, образованный коренной террасой правого берега р. Суры и оврагом «Андран Энгер», и 3) селище IV – на мысу подтреугольной формы, образованном коренной террасой правого берега р. Суры и левым склоном оврага. Однородность материала (керамики), расположение селищ в непосредственной близости друг от друга позволяют говорить о возможности существования здесь единого поселения.

Аналогичная картина расселения наблюдается и на селищах у дер. Нижние Шелаболки. Селища I и II расположены на мысу коренной террасы р. Обуховки, правого притока р. Волги. Селище III расположено на площадке коренной

террасы левого берега р. Обуховки, в 42 м от селища II. Здесь границей между селищами является овраг, по которому течет ручей. Такая система расселения хорошо увязывается с записями очевидцев, сделанными в середине XIX в.: «Черемисские деревни состоят из множества околотков, вытянутых по оврагам. Несколько таких околотков вместе составляют деревню» (Риттих, 1870. С. 131).

Несмотря на различия в топографии, все выявленные селища находятся рядом с водными источниками (река, ручей), имеют удобные спуски в пойму, высокопродуктивные луга для выпаса скота и заготовки сена; рядом с селищами располагаются ровные участки на вершине плато или в пойме, на которых могли размещаться пахотные земли. Функцию защиты в случае военной опасности выполняли городища, расположенные в непосредственной близости от селищ.

На карте расселения марийцев XIII–XV вв. четко выделяются три своеобразных микрорайона, отличающиеся компактным расположением памятников: 1) Важнангерское (Малосундырское) городище и его округа, 2) Горношумецкое городище и куст селищ, расположенных в междуречье Ветлуги и Дорогучи, 3) куст памятников на северо-востоке Республики, в бассейне р. Вятки.

Модели и методы изучения пространственного размещения мест обитания и хозяйственной деятельности по археологическим данным успешно разрабатываются в зарубежной и отечественной науке (Афанасьев, 1989. С. 3–4). Некоторые из предложенных методов были использованы в анализе системы расселения на примере Важнангерской (Малосундырской) округа. Выбор этого микрорегиона обусловлен следующими причинами:

1. Важнангерская (Малосундырская) округа включает 6 селищ, 1 производственный объект (Юльяльская кузница), одно городище.

2. Данный микрорегион отличается высокой степенью изученности, проработкой датировок и определением площади поселений по распространению культурного слоя.

3. Все селища входят в единую пятикилометровую экономическую зону, естественной северной границей которой является р. Волга. Каждое поселение имеет свою

ресурсную зону радиусом 1 км, включающую различные участки ландшафта: возвышенное плато, участки поймы, водные источники и лесные массивы. Таким образом, каждый населенный пункт имеет потенциальную экономическую зону с наличием благоприятных природных факторов.

4. Среди поселений данной округи выделяется Важнангерское (Малосундырское) городище, которое расположено на стрелке, образованной правым берегом р. Волги и левым берегом р. М.Сундырь. Городище обращает на себя внимание значительной площадью – 56700 кв. м, мощными оборонительными сооружениями как с napольной, так и с мысовой стороны. Культурный слой городища – от 20 до 50 см.

Селища Важнангерской округи были подробно рассмотрены Т.Б.Никитиной (Никитина, 1995. С. 130–136), в связи с чем я ограничусь несколькими дополнениями.

Разведочными работами 1999 г. было выявлено Ключевское селище, которое занимает край надлуговой террасы р. Волги. Высота берега составляет от 1 до 3 м. Культурный слой состоит из темного гуммированного суглинка мощностью от 20 до 50 см. Сборы представлены керамикой (местной, славяноидной, болгарской), бубенчиком. Площадь селища (3000 кв.м) определена по распространению подъемного материала и культурному слою, хорошо просматриваемому в обрыве. В целом, керамика селища аналогична посуде Важнангерского городища, Юльяльского, Сауткинского, Шартнейского селищ.

В ходе обследований последних лет уточнены площадь Юльяльского селища, которая составляет, с учетом размытой части, 22078 кв.м, и площадь Сауткинского селища – 14400 кв.м.

Для изучения степени взаимосвязей между несколькими близлежащими поселениями и, соответственно, для определения интенсивности коммуникаций между ними используется так называемая «гравитационная модель» (Иванов, 1995. С. 119; Афанасьев, 1989. С. 3–12). Она основана на закономерности, аналогичной физическому закону притяжения, согласно которому сила связи между двумя населенными пунктами при прочих равных условиях должна быть пропорциональна произведению численности их населения и обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними.

$$M_{ij} = P_i \times P_j (D_{ij})^{-2}$$

где M_{ij} – взаимодействие между пунктами,
 P_i и P_j – численность населения обоих центров,
 D_{ij} – расстояние между ними.

Учитывая, что определение численности населения древних поселений в археологии весьма проблематично, оправдана замена численности на площадь поселений (S_i и S_j). На основе преобразованной формулы:

$$M_{ij} = S_i \times S_j (D_{ij})^{-2}$$

высчитана гравитационная связь между ними (табл. 1; рис. 1 и 2).

В анализ включались все жилые поселения. Данные о расстоянии между поселениями определены путем промеров на топографической карте масштабом 1:100 000, без учета характера рельефа между ними (рис. 1). Следует отметить, что для Важнангерского микрорегиона, во-первых, характерно не кучевое расположение поселений, а их явная приуроченность к р. Волге; во-вторых, местность сильно изрезана оврагами и балками; вместе с тем здесь имеется широкая пойма р. Волги.

Площадь селищ определялась по распространению культурного слоя, а в одном случае (Шартнейское селище) – по распространению подъемного материала. Из полученных величин гравитационной связи пар поселений Важнангерской округи была составлена общая матрица, на основе которой построен граф связей поселений (рис. 2).

Величины взаимосвязей распределились по интервалам 0,8–5; 9–13; 32,6–52,1; свыше 143, которые соответственно могут быть названы как слабая, средняя, сильная и очень сильная (см. табл. 1, рис. 2).

Ядро группы составляет Важнангерское (Мало-сундырское) городище, имеющее очень сильную связь с Шартнейским и Важнангерским селищами. Несколько слабее связь Важнангерского городища с Юльяльским, Ключевским, Носельским и Сауткинским селищами. Одновременно Сауткинское и Шартнейское селища тяготеют к Юльяльскому селищу (табл. 1, рис. 2).

Таблица 1

Поселение	Площадь (кв.м)	Нижние Шелаболки	Носельское	Важнангерское	Шартнейское	Юльяльское	Сауткинское	Ключево
1. Важнангерское городище	56 700	10,7	39,5	191,3	143,9	52,1	32,6	32,1
2. Нижние Шелаболки	11528		1,49	1,8	0,8	1,6	1,1	1,02
3. Носельское III	3375			12,8	1,6	1,4	0,8	253,0
4. Важнангерское	7440				12,1	5,6	1,3	6,8
5. Шартнейское	6500					13,00	5,3	1,1
6. Юльяльское	22 078						50,8	0,5
7. Сауткинское	14400							1,35
8. Ключевское	3000							

На графе (рис. 2) наглядно демонстрируется единство поселений Важнангерской (Малосундырской) округи с четко выделяющимся центральным поселением — Важнангерским (Малосундырским) городищем. В связи с этим встает вопрос о функциях данного городища и его роли для близлежащей округи.

Важнангерское (Малосундырское) городище имеет большую площадь и выделяется среди всех известных марийских поселений. Его культурный слой характеризуется слабой насыщенностью культурных остатков, поэтому вряд ли на его территории одновременно проживало большое количество населения. Вместе с тем на близлежащих селищах зафиксированы насыщенные археологическими находками слои. Городище имеет мощную оборонительную систему — валы с напольной стороны и со стороны мыса, — для строительства которой требовались большие лодские силы. Вполне вероятно, что в строительстве укреплений участвовало население близлежащей округи, возможно, в виде какой-то

Рис. 1. Система расселения Ваянгерской округи. 1 – Ваянгерское городище, 2 – Ваянгерское селение, 3 – Носельское селение, 4 – Ключевое селение, 5 – Шартнейское селение, 6 – Юльясское селение, 7 – Сауткинское селение, 8 – Селение Н.Шелаболки, 9 – Юльяская кузница.

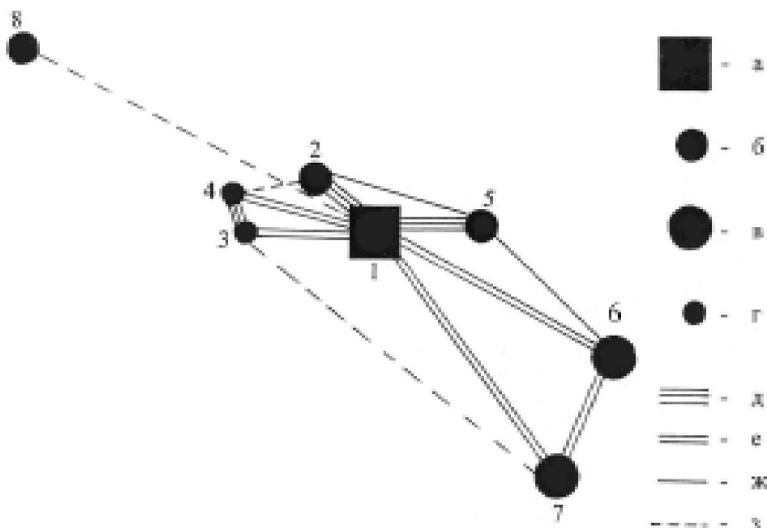

Рис. 2. Граф гравитационных связей поселений в окрестностях Важнангерского городища. 1 – городище Аламнер; 2 – Важнангерское селище; 3 – Носельское селище; 4 – Ключево селище; 5 – Шартнейское селище; 6 – Юльяльское селище; 7 – Сауткинское селище; 8 – Шелаболкинское селище; а – городище площадью 5,6 га; б – селища площадью от 0,6 до 1,1 га; в – селища площадью от 1,4 га до 2,2 га; г – селища площадью до 0,4 га; д – гравитационная связь – свыше 143; е – гравитационная связь 32,6–52,1; ж – гравитационная связь 9–13; з – гравитационная связь 0,8–5.

повинности. Соответственно, логичным будет предположение о существовании здесь какого-то административного управления. Тем не менее, на Важнангерском городище пока не выявлено явных признаков такого управления, которое, судя по русским городам, характеризуется наличием печатей и пломб (Куза, 1985. С. 47). Возможно, это объясняется тем, что еще в XVI в. марийцы переживали своеобразный переходный период от родоплеменного строя к раннефеодальному (Бахтин, 1998. С. 32). О сложении в XV в. государственности с крупными городами, узкой специализацией ремесла, явно выраженной имущественной дифференциацией, говорить не приходится. Нельзя забывать, что Важнангерское (Малосундырское) городище было построено в сложный истори-

ческий период: Волжская Болгария и Киевская Русь были разгромлены монголо-татарами, на востоке образовалось новое государство – Золотая Орда, из которой позднее выделилось Казанское ханство. С возвышением Московского княжества активно начинают проявляться интересы русских князей и торговых людей в расширении сферы своего влияния, усилении внимания к территориям поволжских финнов. Возможно, промежуточное положение между Русью и Казанью и стало причиной появления мощной крепости для существовавшей здесь округи.

О развитии торговых отношений на Важнангерском (Малосундырском) городище говорят находки фрагментов весов, монет, предметов западного (русского) и восточного (болгарского, татарского) импорта.

В качестве торгового центра Важнангерской округи могло выступать и Юльяльское селище. Выгодное географическое положение (приречное расположение, наличие удобных бухт, близость Волжского торгового пути, открытость поселения) позволяет говорить о том, что Юльяльское селище могло являться торговой факторией. В связи с этим не случайно, что Юльяльское селище имеет довольно тесные связи с Сауткинским селищем, Важнангерским городищем, Шартнейским селищем. Возможно, здесь имеет место разграничение функций: Юльяльское селище ориентировано на внешнюю торговлю, а Важнангерское городище – на внутреннюю. В пользу этого говорит, например, и процентное содержание «болгарской» керамики, которая на Важнангерском городище составляет 0,8%, а на Юльяльском селище – 8,7%.

Суммируя вышеизложенное, можно говорить о том, что Важнангерское (Малосундырское) городище являлось административно-военным и торговым центром Важнангерской (Малосундырской) округи.

Анализ топографии и расположения Юринских памятников позволяет говорить о явном тяготении поселений к Горношумецкому городищу, которое занимает образованный двумя оврагами мыс коренной террасы левого берега р. Волги. Остатков оборонительных сооружений не наблюдается. Вполне вероятно, что они были сnivelированы при строительстве деревни: на предполагаемом месте их расположения

проходят улица и дорога на д. Починок (Никитин, 1987). Селища расположены на расстоянии от 2 до 4 км от городища. В пятикилометровую зону городища входят Удельно-Шумецкое, Починковское I и II, Юринское, Полянское селища, Горношумецкий могильник. Несколько в стороне (в устье р. Ветлуги) находится Сутырская дюна, где выявлены селища этого же периода. Материалы селищ и городища однородны, относятся к первой половине II тыс. н.э.

Более детальное изучение степени взаимосвязей между данными поселениями вряд ли возможно, поскольку площадь селищ определена лишь по распространению подъемного материала.

Аналогична ситуация и с памятниками, расположенными в бассейне р. Вятки. Своеобразие этого микрорегиона состоит в том, что здесь расположено 7 селищ, но не выявлено одновременного им городища. Шорсолинское городище, судя по керамике, топографии, характеру культурного слоя можно отнести к интересующему нас периоду лишь условно. Современный уровень исследования памятников в этом микрорегионе не позволяет рассматривать какое-то из селищ в качестве центрального поселения, поскольку, во-первых, площадь селищ определена по распространению подъемного материала; во-вторых, памятники исследовались лишь шурфовкой. Отсутствие укрепленного поселения можно объяснить периферийным положением р. Ляж. Главный источник военной угрозы — река Вятка, по которой совершались грабительские походы, находилась далеко от поселений. Дальнейшие исследования безусловно внесут ясность. Картографирование памятников позволяет выделить два своеобразных куста селищ. В первый входят Бадьянские селище и кузница, Русско-Ляждурское и Большеляждурское селища, сюда же можно отнести и селища у деревень Олма и Русский Сеснур. Ко второму кусту относятся Староюледурское, Актугансолинские I и II селища, находящиеся несколько в стороне. Они расположены на мелких притоках р. Ляж, занимают южные склоны террасы. Расстояние между селищами составляет от 0,5 до 4,5 км. Анализ топографии, материала, культурного слоя поселений говорит в пользу того, что в конце первой половины II тыс. н.э. здесь существовал достаточно крупный куст открытых поселений средневековых мари.

Помимо своеобразных микрорегионов с кустовым расположением селищ, встречаются и незначительные по площади одиночные поселения: 1) Ешимовское селище, расположенное на р. Толмань (левый приток р. Немда), 2) Уржумкинское II селище, 3) Юркинское (левый берег р. Ветлуги). Что касается бассейнов рек Малой и Большой Кокшаги, здесь выявлено лишь одно долговременное поселение — Великопольское селище: другие свидетельства присутствия здесь средневековых марийцев представлены в виде отдельных находок (Никитина, 2002. С. 214).

Таким образом, в XIII–XV вв. основным типом поселения являлись селища. Для проживания активно использовались мысы или останцы коренных террас, где расселялась основная масса земледельческого населения. Важным элементом в системе расселения становятся кусты поселений. Центром таких кустов становятся городища (Важнангерская округа), а, возможно, и крупные селища (северо-восточный куст?), вокруг которых располагаются несколько одновременных более мелких селищ, места производственной деятельности. По сравнению с селищами резко сокращается число городищ, при этом меняется их функциональное назначение, что хорошо видно на примере Важнангерской округи.

Л и т е р а т у р а

1. *Афанасьев Г.Е.* Археологическая разведка на новостройках и пространственный анализ // Археологические исследования на новостройках. М., 1989. С. 3–12.
2. *Бахтин А.Г.* XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998.
3. *Иванов А.Г.* Средневековые памятники окрестностей Иднакара / Материалы исследований городища Иднакара IX–XIII вв. Ижевск, 1995. С. 106–130.
4. *Куза А.В.* Неукрепленные поселения // Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985. С. 96–104.
5. *Михеева А.И.* 2002. Отчет об археологических работах в Горномарийском районе Республики Марий Эл // НРФ Научно-производственного центра Министерства культуры Республики Марий Эл (далее НПЦ). С. 4–9.
6. *Михеева А.И.* 2004. Отчет о раскопках Юльяльского селища в Горномарийском районе Республики Марий Эл // НРФ НПЦ. С. 5–8.
7. *Никитин В.В.* 1987. Отчет Марийской археологической экспедиции (неолитического отряда) о работах в зоне Чебоксарского водохранилища в 1987 г. // НРФ МарНИИ. Оп. I. Д. 889.

8. *Никитин В.В.* 1995. Отчет о разведочных работах Марийской археологической экспедиции в Оршанском, Новоторьяльском, Сернурском и Куженерском районах Республики Марий Эл в 1995 г. // НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 1036.

9. *Никитина Т.Б.* О характере расселения марийцев во II тыс.н.э. на примере Малосундырского городища и его окрестности // АЭМК. Йошкар-Ола, 1995. Вып. 24. С. 130–140.

10. *Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья (По археологическим материалам). Йошкар-Ола, 2002.

11. *Риттих А.Ф.* Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Казань, 1870. Часть II.

ХРОНИКА
МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АБАШЕВСКАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
ОБЩНОСТЬ: ИСТОКИ, РАЗВИТИЕ, НАСЛЕДИЕ»
(Чебоксары, 26–30 мая 2003 года)

Организаторами конференции явились Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Институт археологии РАН, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М.Васильева, Самарский государственный педагогический университет. Абашевская культура, получившая название по курганной группе, исследованной впервые в 1925 г. у с. Абашево в Чувашской Республике, является одной из ключевых культур эпохи бронзы Восточной Европы и остается до сих пор одной из самых загадочных культур. Много споров вызывают проблемы ее происхождения, хронологии и дальнейших судеб. Весьма символично, что такой представительный форум ученых состоялся в Чувашии. Идея проведения международной конференции по абашевской культуре родилась в ходе проведенной 2 ноября 2000 г. в с. Абашево региональной научно-практической конференции «Абашевская культура эпохи бронзы в Среднем Поволжье: итоги и перспективы изучения», на которой с докладами выступили В.В.Никитин, С.В.Большов, Б.С.Соловьев из Йошкар-Олы, О.В.Кузьмина (Самара), археологи Чувашии (Б.В.Каховский, Е.П.Михайлов, Н.С.Березина), ученые и краеведы. Данная конференция была посвящена 75-летию начала исследования курганов у с. Абашево и 110-летию со дня рождения руководителя раскопок и первооткрывателя абашевской культуры В.Ф.Смолина (1890–1932).

Международная конференция в Чебоксарах также отдала дань памяти казанскому археологу, в то же время посвятила работу 80-летию со дня рождения видного

российского археолога, исследователя курганов абашевской культуры в Чувашии в 1957–1958 гг. Николая Яковлевича Мерперта. Надо отметить, что археологическая конференция в Чебоксарах на таком высоком уровне еще не проводилась. На конференцию съехались около 50 ведущих археологов России (Москва, Самара, Воронеж, Челябинск, Оренбург, Йошкар-Ола и т.д.), ближнего зарубежья (Р.А.Литвиненко, Украина). В работе конференции участвовали ученые из Финляндии (А.Парпола, К.Карпелан), Венгрии (И.Фодор), США (К.Блэй).

Перед началом работы конференции на основе представленных докладов и сообщений был издан сборник материалов. Авторами в сборнике являются 50 специалистов. К сожалению, не все из них смогли прибыть в Чебоксары.

Программа конференции была очень насыщенной. Торжественное открытие конференции состоялось в зале Чувашского государственного института гуманитарных наук. К началу работы в институте была открыта выставка, посвященная абашевской культуре (из коллекций ЧГИГН, ЧГУ, Марийского НИИ языка, литературы и истории). С приветствием к участникам конференции и многочисленной аудитории обратился директор Чувашского государственного института гуманитарных наук, доктор исторических наук В.С.Григорьев. Чтение докладов открыл Н.Я.Мерперт. В своем выступлении «Абашевская проблема: несколько вводных слов» он отметил, что организация конференции в Чебоксарах «закономерна и оправданна». Выразив благодарность чувашским коллегам, он с благодарностью вспомнил Виктора Федоровича Смолина, выделившего новую оригинальную культуру. Докладчик кратко изложил историю изучения абашевской культуры и отметил, что основной задачей конференции являются аналитические разработки вопросов абашевской культурно-исторической общности. Н.Я.Мерперт в заключении выразил уверенность в успехе и плодотворности работы конференции.

Основные положения совместной работы Е.П.Михайлова (Чебоксары) и С.В.Кузьминых (Москва) изложил Е.П.Михайлов. Тема доклада: «В.Ф.Смолин и Абашево (К истории археологического изучения Чувашии)». Были освещены основные этапы археологических работ в 1920-е гг., роль

Виктора Федоровича Смолина в первых исследованиях. Этот путь не был усыпан розами. Докладчик особо подчеркнул, что чувашская наука и просвещение в большом долгу перед Смолиным, память о нем в Чувашии должна быть увековечена. «Давно пора поставить памятный знак на месте расположения Абашевского могильника, чтобы не строились «новые абашевцы» на костях «древних абашевцев», чтобы знали, почему Абашево известно всему просвещенному миру». Докладчик объявил, что открытие памятного знака состоится сразу после пленарного заседания.

Прозвучали приветствия к участникам конференции от археологов Самары (И.Б.Васильев), Уфы (И.А.Шутелева, Н.Б.Щербаков) и др.

После завершения пленарного заседания в первый день работы организаторы и участники конференции выехали в Чебоксарский район. Здесь их тепло приветствовали местные жители и глава администрации района А.П.Князев. На трассе Нижний Новгород—Казань у села Абашево участники конференции приняли участие в открытии деревянной декоративно-скульптурной композиции «Апаш» (автор А.И.Алексеев-Сандр Пикл). Затем при активном участии гостей конференции и большом скоплении народа состоялось торжественное открытие памятного знака (авторы В.П.Нагорнов и А.А.Трофимов) на месте курганов у с. Абашево. Текст надписи выполнен на русском и чувашском языках. Русский текст гласит: «Здесь у села Абашево в 1925 г. археолог В.Ф.Смолин открыл абашевскую культуру эпохи бронзы (II тысячелетие до н. э.)». Были и выступления (Н.Я.Мерперт, И.Фодор и др.). Честь открытия знака была предоставлена Н.Я.Мерперту, А.П.Князеву, В.П. Нагорнову. В Абашевском сельском клубе состоялся большой концерт с участием коллективов культуры Чебоксарского района.

На второй день конференции А.В.Моисеев (Воронеж) выступил с докладом «Соотношение средневожских и доновожских абашевских древностей (К историографии вопроса)». Н.Я.Мерперт, ведший заседание, отметил важным подчеркнутое в докладе включение в абашевский ареал очень значительной территории Волго-Донского междуречья. О.В.Михайлова (Самара) озвучила сразу два коллективных доклада: «Новые раскопки Уваровского курганного могильника» (Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Фадеев В.Г. — Са-

мара) и «Раскопки Владимирского курганного могильника эпохи бронзы» (Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Субботин И.П. — Самара). Уваровский курган исследователями был отнесен к полтавкинской культуре, Владимирский курган, по погребальному обряду и инвентарю, к покровскому этапу срубной культуры.

Был представлен стендовый доклад «Мурадымовское поселение» (Обыденнова Г.Т., Щербаков Н.Б., Шутелева И.А. — Уфа).

Доклад А.В.Килейникова был посвящен трасологическому исследованию орудий труда Шиловского поселения доно-волжской абашевской культуры. Проведенный анализ каменных и костяных орудий труда позволил высказаться определеннее о хозяйственной деятельности древнего населения. Доклад сопровождался многочисленными вопросами и обстоятельными ответами.

В докладе Е.Н.Мельникова (Липецк) «Покровско-абашевские погребения кургана у с. Большая Пластица» был дан подробный анализ найденного в кургане материала. Было обнаружено 10 погребений, из которых шесть отнесены к срубной культуре, а четыре к покровско-абашевскому кругу памятников.

С.В.Большов (Йошкар-Ола) выступил с докладом «Структурообразующие признаки средневожской абашевской культуры». Анализ признаков, по его мнению, показал, что хронологическая позиция абашевских могильников Среднего Поволжья не может быть поздней относительно абашевских памятников Подонья и Южного Урала. «Вероятно, абашевские памятники трех регионов: Подонья, Среднего Поволжья и Южного Урала в своей основе хронологически совпадают», — заявил он.

Доклад В.В.Сидорова (Москва) «Фатьяноидная керамика» не был опубликован в Материалах конференции, но был озвучен самим автором.

Авторы доклада «Курганый могильник Орлово-1 (Абашевская культура в Волго-Окском междуречье)» В.Ю.Луньков и А.В.Энговатова (Москва) считают могильник Орлово-1 еще одним памятником средневожской абашевской культуры, «маркирующим путь продвижения на позднем этапе абашевских племен на запад». Была высказана уверенность, что список памятников с абашевскими мате-

риалами может значительно пополниться как за счет новых исследований, прежде всего в бассейнах рек Оки и Клязьмы, так и за счет целенаправленного изучения материалов уже проведенных раскопок.

О.В. Кузьмина (Самара) сделала доклад «Погребальный обряд абашевской культуры». Были заслушаны и другие доклады, вызывавшие интерес и подчас бурные обсуждения.

Работа конференции была завершена краткой дискуссией, выступлениями зарубежных участников (Р.А.Литвиненко, К.Карпелан, А.Парпола, К.Блэй, И.Фодор).

В свободные часы гости столицы Чувашии познакомились с археологическими коллекциями и экспозицией Чувашского национального музея, посетили Музей пива и Обрядовый зал Чувашского национального музея, Чебоксарский геологический музей Министерства природных ресурсов Чувашской Республики (с экскурсией руководителя музея Н.А.Андрбаева). Гости Чебоксар, участники конференции с интересом осматривали коллекции Археолого-этнографического музея им. В.Ф.Каховского в Чувашском государственном педагогическом университете. Зарубежные гости побывали в школе № 19 г. Чебоксар, где ознакомились с школьным музеем, с удовольствием посмотрели выступление школьного фольклорного ансамбля «Илемби» (руководитель В.Н.Михайлова).

В заключительный день работы участники конференции побывали на курганной группе абашевской культуры у дер. Пикшик Чебоксарского района, исследованной в 1957–1958 гг. Н.Я.Мерпертом, общались с жителями деревни.

В итоговой резолюции конференции были выделены основные научные результаты его работы и намечены планы проведения совместных исследований, подготовка и издание научных трудов.

Международная конференция «Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие» стала заметным событием в научной жизни Чувашской Республики и ученых других регионов, изучающих проблемы бронзового века. Результаты работы должны способствовать дальнейшему развитию археологической науки в Чувашии и в Поволжье.

Е.П. Михайлов.

С о к р а щ е н и я

АДКИН – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

АМ КГУ – Археологический музей Казанского государственного университета.

АО – Археологические открытия.

АЭМК – Археология и этнография Марийского края.

ВЯ – Вопросы языкознания.

ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры.

ГИМ – Государственный Исторический музей (Москва).

ГМТР – Государственный музей Татарской Республики.

ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.

ЗОРСА РАО – Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества СПб.–Пг. [Петроград].

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.

ИИМК – Институт истории материальной культуры.

ИОАИЭ – Известия Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете.

КГУ – Казанский государственный университет.

ККИИМК – Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР М.–Л.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.

КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии.

МАНВР – Материалы по археологии восточных губерний России.

МарАЭ – Марийская археологическая экспедиция.

МарНИИ, МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

МГУ – Московский государственный университет.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л.

НА – Научный архив.

НАНИ ЧР – Национальная академия наук и искусств Чувашской Республики.

НМРМЭ – Национальный музей Республики Марий Эл.

НМРТ – Национальный музей Республики Татарстан.

НМФ – Национальный музей Финляндии.

НРФ – Научный рукописный фонд.

ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете.

ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ.

РМЭ – Республика Марий Эл.

СА – Советская археология. М.

СГАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры.

СЭ – Советская этнография.

САИ – Свод археологических источников.

SMYA – Suomen Muinaismuisto yndistuk sen Aikakauskirja. Helsinki.

УЗ – Ученые записки.

ЧАЭ – Чувашская археологическая экспедиция.

ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук.

ЧГХМ – Чувашский государственный художественный музей.

ЧНИИ, ЧНИИ ЯЛИЭ – Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики.

ЧНМ – Чувашский национальный музей.

ЧР – Чувашская Республика.

С о д е р ж а н и е

От редактора-составителя	5
<i>Е.П. Михайлов.</i> Василий Филиппович Каховский (1916—1993). Памяти Ученого и Учителя	10
<i>Н.С. Березина.</i> Итоги исследования Мукшумской XVIII сто- янки в Чувашском Заволжье	22
<i>Б.С. Соловьев, Е.П. Михайлов.</i> Изучение балановской культуры в Чувашско-Марийском Поволжье	60
<i>Б.С. Соловьев.</i> Каменные орудия балановской культуры Марийского Предволжья	79
<i>Christian Carpelan, Asko Parpola.</i> The Abashevo archeological complex and the earliest contacts between Uralic and Indo-European	89
<i>Кристиан Карпелан, Аско Парпола.</i> Абашевская археологи- ческая общность и ранние контакты между уральскими и индо- европейскими языками	95
<i>С.В. Болшиов.</i> Моделирование культурогенеза лесной зоны Среднего Поволжья (Абашевско-сейминское время)	102
<i>Jones-Bley, Karlene.</i> Indo-European, Bronze Age, Abashevo, and Basal Motifs	125
<i>Н.И. Егоров.</i> Этимология гидронима <i>Сура</i> (К проблеме этно- языковой принадлежности населения абашевской культуры)	132
<i>Б.С. Соловьев, Е.Г. Шалахов.</i> Воинское погребение Юрин- ского могильника	168
<i>Б.В. Каховский.</i> Археологические исследования Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева на Чурачакском могильнике в 2002—2003 годах	175
<i>Б.С. Соловьев, Е.П. Михайлов, С.А. Краснов, М.И. Федулов.</i> Рас- копки Новосорбеевского II могильника в 2001 году	228
<i>С.А. Краснов.</i> Разведочные археологические работы 2002 года в Ибресинском районе Чувашской Республики	271
<i>М.И. Федулов, Е.П. Михайлов.</i> Археологические памятники Шумерлинского района Чувашской Республики (Материалы разве- дочных работ 2003 года)	280
<i>Ю.А. Зеленева.</i> Улус Джучи и его наследники	303
<i>Е.В. Ильина.</i> Археологические исследования Чувашского го- сударственного педагогического университета в 1998—2000 годах	311
<i>Д.Ф. Мадуров.</i> Генезис и семантика средневековых сюльгам чувашей	332
<i>А.И. Михеева.</i> Метод пространственного анализа в характе- ристике системы расселения марийцев в XIV—XV веках (По мате- риалам поселенческих памятников)	348
<i>Е.П. Михайлов.</i> Хроника. Международная научная конфе- ренция «Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие» (Чебоксары, 26—30 мая 2003 года)	360
Сокращения	365

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

**Исследования
по древней и средневековой
археологии Поволжья**

Корректор *Г.И. Алимасова*
Верстка *Л.Н. Сапоговой*

Сдано в печать.
Формат 60x90¹/₁₆.
Бумага офсетная.
Гарнитура Times ET.
Печать офсетная.
Уч.-изд. л.
Физ. печ. л.
Тираж экз. 300.
Заказ №

Чувашский государственный институт гуманитарных наук
428015, Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1

Лицензия № 04143 от 27.02.2001